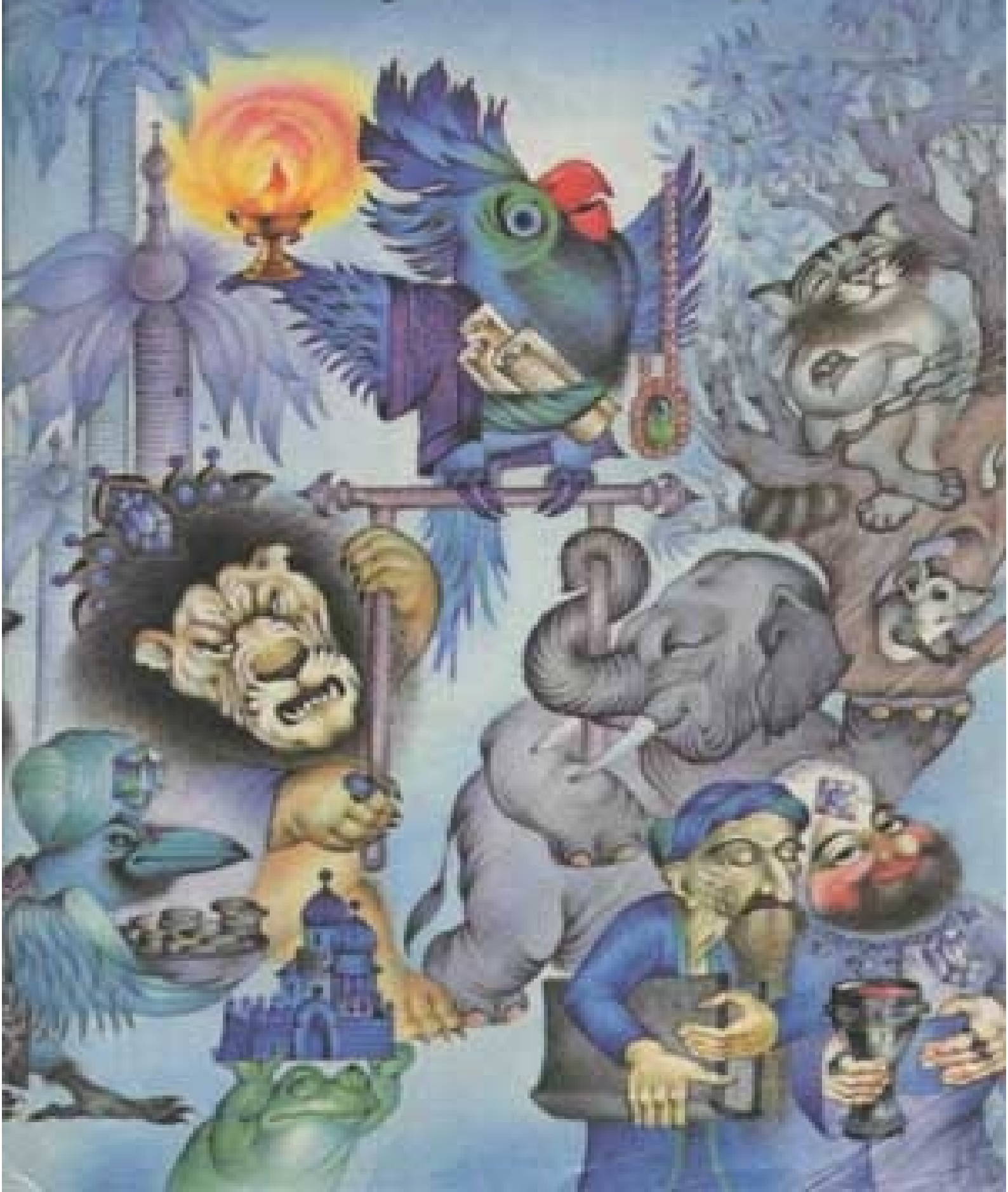

Инад ибн Мухаммад ан-Наари
Жемчужины бесед

Annotation

Памятник индо-персидской литературы XIV в. в изысканной форме перелагает знаменитые на Востоке истории о мудрости, о коварстве женщин, о добре и благородстве.

Имад ибн Мухаммад ан-Наари

Жемчужины бесед

ЗАБЫТЫЕ «РАССКАЗЫ ПОПУГАЯ»

Предлагаемое вниманию читателей произведение – образец персо-язычной литературы средневековой Индии. Оно представляет собой сборник различных по своему сюжету и типу рассказов, заимствованных из нескольких антологий и оригинальных сочинений древнеиндийской литературы и переведенных с санскрита на персидский язык – литературный язык Делийского султаната, мусульманского государства Северной Индии с центром в г. Дели. Персидский текст «Джавахир ал-асмар» сохранился в единственной пока известной нам рукописи из собрания библиотеки Маджлиса в Тегеране.^[1] Этот уникальный список был, без сомнения, переписан в первой половине XIV в., т. е. весьма близко ко времени создания произведения. К сожалению, рукопись дошла до нас с дефектами: в середине ее имеется лакуна, в которую входят окончание 26-го дастана (повести), все рассказы 27-го и начало 28-го дастана; кроме того, утрачен конец рукописи – от заключения 49-го дастана. Таким образом, в ней полностью отсутствуют рассказы 27-го дастана, дастанов 50–52 и частично дастанов 26, 28, 49.

Сам автор в тексте называет свое сочинение «Джавахир ал-асмар» («Жемчужины бесед» или «Ожерелье ночных бесед», этот перевод мне представляется точнее), издатель на титульном листе добавляет: «Тути-наме» («Книга попугая»), связывая это произведение с известной в литературах Ближнего и Среднего Востока традицией. Издатель также «с абсолютной уверенностью» читает нисбу автора (имя по месту происхождения) как ас-Сагари, возводя ее к городу Сагар, «что недалеко от Кермана на побережье» (см. предисловие издателя, с. 52). Однако, ознакомившись с оригиналом текста л. 4а, воспроизведенного факсимиле в издании (предисловие, с. 16), мы сочли предпочтительным чтение нисбы как ан-Наари, возводя ее к названию арабского племени, осевшего в Иране в VIII в.

По композиции «Джавахир ал-асмар» относится к своеобразному жанру обрамленной повести, зародившемуся в санскритской прозе древней Индии и распространившемуся затем в литературах Востока и Запада. Отличительной особенностью обрамленной повести является «обязательное наличие

обрамляющего рассказа»,^[2] общей повествовательной рамки, в которую искусно вплетены большие и малые новеллы, сказки, притчи и басни, зачастую не связанные непосредственно с основной фабулой.

По своему сюжету и содержанию «Джавахир ал-асмар» представляет собой весьма распространенное в восточных литературах повествование, посвященное хитростям и коварству женщин.

Отметим здесь, что переводчик публикуемой книги, доктор филологических наук М.-Н. О. Османов остановился при переводе названия на варианте «Жемчужины бесед» – бесспорно вполне корректном. Однако мне представляется более убедительным перевод «Ожерелье ночных бесед». Изложу свои соображения. Сочинение состоит из повестей-дастанов разной длины, которых, как указывает автор, ан-Наари, всего 52 и которые он называет «жемчужинами» (джавахир). Известно, что среди жителей Ирана и обитателей побережья Западной и Южной Индии издавна бытует поверье, будто ожерелье из 52 или 104 жемчужин приносит своему владельцу здоровье и счастье, отвращает от него беду. Поверье это, несомненно, было известно автору книги, который как бы «зашифровал» смысл названия в числе дастанов. Такой прием весьма близок общему стилю автора и всей той эпохи, пристрастной к намекам и иносказаниям. Что касается слова асмар (мн. ч. от араб, самар), то оно означает «развлекательные рассказы, повествования и беседы, ведущиеся после наступления ночи». Таким образом, «Ожерелье ночных бесед», на мой взгляд, наиболее точно раскрывает смысл названия «Джавахир ал-асмар».

Сюжет обрамляющей новеллы несложен.

В одном из городов Южной Индии жил купец по имени Сайд, обладавший несметными богатствами. Однако передать нажитое добро было некому, поскольку у купца не было детей. Тогда Сайд обратился за помощью к праведному отшельнику-аскету, который посоветовал ему очистить душу от скверны, раздать треть достояния бедным и прочесть молитву, которую он дал купцу. Прошло положенное время, и родился мальчик, которого нарекли Саэдом. Когда сыну минуло двадцать лет, ему подыскали жену – красавицу Мах-Шакар. Но юный Саэд так увлекся семейными радостями, что забросил торговлю, забыл дорогу в лавки и перестал помогать отцу в делах. Отец и мать встревожились, и однажды купец, поддержанный своими друзьями, обратился к Саэду с настоятельной просьбой взяться за ум, подумать о хлебе насущном. Сын внял совету отца и, взяв у него тысячу динаров в займы, открыл собственную лавку в торговых рядах. Однажды на базаре торговали говорящего попугая за тысячу динаров – очень высокую цену. Попугай уговорил Саэда купить его, убедив, что он птица непростая, дал ему ценный деловой совет – и молодой купец приобрел птицу, а немного погодя еще и добыл ему в пару самку. Он сделал попугая своим наставником, советовался с ним по всем своим делам.

Отправившись торговать за море, Саэд наказал Мах-Шакар во всех делах испрашивать совета у четы попугаев и ничего не предпринимать без их разрешения. Оставив дом и жену на попечение мудрых птиц, он отбыл. Минул год. Однажды Мах-Шакар, чтобы развеять тоску, поднялась на крышу дома, ее увидел красавец принц и влюбился в нее с первого взгляда. Появляется ловкая проныра сводница, которая лживыми и коварными речами склоняет Мах-Шакар к свиданию с принцем, раздувая в ее сердце пламя страсти. Перед тем как отправиться на встречу с принцем, Мах-Шакар приходит к попугаихе и просит разрешения у нее на этот шаг. Та начинает ее увещевать и взывать к добродетели. Мах-Шакар в гневе ударяет ее об пол, и та умирает. Затем Мах-Шакар направляется к попугаю за советом. Мудрая птица уже смекнула, что отговаривать Мах-Шакар опасно, поэтому, всячески подчеркивая свою лояльность по отношению к хозяйке, попугай не спорит с ней и не отговаривает ее, а лишь отвлекает от задуманного: всю ночь рассказывает ей захватывающе интересную историю и этим срывает назначенное свидание. Так проходят 52 ночи, пока не возвращается Саэд, который воздает хвалу попугаю за мудрые действия, не допустившие Мах-Шакар до греха, и прощает свою жену.^[3]

Те весьма скудные сведения, которыми мы располагаем об авторе «Джавахир ал-асмар» Имаде б.

Мухаммаде ан-Наари, почерпнуты из его сочинения.^[4] Мы точно не знаем, когда и в каком районе Индии родился наш автор, и можем лишь с известной степенью приближенности, опираясь на его собственные слова, сказать, к каким слоям общества он принадлежал и в каком возрасте создал свой труд. По всей видимости, Имад Мухаммед происходил из семьи чиновников-дабиров средней руки, потомственных государственных служащих – дабирами были его дед, отец и брат. Такое происхождение, несомненно, определило его дальнейшую судьбу: его с детских лет готовили к чиновничьей карьере и специально обучали для успешной работы на этом поприще. В результате он свободно ориентировался в том комплексе знаний, которые были обязательны для каждого профессионально подготовленного дабира. Стремясь как можно полнее овладеть секретами ремесла, он постоянно искал встреч, общения с корифеями и знатоками секретарского искусства, самозабвенно изучал трактаты по канцелярскому делу наряду с другими сочинениями, готовый довольствоваться при этом «сухой лепешкой и глотком горячей воды».

Следует признать, что усердие его принесло плоды – свидетельством тому служит его «Ожерелье ночных бесед». В этом труде мы видим превосходное знание Корана и хадисов – изречений Мухаммада, а также связанного с ними круга «коранических» дисциплин, свободное владение персидской поэзией: в сочинении по разным случаям цитируются стихи Му'иззи и Анвари, Хакани и Низами, Джалал ад-Дина Руми и Са'ди, а также других поэтов. Не чувствовал себя наш автор дилетантом и в арабской словесности, он со знанием дела разбирался в вопросах риторики и стилистики, этики и политики, истории и астрологии. Наконец, он показывает и несомненное знакомство с языками народов Индии.^[5] Словом, когда пришло время проявить себя, он по настоянию друзей «составил сию книгу-перевод», т. е. «Джавахир ал-асмар». «Ожерелье ночных бесед» было посвящено и поднесено Ала ад-Дину Мухаммад-султану (695–715/1296–1316) – наиболее значительному представителю династии Хадджди на делийском престоле. Нам неизвестна точная дата начала или завершения работы над переводом, но, по словам Имада б. Мухаммада, когда стали порицать его за то, что он устранился от придворной службы, «которая унаследована им от отцов и дедов», султан Ала ад-Дин уже царствовал семнадцать-восемнадцать лет. В таком случае период, в котором был составлен этот труд, очерчивается достаточно четко – это 713–715/1313 – 1516 гг.^[6]

Появление «Джавахир ал-асмар» – сборника переводов древнеиндийских занимательных рассказов, выполненных причем в самой Индии, а не за ее пределами (как это было, например, с «Калилой и Димной» или же с «Книгой Синдбада»,^[7]), явилось закономерным следствием процесса сближения и взаимного обогащения персоязычной и индийских литератур. К тому времени так называемый мусульманский период истории Индии, который ознаменовался не только появлением и распространением новой религиозной идеологии, но и тесно связанными с нею новыми культурой и литературой, длился уже несколько веков. Персидский язык как носитель этой культуры был не только родным языком десятков тысяч мусульман, хлынувших в Индию (особенно в начале XIII в. во время монгольского нашествия) из Ирана и Мавераннахра. К XIV веку он стал одним из основных средств общения между собой народов Северного и Центрального Индостана. В этот же период окончательно сформировалась персоязычная литература Индии, уже в начальной стадии приобретая специфические черты, отличающие ее от «прародителей» – собственно персидской и таджикской литератур. Эта специфика сказалась, прежде всего, в обращении к местной тематике, к индийской действительности. Персоязычная литература начала адаптировать и перерабатывать сюжеты и жанры индийской словесности и фольклора, обнаружив вполне понятный интерес к оригинальным произведениям древнеиндийской литературы. Когда наш автор принялся за свой труд, литературная жизнь в Делийском султанате была ключом. Отметим, что он был современником выдающихся персоязычных поэтов Индии – «делийского соловья» Амира Хосрова Дихлави (652–725/ 1253–1325) и Амира Хасана Дихлави (652–727/1253–1327)^[8]

живших и творивших в столице султаната г. Дели.

Дошедшие до нас исторические хроники и нарративные источники позволяют заключить, что такой вид литературной деятельности, как перевод местных оригинальных сочинений на персидский язык, считался занятием, достойным уважения и одобрения. Это подтверждает и пример нашего автора, который, желая привлечь к себе внимание «сильных мира» и тем самым добиться признания, известности, сделать карьеру, обратился к своему труду. Как свидетельствует сам автор, ему не удалось найти (вопреки первоначальному замыслу) оригинальное сочинение, которое бы полностью удовлетворило его по содержанию. Поэтому он и составил сборник-компендий, названный им «Джавахир ал-асмар», включив в него переведенные и обработанные им притчи, рассказы, короткие новеллы из различных произведений древнеиндийской литературы, которые объединил обрамляющим рассказом.

В этих рассказах и новеллах сосуществуют мир людей и животных, мир фантастических существ и духов. Развлекательные и поучительные рассказы «из жизни зверей и птиц», где они действуют и говорят как люди в образе животных, перемежаются бытовыми сказками с социальной направленностью, зарисовками с натуры. В этих пестрых картинках мы явственно ощущаем повседневную жизнь, быт, нравы и аромат эпохи; в них бьется пульс времени – даже тогда, когда героями в них выступают не люди, а представители царства зверей или сверхъестественные силы. Ведь это лишь излюбленная форма притчи, басни, сказки. Читатель легко заметит, что в целой серии рассказов сборника не содержится ничего чудесного и сверхъестественного. Они событийны, живы, зачастую реалистичны, это сцены из быта простого люда, ремесленников и купцов, описания проделок мелких воришек и мошенников, истории о неверных женах и анекдоты о простодушных мужьях. Вместе с тем, и это естественно, значительное внимание уделено и фантастическому, магическому и волшебному элементам.

Итак, в этом произведении мы встречаемся с самыми различными и разнообразными жанрами и сюжетами повествовательной и развлекательно-сказочной литературы: с аллегорией притчи и басни, реализмом бытовой сказки-рассказа, героикой волшебной сказки, мифическими превращениями в магических историях и т. п. Чуть скрепленные рамочной композицией произведения, они живут сами по себе, не ощущая зависимости друг от друга. В сорока девяти дастанах «Джавахир ал-асмар» содержится восемьдесят шесть рассказов, новелл и сказок. 57 из них рассказывает попугай, 12 – другие животные, а 17 – люди, выходящие из различных слоев общества.

Разнообразен и подбор героев-персонажей. Здесь (помимо людей) мы видим слона, льва, обезьяну, барса, тигра, рысь, мышь, кошку, шакала, осла, лягушку, змею, пчелу, рыбу, дятла, куропатку, королька, ворона, павлина; вершат свои дела джинны, дивы и волшебники и другие злые и добрые силы. Литературный этикет эпохи требовал от автора-мусульманина не только обрядить своих героев в мусульманские одежды и вложить в их уста подходящие с точки зрения ислама речи, но также украсить, расцветить и разнообразить их речи и диалоги цитатами стихов Корана, хадисов и арабских крылатых изречений (поговорок), что должно было сверх всего продемонстрировать читателю эрудицию автора и его искусное владение всем комплексом мусульманской книжной премудрости и знания.

Имад ан-Наари приводит 98 стихов из 49 сур (глав) Корана и цитирует 174 хадиса. Отметим, что не следует рассматривать цитацию Корана как непреложную религиозную обязанность любого мусульманского автора. Дело в том, что в глазах верующих язык Корана является вершиной красноречия, непревзойденным образцом прекрасного слога. насыщая свой текст кораническими включениями, автор стремится показать не только ученость, но и свое искусство в «подаче» этих включений, сделать их органичными. Конечно, чтение такого текста предполагало хорошее знакомство читателя с кораническими сюжетами – именно тогда он начинал играть всеми красками, блистать высказанными и невысказанными ассоциациями и сопоставлениями. К сожалению, большая часть этих средневековых красот не поддается

непосредственному перенесению в иную языковую и культурную среду и потому остается недоступной современному русскому читателю: самому искусному переводчику не под силу воспроизвести в русском тексте все специфические ассоциативные связи, заложенные в мусульманский культурный фонд. Например, у широкого круга наших читателей выражение «белая рука» не рождает никаких особых образов – разве что образ белой женской ручки, машущей платком. Тогда как у средневекового (да и у современного) мусульманского читателя эти слова связаны с представлением о чудесах Мусы, которые тот явил пред Фараоном, затмив его чародеев, в конечном счете – с представлением о торжестве мусульманства как «правой веры» над язычеством.

Имад ан-Наари старается также показать свое знакомство с известным в его время «классическим наследием», цитируя подходящие к случаю стихи и изречения (хотя тут его эрудиция намного слабее). Подобная традиция, когда литератор словно бы раскрывал перед читателем свой литературный багаж, возникла задолго до нашего автора, и он только следовал ей.

Любопытно, что наш автор, соблюдая требования современного ему литературного канона по отношению к переводам, в процессе своей работы над оригиналом решительно отказался от индийского колорита, которым изобиловали избранные им рассказы и притчи. Упомянув вскользь индийские имена, местности, иногда – обычаи, он облакает своих героев в мусульманские одежды, придает им присущий мусульманам образ мыслей, повадки, нравы. Тем больший интерес вызовет у специалиста 25-й рассказ из 13-й ночи-повести, содержащий краткий экскурс об основах индийской музыки, термины которой переданы арабграфичной транскрипцией. Начиная с легенды о том, как индийскую музыку создал Рама, он затем приводит 36 из 42 ладов, ритмических единиц и тонов, установленных этим героем древнеиндийских сказаний. Но, увы, здесь Имад ан-Наари был далеко не столь сведущим – многое он перепутал и исказил.^[9]

Надо полагать, что ан-Наари, завершив книгу, преподнес ее своему патрону – султану Ала ад-Дину. К сожалению, мы не располагаем сведениями о том, какое влияние на его карьеру при дворе оказала она, свершились ли связанные с ней честолюбивые надежды, как впоследствии сложилась его судьба. А вот его детищу явно не повезло. Дело в том, что спустя 14–15 лет после того, как Имад ан-Наари завершил «Джавахир ал-асмар», в 730/1329-30 г. его перевод был переработан в том же Делийском султанате выходцем из Нахшаба (ныне г. Карши в Узбекской ССР) Зийа ад-Дином по просьбе одного вельможи.

Не вдаваясь здесь в подробности работы, проделанной с сочинением своего предшественника Зийа ад-Дином, отметим, что последний был превосходным стилистом и тонким знатоком языка. Он столь профессионально и мастерски обработал «Джавахир ал-асмар», сократив неоправданные длинноты, устранив рыхлость композиции и заменив некоторые повести (не более пяти в общей сложности), что его обработка, названная им «Тути-наме» («Книга попугая»), широко распространилась по всему мусульманскому миру и принесла ему мировую известность. Элегантно написанная и полностью отвечавшая литературному этикету эпохи, «Книга попугая» затмила «Ожерелье ночных бесед», свой прообраз. Читательский интерес к последнему угас, и оно вскоре было забыто даже современниками. Потеря же читательского интереса привела к тому, что его списки-копии перестали заказывать переписчикам.

Последующие поколения и не ведали, что «Тути-наме» Нахшаби это лишь превосходно исполненная обработка «Джавахир ал-асмар» Имада ибн Мухаммада ан-Наари. Все последующие обработки и сокращения сочинения на персидском и таджикском языках, равно как и его переводы на многие языки Востока и Запада, связаны уже с «Тути-наме» Нахшаби. Наиболее популярной оказалась сокращенная обработка Мухаммад-Худаванда Кадири (XVIII в.), сделанная в Индии, которая была переведена на восточные языки: декани, бенгали, хиндустани, турецкий, туркменский, татарский, узбекский (дважды),

афганский (дважды) и западные: английский (неоднократно, первый раз – 1792 г., последний – 1978 г.), немецкий (1822, 1858 гг.), французский (1927, 1934 гг.), русский (1915, 1979 гг.). Таковы приключения сказок попугая, переведенных и собранных в один сборник «Ожерелье ночных бесед» персидским дабиром Имадом ибн Мухаммедом ан-Наари. Как тут не вспомнить знаменитый афоризм древних римлян «Книги имеют свою судьбу»?.. Действительно, написанное в начале XIV в. в Индии, прочно забытое уже современниками, это произведение прошло через века, войны, лихолетье и забвение и вновь возродилось к жизни в наши дни.

О. Акимушкин.

Жемчужины бесед

ВВЕДЕНИЕ

Слава, в горних просторах которой сбивается с пути высоко летающий сокол-сапсан мысли, хвала, в вышних сферах которой складывает крылья, роняет перья сокол-балабан ума, тому владыке, который сахаром благодарности умело вскармливает в устах, как в клетке желаний, попугая человеческой речи, в честь которого сладкоголосый соловей, словно проповедник на минбаре, провозглашает: «Восславляют его те, кто на небесах и земле, и птицы, летящие вереницей».[\[10\]](#)

Он тот живописец, что украсил первый лист книги сотворения человека словами «наилучший сложением»,[\[11\]](#) (ведь сказано: «... и он придал вам форму, сделал ваши формы прекрасными, и к нему ваш возврат»)[\[12\]](#)

Он – тот властелин, который создал животных о четырех ногах, определив им глядеть вниз, ибо «есть среди них такие, которые ходят на четырех. Аллах творит то, что пожелает»[\[13\]](#)».

Он – тот, кто превращает каплю в ухе морской рыбы в жемчужину чистой воды согласно выражению: «выходят из них обеих жемчуг и коралл»[\[14\]](#)».

Он – податель благ, который обращает в чистый мускус сгусток крови под пуповиной татарской кабарги, по выражению: «воистину, Аллах властен над всякой вещью»[\[15\]](#)».

Он – повелевающий судьбой, что доставляет птенцам прямо в гнездо их ежедневное пропитание без помощи отца и матери.

Он – могучий владыка, вынуждающий огромного слона пасть, обливаясь кровью, от жала слабенькой

мошки.

Подумай о том, что мы сказали. В этом – величие Аллаха. Прекрасны Господь и его рабы. Всевышний Аллах! Всевышний Аллах!

Павлин красуется на небесном лотосе,[\[16\]](#) распевая молитвы во славу Его, ибо: «Мы восхваляем Тебя и святим Тебя[\[17\]](#)». Петух посреди небесной сферы ни на миг не перестает возвеличивать Его и петь хвалу, ибо: «Слава и хвала моему великому Господу[\[18\]](#)». Пред Его мощью трепещет, не смея шагу ступить, величие сонма ангелов, говоря себе: «Если я приближусь еще хотя на палец, то сгорю[\[19\]](#)». Тогда как Симург разума, напрасно слясь познать Его, признает свою немощь словами: «Мы не познали тебя истинным познанием[\[20\]](#)», попугай красноречия отверз уста, чтобы восславить Его пречистую сущность в словах: «... обладающих крыльями, двойными, тройными и четверными[\[21\]](#)».

Тот же, кто носил парчовые одеяния и черную чалму,[\[22\]](#) чьи уста провозгласили: «Я – самый красноречивый[\[23\]](#) среди арабов и не арабов», тот, кто гордился своим совершенным слогом, сказав: «Мне даны в распоряжение все слова», – возносит сладостные восхваления во славу Его величия.

Пышный букет похвал, благоухание которых посрамит муксус китайской кабарги, будет наградой тому соловью красноречия, певчей птице из садов ясного слога, с лужайки религии, жаворонку в цветнике веры, ездок на коне святого небесного странствия.[\[24\]](#) Мухаммаду Избраннику – да благословит его Аллах, да приветствует – этому соколу, который величием души, равным величию вещи птицы Хумай, преодолел твердыню седьмого неба, который крыльями благосклонностей и щедрот осенил обитателей горных миров;[\[25\]](#) этому речистому попугаю, которому доступен сахар словес божественного откровения, что украшают горестную жизнь грешников сладостью выражения: «Мое заступничество – тем из моей общины, кто грешен».[\[26\]](#)

Он – обладатель телесного воплощения, сердце которого – вместилище божественных тайн, а речь – изложение божественного Писания повелений и запретов. Если бы он не отверз уста для разъяснения установлений шариата, то род людской, словно дикие звери пустыни, по сию пору плутал бы в дебрях заблуждения, увязая в тине ошибок, подобно «ослу, несущему книги»,[\[27\]](#) погружаясь в пучину страха.

Если бы не было его, то никто не поклонялся бы единому Аллаху, И были бы мы подобны животным, носящим на горбу ткани... Какими словами восславить мне господина, Хвалы которого снискали великодушие божье всем людям?

Он – венец пророков, наибогороднейший из созданий божьих, для которого задолго до сотворения мира в мастерской Всемогущего сшили одеяние пророческой миссии, ибо: «Я уже был пророком, когда Адам все еще был водой и глиной[\[28\]](#)». Он – первое звено в цепи праведников, предсказавший венец халифата и престол державы в сокровищнице выражения: «Ты даруешь царство тому, кому возжелаешь[\[29\]](#)».

И дар этот предназначен тому, чья голова возносится до самой Малой Медведицы, тогда как стопы украшают землю, этому счастливому преемнику, шаханшаху, властелину царей, убежищу всего мира, справедливейшему, чей стяг – месяц, тому, кто облачен в царственные одеяния и олицетворяет сень божественного милосердия, завоевателю мира, венценосцу с победоносными знаменами, поражающему, как Искандар, долговечному, как Хизр, искоренителю многобожия и ереси, покровителю страны и религиозной общины, величественному, как небо, господину дворца высокого, как Кейван, тому, кто подобен Муштари, кто убивает, как Миррих, чьи деяния, как у Солнца, а облик, как у Нахид, кто красноречив, как Утарид, тому, чей чоуган,[\[30\]](#) словно полумесяц, тому властелину всей земли, непобедимому счастливцу, великому государю, чести мира и религии, опоре ислама и мусульман, господину царей и султанов, покровителю истинных борцов за веру, врагу смутьянов-еретиков, наместнику

Аллаха на земле, отмеченному благоволением Господа миров, снисходительному к людям веры, наследнику царства Сулеймана, Абу-л-Музаффару Мухаммад-шаху Султану – да увековечит Аллах его царствование и владычество, да вознесет его величие и сан! Еще в ту пору, когда утвердилась власть религиозной общины Мухаммеда, предназначили ему царский престол, венец падишаха и одеяния властелина, а глашатай судьбы и рока довел радостную весть о наступлении вечного царствования этого истинного халифа, провозгласив: «Возвести о своем величии, ибо власть твоя вечна, кров твой – весь мир, а враг твой скован сном».

В ночь, когда родился шах, сказала судьба: «О, страна! Благая весть: вернулся Сулейман».

Он привел к повиновению просторы мира и его обитателей, украсил и разубрал одеяния царства в соответствии с прекрасными словами: «Воистину, все легко тому, для кого создано»,^[31] – а сокол его благословенного шатра и Хумай^[32] счастливого знамени приветствовали эти милости в таких выражениях:

Счастье приветствовало его на троне, говоря:

«О, ты, достойный трона властелинов! Берись за дело, покори мир, подобно другим царям! Настала пора деяний, негоже сидеть в бездействии».

И вот царственный престол почувствовал гордость, что его попирает благословенная нога властелина, и благодаря рвению этого сокрушителя врагов, уничтожающего их крепости и берущего их в полон, оружием его воинов было покорено много замков и укреплений, служивших опорой и обителью язычников и грешников, о завоевании которых не смели мечтать даже могущественные шахи и властелины. «Да не иссякнет лучезарный свет!» Он снес до основания кумирни и храмы неверных и воздвиг мечети и медресе,^[33] вместо креста,^[34] установил в них михраб, и ныне там, где поклонялись кумирам, раздаются молитвы праведников и шейхов, смиренно предающихся богу, а воздаяние за это и плоды пожинает благословенный халиф, ибо он – истинная причина всех этих добрых деяний.

О шах! Еще никто не добивался таких побед.
Эти деяния – счастье. Кто удостоится его, кроме тебя?

Государь – лучезарное светило над морем даров, перед солнцеподобной дланью которого не стоят и гроша несметные сокровища морей и рудников, в один миг он расточает богатства и клады обоих миров, не ставя их ни во что.

Ты – весь мир великий, и не диво,
Если твои дары окажутся несметными сокровищами.

Более того: великое солнце щедрот пред ним ничтожнее самой малой пылинки, благодатное облако моря даров рядом с его щедростью и милостями меньше капельки.

Пред его щедростью туча – лишь капля.
Пред его блеском свет падающей звезды – лишь искорка.

Сравнивать изливающую дождь тучу с дарами шаха – явное заблуждение, равнять плачущие глаза и высохшие берега моря со щедростью шаха – великая несправедливость, поскольку дождевая вода исторгается из морских глубин против своей воли, а морская вода, выплеснутая волнами на берег, стена, спешит обратно.

Я не говорю, что ты подобен туче,
Ибо это не соответствует законам разума:
Она раздаривает, вечно плача,
Ты же постоянно даришь и постоянно смеешься.

Шах дарит целый табун арабских коней встречному пешеходу и даже не смотрит на него, полагая, что мало подарил. Слоновыми вьюками раздаривает он золото и драгоценные камни обитателям земли и не ждет взамен благодарности. С тех пор как Хумай справедливости и благоволения шаха осенил жителей мира, насилие и притеснение от страха пред его орлиными стрелами скрылись на горе Каф, словно Симуург, смута, подобно сове и филину, укрылась в развалинах, удалилась на край земли, лисица избегла ярости льва, мускусная кабарга избавилась от лап гепарда, журавль перестал опасаться когтей сокола, голубь зажил припеваючи, не зная погони орла, а фазан свил свое гнездо прямо под носом кречета-наильника.

Благодаря правосудию совершенного властелина и справедливого султана превратились фазан и куропатка, онагр и гепард. Первый – в друга сокола, вторая – в возлюбленную кречета. Онагр стал другом льва, гепард – собеседником дракона.

Да сохранит всевышний господь до Судного дня над головами людей благословенный шатер султана всего мира и набожного халифа! Да вознесет Творец во всех землях и странах мира стяги его побед, ибо «молитва – только для людей».

Да пребудет владыка всего мира до тех пор, пока существует мир.

Да пребудут с ним навеки счастье и благополучие. Пусть Хумай шатра султана нашего времени угнездится в столице счастья. О шах! Подножие твоего трона столь высоко, что сам он оказывается на седьмом небе. На троне держав ты – Сулейман.

Да будут покорны тебе всей душой и люди, и джинны. Словно Искандер, ты завоевал весь мир, Обрети же бессмертие, словно Хизр.[\[35\]](#) Куда бы ни повернул ты стремя владычества, да будут сопутствовать тебе победа и успех. Пусть ту главу, что отринет повиновение тебе. Небосвод поразит головокружением. Ты повелеваешь во всех странах мира, Пусть же до Судного дня исполняются твои веления. Хранителем тела и души твоей. Да будет владыка небес и земли.[\[36\]](#)

Причина перевода этой книги

Светозарный источник сей блистательной книги, переложивший ее на персидский язык, низайший из рабов, что возносят мольбы за падишаха всего мира, уповая на милость Творца людей и духов, именуемый Имад ибн Мухаммад ан-Наари, (да исполнит Аллах его желания и да усовершенствует его натуру!), говорит так. Этот низайший раб провел свой жизненный срок от колыбели и младенческих лет до самых наших дней, взыскуя знаний и учености, вкушая по временам с пиршественного стола красноречия великих ученых и прославленных мудрецов. Следуя хадису Посланника – да благословит его Аллах, да приветствует – «Обретай знания из уст мужей»,^[37] я беседовал с златоустами и бывал на собраниях людей благородных, так что помимо воли своей обрел долю из сокровищницы знаний, снискал толику из моря учености. Мои дед, отец и брат устремляли свои взоры ко двору прежних правителей, удовлетворяли свои потребности из Каабы их счастья и кыблы величия. Постоянно пускались они в путь, сопровождая государей, всегда покорно служили в войске и царском ведомстве.

И вот, в то самое время, когда врата благоволения в мире отверзлись, словно десница подобного благодатному облаку падишаха, когда признаки счастья распространились по всему свету, во мне, низайшем рабе, также ожили благородные стремления и порывы, пробудили меня от сна неведения, от заблуждений безделья и невежества, возбранив мне лишь есть да спать, будто бесчувственное животное, стали порицать меня за то, что я довольствуюсь черствым хлебом и теплой водицей, словно недоумок какой-нибудь, и возгласили: «О, ты, не ведающий о дуновениях государевой справедливости! О, ты, лишенный милостей властелина всего мира! За те семнадцать-восемнадцать лет, которые сей хранитель веры и губитель неверия, сей справедливый и милостивый к подданным падишах благословенно восседал на престоле, вознесшемся до самых небес, он оказывал покровительство толку ханафитов, и многие тысячи тюрков, абиссинцев, арабов, дейлемитов,^[38] китайцев,^[39] хотанцев, румийцев, негров и других народов входили в чертоги великого падишаха, покровителя всего мира, удостоиваясь чести поцеловать ему ногу и облобызать край его благословенного ковра. Отчего же ты, кому служение султанам досталось в наследство от предков, пребываешь в неведении и почему ты лишаешь себя подобного счастья?

Китайцы завладели Каабой, а мекканцы все дремлют в холодке!

Вставай, ухватись за кольцо своего счастья, пусти вскачь коня надежды по ристалищу счастья.

Пусть взоры несут тебя, спеши к падишаху.

Быть может, и тебе откроются двери наслаждений, и столы с яствами предстанут перед тобой.

Всему, что миновало, скажи: Уходи! Настало время новой судьбы и новой доли».

Когда я увидел перст судьбы, когда услышал радостную весть, мне захотелось под влиянием этого зова, этого влечения отправиться ко дворцу покровителя всего мира, чтобы, удостоившись чести быть принятым в покоях шаха вселенной, приступить к служению ему. Но кто же дерзнет взобраться на небо? Когда это подымались на небеса? Ведь никто не сможет попать пятой солнцу и не утвердиться на четвертом небе, покуда, подобно Исе, не презреет все тщетное и не отринет все тленное. Покуда человек, как Мухаммад, не откажется от всего мирского, не пренебрежет обоими мирами, он не сможет коснуться чела Луны и пройти через седьмое небо.

И тогда я, ничтожнейший раб, повинуюсь сему побуждению и основываясь на подобных умозаключениях, отказался от намерения отправиться к вратам средоточия всех подданных, примирился с жизнью, не стал посещать дома эмиров и везиров и обратил свои помыслы к тому, чтобы лобызать прах в

равном небу чертоге халифа наших дней, султана султанов, второго Искандера – да будет вечным его царствование и правление! И тогда я взамен службы представил в книгохранилище его величества эту книгу-перевод.

Надеюсь, что мне, рабу, пожалована будет честь поцеловать раскинувшийся до самого небосвода ковер владыки – и тем самым исполнятся мои мечтания и желания.

Господь! Исполни желания мои.

Поскольку и изысканный вкус, и здравый смысл равно склонны внимать историям, сказаниям и легендам и извлекать из них истинное удовольствие, поскольку во время собраний и пиршеств халифов и султанов с мудрецами и надимами,[\[40\]](#) обычно ссылаются на разного рода предания, поскольку принято уснащать речь всевозможными рассказами, в особенности такими, что облечены в одежды безыскусных оборотов и в одеяния изысканных метафор, украшены, словно сверкающими самоцветами, цитатами из Корана, хадисами[\[41\]](#) арабскими и персидскими стихами, пословицами и поговорками, мудрыми и назидательными изречениями или притчами, где рассказ ведется от лица зверей и птиц или даже неодушевленных существ, то неудивительно, что люди любят слушать такие повествования, и это ни в коей мере не вызывает у них скуку. Напротив, подобная форма изложения облегчает рассказу достижение цели, и таким образом желаемое осуществляется. Вот почему в различные времена ученые мужи, дабы похвастать перед равными себе и превзойти последователей и собратьев, переводили с индийского и посвящали своему властелину и благодетелю какую-либо книгу. И этот перевод попадал в сокровищницу наследника престола или царствующего правителя, название же сочинения утверждалось в веках, как было, например, с книгами «Калила и Димна», «Синдбад-наме», «Дар базиликов» и прочими.

Я, низайший раб, также вознамерился в царствование опоры всего мира, во время правления падишаха, который покровительствует талантам и так щедро платит людям искусства, словно они – алхимики, перевести книгу с индийского, написать посвящение ему в начале, конце и в каждой главе, перечисляя все его благословенные титулы, изукрасить и разубрать его подвиги и похвальные качества. И поскольку на этой книге всегда будет стоять имя его величества, который «пусть будет вечно счастливым, пусть вечно сопутствуют ему величие и могущество», то не исключена возможность, что и прозвание его низайшего раба так же, как имена Рудаки[\[42\]](#) и Хассана, не будет предано забвению, не будет стерто со страниц времени.

Одним словом, с такими помыслами я читал книги индийцев, изучал их легенды и сказания. Но мое немощное сердце не привязывалось ни к одной книге, моему слабому духу ни одна из них не нравилась. Если в какой-либо книге я находил удачное начало, то окончание оказывалось слабым и неудовлетворительным. В другой же пленяло завершение повествования, но начало тяготило сердце. Наконец, после долгих поисков и бесчисленных исканий я набрел на книгу, зачин которой вызывал зависть других сказаний.

Книга была хорошо подобрана и содержала семьдесят две сказки, сочиненные попугаем. Вот содержание:

У одного купца в доме жили два попугая, самец и самка. Отправляясь в поездки по торговым делам, купец наказывал супруге не приступать ни к какому делу, доброму или дурному, не посоветовавшись с птицами и не получив их соизволения. В этом он проявлял к жене полную строгость.

И вот однажды купец задержался в поездке, а жена его влюбилась в юношу и пообещала ему свидание ночной порой: в тот самый миг, когда машшате неба набросит на лик мира локон мрака, луноподобная красавица обещала войти в дом возлюбленного.

И вот в первую же ночь она попросила у самки попугая разрешения отлучиться. Бедняга птица,

притворившись, будто ни о чем не ведает, пыталась дать ей советы и наставления. Но хозяйке, обуреваемой любовью, это не понравилось, она бросила птицу оземь и подошла к попугаю.

Попугай видел все это своими глазами и подумал, что если станет давать ей советы, то его постигнет участь супруги, а если поступит иначе, то ослушается господина. И он хитроумными притчами и присловьями стал возбуждать в ней желание пойти на свидание, представив себя сторонником ее намерений. До скончания ночи рассказывал он ей сказки, так что пробудил в луноликой красавице желание слушать его и тем самым удержал ее от греха.

Таким манером каждую ночь жена купца собиралась пойти к юноше, пламя страсти в ней разгоралось, и она шла к попугаю посоветоваться и получить разрешение. Он же отвлекал ее сказками и легендами и как бы, между прочим, давал ей советы и назидания, так что вся ночь проходила в беседе. И красотке к утру ничего не оставалось, кроме как отказаться от своего намерения.

После семьдесят второй ночи вернулся купец, узнал о том, что произошло, похвалил мудрость попугая, восславил его изворотливость, опечалился из-за самки и пролил много жемчужин-слез.

Короче говоря, когда я – ничтожный раб в силу живости характера и возвышенных помыслов стал раздумывать над этими семьдесятю двумя сказками, изучать их введения и заключения, то на первый взгляд книга показалась мне прекрасной. И мне захотелось именно ее облечь в одеяние персидских выражений и украсить самоцветами метафор. Однако когда я присмотрелся внимательней, заглянул опытным глазом в потаенные уголки, то обнаружил, что эта оболочка лишена жемчужин мудрости и украшений речи, что нет на ней драгоценных камней пользы и жемчужин наставлений. А те краткие и занимательные сказки, которые имеются, были заимствованы из персидской «Калили и Димны» и «Синдбад-наме» без каких-либо изменений и давно уже всем известны. Другие же сказки оказались незанимательными, неувлекательными и недостойными внимания царей. Как же можно было все это (за исключением нескольких сказок чуть получше) доводить до сведения его величества падишаха? Названные истории я переработал, а другие сказки, занимательные и чудесные, извлечены мною из иных индийских книг и сочинений. Большинство взяты из индийской «Калилы и Димны», в особенности те, которые не вошли в персидский перевод. Форма сказок и их по строению сохранены и даже улучшены, а золото выражений влито в тот же самый тигль, из которого оно вылилось, только в очищенном виде. Колдовские речи и прибаутки попугая, который всевозможными уловками и разными хитростями удерживал жену купца от греха и препятствовал ей пойти к возлюбленному, целиком вошли в книгу. Число всех сказок, больших и малых, длинных и коротких – пятьдесят два. А само сочинение я назвал «Жемчужины бесед» и посвятил его, по обычаю сочинителей панегириков и восхвалений, Искандару.[\[43\]](#) нашего времени. Я сторонился грубых и непонятных слов и выражений, равно как и погони с чрезмерной строгостью персидского языка, и сделал своим путеводителем хадис: «Лучшее из дел – середина»[\[44\]](#)

Итак, волей всевышнего Аллаха и благоволением его!

Так составлена эта книга, так наряжена эта невеста, что мудрецы будут стремиться взглянуть на нее, и ученые мужы будут доискиваться прочесть ее. Пусть знать читает ее, дабы закалить дух свой и извлечь урок, а простолюдины пусть взыскуют в ней назидания и увещевания. Наимудрейшие да обретут в ней пользу для себя, а наученейшие – долю.

Уповаю на милость всемилостивейшего господя, что листы этого сочинения удостоятся благосклонного взора властелин, высокого чертога, что содержание этого повествования заслужит одобрение опекающего весь мир падишаха. Если же велико душному к подданным халифу попадутся на глаза недостатки, то я прошу его отнестись к ним снисходительно.

Будь моя книга простой раковиной или редкостной жемчужиной,
Я не страшусь, так как приемлющий ее великодушен.

Пусть у товара хоть сотня изъянов – ничего!
Благородный покупатель сразу поймет его ценность, —
Ведь коли обладает глаз хоть толикой истого благородства,
То он умеет ценить подлинные достоинства.

И вот после того как моя челобитная предстанет перед благословенным тронem, дабы воззвать к великодушию благочестивого владыки, и он узрит красоту этой невесты – моей книги, воистину в глазах всех людей она будет вознесена на престол одобрения предисловие ж этой книги, увлекательной, как «Синдбад-наме» и «Бахтияр-наме уболаготворит душу мирян, – коли пожелает того великий Алла.[\[45\]](#)

ПОВЕСТЬ о купце Сайде, его сыне Саэде, о Мах-Шакар, жене сына, и о рассказах попугая

В индийских преданиях говорится, что был на юге Индии один цветущий город. Жители его слыли людьми богатыми и преуспевающими. Жил там купец по имени Сайд, удачливый в делах и состоятельный, у него был большой капитал и несметное множество товаров. Всю свою жизнь он копил злато и вел торговые дела, свободное же время проводил в наслаждениях, вкушая одни лишь удовольствия. Однако, к сожалению, на берегах его ручья не произрастал побег потомства, ветвь продолжения рода не приносила желанного плода.

Это обстоятельство тяготило купца и омрачало его помыслы. Он обращался и к мудрости старцев, и к откровениям дервишей. От тяжких дум ему кусок не шел в горло, и он, следуя завету господина всех людей Мухаммада: «Если вы в затруднении, то ищите подобно «Калиле и Димне» и «Дару базиликов», помощи у покоящихся в могилах»,[\[46\]](#) стал искать помощи у усопших. Ведь недаром говорили мудрецы: «Тот, кто не оставит потомства, недолго пробудет на страницах времени, и память о нем изгладится с чела мира. Тому же, у кого нет достатка, не удастся вкушать мирских благ и обрести житейский опыт».

Смысл нашего существования состоит в том, чтобы, покуда мы носим одежды бытия и возлагаем на голову венец жизни, взирать на мир оком, ищущим назидания, взором, алчущим опыта, в том, чтобы пользоваться всем тем, что доступно человеку, и наслаждаться всеми радостями. Когда же придет человеку пора облачиться в саван небытия, испить долю из смертной чаши, пусть останется от него след на земле и утвердятся его добрые дела.

Прозорлив и благоразумен мудрый муж,
О котором сложат легенды.
Вовсе не стоит жить тому,
О ком после смерти не останется славы.[\[47\]](#)

Что хорошего в долгой жизни, если муж уходит, и никто не поминает его добром?

И вот, наконец, купец Сайд облобызал прах у ног аскета, равного по святости Исе,[\[48\]](#) удостоился аудиенции праведника, бывшего сподвижником Хизра. Он воззвал к его благодатному духу, прибыл к нему, приветствуя и прославляя его, и поведал праведному лекарю, последователю Мусы,[\[49\]](#) скорбь горестного сердца и истерзанной души.

Великий шейх,[\[50\]](#) узрев смиренность и покорность благочестивого мужа, дал ему завет совершать молитвы, раздавать милостыню и подаяние бедным и нуждающимся, очистить грудь от скверны злобы,

избавить помыслы от мрака ненависти. А затем он велел вознести к чертогу всевышнего такую молитву: «О Единый! Слова „не родил“ свидетельствуют о том, что ты единосущий, однако мольбу Закарии: „Подари мне сына от себя“ [51] – ты удовлетворил. О Вечный! [52] Слова «не был рожден» [53] – это признание того, что ты един. Молитву Закарии: «О господи! не оставляй меня одиноким, ведь ты – лучший из наследующих» [54] – ты также удовлетворил. О Единый! Ты сообщил Ибрахиму [55] благую весть словами: «И обрадовали мы его Исааком [56]» [57] Подари же мне, твоему бедному страждущему рабу, благородного сына и добронравного потомка, даруй мне, несчастному и немощному, наследника».

Купец Сайд, не мешкая, как велел старец, повязался поясом искренности и стряхнул с сердца пыль ненависти и злобы, укоренившихся в людях. Он роздал беднякам и нищим треть своего состояния, запер уста печатью поста.

Когда лучезарный суфий, [58] неба укрылся в михрабе [59] запада, и глашатай ночи в черных одеяниях взобрался на минбар [60] страждущий купец с тысячью молений и стенаний, смиренно и приниженно, изложил свою сокровенную мольбу в выражениях, какие ему подсказал аскет. Он поднял к небу руки в молитве и пробыл в таком состоянии всю ночь, мысленно проходя путь невзгод. Наконец светлоликий праведник утра воздел лучи в небесное пространство, так что мирянам открылись врата желанных целей и утренний ветерок шепнул его душе: «Воистину, мы радуем тебя вестью о мальчике» [61]

Купец Сайд, получив весть о грядущем сыне, сильно обрадовался, ликование охватило его, и он вновь роздал несметные богатства в благодарность за исполненную просьбу и соединился своей достойной супругой. Затем он стал ждать, когда жена решится от бремени, а судьба произносила такие стихи, которые полностью соответствовали его душевному состоянию:

Клянусь искренностью того, кто уповает на бога!
Бог дарует ему все, чего он попросит.
Если ищущий обрящет желаемое,
То лишь в качестве воздаяния за веру.

По истечении положенного срока родился луноликий мальчик, и отец нарек его Саэдом. У купца было богатство, а теперь он обрел в удел и сына. Дом купца озарился светом его лика и блеском услады очей.

По мере того как мальчик рос и стал мужать, на его челе все более проступали приметы благородства и зрелости. Для купца не было большего удовольствия и счастья, чем видеть сына.

Аллах дарует много благ своим рабам,
И самое прекрасное из них – благородство потомков.
Да будет славен отец,
Который его взрастил; да прославится мать, родившая его.

* * *

Когда мальчику исполнилось восемнадцать лет, он стал бедой для мужчин и искушением для женщин. Куда бы он ни ступил ногой, красавицы выглядывали из-за дверей и стен и любовались его красотой. То одна красавица звала его к себе, то другая сама бежала к нему.

Целый город полон рассказов о нем, сердца всех людей мира пленены им. Одни домогаются его, а достается он другим. Кому улыбнется счастье? Кого он полюбит?

Отец и мать испугались такого поворота событий, но убедились, что их сын благоразумен, не слабоволен и крепок духом, что он, несомненно, уберезет свою честь от всяких соблазнов и не станет рвать первую попавшуюся розу. И, тем не менее, они не разрешали ему выходить часто из дому, берегли

его как красную девицу и говорили: «Я знаю, что ты не совершишь ошибки, Но сердца влюбленных злокозненны».

Когда ему исполнилось двадцать лет, то согласно предписанию «и сочетайте браком безбрачных среди вас, праведных рабов ваших и рабынь», ему сосватали прекрасную, как гурия, девушку Мах-Шакар[62] и тем самым сочетали браком солнце и луну, возвели жениха и невесту на трон брачного союза, породнились и совершили все обряды и обычаи свадьбы. Поскольку сын относился к своим родителям почтительно и уважительно, всеми силами избегал неповиновения и неподчинения, поскольку он оказывал отцу подобающие почести, они не допускали никаких упущений в обучении его наукам, развитии его способностей и совершенствовании духа, нарекли его счастливым именем, не пожалели средств во время женитьбы и свадьбы, чтобы ознаменовать свою величайшую радость.

Саэд и Мах-Шакар соединились, словно мед и сахар, сошлись словно Близнецы и Плеяды, слились, словно вода и вино, сблизилась, словно две первые звезды в Малой Медведице. Они так привязались друг к другу, так страстно влюбились, что не могли расстаться ни на миг и не могли провести в разлуке ни мгновение.

Двое влюбленных взирают друг на друга,
Только взоры их бодрствуют, разум же спит.
Сердца их страстно рвутся друг к другу,
Руки сплелись в тесном объятье.

Саэд совершенно забросил торговые дела, только и знал, что наслаждался своей Мах-Шакар, так что отец с матерью его не видали. Еле-еле раз в десять или двадцать дней удавалось выманить его из покоев повидаться с родителями, настолько посвятил он себя прелестям жены, принес все в жертву красот ее тела, совершенно позабыв о чести и славе. И можно бы оправдать его в том, что он так пленился и влюбился, лишился рассудка и сошел с ума, так как Мах-Шакар была чудо как хороша и красива. Сияние ее лика низводило к ногам ее райских гурт, аромат ее кос уничтожал смысл мускуса. По-видимому, божьи слова: «Сотворил вас и сделал прекрасными ваши формы»[63] – были ниспосланы во славу ее красы, ибо полный месяц лучился света от ее восхода, о ее прелести в словах не сказать, ее изящество и ртом не описать. Разве не безумец тот, кто пренебрег бы такой красавицей? Разве не глупец тот, кто цепляется за разум при виде ее лица?

Купец Сайд стал размышлять о безумной страсти сына и пришел к такому решению: «Я женил своего сына для того чтоб он заботился о нас и вершил дела, чтобы он торговал тканям, дабы избавить своих потомков от забот, а вовсе не для того чтобы он предавался молитвам в михрабе бровей жены, уединяясь с ней, и забросил свои обязанности». Затем он позвал к себе сына, пригласил своих старших друзей и приятелей, пролил в их присутствии жемчужины слез из раковин глаз и стал увещевать его:

– Сын мой! В саду моей жизни наступает осень, а солнце жизни клонится к закату. Мой стан, который ни на миг не расставался с пирами и музыкой, согнулся надвое, словно чанг.[64] Мое тело, подвижное и легкое, словно мяч, сгорбилось, как чоуга. Мое лицо, от румянца которого завистливо желтело яблоко в саду, изнуряющая старость выкрасила шафраном. Фиалки, бывало, чернели от зависти к моим волосам, темным и блестящим, а ныне от насилия старости они побелели, как камфара. Руки мои хотят вздыматься в веселье, ноги – не идут, когда надо отправиться по торговым делам.

Белизна волос – признак старости, а судьба изменчива к людям,
Если сегодня она благоволит к кому-либо, то завтра отворачивается.

* * *

Не хотят идти быстрые мои ноги,
Заплетаются они на каждом шагу.

Теперь пришло время, когда я и все домочадцы нуждаемся в помощи твоей десницы и уповаем на твое усердие. Ведь если ты в эти лета не приступишь к делу, не позаботишься о достоянии, то вскорости старость унесет меня прочь из этого мира, погребет. Прошлое уже миновало, и кто знает, что принесет грядущее? Надо подчиниться времени и приготовить заранее путевой припас, ведь все преходяще. «Время – разящий меч».[65] Если ты в пору юности не заработаешь достаток, то как же обретешь его на старости лет? Ведь говорят же:

Тому, кто в юности зажег светильник,
На старости лет не придется продавать дом.

– О, сын мой! – продолжал отец. – Да будет тебе известно, что чрезмерное увлечение женщинами и пристрастие к общению «ущербными разумом»[66] безрассудно. Все это наносит большой вред сметливости и сообразительности мужа и порождает явный недостаток в его способности мыслить и знаниях. А ведь ученые, поди, говорили: «Добрая беседа, как и дурной поступок, влекут последствия». Конечно, человек под воздействием общения с другими людьми старается избегать порицаемых поступков и дурных склонностей, но ведь и удовольствия, согласно изречению «все запретное сладко», влекут и притягивают к себе, а человек не подозревает об их вреде, пока кто-либо другой не откроет ему глаза. Такое случилось с семьюдесятью добрыми бедуинами и дурным сыном капитана из Хормуза. Их добродетели не оказали на мальчика никакого воздействия, напротив, его злонравие повлияло на них.

– А как это случилось? – спросил Саэд, и отец отвечал:

Рассказ 1

Рассказывают, что в городе Хормузе проживал некий капитан, грешный и беспутный. Большую часть времени он проводил на пирушках и оргиях, все свои помыслы направлял на соблазн и разгул. И вот однажды он в опьянении и забытии, невзирая на поздний час и неурочное время, сошелся с супругой, окропил тигель ее чрева ртутью своей плоти и посеял дурное семя на солончаке. Спустя положенные девять месяцев беременности у него родился сын. Когда тому исполнилось двенадцать лет, то определились у него повадки и ужимки, как у женщин и гермафродитов. Говорили же мудрецы: если сеятель не бросит чистых и отборных семян, если он не проявит предусмотрительности и не соблюдет времени посева, то и урожай у него будет таким же, он пожнет подобные же плоды.

Нужно достойное семя,
Чтобы вырос добротный колос.

Капитан и родные приняли позор из-за того мальчика, родственники и соплеменники натерпелись сраму. Они тяготились им, презирали его. Как ни старался отец, как ни побуждал отрока, чтобы тот вел себя благородно в кругу мужчин, чтобы обрел мужскую статью и избавился от непристойных телодвижений и неладной походки, мальчик ничуть не поддавался, так как это было в его натуре, согласно выражению: «Нет изменения для творения Аллаха».[\[67\]](#) Напротив, в силу склонности души и влечения сердца его женские повадки все усиливались.

Наконец некий друг сказал капитану:

– О, господин! Если хочешь, чтобы твой мальчик вошел в круг мужчин и погнал на ристалище коня мужества, то вели привести из пустыни восемьдесят кочевников, с речью, грубой, как лай собаки, резких по характеру, устрашающих, подобных пламени, которые никогда не жили под городским кровом, ни разу в жизни не сказали никому ласкового и любезного слова. Пусть их запрут на целый год с твоим сыном в одной комнате, и пусть никто другой не входит туда. А тот, кто будет приносить им еду и питье, пусть не размыкает уст. Если ты осуществишь это, твой сын непременно изживет женские манеры и обретет мужские черты, ибо общение оказывает на человека решающее воздействие, он подпадает под их влияние. Ведь записано же в книгах, что общение преображает. Шейхи – да будет доволен ими Аллах – при всей их набожности и преданности богу не способны столь сильно повлиять на человека, как добрый карнай и общество добрых мужей.

Поскольку в руках того капитана была власть градоначальника города, он последовал совету друга и велел привести из пустыни нескольких кочевников, поселил их в одном помещении с сыном и исполнил все наказания.

Но спустя год, когда их вывели оттуда, мальчик остался при своих прежних повадках, ни чуточку не изменился и нисколько не заимствовал нрава тех, с кем пребывал. А вот на бедуинов мерзкая натура мальчика очень повлияла: под воздействием общения с ним они все стали женоподобными гермафродитами!

– Да будет тебе известно, – продолжал отец, – общение дурным пагубно. Поэтому-то ведь и говорят: «Как много праведников превращалось в грешников из-за греха других!»

Воздух, которым живет душа,
Обращается в яд от общения со змеей.

Когда Сайд дал сыну отцовский и благожелательный совет столь прекрасном виде и совершенной

форме, что и камень не остался бы равнодушным, Саэд покорно выслушал заповедь, источавшую воду благ. Он взял для начала у отца тысячу динаров, открыл лавку, закрыв тем самым уста поносивших его людей, и занялся делом, дабы мудрые мужи убедились в его достоинствах.

Горек совет и для старого, и для молодого,
Но его услаждают приятные слова.
Тот, кто разбавит медом горчицу.
Получит прекрасную приправу к пище.

Саэд проводил дни, торгуя товарами и собирая динары и дирхемы; ночами же услаждал душу локонами Мах-Шакар. И это оказалось для него выгодной сделкой и большой прибылью.

И вот однажды на базар принесли продавать попугая за тысячу динаров. Птица умела говорить и читать Коран. Саэд подошел поближе взглянуть, удивился и промолвил:

– Какой же мот купит пригоршню перьев за такую цену? Ну пусть эта пташка говорит и читает. Какой от этого прок? Пусть он читает Коран – не станут же перед ним падать ниц! Что бы он ни говорил, это будет пустая болтовня языком, а не разумные речи. Ведь сказано же:

Воистину, речь – в сердце, и, воистину,
Язык – проводник для сердца.

Попугай, слыша, как умаляют его значение, испугался, что это отпугнет покупателей, и потихоньку шепнул Саэду:

– Эй, купец! Ты еще не знаешь цены мне, не ведаешь, чего я стою. А ведь сердце мое переполнено жемчужинами мудрости и драгоценными камнями назиданий. Знания и ученость мои совершенны. На десять дней вперед я знаю, что случится и что произойдет в этом мире, и это хранится в моей памяти. Я тонко различаю пользу и вред каждого предмета. Но до сегодняшнего дня я таил свои достоинства и никому не открывал их. Когда же я услышал от тебя о коленопреклонении и мудрых назиданиях, я убедился в твоём благородстве, и мое сердце прониклось любовью к тебе, твои сокровенные мысли сплелись с моими помыслами, недаром же сказано: «Воистину, у всевышнего Аллаха есть ангел, который направляет одного человека к другому».^[68] Так не теряй времени, купи меня и не жалея поганого золота. Коли ты обладаешь совершенством, то к чему тебе богатство? Совершенство вечно, а богатство тленно и преходяще. Мудр тот, кто добывает вечное счастье, уплатив тленное ничтожество, кто считает вечное счастье огромным капиталом и несметной прибылью. Тебе от меня будет большая выгода и великая польза.

Саэд не поверил словам попугая, не захотел положиться на них и ответил:

– Я здесь тружусь в поте лица, торгую, чтобы заработать немного. Да эти тысяча динаров – весь мой капитал! Что же мне – отдать их в надежде на ту прибыль, что ты мне якобы принесешь? Да моей руке не справиться с луком подобного риска.

– Первая небольшая выгода, – отвечал попугай, – которую ты обретешь благодаря мне в ближайшее время, такая: на днях придут купцы из города Баболь, чтобы скупить ткани сонболь. Возьми меня временно на испытательный срок, а сам скупил во всем городе ткани сонболь. На другой же день ты убедишься в правдивости моих слов.

Саэд нашел это разумным, он подумал: «На таких условиях можно хоть десять жен взять себе!» Он тотчас приобрел попугая, оговорив возможность возврата, отправился на базар, скупил по дешевке все ткани сонболь и стал дожидаться иногородних купцов. Вскоре прибыл целый караван в поисках такого товара, и все торговцы с завистью стали показывать на лавку Саэда.

Сын купца был в восторге от того, что слова попугая оправдались, продал ткани сонболь по наивысшей цене и получил прибыль в три тысячи динаров. После этого Саэд уплатил за попугая тысячу динаров, вернул долг отцу, а две тысячи пустил в оборот.

В то же самое время на базаре продавали и попугаиху. Саэд купил и ее за несколько дирхемов, чтобы она составила пару самцу, поместил их в отдельные клетки, принес домой и велел жене хорошенько ухаживать за ними. Он убедился в справедливости слов попугая и теперь старался выказать ему уважение.

Если купцу предстояло какое-либо серьезное дело, он неукоснительно спрашивал совета у попугая. Если у него были какие-либо нелады, попугай утешал его красноречивыми и ласковыми словами.

Этот попугай изрекал наставления и назидания, не зная устали, непрестанно вел он речи об общих и частных выгодах, о делах внутренних и внешних. Он отражал в зеркале своей мысли лик желаний и красу надежд своего господина. А самочка, хоть и не обладала такими достоинствами, но, следуя во всем за своим супругом, делала иногда тонкие замечания и изрекала порой мудрые слова.

И вот в один прекрасный день попугай заговорил о путешествиях и пользах, приносимых морем, и сказал:

– Если даже совершенный умом и обладающий разумом муж превращает медь в золото знаниями и умением, изобретательностью и мудростью обращает эмаль в изумруд, если даже его почитают повсюду, однако при всем этом от морских путешествий можно получить много пользы, а от поездок по суше – несметные выгоды. Польза от морских путешествий, словно океан, бесконечна и безбрежна, в морской торговле приобретают немалый опыт. Чем больше муж путешествует, тем больше его чтут, тем большей зрелости он достигает.

Достоинства мужа проявляются в путешествии, Собственный дом мужчине – узилище. Ведь когда драгоценный кристалл сокрыт в руде, никто не знает его подлинной цены.

Жемчужины этих мыслей, которые свидетельствовали о доброжелательстве, нашли себе пристанище в море сердца Саэда, и душа его обрела покой. С кем бы он ни советовался об этом, кому бы ни излагал суть дела, все находили слова попугая справедливыми, поощряли его принять решение.

Саэд загорелся желанием отправиться в путешествие, стал готовиться в путь. Однако цепи локонов Мах-Шакар связали его ноги, а тоска из-за разлуки терзала его душу. Он не видел возможности расстаться с ней, не мог оторваться от ее ласк и неги. Наконец он высказал Мах-Шакар свое желание, в таких выражениях изложив свои намерения:

– О Мах-Шакар! Да будет тебе известно, что всевышний и всеблагий Аллах сделал богатство украшением людей, великие дела вершатся и осуществляются, дары обретаются только благодаря ему. Чужой при помощи богатства становится знакомым, приятель делается закадычным другом. Богатство украшает правителей этого мира, ему обязаны своей красотой невесты. Именно богатство дает богачам вкусить напиток счастья, освобождает бедняков от яда бедствий. Живой спасается от должников благодаря ему, покойник получает от него саван. Если бы золото не велело усердствовать, разве грешный раб достиг бы места, о котором говорят: «... и тот, кто вошел в него, безопасен»?^[69] Если бы богатство не покровительствовало тебе, то, как можно было бы вершить такие добрые дела, как паломничество и жертвоприношение, как счастье освобождения от рабства и радость разговения? По той же причине предводитель ученых мужей Харири просверлил алмазом такие слова во славу золота и каменьев:

Прекрасен и привлекателен желтый цвет,
Странствует он непрестанно по горизонтам.
На желтом теле – печать благоденствия,
Коли деньги пущены в ход, дело устроится.

В людях укоренилась любовь к золоту.
Словно серебро создано из сердец.
И как много полных месяцев низвело золото с неба!
И сколь многих в рабство оно обратило![\[70\]](#)

– Заработать динары и дирхемы, – продолжал Саэд, – достоинства которых я перечислил и которым сложены славословия, можно, только странствуя и путешествуя по морям и океанам. Я хочу отправиться в дальние края с товарами и редкостными изделиями, которые ценятся там, привезти оттуда всякие диковинки и заодно набраться опыта поездок по морям и разным краям. Ведь великие мужи говорили: «Благоденствие – в движении». Сидеть дома сложа руки – бессмысленно. Ведь сколько бы человек ни пялил глаза в потолок, это не принесет плодов.

Мужчина закаляется не в родной стране, —
Ведь и орел не охотится в своем гнезде.
Приятна, как розовая вода, та влага, что не застоялась.
Едва вода перестанет течь, тут же портится.
Разве послужит причиной радости и веселия
Сок винограда, покуда находится в ягодах?

Мах-Шакар отвечала:

– Это прекрасная мысль. Жизнь именно такова, какой она видится твоему светлому уму. Мужество, великодушие и величие духа велят именно то, что ты задумал. Но возьми с собой и меня, твою покорную рабу, сделай меня спутницей твоей благословенной особы. Я не могу и дня пробыть в разлуке с тобой. Как же мне расстаться с тобой на столь долгий срок? Как я проведу ночи разлуки в ожидании дня свидания? Не оставляй же меня, заведи с собой! Разве в индийской пословице не называют жену башмаками мужа? А в дальнем пути башмаки очень нужны.

– Ты права, – отвечал Саэд. – Но любовь твою ко мне нет нужды выражать в словах, а моя вера в твои чувства слишком велика, чтобы усомниться. Хотя телом я буду в путешествии вдали от тебя, но душою всегда останусь рядом с тобой.

Разлука между людьми не страшна,
Если нет разлуки меж сердцами.

Однако Мах-Шакар настаивала, стала умолять и упрашивать.

– Жена, – отвечал Саэд, – подобна порогу дома: так же она устойчива, словно порог, так же постоянна, словно арка, она прикрывает ноги скромности полой добродетели и укутывает лицо покоя покрывалом целомудрия. Мужу надлежит быть подвижным, жене – спокойной. Худо будет, если придут в движение оба жернова.

Наконец, когда Мах-Шакар удовлетворилась этими словами и замолчала под воздействием тех доводов, Саэд стал готовиться в путь. Он собрал вьюки с товарами и дорожные припасы и тронул караван. Простившись с друзьями, он обратился к Мах-Шакар и поручил ей обоих попугаев. Одолела его забота и тревога, и, наконец, он сказал жене:

– Даю тебе наказ, постарайся выполнить его. Целый год тебе следует пребывать за завесой набожности и целомудрия и не ранить щек верности ногтями распутства и греха.

Тут он решил обратить разговор в шутку и продолжал:

– Если же возобладают в тебе страсти, если сосуд вождления возжаждет халвы наслаждения, если поводья благоразумия ускользнут из рук, если порвутся бразды целомудрия, то не оскверняй свою

благородную и нежную натуру первой попавшейся грязью, не запятнай себя первым встречным, а имей дело лишь с тем, кто докажет благородство происхождения, высокую нравственность и природную чистоту, да и то лишь после совета и разрешения этих попугаев, с их согласия и соизволения.

Говоря эти слова, он надеялся, что если Мах-Шакар, поддавшись велению страсти, решит сойти с праведного пути, то попугай, наделенный обширными знаниями и совершенным умом, предостережет ее заклинаниями и мудростью и не даст погрязнуть в грехе.

Мах-Шакар, услышав такие речи, нахмурила тонкие брови, наморщила прекрасное чело и воскликнула:

– Что за вздор ты несешь? Разве я не предана тебе душой и телом? Разве ты не полюбил меня всем сердцем? Даже если увижу я еще кого-то, кроме тебя, кого могу я предпочесть тебе?! Ты ведь занял все уголки моего сердца, так что не оставил места никому другому. – Пусть Аллах вернет тебя поскорее в родные края, – продолжала она, – пусть свет очей моих возвратится моим глазам.

Как только супруга закончила эти речи, Саэд обнял ее на прощание и отправился в путь.

Прошел год. Мах-Шакар это время горевала и тосковала, страдала и переживала разлуку с мужем, тяжело вздыхала и горестно причитала.

И вот однажды она поднялась на крышу и стала молить ветер доставить весточку мужу. Тут царевич, что жил по соседству, взглянул на нее, и его душа оказалась в плену ее кос, подобных аркану, его сердце пронзили стрелы ее кокетливых взглядов, и в единый миг он лишился покоя и терпения. Мудрецы сказали: «Пятеро страдают от пяти: рыба – от сети, птица – от приманки, купец – от лжи, мотылек – от свечки, сердце – от взора».

Одним словом, царевич потерял сердце и стал искать помощи у старых сводниц. Он не жалел золота, чтобы соблазнить Мах-Шакар. Наконец одна коварная старуха согласилась помочь ему, пришла в дом к Мах-Шакар и начала льстиво и красноречиво расписывать любовь и страсть царевича. Она помянула его красивую внешность и высокие нравственные достоинства и продолжала:

– Я знаю, что ты страстно влюблена в мужа, да и он без ума от тебя. Но ведь он предпочел твоей любви путешествие, и тебе надо найти ему замену. Лекарством от любви станет это самое путешествие: погаси-ка пламя разлуки с ним свиданием с другим, омой пыль удаления возлюбленного водой близости с царевичем. Чего уж лучше, коли можно лалом заменить сердолик, а яхонтом – изумруд.

Мах-Шакар, выслушав соблазнительные и завлекательные речи старой ведьмы, некоторое время отнекивалась и упрямялась. Но вскоре она сдалась, и сердце ее смирилось. И тут вдруг она вспомнила шуточный наказ мужа о том, чтобы она советовалась с попугаем и его самкой. Мах-Шакар отослала сводницу, пообещав прийти на свидание ночью, и стала ждать того момента, когда купец ночи утонет в сини запада, когда пловец-луна вынырнет из моря востока. Ведь в индийских пословицах говорится: «Если стальные слова коварной сводни горы сворачивают, то как устоять против них черепку сердца маленькой женщины?»

ПОВЕСТЬ об обращенном в ислам купце, о его жене и о том, как она поступила с попугаихой

В первую ночь, когда золотой попугай солнца опустился в клетку запада, а серебристый попугай луны вылетел из гнезда востока, в сердце Мах-Шакар загорелась новая любовь. Она приготовилась исполнить обещание и отправиться на свидание с царевичем. Однако, как наказал ей муж, она сначала пришла к самке попугая и развязала узел сердечной тайны, чтобы испросить совета и соизволения. Она полагала, что именно самка скорее, чем самец, войдет в ее положение, поймет ее и, не мешкая, даст желанное разрешение.

Неразумная самка, словно несведущие благожелатели, раскрыла клюв, начала рассыпать советы, бросила ей в грудь камень упрека, говоря:

– Какой же изъян нашла ты в любви своего мужа? Или ты обнаружила, что он пренебрег верностью? Почему ты так быстро предпочла ему другого? Видно, правду говорят: «С глаз долой – из сердца вон!» Разве хуже тебя индийские жены, которые сжигают себя после смерти мужа и следуют за покойным? Слава Аллаху, твой муж жив и в скором времени вернется. Так зачем же ты даешь врагам повод для насмешек и причину для злорадства? Ты же опозоришь мужа среди людей, осрамишь его. Или ты не боишься Творца? Как разум позволяет тебе совершить такой мерзкий и некрасивый поступок с чужим мужчиной? Ведь мудрецы сказали: «Если бы целью замужества не было продолжение жизни на земле и умножение религиозной общины, рассудок повелел бы ни одной женщине не сходить с мужчиной, тем более с посторонним».

Иметь одного мужа – свойство целомудренных жен,
Несколько мужей бывает у собак и свиней.
Коли суждено тебе избрать себе мужа,
Пусть он один властвует над тобой.

Когда осмелевшая самка попугая произнесла такие неприятные слова, Мах-Шакар, у которой завеса похоти скрыла былое воспитание, а солнцезащитный балдахин загородил глаза разуму, сочла назидания сладкоголосой птицы губительным ядом. У нее не хватило терпения выслушать ее, она выхватила самку из клетки и бросила оземь. Душа бедняжки тотчас покинула обитель из перьев. А Мах-Шакар, разгневанная и огорченная, подошла к клетке самца, рассказала ему о том, как потеряла сердце, как самка надерзила ей, а потом попросила разрешения пойти к возлюбленному.

Обстоятельства дела явились попугаю, как в зеркале, он воочию видел смерть своей подруги и супруги, устрасился он и подумал: «Воистину, правду говорят: «Перед ее ликом надо прятаться в

укрытие». Существует и другая известная поговорка: «Попробуй этого вина, а выпей того». Если я стану, как моя несчастная подруга, предлагать ей назидания и наставления, начну отговаривать ее, то ясно, какая благодарность ждет меня за доброжелательство и совет. Убийство моей подруги для меня великий урок. Если же я выпущу из рук повод наставлений и оставлю меч назиданий в ножнах разума, то она этим воспользуется. И тогда свершится грех, луноликая красавица отправится на свидание и осквернит чистое ложе моего благодетеля грязью распутства и нечистотами греха. Ведь господин наш, когда наказывал ей советоваться с нами, имел в виду именно это! Значит, надо мне придумать такую уловку и измыслить такой ход, чтобы диковинными затеями и хитросплетениями ума отвратить жену своего хозяина от неподобающего поступка, а свою драгоценную жизнь в целостности и сохранности выволить из этой губительной пучины на безопасный берег. Вполне возможно, что хозяин в скором времени прибудет, весьма вероятно, что в ближайшее время он возвратится... Ведь дар и мастерство расторопного художника и талантливого живописца проявляются именно в подобных обстоятельствах и в подобном положении, а достоинства его творений обнаруживаются в тяжелых условиях и трудных местах».

Поразмыслил он так, поспешно и радостно подлетел к Мах-Шакар, приветствовал ее и сказал:

– Уже давно подобные мысли роились у меня в голове, но я хранил их про себя, раздумывая: «Почему такая красавица, как моя госпожа, должна пребывать в одиночестве? Ведь даже птица степная не летает без друга и спутника, даже дикий зверь не бежит своей дорогой в одиночестве. Зачем же нашей госпоже, равной которой нет ни в кумирне девяти небес, ни в храме земного мира, оставаться без сердечного друга?» Однако я не дерзал заикнуться об этом. И вот теперь, слава Аллаху, нашелся покупатель нашему сахару, нашей жемчужине. Не следовало тебе рассказывать о таком тонком деле глупой самке! Что ей известно о любви, как может оценить по достоинству это чувство ущербная умом тварь? Разве смыслит она в любовных утехах? Это мое дело, только я сведущ в таких вещах. В тот самый день, когда доставили мне эту самку, я догадался, что она глупа и невежественна. Потому-то я и сторонился ее, избегал общения и бесед с нею. Вот теперь ее постигла заслуженная кара. Убить такую – благое дело, ей подобные заслуживают именно такого возмездия. Законы благородства и природы велют, чтобы ты не давала пропасть понапрасну столь совершенной красе и беспредельному изяществу, чтобы ты вовремя попользовалась наслаждениями и удовольствиями. Я отлично знаю характер твоего мужа. Доподлинно известно, что на каждой стоянке он находит себе возлюбленную, в каждом встречном доме стремится предаться любви со стройными красавицами. Ведь мужьям никогда не была присуща верность, ибо мужчина похож на пчелу.

Как только пчела сядет на цветочек,
Тут же смотрит на другой.

Ты нашла себе прекрасную замену. Так считай же это удачей и не упускай случая. Отправляйся тотчас во всей своей красе и полная неги и величия, прекрасная и великолепная. Осчастливь его своим присутствием, а сама вкуси от его совершенства. Я, твой покорный раб, стараюсь изо всех сил во имя верности и искренности отношения к тебе, в этом нет сомнения. Я лишь несколько дней служил твоему мужу, и меня не связывает долг по отношению к нему. Зато моя благодарность за твои благодеяния безмерна, ведь я щедро вкусил хлеб-соль десницы твоей милости и твоего благоволения. И я обязан отплатить тебе за это благодарностью. Благодарность и чувство долга уподобляют меня тому ошипанному попугаю индийского купца, который доказал верность и преданность хозяину.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай отвечал.

Рассказ 2

Слышал я от сочинителей сказаний, что в одном из городов Индии жил купец, а дома у него был ученый и мудрый попугай. Эта птица редкостная, словно Симуург,^[71] досталась ему в наследство от предков. Купец, всецело доверившись попугаю, поручил птице следить за порядком в доме и сообщать ему все, что происходит. Когда он возвращался домой и приступал к делам, то первым делом шел к клетке попугая. А птица-соглядатай подробно докладывала в меру своего знания и разума обо всем добром и дурном, что случилось в доме. Однако попугай старался скрыть то, что, по его мнению, могло привести к разрушению очага и гибели дома. А купец во всем полностью полагался на него и целиком ему доверял.

И вот однажды торговый караван направился в Хорасан,^[72] и наш купец обулся в башмаки путешествия и присоединился к нему, наказав попугаю усердно выполнять свои обязанности. Жене он велел ухаживать за попугаем и заботиться о нем.

Прошло некоторое время, и у жены купца от страсти к одному юноше пришли в волнение любовные вены и жилы. Она обезумела от любви к нему, предалась ему душой и сердцем. Соблазн рос с каждым днем, беда нарастала с каждым часом.

С тех пор каждую ночь, когда выдавался удобный случай, когда в доме не оставалось ни своих, ни посторонних, когда не мог помешать ни один чужак, когда не видел глаз недруга – да ослепнет он, – бедный влюбленный приходил к жене купца и покоился на ложе неги и в постели безмятежности. Он крепко обнимал возлюбленную и, как ты представляешь, утолял желание сердца и страсть души.

Они тщательно оберегали и скрывали свою тайну от попугая, но он догадался обо всем и все разузнал, хотя притворялся, что ничего не ведает, и старался убедить их в этом. Но вот, наконец, купец вернулся из поездки и увидел дом таким же, каким он оставил его, поскольку внешне все было в порядке. Он обрадовался и возликовал, воздал хвалу творцу за благополучие свое и своего дома.

Потом он подошел к попугаю и стал расспрашивать о случившемся в его отсутствие. Попугай рассказал обо всем том, что слышал и видел, но скрыл любовные похождения госпожи в благодарность за ее хлеб-соль. Одним словом, он не стал разглашать тайны своей благодетельницы.

Однако купец другими путями проведал об измене жены и заключил, что попугай знал об этом, но скрыл от него. Купец круто изменил свое отношение к жене, принял твердое решение расстаться с ней и выгнать из дома, хотя на людях и виду не подавал об этом, и стал готовиться развестись с ней законным путем. Он опасался пересудов недругов и позора для своих детей и не мог во всеуслышание объявить об этом. Однако жена по его речам и нахмуренным бровям догадывалась и говорила себе:

На челе начертана тайна сердца
И вражда, которую он питает к нам.
Он скрывает вражду, но вражду не скрыть.
Взоры недруга обнаруживают сокрытое.

Невежественный индус счел причиной своего несчастья беднягу попугая и в отместку выщипал на нем все перья, оголил, словно кусок мяса, и выбросил, а сам поднял крик, что попугая уволокла кошка. Домочадцы вместе с купцом принялись оплакивать давнего друга, а заодно и своих предков, все обитатели дома очень опечалились этой потере, а зеленые попугаи в садах облачились в лиловые одеяния и, словно куропатки, окропили кровью клювы. Соловьи в саду жалобно застонали, словно птицы вольных степей, и стали рыдать, оплакивая его; вяхири на лужайках, точно голубки в цветниках, стенали и всхлипывали, надев на себя темные ошейники, словно траурные повязки. Соловьи причитали на сто ладов, словно

пташки в клетке, страдая в разлуке с ним. Цветы на склонах гор, точно обезумев, все, как один, облачились в темные одеяния разлуки, а бутоны в садах поникли, как потерпевшие несчастье или скупцы, съежились, будто трусливые беглецы. Много всякого рода тварей оплакивали смерть попугая. А сам попугай меж тем был жив и, еле дыша, ковыляя и падая, всеми правдами и неправдами добрался до храма идолопоклонников, который был поблизости, и спрятался там в уголке. По ночам он выходил из своего укрытия, клевал остатки жертвоприношений в храме, чтобы не умереть с голоду, и постепенно начал снова обрывать перьями.

Тем временем купец, убедившись в измене жены, выгнал ее из дома с позором, отобрав все подаренные им драгоценности, выставил чуть ли не в чем мать родила. Сколько она ни упрашивала его, сколько ни заклинала, сколько ни подсылала посредников, жестокосердый муж не смягчился и не шел на примирение. Любовник же, вволю удовлетворив свое желание и пресытившись сладострастием, услышав о подозрениях мужа на свой счет, охладил к бывшей возлюбленной, стал сторониться ее, а потом и вовсе перестал к ней наведываться. Тут несчастная женщина вспомнила пословицу: «С одного седла прогнали, на другое не взяли, так и осталась пешая меж двух ослов». Чтобы как-то выпутаться из беды и умиротворить мужа, она пришла в тот самый храм, где поселился попугай, и стала отчаянно молить идолов и кумиров смягчить сердце мужа.

А попугай тем временем окреп, перья у него вновь отросли. И вот однажды ночью, когда блистательные планеты уже взошли на небесный престол, чтобы покрасоваться да и храм вселенной разубрать семью прикрасами, девятью красотоми,[\[73\]](#) попугай спрятался за каким-то идолом и заговорил с женой купца.

– О, женщина! – сказал он. – Из-за чего ты так беспокоишься, да и нас тревожишь? Узнай же, что твоя просьба будет удовлетворена и твой муж смягчится лишь тогда, когда ты, как все вдовы, обреешься наголо и сорок дней будешь служить нам. Ведь известно, что, покуда не откажешься от одного блага, не достанется другое. Если ты поступишь так, то мы прикажем твоему мужу вернуть тебя в дом и сделать там, как и прежде, хозяйкою.

Бедной женщине очень хотелось вернуться, и она тотчас позвала цирюльника, чтобы он сбрил локоны, венчающие стан, подобный кипарису, срезал бы фиалки над бутоном ее лика. Попугай тут же выскочил из-за идола и молвил:

– Ну до чего же ты глупа! Где это видано, чтобы идол заговорил? Что, кроме пророческого дара, может исторгнуть из камня слова? Как может повлиять эта кучка камней и замазки, годная разве лишь на то, чтобы подтереться, на человеческое существо, обладающее душой и владеющее речью? У людей земли тысячи языков, но разве можно ждать, чтобы говорили и слушали камни и глина? Это не идол вещал тебе, а я, чтобы тебе отплатить. Извлеки же из этого урок. Вскоре твои косы отрастут, так же как мои перья. Господь знает, что я не клеветал на тебя, всегда помнил твой хлеб-соль и много раз с похвалой отзывался о тебе мужу. Если бы ты доверила мне свою тайну, я предостерег бы тебя и научил, как поступить, чтобы провести мужа и сохранить возлюбленного. А ты сочла меня посторонним, не открылась мне – и вот я оказался ошпианным. Чего еще от тебя было ждать?! Теперь же ты убедишься в моей искренности, благожелательности и благодарности, ибо несчастье было губительным для тебя, а для меня горе стало тяжким испытанием. Потерянного не воротишь, поэтому я не держу на тебя зла, пусть же и у тебя не будет против меня обиды. Ты пока оставайся здесь, в кумирне, а я пойду к твоему мужу и всякими уловками улещу его, подчиню твоей воле.

Бедняжка обрадовалась посулам и расцвела от надежды. А попугай полетел в дом, где он обитал раньше. Прибыв туда, он отвесил купцу земной поклон, словно государю. Тот был крайне удивлен и поражен тем, что попугай остался жив. А попугай молвил ему:

– Не нужно удивляться творениям и деяниям создателя, взирать с изумлением на его могущество. Разве ты не слышал рассказ об Ибрахиме – да будет мир над ним – и о том, как воскресли четыре птицы, которых он убил, ошцупал, на куски разрубил и разбросал на все четыре стороны? Едва он их позвал потом, как они по воле Творца – да славится упоминание о нем – тотчас ожили и взлетели?

Выслушав попугая, индус немедленно обратился в ислам и спросил его, по какой причине ожили птицы, попугай же стал рассказывать:

– Твоя праведная жена уже долгое время пребывает в кумирне. Она, как все овдовевшие индийские жены, обрила наголо голову, дни и ночи просила всевышнего оживить меня, чтобы я засвидетельствовал перед тобой ее невиновность. Наконец, в последнюю ночь, ее молитва была услышана, и я вновь обрел жизнь, отросли у меня крылья бытия. И вот явился я к тебе сообщить о ее невиновности и чистоте. Так смотри же, спеши к ней с великими извинениями, дабы обрести счастье свидания с ней, обрадуй ее и введи в свой дом, осчастливь и ее величием ислама.

Обращенный в ислам купец послушался попугая, привел из храма в дом свою жену, поцеловал ей руки и ноги и попросил прощения, раскаялся и пообещал впредь никогда ее не подозревать, и обратил ее в свою новую веру – ислам. А жена, в свою очередь, рассыпала сахар благодарности попугаю и произнесла такие стихи:

Возлюбленная обрела покой. Да будет всегда так!
Ее неверие обернулось истинной верой. Да будет всегда так!

– Слава Аллаху, что после всех тягот и разлуки, бесчисленных страданий купец и его жена вновь соединились, а пыль, что разлучала их, улетучилась. Попугай же в благодарность за заслуги был отпущен на волю и вернулся в родные края, – закончил попугай и продолжал:

– О Мах-Шакар! Берегись, не смей думать, что индийский попугай повернул события в свою пользу тем, что нагородил короб лжи и обманных слов. Да будет тебе известно, что ложь никогда не возобладает, ибо сказано: «Правоверный да не солжет». Люди всегда считают ложь позором. Но ученые мужи шариата допускают благую ложь во имя доброго деяния. Во-первых, ради успеха дел веры и жизни в мире ином. Во-вторых, ради примирения двух правоверных. В данном случае благодаря умиротворяющей лжи попугая два неверных обратились к истинной вере, и произошло примирение между двумя мусульманами. Если птица скажет неправду во имя блага, то она выше человека, ибо от ее правды произросли бы плевелы дикости.

Так вот, о Мах-Шакар! Ты слышала рассказ о том, как попугай проявил верность, о его благожелательности, о его нравственном пути. Во-первых, он не мешал своей госпоже, когда она встречалась с возлюбленным, а, напротив, притворился незнающим и не выдал ее мужу. За страдания же, которые причинил тот госпоже – без всякой вины со стороны попугая, – он вымолил прощение в такой форме, что извинение помешало жене вновь согрешить. Словом, попугай всякими уловками устроил ее расстроенные дела. А наилучшая услуга и благодарность его хозяевам та, что он своими хитроумными проделками наставил на путь истинной веры обоих неверных и обратил их в ислам.

– А моя цель и мои помыслы сводятся к тому, – продолжал попугай, – чтобы ты обрела своего возлюбленного, не лишаясь при этом благосклонности супруга, чтобы ты никому не проговорила об этом, кроме меня.

Мах-Шакар очень понравились эти речи, она целиком положила на слова попугая и засмеялась. Так звонко смеялась она, что утро заулыбалось ей в ответ, а солнце от хохота подскочило и озарило светом весь мир.

ПОВЕСТЬ о падишахе Хузистана и войне по имени Джанбаз

На вторую ночь, когда Кей-Хосров [74] солнца покинул небесное ристалище и укрылся в пещере запада, а чаша луны, отражающая мир земной, поднялась с престола востока и пошла по кругу на собрании небес, Мах-Шакар, расцветшая, словно розы звезд, с улыбкой, подобной сиянию Плеяд, пришла к попугаю, намереваясь идти на свидание с возлюбленным. Она обратила к нему лик, сверкавший как зеркало, и попросила подарка из его сахарных уст – стала испрашивать разрешения отправиться к возлюбленному. Попугай тотчас заговорил и произнес такие речи:

– Встречаться с возлюбленным, вкушать плод лицезрения его, вдыхать аромат розы свидания с ним и воздавать должное своей юности – таков удел людей в этом мире. Истинное наслаждение человека в том и состоит, чтобы влюбленный и любимая оказались вместе, чтобы око, устремленное в мир, озарилось бы светом встречи, чтобы они непрестанно вкушали напиток свидания и услады любви, как об этом говорит поэт:

Прекрасны влюбленные, что в тесных объятиях,
Приникнув друг к другу, вкушают сладость близости.

– Нет большего счастья, чем миг, когда сердце бьется рядом с сердцем любимой, когда влюбленный и возлюбленная не мучатся в ожидании, когда страждущий обретает желанное! Блажен миг, когда после долгого ожидания Страждущий обретает свою мечту!

– Но для того чтобы отправиться к возлюбленному и испить чашу любви, – продолжал попугай, – надо соблюсти несколько условий. Во-первых, при общении с людьми надо проявлять побольше воспитанности и не говорить много, следуя наставлению: «Наилучшее выражение – кратчайшее, но весомое». Во-вторых, следует избегать излишества, но и пренебрежения к возлюбленному ни в чем не проявлять и по мере возможности постичь его характер. Ради того, чтобы угодить другу, надо жертвовать душой, богатством и домом, отказаться от золота и предельно усердствовать в том, что он приказывает прямо или намеком. Ибо все, что я перечислил, укрепляет любовь и благосклонность – ведь увеличила же искренность и преданность человека по имени Джанбаз благорасположение к нему падишаха Хузистана.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар.

Рассказ 3

– Твой нижайший раб, – отвечивал попугай, – знает, что ты сделаешь более того, что я говорил, – ведь на твоём челе начертаны ум и сообразительность! Ты запечатлеваешь услышанное на скрижали сердца, внимаешь ему слухом разума. И воистину, ты пойдешь на свидание. Но, чтобы подкрепить тебя в своём решении, я расскажу сказку. Однако я опасюсь, что ночь завершится, и моя госпожа не успеет уйти. Поэтому я буду немногословен, постараюсь изложить сказку покороче, побыстрее подвести ее к концу, чтобы моя прекрасная госпожа успела на свидание.

И попугай стал рассказывать.

Говорят, что однажды падишах Хузистана, глава всех правителей тех краев, восседал в тронном зале во дворце, а вокруг него выстроились рядами эмиры и богатыри, знатные мужи и простолюдины. Пурпурные чаши сверкали, кубки счастья ходили по кругу, обходительные надимы поддерживали беседу, сладкоголосые певцы распевали на все лады. Словом, все было сосредоточено на пиршестве, так что сердца позабыли о битвах.

И вдруг появился какой-то муж, тщедушный, низкий ростом, худощавый, похожий на трясогузку. Он ударил челом о землю, стал растирать прах лбом низкопоклонства, раскрыл ларец уст и стал рассыпать жемчужины славословия:

На пиру у розоликих красавиц
До самого Судного дня да будут
Бурджис[75] надимом, Зухра[76] музыкантом,
Солнце рабом, а Луна виночерпием.

Затем он продолжал:

– Сей нижайший раб – воин эмира Худжанда, а зовут меня Джанбаз,[77] так как я готов пожертвовать жизнью во имя своего властелина. Мне платили жалованье в десять тысяч динаров. Но властелин мой помышляет лишь о наслаждениях, он беспечен, дни и ночи только песни да музыку слушает! Нет у него иного занятия, кроме любовных утех с обольстительными красавицами и прелестными певицами, он сведущ только в мелодиях и винах.

Выпить однажды вина с преданным другом
Для него важнее, чем сто венцов и тронов.
Готов он подарить страну за звуки лютни,
Больше царства любит он мелодию.

– Он ни разу не взглянул царским оком на своего преданного раба, не поручил мне ни одного серьезного дела, чтобы я мог бы проявить себя душой и сердцем, довести порученное до исполнения, дабы и желания властелина осуществились, и сам повелитель убедился бы, что я не зря ем его хлеб. Ведь слугам легче всего доказать преданность и верность повелителю, пожертвовав жизнью. Впрочем, многие даже это считают недостаточным, порываясь свершить более значительный подвиг. Одним словом, таково положение дел в нашем государстве. У нашего повелителя есть и везир, еще более беспечный, чем он сам, большой кутила, чем властелин, – как говорится: «Подданные исповедуют веру своих владык».[78] Все свое время он проводит с красавицами, все силы отдает прелестницам. Чернильницу ему заменяет кувшин с вином, а калам[79] – тростниковая флейта.

В доме все уподобляется хозяину!

А еще везир все свои помыслы направил на то, чтобы уменьшить жалованье служилым людям. Он подстрекает падишаха творить насилие и беззаконие, чинить произвол и выказывает полное равнодушие к делам веры. В результате наша держава пришла в упадок. Везир никогда не вникал в мое положение, не отдавал никаких приказаний, он только сократил мне на треть жалованье, отчего в моих делах началось расстройство. А за три последние года я и того не получал – казна задолжала мне десять тысяч динаров.[\[80\]](#) Так как же можно уложиться в такой оклад? И когда мои дела пришли в такое плачевное состояние, когда я израсходовал все, что было в доме, я поневоле покинул Худжанд, памятуя слова мудрецов:

Шаху, который не спит ночи напролет,
Но почивает днем, некогда печалиться о вере.
Если даже шах справедлив и разумен,
Он станет дурным, коль таковы его помощники.
Разве падишах заботится о всадниках?
Разве растит он себе помощников?
Когда темя всего мира жжет солнцем,
Спасительную тень дает облако, а не купол небес.

– И я вместе со своими родными и домочадцами направил стопы в столицу Хузистана, порог которой лобызают достославные правители, которая служит средоточием надежд обиженных этого мира, ибо ведь сказано:

Если конь и слуга не получают пищи,
То конь не скачет, а слуга не бежит.

И вот я прибыл к тебе, признав дворец государя кыблой[\[81\]](#) счастья и Каабой[\[82\]](#) надежд, чтобы с усердием исполнять то, что мне будет приказано, чтобы всем своим существом повиноваться тому, что будет велено. Ведь у падишахов немало дел, для исполнения которых потребны скромные и ничтожные рабы и слуги, как об этом поведали великие мужи: «Меч не свершит дела иголки, а веретено – дела сабли».

Воистину сабля рубит головы,
Но не справляется с тем, что под силу иголке.

* * *

Если мы и не букет роз,
То, быть может, пригодимся на топливо для котлов.

Падишах Хузистана, видя униженное состояние мужа, выслушав его возвышенные речи, вняв полет мысли, удивился и подумал: «Какая доблесть может крыться в этом немощном теле и этой слабой плоти? На что он годится? Будь человек хоть Фаридуном[\[83\]](#) и Рустамом[\[84\]](#) своего времени, на что он способен в одиночку? По-видимому, хвастовство и бахвальство побудили этого мужа произносить такие речи о доблести и храбрости. Ибо подлинно доблестный и достойный муж не станет доказывать это на словах, похваляться достоинствами, не будет притязать на величие духа, ведь эти качества раскрываются лишь на поле брани в час испытания. Говорят мудрецы: «Люди не в силах скрыть восемь явлений: во-первых, блеск и пламя огня, ибо он непременно обнаружит себя дымом через дымоход. Во-вторых, благоухание амбры и аромат благовоний, от которых повсюду распространяется приятный запах. В-третьих, ярость в груди и гнев в сердце. Они в любом случае проступают на челе мужа, из-за них хмурятся брови, меняется цвет лица, как

сказано:

В его глазах я вижу приметы,
Которые указывают на ненависть и зависть.[\[85\]](#)

В-четвертых, радость и горе, которые невозможно утаить ни при каких обстоятельствах, как говорится:

Как ни скрывают чувство в сердце,
На щеках проступают приметы оного.
Радостен или огорчен муж.
Лицо его подобно то розе, то шафрану.

В-пятых, также невозможно скрыть покорность или мятежность духа. Они похожи на зернышко, брошенное в землю, – ведь в скором времени оно прорастет. В-шестых, дирхем[\[86\]](#) и динар, бедность и нищету, которые никак невозможно утаить. В-седьмых, дружбу и любовные отношения с женщинами, ибо в таких случаях мужей выдают цвет лица и слезы из глаз. В-восьмых, доблесть и храбрость, которые ни за что не останутся втуне и проявятся в битве, хотя бы даже их пытались скрыть».

Падишах Хузистана вызвал везира, посоветовался с ним и молвил:

– Этот воин прибыл к нам во дворец немощный и ослабевший, презрев жалованье, которое он получал у эмира Худжанда. Если бы мы положили ему оклад меньше прежнего, это свидетельствовало бы о низости нашего духа. Ведь он бросил родные края из-за средств к существованию. Если мы установим ему такое же жалованье, то в чем же будет наше превосходство над эмиром Худжанда? А если прибавим – будет ли он достоин того? К тому же допустимо ли расточительство государственной казны? Ведь падишахи обязаны оберегать жизнь и имущество своих подданных, в особенности же должно стеречь врата казны. Она служит достоянием всех людей, тратить ее нужно на дела веры и мирские дела, но всегда следует избегать расточительства – ведь оно осуждается во всех религиях, ибо «воистину, Он не любит расточительствующих»,[\[87\]](#) в особенности это относится к казне, от которой зависят благотворительные деяния. В Судный день с падишахов сурово спросится за расточительное отношение к казне.

Хотя падишах не слишком заботился о деньгах и золоте, и все сокровища мира значили для него не больше пылинки, но расточительство казны он считал брешью в стене религии и благочестия и проявлял в этом осторожность и бдительность. И он решил:

– Считаю целесообразным этому воину платить столько, сколько он получал в Худжанде. Надо поручить ему дело, которое окажется ему не под силу. Если он не справится, надо сохранить установленное жалованье без прибавки.

Везир по высочайшему указанию выдал грамоту на жалованье в двадцать тысяч динаров, велел воину облачиться в доспехи и стать в караул у шахского дворца, не отлучаясь ни на миг, ожидая приказаний, чтобы тотчас исполнить любое.

Четыре года воин Джанбаз с мечом и щитом, с луком и стрелами в колчане по этому приказу стоял на страже у дворца, лишив себя сна и пищи, постоянно наблюдал за дворцом и твердил стихи:

Стою у врат шаха, словно раб,
В ожидании, что велит его светлый ум.
За это время никто о нем не вспомнил, и сам он не подал о себе вести.
С его несчастным и страдающим сердцем
Случилось все то, чего оно страшилось.

Воистину: «Человека постигает то, чего он боится». [\[88\]](#) И вот однажды ночью, когда клинок солнца

покоился в ножнах запада, а на небе показался щит луны, падишах увидел обнадеживающий сон. В его сердце взыграли радость и веселье, он вышел пройтись по крыше и стал взирать на планеты и звезды, укрепляя свой дух лицезрением того, что создал творец. Потом он кинул с крыши дворца взгляд вниз, ему попался на глаза воин, и он убедился в том, что тот стойко несет службу. Падишах окликнул его, и тот ответил:

– Я – раб трона государя. Вот уже четыре года я стою в карауле, не отлучаясь ни на миг, надеясь на вознаграждение.

Я весь – глаза, чтобы увидеть тебя, когда покажешься. Я весь – уши, чтобы услышать твое повеление.

Падишаху стало жаль его, он начал расспросы и взамен допущенного пренебрежения посулил ему царские милости и монаршьи обещания. И вот, когда падишах вел доброжелательные речи, откуда-то издали послышался приятный и нежный голос:

– Я ухожу. Найдется ли человек, который догнал бы меня?

Слова эти повторялись несколько раз, пока падишах не сказал:

– Эй, Джанбаз! Ты слышишь этот голос? Мочи нет терпеть долее!

Джанбаз склонил в знак покорности голову и ответил:

– Если государь позволит, я разузнаю, в чем дело.

И он тотчас зашагал в направлении голоса. Падишах, потрясенный и взволнованный тем голосом, тоже двинулся вслед за Джанбазом, тайком стал красться за ним. И тут он увидел пленительный лик прекрасной женщины, полной совершенств и прелестей. Она была украшена знаками красоты и изящества: с головы до пят была такой, какой подобает. Казалось, что кто-то сотворил ее по своему желанию.

Джанбаз спросил:

– О, красавица! Кто ты и откуда столь прекрасная и пленительная? Куда ты спешишь в неурочный час? Из-за чего ты плачешь и стонешь?

– Я олицетворение жизни падишаха Хузистана, – отвечала та. – Срок его жизни истек, его время кончилось. И вот я иду, что бы постучаться в другие двери и вручить черед жизни другому.

Джанбаз, как только услышал такие мучительно-жгучие речи, опаляющие сердце, эти отчаянные стоны, выронил из рук меч сознания, чело его омрачилось, и он остановился огорченный и пораженный. Родники очей стали извергать фонтаны слез, и он проговорил, рыдая и стеная:

Возьми то, что осталось от моей жизни,
И прибавь его к жизни шаха!

– Есть ли на свете хитрость или средство, благодаря которым ты вернулась бы к себе и в то же время охраняла бы падишаха, как вещая птица Хумай?

– Это возможно при условии, что ты заколешь, как Исмаила, [89] кого-нибудь из родных: или сына, или жену, или дочь, на челе которых начертаны приметы счастья, и принесешь в жертву за жизнь падишаха, – ответила женщина. – И тогда падишах проживет еще столько, сколько осталось жить принесенному в жертву.

Получив такой ответ, Джанбаз тотчас вернулся к себе и рассказал родным о том, что случилось, и тем самым подал им весть, что цветок жизни падишаха расцветет вновь, что бутон его счастья распустится снова. А падишах видел все это собственными глазами. Они, взволнованные и полные рвения, выступили

вперед, в каждом из них проступала радость и гордость, и каждый говорил:

– Я принесу себя в жертву за шаха! Погибну! Нечего тут страшиться! Пусть сто наших жизней будут жертвой за один волосок падишаха! Какое счастье может сравниться с этим, какой удел равен тому, чтобы ушедшая жизнь властелина возвратилась назад и продлилась благодаря нашим жизням? Этот подвиг восхвалят потомки, наш род будет гордиться этим и прославится верностью и благодарностью благодетелю. Мы же обретем сан мучеников. Ведь человек в конечном итоге смертен, основа его – лишь вода и прах.^[90] И всем придется когда-нибудь испить чашу небытия. В конечном итоге чаша ведь переполнится.

И так каждый из них рвался принести себя в жертву, стараясь превзойти другого и продлить жизнь повелителя. И, наконец, все вчетвером выступили вперед со словами:

– Это пустяк – отдать жизнь в жертву за падишаха!

Сначала сын Джанбаза как бы пожертвовал головой и сказал:

– Вот моя голова и меч. Делай все, что пожелаешь.

Затем дочь согласилась расстаться с жизнью, а затем и жена присоединилась к ним. Джанбаз, видя такую самоотверженность жены и детей, приставил к шее меч, подобный молнии, чтобы лишиться себя жизни, как вдруг из степи раздался голос:

– О преданный муж! Не спеши, не пускай меча в ход, не окропляй своей пречистой кровью безжалостный кинжал, ибо твоя жертва принята. Во имя преданности и самопожертвования, которые ты явил, не пожалев ради своего благодетеля жены, сына и дочери, к сроку жизни падишаха прибавлено еще много лет. Пусть твои родные вновь облачатся в одеяния бытия и пусть жизнь их продлится.

После этого голос умолк, а семья Джанбаза осталась в целости и сохранности. А олицетворение жизни падишаха, подобного которому еще никто не видел, исчезло и скрылось, словно дух. Джанбаз же тотчас вернулся на свое место.

А падишах меж тем тоже воротился и стоял в своем величественном дворце, дожидаясь появления Джанбаза. И вот падишах спросил его:

– Ну, Джанбаз! Что ты видел? Что за песни слышал?

– Да продлится жизнь падишаха, – отвечал Джанбаз, – это была добрая весть. Я увидел красивую и пленительную женщину, которая разгневалась на мужа и ушла прочь. Я, твой нижайший раб, примирил их, и она вернулась в свой дом. Более ничего примечательного не было. Падишаху не о чем тужить, нет нужды задумываться о тех песнях. Ему подобает счастливо восседать на троне желаний и престоле благоденствия.

На другой день, когда властелин звезд взошел на изумрудный престол на востоке, словно светоч жизни падишаха Хузистана, звезда пребывания его в этом мире, повелитель устроил прием на ковре владычества в тронном зале счастья. Он удостоил везиров, избранных надимов, мудрецов и философов державы чести облобызать прах у своих ног, а потом рассказал о верности и преданности своего слуги, в которых убедился воочию. Он назначил его своим ближайшим помощником, осчастливил, возведя из положения слуги в наивысший сан, отдав ему предпочтение перед всеми вельможами и великими мужами державы, от души и сердца одобряя его преданность и верность.

Так поступают все добродетельные правители,
Так поступают великие мужи, когда надо действовать.

Все это было наградой за то, что Джанбаз и душу и сердце – властелинов в царстве тела, главных в державе плоти – не пожалел принести в жертву, за то, что готов был пожертвовать женой и детьми,

самыми любимыми и дорогими существами, ради своего господина. И поскольку у него были добрые помыслы, и он справился со своими обязанностями благодаря добронравию, то, конечно, всевышний не дал погибнуть его жене и детям в вознаграждение за его добродетели. Бог прибавил жизни его повелителю, оставил в живых членов его семьи, и он обрел долю в обоих мирах и был вознагражден. А после того он ласкал локоны красавиц и вкушал сполна наслаждение из рубиновых уст прекрасных дев, и к нему полностью применим аят:[\[91\]](#) «Никогда не обретете вы благочестия, пока не станете расходовать из того, что вы любите»,[\[92\]](#) и он всегда помнил эти стихи:

О сердце! Страстью ты никогда не свершишь ни одного дела,
Пока не пострадаешь, не обретешь того, кто страдает по тебе.
Пока не положишь свое тело под пилу, словно гребешок,
Не видать тебе локонов красавицы.

И попугай закончил так:

– О Мах-Шакар! Берегись. Что ты скажешь о мужестве и благородстве Джанбаза и его семьи? Кто из четырех благороднее? Кому из них отдать предпочтение?

Мах-Шакар раздумывала над ответом на вопрос попугая, когда утренний рассвет, словно ее светлый лик, озарил мрак мира, а лучезарное солнце засияло, словно ее прекрасное лицо.

ПОВЕСТЬ о ювелире и резчике по дереву, о том, как они отправились в кумирню и унесли золотые фигуры, как ювелир перепрятал их, а резчик похитил детей ювелира и как затем ювелир вернул идолов

На третью ночь, когда золотой лик солнца укрылся на западе, когда из кумирни на востоке извлекли серебряное изображение луны, Мах-Шакар украсила себя драгоценностями, словно идола Азара,^[93] нацепила на свои точеные серебряные лодыжки золотые украшения, готовясь отправиться на свидание с возлюбленным, подошла к попугаю и заговорила красноречиво и находчиво, прося его погадать и подать благую весть, ибо всякому, кто приступает к какому-либо важному делу и серьезному начинанию, сперва надо узнать веление звезд, согласно выражению «Мы погадали тебе по тому, что рекли твои уста»,^[94] а потом уж действовать.

Попугай-златоуст, видя ристалище слова свободным, тотчас пустил вскачь коня своего разума, дабы чоуганом хитрости загнать мяч страсти луноликой красавицы в тупик запрета, и сказал:

– Ныне самое благословенное время, благоприятный день и удачный час, пора покоя, ибо око счастья бодрствует, а глаза стража дремлют. Глаза счастья открыты, а смута дремлет.

Чего же ради медлить и проявлять лень в достижении желанного в столь удобный час и благоприятное время? Может быть, ты сомневаешься в его чувстве и верности или подозреваешь его в нарушении клятвы? Я не знаю, любит ли он тебя так же сильно, стремится ли он к тебе в той же мере, как ты любишь его, предана ему душой и сердцем. Кто знает, ведомо ли ему такое же горение страсти и томление любви, или же он просто притворяется. Ведь говорят же великие мужи: «Многие люди склонны к легкомысленным чувствам и говорят о любви только ради преходящей чувственной страсти». Такие люди, стоит им лишь увидеть красавицу, тотчас влюбляются в нее и устремляются за ней. Так и случилось с юношей из Нишапура, который недолго был влюблен в прекрасную девушку, а потом вдруг отдал сердце другой.

– Как же это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай начал рассказывать.

Рассказ 4

Рассказывают, что в давние времена в городе Нишапуре шла по улице стройная красавица, грациозная, среброгрудая, сладкоголосая, в накидке и чадре, в одеяниях красоты. Казалось, что сердца всех мужчин мира пленены ею.

Один влюбчивый юноша следовал за нею словно тень, влекомый цепью ее локонов, непрестанно твердил: «Я безумно влюблен в тебя». И вот она, этот живой кипарис, чтобы снять печать с его сердца и испытать силу его любви, сказала:

– Зачем ты преследуешь меня? Зачем ходишь за мною как тень? Моя младшая сестра краше меня лицом, кудри ее длиннее моих, она более достойна твоей любви. Обратись же к той, что следует за мной, устреми на нее взоры, а меня оставь в покое и отстань от меня.

Слабовольный юноша, едва услышал такие слова, повернулся и стал оглядываться, желая сравнить, которая лучше. Красавица же молвила ему:

Если ты следуешь путем разумных мужей.
То удовлетворишься одной любимой, ведь у тебя одно только сердце.

Она пошла своей дорогой, а юноша остался с тоской в глазах, проливая в разлуке с ней горестные слезы. Ведь людская природа по большей части подвержена неверности, натура человека коварна и хитра. Тот, в ком на первый взгляд больше верности и добродетели, на деле проявляет больше коварства и злонравия. Воистину тот, кто с первого раза предлагает тебе целительное зелье, в конечном итоге вонзает острое жало. Того, кто твой сердечный друг, почитай заклятым врагом, в том, кто соглашается с тобой, ищи недруга.

Тот, кого ты считаешь другом,
Если присмотреться, твой худший враг.
Не всяк, кто приветствует тебя, друг твой.
Ведь не в каждой раковине зарождается жемчужина.

Если бы в природе людей не укоренились бы коварство и обман, то ювелир не стал бы предавать резчика, с которым он дружил в течение двенадцати лет, не стал бы обвинять его в краже идиолов, которые сам же и украл.

– А как это было? – спросила Мах-Шакар, а попугай отвечал.

Рассказ 5

Рассказывают, что в некоей стране крепко дружили ювелир и резчик по дереву. Они постоянно расточали заверения в дружбе, искренней, словно подлинный рассвет, никогда не расставались друг с другом, их взаимная привязанность была так велика, что им стали завидовать родные и близкие, а друзья и приятели стали ревновать. Таков характер людей: словно коварный небосвод, они не могут спокойно взирать на чужую дружбу. Природа человека, как и судьба насильника, такова: никто не может спокойно перенести известия о счастье даже брата родного.

И вот однажды ювелиру предстояло трудное дело, он повязался поясом дороги и обулся в башмаки странствия. Друг не желал расстаться с ним, подвергнуться разлуке и решил также отправиться в путь, поскольку в душу ему запало выражение «путешествие – частица ада».[95] Ни привязанность к жене и детям, ни заботы по дому – ничто не могло его удержать. Сколько ни уговаривали его близкие, сколько ни удерживали друзья, он, тем не менее, собрался ехать. А вот что по данному поводу изрекли великие мужи: «Друзья познаются в беде, ибо за пиршественным столом даже враги кажутся друзьями».

Притязаний на братство во время благоденствия много,
Но братья познаются только в беде.

* * *

Если ты называешь кого-либо другом, то называй того,
Кто друг тебе и в радости и в горе.
Другу, который не друг тебе и в радости и в горе,
Не стоит радоваться.
Он радеет только о себе.

Они двигались вперед, перенося тяготы и трудности. Каждый день совершали они переход и каждую ночь останавливались на новых стоянках, тем самым познавая свет и набираясь житейского опыта.

Хотя они в пути натерпелись разных невзгод без меры и числа, однако в подтверждение слов Посланника – да будет мир над ним: «Путешествуйте, чтобы быть здоровыми и обрести долю», [96] однажды они прибыли в незнакомый город и остановились там. Спустя несколько дней, когда путники отдохнули от тягот пути, у них кончились дорожные припасы, но ведь человеческая природа требует пищи. Они принялись бродить по городу и базарам, однако их никто не знал, да и сами они никого не знали. Согласно поговорке «Чужестранец – словно слепой», они обращались то к одному, то к другому. Но никто не хотел верить ювелиру на слово, а резьба по дереву там вообще была никому не ведома. И вечером они поневоле вернулись в свое жилище голодные и разбитые и подумали:

Человек силен в родном городе.
Глаз хорош в глазнице.

В той стране господствовало идолопоклонство, большинство его жителей погрязло в этом заблуждении. Любовь к золоту и пристрастие к тщете земной укоренились в их сердцах, и они поклонялись золотым идолам и совершали молитвы в невежестве. Поскольку их разум был застлан мраком неверия, а рассудок закрыт занавесом заблуждения, они считали тварь творцом и не отличали созданного от Создателя.

Надо сказать, что наши путешественники были сообразительные, ловкие и необыкновенные люди. И

они порешили: «Чтобы обеспечить себя пропитанием и жизненным достатком в этом городе, нет ничего лучшего, как проникнуть в кумирни этих коров и ослов, сынов Израиля.^[97] Уподобимся-ка жрецам кумиров и идолопоклонникам, по их религиозному обычаю, повяжемся зуннарами и повесим на шеи кресты обмана,^[98] обольстим их проповедями и наставлениями, призывая их поклоняться идолам и возжигать огни. А потом, уловив удобный момент, мы освободим кумирню от золотых статуй, заберем себе эти фигуры, будем постепенно расходовать золото на свои нужды и заживем припеваючи. «И богоугодное дело совершим, и блага этого мира обретем».

И вот они отправились в кумирню и стали самозабвенно отбивать поклоны. Все идолопоклонники и брахманы были пристыжены их чрезмерным рвением и набожностью, им стало неловко, что сами они проявляли небрежение и нерадивость в служении идолам. С каждым днем мнение о чужестранцах становилось все лучше, их стали считать достойными доверия и уважения. За то рвение, которое они видели у этих чужестранцев к их ложной вере, за их старания в поклонении идолам, идолопоклонники, преисполнившись почтения, вручили новообращенным ключи от всех сокровищ кумирен. Они стали такими доверенными и надежными людьми, что ни у кого не вызывали ни малейшего подозрения или сомнения.

И вот, когда они, таким образом, заложили крепкие основы задуманного дела, когда увидели, что очаг удобного случая разгорелся, они объявили идолопоклонникам:

– Боги сказали нам во сне: «Жители этой страны не тверды и не сильны в своей вере, они проявляют пренебрежение и нерадивость в поклонении кумирам. Поэтому мы скроем свои лики за завесой, лишим их божественной милости и отправимся в другую страну, где почитают кумиров, где ревностно поклоняются им и служат идолам». А мы также уедем отсюда, покинем эти места.

Мы уложили свою поклажу и укрепили сердца,
Оставив здесь нашу давнюю дружбу.

Соберите же ключи своих сокровищниц, а то как бы не случился пожар и не спалил все, и сухое и сырое. С первого же дня, как прибыли сюда и стали служить кумирам, мы убедились в недостаточном вашем рвении в поклонении богам, узрели, что счастье покинуло эти края и благополучие ушло из этой страны.

Несчастные язычники не подозревали в словах бедных чужестранцев ничего дурного, они поверили в выдуманный сон, пришли в сильное волнение и сказали:

– Не торопитесь покинуть наши края! Быть может, благодаря искренности вашего религиозного рвения наши боги не покинут нас и простят. Мы клянемся, что впредь не будем нерадивы в служении им, будем внимательны и почтительны.

А правоверные мужи, видя, что их замысел созрел, словно расплавившееся золото, ночью, тайком, согласно изречению: «Скрой золото свое, путь свой и религию свою», оттащили подальше и закопали тех болванов из золота, совратителей душ людских. А потом они облачились в одеяния, подобающие мусульманской вере, и в полном спокойствии вернулись в свою страну, насытив взоры лицезрением родных и друзей. А привезенные сокровища они зарыли под деревом, договорившись, что при надобности вдвоем придут туда и каждый возьмет справедливую долю.

Прошло некоторое время, и, поскольку воровство сопутствует ремеслу ювелира, оно у этого сословия в крови, поскольку, согласно изречению, «ремесло не забывается»,^[99] а человеческая природа склонна к обману, ювелира охватил соблазн, и он засучил рукава коварства, чтобы обвести вокруг пальца своего друга двенадцатилетней давности. Страсть к золоту возобладала над чувством дружбы, и он, согласно изречению: «муж – раб денег», поставил клеймо своей природы на камне ничтожества и пробном камне

подлости.

Повсюду камень служит пробой для золота,
Само золото – пробный камень для подлых людей.

Ни давняя дружба, ни узы товарищества, ни клятвы и заверения не удержали его. Он, не задумываясь, отправился к тому дереву, вырыл клад и схоронил его в другом месте для себя одного.

А потом однажды позвал своего давнего друга отправиться за кладом, чтобы взять толику на расходы. Когда они не нашли спрятанного золота, то ювелир набросился на беднягу резчика и поднял шум и крик:

– Никто, кроме тебя, не знал о кладе! Это ты похитил золото! Верни мою половину. Ты всегда тянешь в свою сторону, тащишь все в свой дом! Ты жаден, а я щедр! Я ведь только и занимаюсь ювелирным делом, постоянно вожусь с золотом. Много ли оно для меня значит?

Бедному столяру ничего не оставалось делать, как клясться и божиться. Он воочию убедился в коварстве, хитрости и неверности ювелира, но не мог и слова вымолвить, опасаясь его вражды и ненависти. Наконец он сказал:

– Быть может, нашим кладом завладел какой-либо прохожий или пастух. Что поделаешь? Видно, не судьба, вот золото и досталось кому-то другому. Ведь говорят: «Больше доли не пожнешь». Своим можно считать только то, что ты получил в руки. Что мы взяли, то и было нашей долей. Нет пользы горевать, нет смысла печалиться. Бог нам пошлет что-нибудь другое взамен.

Все, что нам суждено, достается без промедления.

А то, что не суждено, не достается.

Вздыхни же свободно полной грудью:

Что бог пошлет, тем и довольствуйся.

Ювелир, услышав справедливые и разумные речи своего названного брата, уверился, что теперь золото целиком принадлежит ему, и окончательно успокоился на этот счет, решил, что у друга не осталось на душе осадка, а в голове задних мыслей на этот счет. И они мирно вернулись в город.

Но бедняга резчик с тех пор не знал ни сна ни отдыха, по ночам глаз не мог сомкнуть, размышляя о пропаже. Раздумывая об утрате золота, он пожелтел и похудел, словно инбирь. Ведь мудрецы сказали: «Жизнь и золото – все одно». В решениях шариата золото уравнивается с жизнью, например, грешные неверные откупаются от завета «убивайте многобожников».[100] подушной податью, а заключенные под стражу за убийство освобождаются от меча возмездия, если уплатят виру. И вот резчик, чтобы отомстить неверному другу и вернуть свою долю, не прерывал с ним дружбы и братских отношений, а, напротив, продолжал общение с ним, выказывал приязнь больше прежнего и навещал его по праздникам, но, отвечая ласково на его приветствия, готовил коварную засаду, ибо мудрецы сказали: «Преданность верным – верность, вероломство к вероломным – верность, верность вероломным – вероломство»[101]

С вероломным мужем нужно играть в нарды вероломства.

Кривой сабле нужны кривые ножны.

И вот в один прекрасный день резчик, показав свое искусство, выточил из дерева статую ювелира, надел на нее платье, которое обычно носил тот коварный человек, а на голову водрузил шапку. А потом он приучил к этому деревянному человеку двух медвежат, кормил их всегда из его рук или возле него, так что они привыкли получать корм у подобия ювелира, облизывали его и лънули к нему, словно собаки к хозяину.

И вот в один прекрасный день столяр, чтобы осуществить замысел, пригласил к себе гостей и устроил

пир. Он позвал также ювелира со всеми его родными и домочадцами. Потом он спрятал двух мальчиков ювелира – усладу его глаз, как тот спрятал золото, а вместо них выставил обоих медвежат и стал причитать и стенать:

– Не знаю, какое предательство совершил мой брат, что детки, частицы сердца его, воплотились в такое обличье, потеряли свой первоначальный вид.

Надо полагать, эти события случились до пророческой миссии господина посланников Мухаммада. Собралась целая толпа поглазеть, и все люди только диву давались. Весть об этом дошла до отца мальчиков. Он прибежал, стал впопыхах кричать и вопить. Хотя истинная подоплека событий была ему известна, и он понимал, куда клонит его приятель, он затеял спор и препирательство, потащил друга к судье, взывая к справедливости против произвола.

– Можно ли поверить, чтобы невинные дети обрели такой облик, превратились в зверей? – вопрошал он. – Сдается мне, что этот человек говорит неправду, хитрит и строит козни!

Судья потребовал от резчика разъяснений, очевидцев, которые подтвердили бы его слова, но тот отвечал:

– Откуда мне взять свидетелей? А самое верное доказательство вот какое. Надо отвести обоих детей, обращенных в животных, к отцу. Коли это его сыновья, они непременно узнают родителя. Ведь отец-то остался в прежнем облике, изменились лишь дети.

Медвежат тотчас потащили к ювелиру. Звери, которые привыкли к деревянному изображению, словно ртуть к золоту, обхватили ювелира лапами, стали карабкаться на него, заигрывать, облизывать его, ювелир же старался отделаться от них и убежать.

Когда судья и присутствующие увидели это зрелище, стали они скорбеть и печалиться, а потом судья решил наложить на ювелира покаяние. Тут ювелир испугался за жизнь своих детей и на условном языке прошептал в ухо своему названному брату:

– Твоя половина золота в целости и сохранности!

На что резчик отвечал:

– «В природе людей заложено возмездие!» Однако господь всемогущ, он может вновь обратить медвежат в людей.

Если ты совершил зло, то остерегайся беды,
Ибо в самой природе людской заложена расплата.

А все присутствующие так и остались в изумлении, поскольку никто не догадался о подоплеке их дела.

– О Мах-Шакар, – закончил попугай, – вероломство людей и неверность таковы, как ты слышала.

Когда красавица взглянула на горизонт, то утро уже наступило и солнце простерло над миром свои лучи.

ПОВЕСТЬ о воине и его праведной жене и о том, как она вручила своему мужу букет цветов

На четвертую ночь, когда желтый жасмин солнца, словно водяная лилия к концу дня, скрыл свое лицо, когда звездным цветком сверкнула улыбка Пляд, Мах-Шакар поднялась, ловко и умело собралась на любовное свидание и во всей красе подошла к клетке попугая. Она вновь поведала ему о сердечных муках и попросила посоветовать, как ей свидеться с возлюбленным.

Сладкоречивый попугай отвечал:

– Милости моей госпожи, которая оказывает мне честь тем, что советуется со мной, привели к тому, что я проникся к самому себе уважением и даже самоуверенностью. Ты же убедилась в моей преданности и искренности, в моем дружеском расположении, – иначе я не удостоился бы быть доверенным твоих тайн и поверенным в твоих секретах. И вот теперь, чтобы оправдать это доверие, мне надо, не теряя ни минуты, сообщить тебе о том, что пришло мне на ум.

– Мое доверие к тебе, – сказала Мах-Шакар, – так велико, что его не описать словами. И мое расположение к тебе ему под стать. Так что не таи от меня того, что считаешь полезным мне в таких обстоятельствах.

– Ты столь горда своей красотой и стройным станом, – начал попугай, – что не проявляешь должного внимания к возлюбленному, не задумываешься, в каких муках он цедит глотки из чаши отчаяния. Потому ты и мешкаешь со свиданием! Конечно, подобной медлительностью ты хочешь пробудить в нем большее чувство, укрепить основы его любви, чтобы не ускользнуло из рук счастье, добытое с таким трудом. Я же, твой преданный раб, вижу все это благодаря прозорливости и непрестанно размышляю об этом. Нельзя не отдать должного твоему уму и сообразительности, ведь и законы разума и здравого смысла подсказывают такое. Но остерегись, как бы твой муж не прибыл в ближайшие дни! Ведь тогда ты потеряешь желанного, который так страдает из-за твоих обещаний. И устыдишься подобно тому, как шахзаде^[102] Рея^[103] устыдился перед женой своего воина.

– Как же это шахзаде Рея, могущественный властелин, устыдился жены своего подчиненного? – спросила Мах-Шакар. – Ну-ка расскажи!

– У меня только голова разболится, – отвечал попугай, – а ты не успеешь по своему делу. Это меня и удерживает.

– Ну уж нет, не ленись и не отлынивай, – возразила Мах-Шакар. – Рассказывай, как это произошло!

Рассказ 6

Сладкоустый попугай начал речь.

Поведали, что в городе Рее у воина была молодая жена, красивая и речистая, приветливая и душистая. Муж из-за несравненной красоты жены не мог разлучиться с ней ни на час, а жена из-за достоинств мужа не могла расстаться с ним ни на миг. Муж оказался в ловушке ямочки на ее подбородке, а ее локоны стали для него цепями бедствий и тенетами бед. Из-за жены он забросил службу воина и важные дела, поскольку так ревновал ее, что никогда не оставлял одну. Все имущество, что было у него, включая приданое жены, он продал и потратил, чтобы угодить ее прихотям, не оставив дома не только ничего ценного, но и ломаного гроша.

Когда же обозначилась нехватка в каждодневном пропитании, когда стало невоготу от нужды, красotka сказала мужу:

– Человеку не прожить без трудов ради куска хлеба, без забот, чем бы прикрыть наготу. Ведь говорят же:

Как бы велико ни было доставшееся богатство,
Разум велит приумножать его.
Всеми миру известна и другая пословица:
«После любовных утех надобен и хлеб насущный».

– Не могу я оставить тебя одну, – отвечал муж. – Я уродился ревнивым, склонным к подозрениям – вот и провожу дни свои дома, голодая, терпя бедность и нищету.

– Супругу уберезет лишь истое целомудрие и милость творца, – отвечала добродетельная жена. – Чем больше муж охраняет и стережет жену, тем больше неверная жена стремится к блуду и греху, как это случилось с женой йога, который из-за чрезмерной ревности решил поселиться в пещерах. И конечно, его жена сходилась с сотнями мужчин, а предосторожность мужа ничуть ему не помогла.

– А как это было? – спросил воин.

Рассказ 7

– В давние века, – начала жена, – жил на свете отважный и доблестный муж. У него была благочестивая и праведная жена. И при всей своей храбрости и отваге, он нисколько не ревновал ее и не питал на ее счет ни малейшего подозрения.

И вот однажды ночью названная сестра жены, чтобы испытать мужа, облачилась в мужские одеяния и легла в постель рядом с его супругой. Когда муж вернулся домой и увидел в постели постороннего мужчину, то он не разгневался и не пришел в ярость, а только промолвил:

– Вставай, юноша, теперь мой черед!

Женщины, услышав его слова, удивились его спокойствию, тотчас вскочили и сказали:

– Разве ревность не признак мужества, разве подозрительность не свойство мужчины? Почему же ты, столь отважный и смелый, что даже лев лесной бледнеет от ужаса перед тобой, а уstraшенный крокодил спешит укрыться в водной пучине, совсем лишен ревности и самолюбия?

– Как-то раз, – отвечал муж, – на охоте произошел со мною случай, и с тех пор я перестал ревновать и подозревать, целиком положился на великодушие бога и на судьбу, ибо всяк, кого бережет бог, чист душою. Мужу остается только целиком положиться на супругу.

– Так расскажи нам об этом, – в один голос попросили они.

– Однажды, – начал муж, – я отправился на охоту и бродил по степям и долам. Вдруг из пещеры вышел огромный слон с паланкином на спине. Я подумал: «Встретить слона в лесу не диво. Но зачем здесь на нем царственный паланкин?» Я тотчас взобрался на высокое дерево. Слон же опустил паланкин на землю под тем деревом, а сам стал пастись. Из паланкина тут же вышла женщина и начала оглядываться по сторонам. Я не утерпел, слез со своего дерева и стал ее расспрашивать.

– Мой муж, – отвечала она, – известный йог. Он в совершенстве овладел йогой и наукой чародейства, но притом очень ревнив и подозрителен. Он не допускает ко мне даже женской прислуги, а сам из-за чрезмерной ревности обратился в слона, дабы от страха перед ним ни одно живое существо ко мне не приблизилось. Вот уже двенадцать лет он так возит меня по степям и долам. А роду людскому он не доверяет.

– Когда я услышал ее обольстительные речи и увидел ее прелестные черты, – продолжал рассказывать муж, – то разум покинул меня, бразды правления выскользнули из рук рассудка.

Огонь и хлопок не нуждаются в посредниках: словно лев на самку газели кинулся я на нее и утолил страсть наслаждением. А затем решил возвращаться и на прощание поцеловал ее в уста. И тут луноликая красавица вытянула нитку из своего ожерелья и завязала на ней еще один узелок.

– Что за узелок ты вяжешь, какая в том хитрость? – спросил я ее. Красавица хотела скрыть от меня свою тайну. Я стал сыпать клятвами и пугать ее, пока, наконец, не вынудил ее признаться.

– С тех пор, как мой муж кичится своей ревностью, оберегает и стережет меня, – сказала она, – в этих степях и развалинах девяносто девять гостей вкусили моей халвы и испили шербета близости со мной. А ты будешь сотый. Вот о чем свидетельствуют эти узелки.

Овладев красавицей и получив такой жизненный урок, я вернулся домой. С тех пор я ревностно выполнять предписания бога и зарекся вожделеть к чужим женам. Воистину, за добро злом не платят, а за зло не воздают добром. Ведь если я стану алчно взирать на чужое золото, то могу потерять свое серебро. Если же не стану таскать украдкой куски с чужого стола, то и на мой ломоть хлеба муха не сядет.

Коли ты взял кусок со стола чужого,
То и другие сядут за твой стол.

И с тех пор я перестал попусту ревновать и тем самым избавился от напрасных терзаний.

– Мужу не к чему оберегать целомудрие жены, – сказала ему супруга, – если она не обладает этим качеством.

Воин обрадовался словам жены, начал доверять ей, отбросил сомнения насчет ее целомудрия и добродетели и перестал с тех пор ревновать.

Но в родном городе воину не было удачи, он еле-еле зарабатывал на жизнь, да и то выбиваясь из сил. Поневоле он решил отправиться на чужбину. Жена же, поскольку она была целомудренна, как Рабиа,[\[104\]](#) и собиралась посвятить себя служению богу, вручила мужу букет цветов и сказала:

– Эти цветы – знак моего целомудрия и добродетели, лепестки их всегда будут свежими, с каждым часом будут расцветать и хорошеть. Если же они, упаси боже, увянут и пожелтеют, знай, что дела мои плохи, что прах греха запятнал полы добродетели.

Воин порадовался этим словам и со спокойной душой отправился в дальний город, где удостоился чести стать слугой и воином одного царевича. С каждым днем его положение улучшалось, а сан возвышался. Букет цветов, подарок молодой жены, он носил на голове, ни на миг не забывая о нем, любовь его обновлялась благодаря аромату цветов, а на страницах души он начертил стих:

Это не запах цветов я вдыхаю, это аромат любимой.

И вот, наконец, подступили полки сурового месяца дей[\[105\]](#) и настали холода, владыка-мороз предал грабежу страну лета, султан осени стал совершать набеги на садовые цветы, изменчивые цвета мира уступили место камфарной белизне, словно в прачечной, ржавая от осенних листьев вселенная враз уподобилась лавке продавца хлопка. Вольным птицам степей подрезала крылья неверность зарослей жасмина, певчие птицы спешили прочь из-за недолговечности роз, а от самих роз осталось лишь воспоминание в виде розовой воды, соловьи пели лишь стихи о разлуке.

Настала зима, ушло лето,
Все люди попрятались кто куда.
Птицы покинули сады,
Улетели из Хорасана в Хиндустан.
Рыбы укрылись во глуби вод,
В недрах земли затаились змеи.

А воин меж тем в непогожие и холодные дни ежедневно являлся к царевичу со свежими цветами, и собрание благоухало благодаря им. Шахзаде дивился этому и говорил приближенным:

– В эти дни, когда от цветов осталось одно лишь название, от бутонов – лишь примета, когда даже мне, чьи розы счастья и цветы судьбы всегда распускаются, невозможно достать цветущей веточки розы, как удастся этому воину добывать свежие и благоуханные цветы?

Стали расспрашивать садовников и торговцев цветами, те ответили:

– Пусть базилик жизни царевича цветет и сияет, словно весенний сад! В эту пору осталось так мало листы, что мы уповаем лишь на сень твоих милостей, а о розах напоминают только твои розоподобные уста. Прикажи разузнать поподробнее об этом деле.

И тогда шахзаде попросил воина указать сад, откуда он приносит цветы. Пришлось тому поведать

правду, что он и сделал. Шахзаде был поражен его рассказом, никак не мог поверить ему: разум отказывался принять такое известие, сердце не хотело положиться на него. С насмешкой и издевкой он молвил:

– Женщины способны на всякие уловки и всевозможные хитрости. Что ты хвастаешь целомудрием и болтаешь о добродетели и чести? В действительности же твоя жена просто искусная колдунья. Эти цветы она заговорила и заколдовала, вот они и не вянут. Она одурачила тебя, чтобы самой остаться в одиночестве, отослать тебя подальше. А ты, как последний глупец, поверил ее выдумкам и принял за чистую монету ее рассказы.

Воин выслушал оскорбительные речи о своей жене, но, поскольку полностью доверял ей, не придавал этим словам значения и промолчал. А шахзаде, чтобы доказать свою правоту, выбрал двух молодых пригожих братьев, которые служили у него на кухне, дал одному из них много денег, назначил срок для возвращения и отослал их, тайком наказав соблазнить жену воина. Он хотел, когда они вернутся, выполнив его поручение, разоблачить при всех хвастовство воина и тем самым открыть ворота для потехи и шуток, как это принято в кругу молодежи.

Юный повар поспешно отправился в город воина, отыскал какую-то старую каргу, дал ей много дирхемов и динаров и подослал в жене воина. Добрая женщина, услышав о чужом мужчине и поняв, что тут дело нечисто, сказала своднице:

– Сначала покажи мне этого юношу, чтобы я решила, достоин ли он моей красоты, а уж потом я буду слушать его послания.

Глупая старуха вернулась, довольная и ободренная таким ответом, и повела юного повара на смотрины. Когда добродетельная жена увидела его, то шепнула ему на ухо:

– Коли ты хотел добиться меня, что за нужда была прибегать к услугам сводни? Ведь это может стать причиной разглашения тайны. Сказано же: «Тайна, известная троим, больше не тайна». [\[106\]](#) Вернись-ка к себе, отделись от старухи, скажи ей, что пери, мол, показалась тебе дивом, пусть, дескать, найдет тебе подругу получше. А сам приходи ко мне в дом со всем своим скарбом и поселись у меня, дабы насладиться и обрести счастье встречи со мной.

Юному повару понравились слова пленительной женщины, и вскоре он явился туда со всеми своими товарами и тканями. А красавица еще до его прихода вырыла яму, соорудила из полуспряденных нитей циновку и прикрыла ею яму, а потом пригласила юношу сесть на циновку. Бедный юноша, ни о чем не подозревая, сел туда и провалился в яму.

Добродетельная жена выспросила его обо всем и все разузнала. Бедняга, желая спасти себе жизнь и избавиться от беды, выложил ей всю правду – и про мужа, и про цветы, которые не вяли, про то, как шахзаде отправил его соблазнить честную женщину.

Хозяйка выслушала его рассказ, улыбнулась, потом распродала товары юноши и поправила дела дома. А бедный повар так и остался в яме. Когда он не вернулся к назначенному сроку, шахзаде отправил вслед за ним второго брата с точно таким же поручением. Тот поехал, вкусил из того же котла бедствий, захмелел от напитка из той же чаши, так что оказался в одной яме с братом.

Жена воина по своей прозорливости и природному уму догадалась, что шахзаде вскоре явится сам, как некогда Сулейман, [\[107\]](#) и украсит бедную хижину раба лучами благословенного восхода.

Жена воина давала обоим узникам немного еды и подмешивала туда зелье из анакардии, так что тела их покрылись волдырями, все волосы выпали, остались они безбородыми и лысыми.

Шахзаде между тем надоело ждать возвращения посланцев, он взял с собой воина, выехал как бы на

охоту и прибыл в тот самый город, выдавая себя за купца.

Воин сразу поспешил к себе домой, сообщил праведной жене о своем прибытии и поведал о том, что ему пришлось пережить.

А жена рассказала ему о тех юношах в яме, тайных посланцах его господина. Муж велел приготовить все необходимое для приема гостей, они накрыли стол, и воин ввел властелина в дом с превеликим почетом и уважением. Он оказал ему наивысшее гостеприимство, всячески служа и ни в чем не пренебрегая законами хлебосольства.

Царевич увидал, что чело хозяйки дома украшено знаками целомудрия и сиянием добродетели: «Знаки на лицах их – следы земных поклонов».[\[108\]](#) И он раскаялся в своих преступных и греховных намерениях на ее счет, молил о снисхождении к своим слугам и в глубине души винился перед нею.

Настала пора накрывать на стол. Жена воина вытащила из ямы юных поваров, одела их словно стряпух, повязала им головы цветными платками и наказала:

– Если хотите получить свободу, держите язык за зубами, бойтесь проронить хотя бы слово. Однако же вы постоянно служили своему повелителю, вам известны все правила обхождения, смотрите же, не отступайте от них ни на шаг, не позволяйте себе небрежения.

А те были до того пристыжены своими поступками, женским платьем и безволосыми лицами, что не могли вымолвить ни звука, только прислуживали за столом, как у них было в обычае. Царевич же при виде такой благовоспитанности и учтивости только дивился. Тут он вспомнил о своих слугах и спросил хозяйку:

– Чем провинились эти служанки, в чем согрешили, что вы обрили им волосы на голове?

– История их длинная и долгая, – отвечала хозяйка. – Пусть сам царевич соблаговолит расспросить их, поскольку приключения их очень занимательны.

Когда шахзаде стал внимательно рассматривать служанок, они разом бросились к его ногам и поведали ему все. Царевич пришел в большое смущение, с тысячью извинений поднялся он с места и, пристыженный, отправился в Рей.

– О Мах-Шакар! – закончил попугай рассказ. – Я рассказал это все к тому, чтобы тебе не опозориться перед возлюбленным в случае возвращения супруга, как был опозорен царевич перед женой своего слуги.

Искренность и доброжелательность попугая понравились Мах-Шакар. Она вознамерилась выйти из дому, играя станом, чтобы повергнуть мир в смятение, но тут появились передовые полки утра, а на трон небес вступил облаченный в золотой кафтан шах-солнце.

ПОВЕСТЬ о радже Камру, о попугае-лекаре и о том, как он вылечил раджу

На пятую ночь, когда золотой шах солнца из голубого дворца небосвода прилег отдохнуть на престоле запада, а сребротелая дева луны прокралась с востока на изумрудный трон неба, Мах-Шакар оделась со всей поспешностью и ловкостью и, приготовившись, подошла к попугаю, намереваясь отправиться на свидание с любимым. Не успела она еще завести речь о своем свидании, как попугай притворился огорченным и раздраженным и сказал:

– Одолели меня сегодня раздумья, так что я даже забыл о воде и хлебе, до сих пор меня не покидают.

– Да будет это к добру, – сказала Мах-Шакар, а попугай ответил:

– Вот именно к добру! Я ведь думал о тебе и твоём друге. Хорошо было бы, если бы ваша влюбленность и страсть были неизменны, чтобы все это не обернулось людскими насмешками и злорадством недругов. Хорошо, если ты от него не отвернешься, а он не пресытится тобой. Тогда и будет вам подлинное счастье, радость, которая вам улыбнется. Ведь мудрецы изрекли: «Тот, кто нетверд в любви, кто не стремится к постоянству, подобен тому недалекому влюбленному, что отдает душу и сердце лепесткам базиликов и цветкам жасмина: недолог их век!»

Коль любовь не вечна, это значит она —
Лишь кипение юных страстей.

– Меня беспокоит и тревожит, – продолжал попугай, – как бы ваша любовь не осталась незавершенной, как это было с исцелением раджи Камру, которого лечил попугай. Он еще окончательно не выздоровел, как велел выпустить попугая из клетки, а тот, конечно, вспомнил о родных куцах и вспорхнул вверх. Попугаю уже было не до болезни раджи, и он улетел, не завершив лечения. И никакие сетования и сожаления делу не помогли.

Мах-Шакар была настолько удивлена и поражена, что птица может быть лекарем, что принялась изо всех сил упрашивать рассказать ей об этом, позабыв о том, что собиралась идти к возлюбленному, и допытываясь:

– А как это случилось?

Рассказ 8

Рассказывают, что в окрестностях города Камру на ветвистом дереве свил себе гнездо мудрый попугай, у которого вскоре вылупилось несколько птенцов. Птица приносила птенцам корм и растила их. Под тем деревом вывела своих детенышей и лиса. Она также заботилась о своих лисятах и кормила их. Попугай иногда спускался вниз с дерева, играли с лисятами и выклевывали из их шкур всякую всячину. Но попугай был мудрый и догадливый и предвидел грядущее в зеркале событий, он опасался беды и запрещал птенцам резвиться с лисятами, говоря:

– Вам нужно дружить и общаться с подобными себе, ибо общение с чужеродными влечет бедствия и приносит губительные плоды. Говорят ведь: «Каждый вид стремится к подобному себе».[\[109\]](#)

Каждый вид пусть летает с подобным себе:
Куропатка с куропаткой, сокол с соколом.

Вы принадлежите к благородному роду, они – к подлому. Вы достойны пребывать у престолов царей, они же – добыча для собак. Вы возвышенны, они униженны. Какая связь между небом и землей?

Бедняга попугаиха давала много подобных советов, но птенцы не слушали жемчужин наставлений и не переставали резвиться и играть.

Счастливыцы дают наставления, однако
Внимать им способны лишь такие же счастливыцы.

Умудренная жизнью мать сказала птенцам:

– Того, кто поступает недостойно, кто одаряет благородной беседой недруга и не слушает наставлений доброжелателей, постигнет та же участь, какая постигла обезьяну, игравшую в шахматы: он пустит по ветру драгоценную жизнь, которой нет замены.

– А как это случилось? – спросили птенцы, и мать стала рассказывать.

Рассказ 9

Рассказывают, что на стене одной крепости обитала обезьянка по имени Зирак. Она дружила с сыном кутвала [110] того города. Мальчик иногда приходил к ней, и они резвились, а иногда играли в шахматы. Во время игр они, бывало, то ссорились, то мирились.

Другая же обезьяна, ловкая и многоопытная, жила по соседству с Зираком и дружила по-братски с ее отцом. А ведь говорят: «Дружба между отцами – это дружба между детьми». И вот тот самец, движимый чувствами названного брата, стал давать Зираку мудрые советы и наставления, отговаривать общаться с сыном кутвала, и закончил так:

– Мы не относимся к тем, кто возвышается благодаря дружбе с людьми, мы не из тех, кто общается с ними, чтобы радоваться и гордиться их благосклонностью или чтобы утвердить дружбу к нам в людских сердцах. В особенности не следует обольщаться игрой с ними, шутками и всякими бессмысленными затеями. Хотя наши предки когда-то тоже были людьми и им были вменены предписания и запреты, однако ими овладели мятежный дух и непокорность, они накопили несметные сокровища и забыли аята: «Вы полагали, что мы создали вас ради забавы», [111] не произносили аята: «Я сотворил джиннов, [112] и людей только ради того, чтобы поклонялись мне» [113] сбросили со своих плеч халат аята: «Мы сотворили человека лучшим сложением». [114] и облачились в шубу аята «превратил их в обезьян и свиней» [115]

Тот, кто совершит зло, увидит сам много зла. Тот, кто совершит что-то, то же и пожнет.

– К тому же, – продолжал самец, – каков смысл служить забавой для людей и быть посмешищем для детей? Хотя сын кутвала и благосклонен к тебе, хотя он не дает ребятам швырять в тебя камнями, но, поскольку любовь и дружба ваши не основательны, а случайны, поскольку различие вашей природы совершенно очевидно и ваши приятельские отношения скреплены только игрой в шахматы и бесполезным времяпрепровождением, то на все это нельзя полагаться, сей пустяк ничего не весит на весах разума, ибо дружба и братство, основанные на мирских интересах и выгодах, ради обретения какой-либо пользы, подобны нагретой воде, которая со временем остынет и вернется в свое прежнее состояние. А плод дружбы, возвращенной верой и лишеной какой бы то ни было корысти, алчности и лицемерия, чист и чужд скверны, словно золото высшей пробы, которое всегда дорого и не падает в цене.

Что и говорить, старый самец испытал на своем веку и зной, и стужу, вкусил опыта в этом мире. Он смотрел в корень и суть вещей и предвидел пагубные последствия до наступления самой беды. Ему было жаль молодую обезьяну, он не переставал укорять и поучать Зирака.

Все, что юноша видит в зеркале.
Старец видит в сыром кирпиче.
Поскольку старцы прозорливы,
Они предугадывают беды.

Но невежда Зирак нисколько не слушался слов мудреца и не следовал его наставлениям, не перестал дружить с сыном кутвала, не оставлял того, к чему привык: «Трудно отвыкнуть от привычного».

Если привычка давняя, она становится натурой.

И вот в один прекрасный день сын кутвала пригласил друзей и устроил пиршество. Он созвал людей именитых, а сам сел играть с Зираком. Детеныш обезьяны захотел показать себя перед гостями и стал обдумывать шахматные ходы, не ведая о коварстве неба, подобного ферзю, по своей привычке раздувая при этом ноздри и скаля зубы. Но сыну кутвала стало стыдно перед приглашенными за такое кривлянье, он решил наказать обезьяну как следует и сошел с коня благорасположения. Шаром из слоновой кости он

ударил бессловесную тварь по лбу, пролил, словно свирепый владыка, поток крови и окропил ею шахматную доску, словно тюльпаны рассыпая.

Зирак был обезьяной отважной и храброй, он вскочил, вонзил в могучего сына кутвала нож, а потом убежал и взобрался на крепостную стену.

А рана юноши с каждым днем увеличивалась и, наконец, достигла до кости. Как его ни лечили, ничего не помогало: рана болела все сильнее, а больной с каждым часом слабел. Всяк советовал иной способ излечения. Наконец пригласили прославленного лекаря из Греции. Он осмотрел раненого, промыл и вскрыл рану, а потом сказал:

– Излечить этот недуг можно только бальзамом из крови ранившей его обезьяны. Надо приготовить красный бальзам и мазать им в течение недели. Есть надежда, что тогда рана заживет и болезнь обернется здоровьем, ибо мудрецы сказали: «В лечебнице мира соседствуют боль и зелье, кузнец кует из железа и ножницы, и иголку. Железо режут железом». Хмель лечат самым же вином, змеиный яд бессилен, когда сжигают змею.[\[116\]](#)

Я лечился от Лейлы
Лейлой и любовью к ней,
Подобно тому как захмелевший от вина лечится вином.
Мы уязвлены вином, боль в сердце у нас,
Исцеление наше – только чаша вина.
Ужаленного скорпионом лечат убитым скорпионом.
Сраженного вином наповал лечат только вином.

Сын кутвала колебался между чувствами верности и мести. То он вытаскивал из ножен коварства и чехла жестокости меч на погибель своего давнего друга, то поднимал перед глазами щит совестливости, предпочитая созерцать в зеркале воли собственную погибель. То он умело готовился пролить кровь Зирака, то предпочитал телесные и душевные муки смерти названного брата. И у кого бы он ни испрашивал совета, в один голос отвечали:

– Суть жизни – это драгоценнейшая душа, и – нет ей замены. А гороподобное тело всегда найдется, животных на свете столько, сколько пожелаешь, были бы плечи и голова, а соловьев, чтобы воспевать их, всегда можно сыскать.

Если душа на месте, к чему искать возлюбленную?
Если есть счастье, к чему искать красавиц?

К тому же дружба между вами не была искренней и подлинной, не отвечала законам тариката.[\[117\]](#) Дружбу во имя игр и забав мудрецы считают ничтожной, словно «развеванный прах».[\[118\]](#) К тому же обезьяна – не благородное и возвышенное существо, чтобы раздумывать и тревожиться, достойно ли убивать ее. В особенности, когда речь идет о жизни, и клинок проник до самой кости. Основатель шариата[\[119\]](#) – да будет мир над ним – считал дозволенным в таких случаях проливать кровь и сказал: «Убивайте приносящих страдание». Небрежение в подобном случае неразумно.

Друзья так уговаривали сына кутвала убить Зирака, что, наконец, его сердце дрогнуло, и склонилось к коварству и вероломству, и он во имя своекорыстия поверг во прах и пустил на ветер давнюю дружбу. Тотчас начальники стражи и их шустрые подручные бросились словно выпущенный из катапульты камень, поймали и связали бедного Зирака, сбросили его со стены крепости, словно росинку, и окрасили грешную землю его кровью в цвет тюльпана. Из этой крови изготовили бальзам для раны, нанесенной Зираком, дабы другим было неповадно.

О глаз! Ты согрешил, ты и лей слезы.

О сердце! Ради друга пожертвуй жизнью.

Но сколько ни метал попугай перед своими птенцами жемчужин наставлений, сколько ни предупреждал о пагубных последствиях, они не прислушались к его речам и лишь отвечали:

– Ты говори, а небо свершит свое дело.

И вот однажды ночью лиса отправилась на охоту, а тем временем волк разорил ее нору и сожрал лисят. Вернулась лиса, не нашла своих детенышей и скорбь разгорелась в ней пламенем. Она решила, что это дело рук попугаев, пришла именно к такому заключению, которое предвидел мудрый попугай.

Лиса стала дожидаться удобного случая, чтобы отомстить, и пожаловалась на соседа рыси, с которой поддерживала дружбу. Рысь сказала:

– Ведь ты, лиса, славишься хитростью. Отомсти попугаю за своих детенышей, пусти в ход свои уловки!

– От скорби по моим дорогим деткам, частицам души моей, мне в голову ничего не приходит, – отвечала лиса. – А ведь ты – старший друг. Посоветоваться с тобой – признак благополучного исхода. К тому же не подобает в делах полагаться лишь на собственный разум.

– Думается мне, – начала рысь, – что тебе следует, прихрамывая, пробежать перед охотником и привести его к тому самому дереву, где гнездится попугай. А уж там охотник отомстит за тебя.

Лисе понравилась выдумка рыси, прилипли по душе ее слова, она распрощалась с нею и пошла искать охотника. И вот однажды лиса увидела лучника. По совету своего старшего друга она захромала и побежала перед охотником, а он погнался за ней. Когда лиса приблизилась к дереву с попугаями, она отбросила притворство и задала стрекача.

Охотник меж тем увидел попугаев, позабыл о лисе, раскинул вокруг гнезда тенета хитрости и стал ждать. Попугай, убедившись, что врата спасения закрыты, а двери гибели растворены настезь, подумал: «По мере сил я постараюсь спастись, во всяком случае, не струшу и не растеряюсь. Зрелого мужа не смутит никакая беда или неблагоприятные обстоятельства, он не трусит и не страшится, временные затруднения не заставят его вступить на губительный путь. Бог хранит за завесой бесконечное число милостей, «У Аллаха тысячи скрытых милостей, ибо, быть может, Аллах породит после этого какое-либо новое обстоятельство».^[120] Нет нам пользы от соседства с лисой, в трудную минуту надо самим позаботиться о том, как спастись». Потому он сказал птенцам:

– Притворитесь мертвыми и не дышите. Охотник не станет резать дохлых птенцов и выбросит вас из гнезда. Тогда не зевайте, будьте внимательны: как только он повыбрасывает всех вас, тут же вспорхните и летите прочь.

Птенцы поступили так, как им велел родитель. Жестокий человек с ножом в руках влез на дерево. Одного за другим он вытаскивал птенцов и бросал их вниз, сожалея, что бедняжки расстались от испуга с жизнью. Так он повывтаскивал всех, полагая, что в живых никого не осталось, кроме взрослого попугая. Он вознамерился и его схватить, и тут из его рук выпал охотничий нож. Птенцы решили, что это попугай упал вниз, и все разом вспорхнули, а сама мудрая птица угодила в лапы охотника и очутилась в тенетах беды. Ведь сказано:

Вольная птица, спасшаяся от стрелы,
При всей своей ловкости угодила в силоч.

Охотник крепко связал беднягу, дивясь птичьей хитрости и уловкам. Он хотел выместить на попугае свой гнев за птенцов, зарезать его, но тот воскликнул:

– Берегись! Не наноси урона себе и собственному благополучию! За удравших птенцов ты бы выручил всего несколько дирхемов. Велика ли тут прибыль? Я же в совершенстве владею искусством врачевания, у меня глубокие познания в этой науке, мне доподлинно известны все снадобья и лекарства, и мой дар целителя равен животворному дыханию Исы. [\[121\]](#) Отнеси-ка меня в город и продай какому-нибудь богачу за такую цену, которая удовлетворит тебя.

Охотник был несказанно рад, что ему попалась такая знатная добыча, он отправился на базар и стал на торгах продавать попугая. По городу пошел слух, что на базар привезли попугая-лекаря, этакое чудо, да только кто, кроме падишаха, такую диковину купить может?

А раджа этого города болел проказой. Созвали всех врачей и лекарей, но они не могли исцелить его, оказались бессильными перед недугом и объявили, что болезнь неизлечима.

И вот раджа прослышал о попугае и велел тотчас купить его за тысячу динаров. А охотник был беден, почти нищ, эта цена показалась ему огромной, и он продал попугая не раздумывая.

Попугая принесли к радже, смастерили для него клетку из золота и инкрустировали ее драгоценными камнями. Ему подавали всевозможные яства, не ведая о смысле стихов:

Коли пташка тоскует по вольным садам,
Ей все равно, из золота или из слоновой кости клетка.

Попугай, чтобы отплатить добром за добро и ради собственного освобождения, стал лечить болезнь раджи и проявлял чудеса, подобные «белой руке» [\[122\]](#) в изготовлении всякого рода снадобий, в кровопускании и примочках. Он ни на минуту не забывал о воздержанности в пище и особом подборе ее, проявлял усердие в очищении духа и промывании тела, составлял для падишаха то мазь, то питье. С каждым днем боли раджи уменьшались, а душевная слабость шла на убыль, состояние его весьма улучшилось, и осталось только выпрямить нос. Так как мудрый попугай был лстив, сладкогласен и красноречив и искал удобного случая, чтобы спастись, то сумел столь пленить сердце раджи и завладеть всеми его помыслами, что никому и в голову не приходило побеспокоиться, как бы птица не сбежала из дворца, никто не мог заподозрить ее в чем-либо дурном. Напротив, попугай пользовался полным доверием раджи, с ним советовались, ему поверяли тайны.

И вот, когда попугай улучил подходящий миг, выбрал его из числа многих часов, он в соответствии с поговоркой «всяк свою пользу лучше знает» сказал:

– Нос раджи никакими зельями вылечить невозможно, так что лекарства теперь ни к чему. Осталось последнее средство: напоить раджу пурпурным вином, чтобы он крепко уснул и все члены его расслабились. Тогда я примусь обвевать его крыльями, а клювом выпрямлю ему нос.

Раджа положился на его слова, возгордился от его лести и, осквернив плоть вином, которое разжигает кровь и увеличивает болезни, усадил себе на руку птицу, приготовившуюся бежать.

Попугай тотчас вспорхнул и полетел на вершину дворцовой стены. Раджа обратился к попугаю с укором:

– Что же ты медлишь с моим исцелением?

– Придется радже потерпеть, – отвечал попугай, – ибо «терпение – ключ к радости». [\[123\]](#) За те несколько дней, что я провел в клетке, мои крылья стали словно каменные, и я не могу махать ими. Ты обожди немного, я с силами соберусь, мои ноги и крылья окрепнут, тогда уж я не задержусь.

– В чем дело? – недоумевал раджа. – Разве не говорят: «В медлительности кроются беды»? [\[124\]](#) Не следует упускать удобный случай и откладывать начатое ради пустых размышлений.

– Не следует проявлять и поспешность, – возразил попугай. – Ибо «поспешность – от шайтана, а медлительность – от Аллаха». [125] Надо подождать некоторое время, избрать терпеливость уделом. В этот час, когда главное уже сделано, когда ты свободно дышишь, почему бы не повременить? Как ты терпел столь долгий срок, когда болел?

Раджа, слыша откровенные речи попугая, видя, что тот улетает, призадумался. Он догадался, что вольная птица покидает его, и сказал:

– О попугай! Люди не прощают необдуманных поступков.

Ты начал дело, как подобает благородным мужам.
Так сам и доведи его до конца столь же благородно.

– Разве не глуп тот, кто, обретая желанное, тут же и погубит себя понапрасну? – спросил попугай.

– Но ведь надо отблагодарить благодетеля, – возразил раджа, – в особенности в том случае, если благодетельствованный ни в чем не пострадал. Мне будет польза, а тебе вреда не будет.

– Ради того, чтобы вылечить тебя, – отвечал попугай, – я готов жертвовать душой и сердцем. Но есть такое лекарство, которого в твоей стране раздобыть невозможно. Я полечу искать его, найду и изготовлю для тебя снадобье, во что бы то ни стало.

Раджа убедился, что попугай хитрит, решил сам изловчиться и завлечь его в сети коварства и жалобным голосом произнес:

– Я понимаю, ты меня разлюбил. Что ж, если не хочешь вновь поселиться в клетке, то оставайся среди этих садов и цветников, свей гнездо где тебе будет угодно.

Попугай в ответ рассмеялся и отвечает:

– Разве до благосклонного слуха раджи не доходило, что:

В оковах, но в кругу друзей
Лучше, чем с недругами в цветущем саду?

Пораженный и изумленный, раджа был очень раздосадован, так ему жаль стало терять попугая, что он попросил:

– Раз уж ты покидаешь нас, оставил бы нам памятку о себе! И мы также дадим тебе что-нибудь на память. Спустись ненадолго, чтобы распрощаться – то-то было бы распрекрасно!

– Ну, раджа, эти речи ты оставь, выкинь из головы такой вздор: я ведь не та птичка, что из-за подобной приманки – сладких речей попадает в клетку невежества.

Любовь твоя бьет крылами, так постой же.

Тот невежда охотник не знал меня, не ведал мне истинной цены, не понимал моего подлинного значения. А ведь у меня в каждом перышке сокрыто искусство, показал же я людям только умение врачевать. Мне известен эликсир величия, и тайны алхимии, и искусство перевоплощения. В нашей стране растет трава, которая, если ею провести по глазам, делает человека невидимым, в то время как сам он видит все. Ведомы мне также все рудники и россыпи драгоценных камней. Тебе следовало беречь меня как следует, держать в железной клетке за семью замками. А теперь уж раскаяние и сожаление бесполезны, горевать нет смысла.

Дикую тварь надо стеречь хорошенько.
Не воротится она, если ослабнут цепи.

Коли ученая птаха вылетит из клетки,
Что толку дитяти всплескивать руками от огорчения?

Воистину наша история похожа на случай с тем дамаскинцем, птичка которого удрала, воспользовавшись всякими уловками и колдовством. А тому мужу ни горе, ни скорбь уже не помогли.

– А как это случилось? – спросил раджа.

Рассказ 10

– Хранители преданий рассказывают, – начал попугай, – что некий муж купил у птицелова на базаре в Дамаске за дирхем красивую пташку с пестрым оперением. Он привязал ее за ножку бечевой и понес на руке домой на потеху детям. Птаха же на тайном языке молвила ему:

– Что тебе за польза держать меня у себя? Если же ты выпустишь меня на свободу, я дам тебе три мудрых совета, но с условием: два из них я произнесу на твоей руке, а третий – с вершины дерева.

Дамаскинец принял предложение птицы, желая за тот дирхем приобрести мудрость.

– Первое наставление, – начала она, – состоит в том, что когда человек упускает из рук благо, то не стоит об этом сожалеть и печалиться, ибо в действительности то благо не принадлежало ему. Второе, если кто-либо совершит невероятное или какое-либо чудо, то не спеши верить и полагаться на него.

Затем отпущенная птаха взлетела на дерево и прощбетала:

– Ну и сглупил же ты, что выпустил меня, поверил моим словам! Не следовало меня отпускать, надо было беречь меня пуще жизни. Ведь у меня в зобу – жемчужина весом в двадцать мискалей.[\[126\]](#) Теперь видишь, как ты оплошал? Ты и меня потерял, и жемчужину.

Муж стал горевать и чесать затылок.

– Ведь я предупреждала тебя, – продолжала птичка, – что не следует жалеть о том, что уже случилось, не следует верить невероятному. Я малая пташка, разве жемчужина в двадцать мискалей поместится в моем зобу? Но раз ты поверил в такое чудо, то, конечно, станешь сокрушаться и досадовать.

С этими словами птичка полетела восвояси. Выслушав притчу, раджа промолвил:

– Я уразумел смысл твоих слов, дай же мне на прощание наставление и совет, чтобы они принесли пользу и остались бы памятью о тебе.

– Самое лучшее наставление и совет в том, – ответил попугай, – чтобы ты пребывал в покое и вылечился. А мне, бедняге, пора отправляться в полет, дабы озарить взор лицезрением любимых.

С этими словами попугай воспарил в небеса, а радже только и осталось, что глядеть ему вслед.

– О Мах-Шакар, – завершил попугай притчу, – я рассказал тебе эту историю для того, чтобы ваша любовь, как и выздоровление раджи Камру, не осталась бы незавершенной и незрелой.

Попугай только закончил рассказ, как от дуновения утреннего ветерка сомкнувшиеся нарциссы очей Мах-Шакар отверзлись, и в тот же миг от лучей утреннего солнца она проснулась.

ПОВЕСТЬ о плотнике, ювелире, праведнике и ткаче, о деревянном кумире и распре между ними

На шестую ночь, когда пресветлый умом аскет солнца уединился в келье на западе, когда златокузнец-месяц с черным сердцем вышел из кумирни на востоке, Мах-Шакар, чтобы соединиться и сойтись с возлюбленным, словно стремительная луна явилась к попугаю и сказала нежно и томно:

– О красноречивая птица! Настала пора пойти к любимому.

Сладкоречивый попугай, созерцая величавую осанку Мах-Шакар, промолвил:

– Странно! Удивительно, что ты все-таки вспомнила о друзьях. Какая любезность и великодушие, милосердие и снисходительность! Ах, если бы ты всегда так говорила! Если бы ты всегда была такой! Каждую ночь ты своим вниманием лишаешь меня сна, а сама довольствуешься моими рассказами, пока влюбленный бедняга сгорает в пламени тоски. Но в этом нет твоей вины, осуждать за это тебя не приходится. Просто таковы обычаи и повадки красавиц и кумиров: они не отдаются любви сразу, заставляют влюбленного испытывать боль и муки ожидания. Они проявляют искусство и сноровку, чтобы влюбленный еще более изнемог, чтобы страдания его приумножились, дабы, когда он поймает удачу за ворот, когда ухватится за полу желания, мог бы оценить полученное по достоинству и не расстался бы с ним легко.

То, что добыто с трудом, легко из рук не выпускают.

Медлительность и раздумывание в этом деле похвальны и, воистину, свидетельствуют о мудрости. Но я, твой покорный слуга, опасаюсь и сильно тревожусь, как бы не вернулся супруг, ведь тогда твой бедный любимый вовсе лишится блага свидания с тобой и столько моих стараний пропадут даром, как это случилось с плотником, ювелиром, аскетом и ткачом, которые благодаря своему мастерству сотворили кумир, а потом из-за разногласия между собой лишились его, не получив свидания.

Мах-Шакар была сильно поражена тем, как это женщина могла спастись от мужчин, как это никто не удовлетворил с ней своего желания. Ей до смерти захотелось выслушать эту историю, она обратила весь свой слух и внимание к попугаю и спросила:

– А как это случилось?

Рассказ 11

И попугай начал так:

– Рассказывают, что в один прекрасный день плотник, ювелир, аскет и ткач вчетвером отправились в поездку. Они опоясались кушаком путешествия, днем и ночью шагали по дорогам, делили друг с другом хлеб и воду, и во всем промеж них царило полное согласие.

И вот однажды ночью они заночевали в страшной пустыне. Чтобы уберечь от разбойников товары и скарб, друзья договорились не спать и сторожить по очереди. И вот трое друзей погрузились в сон, а плотник остался бодрствовать.

Прошел час или больше, и могучий противник – сон стал одолевать его. Тогда мастеровой, чтобы отогнать сон и заняться чем-нибудь, пустил в ход тешу. Чтобы попытать счастье в своем ремесле, он вырезал из дерева прекрасный кумир. Это была красавица дева с роскошными волосами, стройным станом и изящными членами.

С головы до пят – совершенство,
Она не нуждалась ни в чем, кроме души.

И так плотник спокойно выдержал свою стражу.

Когда ювелир встал, чтобы караулить в свой черед, он подивился волшебному мастерству плотника. Он впал в изумление и подумал: «Если я в ответ не покажу своего умения, то чего же я стою?!» И он вытащил свои орудия, достал из сумы толику золота. За короткий срок изготовил он красивые уборы, повесил их на изваяние и тем самым украсил его. И деревянная дева стала прекраснее в десять раз, ее краса возросла, как об этом сказано в стихах:

Собеседница нашего собрания похищает сердца своей красотой,
В особенности, когда наденет украшения.

Когда, как было условлено, настала стража аскета, он увидел то, что смастерили его друзья. Ему стало радостно, восторг овладел им, он в тот же миг вознес моления и сказал:

– О Творец, вдохнувший в пречистую глину человека жемчужину души! О Создатель, сотворивший Еву из левого ребра Адама! О Всемогущий, который облачит завтра тела покойников в одеяния души![\[127\]](#) О Властелин, взрастивший плод души за много тысяч лет до возникновения ветви бытия! Преврати это деревянное изваяние в человека, и вырасти плоды души на этом древе тела!

Просьбы аскета были угодны богу, и тотчас, согласно изречению: ««Будь», и оно возникает»,[\[128\]](#) в телесную оболочку вошла душа! Дева заговорила и разбудила в конце ночной стражи портного, чтобы он сшил для нее одежды. Портной, узрев всемогущество всевышнего, немедля проснулся ото сна беспечности, достал орудия ремесла и тут же сшил полный комплект свадебного одеяния, такого, словно принесли его из вышнего рая: «... одеяния зеленые из сундуса и из парчи»,[\[129\]](#) а потом надел их на ту, что была подобна гурии.

Когда утренний ветерок наполнил просторы мира райским ароматом и благоуханием, когда лик лучезарного солнца заблестал и засиял, все четверо друзей разом увидели красавицу. Они потеряли голову, обольщенные ее красотой, тотчас повязались поясом желания.

Плотник, готовый от любви стругать собственное тело, говорил:

– Это я вырезал кумира, это я заложил основы, и она моя!

Ювелир, лицо которого от страсти к деве пожелтело, словно золото, рад был пожертвовать и золотом, и жизнью, он воскликнул:

– Это я одарил невесту золотыми украшениями – значит, она должна достаться мне!

Аскет забыл сорок лет воздержания, готов был отдать всю свою святость за единый взор красавицы, он твердил:

– Эта дева обрела жизнь и душу только благодаря мне, моей молитве. Мои права больше, по шариату [\[130\]](#) и тарикату она принадлежит мне.

Портной же опустился в колодец раздумий, вышел на улицу глупости, размахивая руками и ногами, он заявил:

– Красота и золото – это роскошь. Ведь главное выполнил я: надел на нее одеяние невесты. Кто же может быть ее мужем, кроме меня?

И вот между ними разгорелось пламя вражды, поднялся дым распри. Они стали обвинять друг друга, забыли о давней дружбе и взалкали крови из-за ничтожной женщины.

Влюбленный плотник сказал:

– Ювелир и портной – всего лишь мастеровые. Им причитается за услуги, ибо украшения невесты и одеяния красавиц покупаются за деньги, и только. С какой стати должна достаться им сама красавица, утоляющая душу? Аскет же – благочестивый человек, он давно уже отказался от земных наслаждений, надев шапку отказа от мирского. Что за дело ему до таких кумиров? Удел дервишей – это самоотречение и отказ от благ этого мира. Значит, красавица должна быть моей.

Жажущий ювелир извлек золото слов из тигля сердца в таких выражениях:

– Аскет и плотник для этой девы все равно, что отец и мать, ибо она обрела жизнь благодаря их усилиям и поступкам. Как же она может стать им женой и супругой? А как смеет претендовать портной, когда я здесь? Это я отлил золотые украшения, а ведь великие мужи сказали: «Без золота не будет никакого дела, без серебра не достигнешь никакой цели, не вкусишь плода лика и красы любимой».

Несчастен тот, у кого нет золота,
Кто не ведает о лике красавицы.

Преученейший муж Харири также нанизал жемчуга на эту тему:

Как прекрасны свежесть и юность ее!
И сколько полных месяцев в ее кошельке!
Клянусь творцом, который сотворил ее такой совершенной.
Если бы не страх перед творцом, я сказал бы, что она сама – творец.

Бедняга аскет с разбитым сердцем и слезами на глазах сказал:

– Плотник вырезал кумира, но какое имеет отношение ваятель к поклонению? Его доля – только взирать, не более. Златокузнец и портной – всего-навсего ремесленники. Пусть и получают плату за свой труд. Да, и платье, и золотые украшения сребротелой красавице необходимы. Коли они не поленились, то им и заплатят по заслугам. А красавица станет моей подругой.

Бедный портной, видя постыдную распрю, дрожа от страха, сказал:

– Хотя нас, портных, и считают глупыми и невежественными, но все-таки и я по мере своего разума и своих скудных познаний скажу несколько слов и вступлю на путь этого спора, разрешите мне это.

– Говори, что желаешь, – ответили друзья, и портной начал так:

– Эта красавица, если судить справедливо и праведно, должна достаться только мне. Однако ж, если судить по усердию и старанию каждого, то она принадлежит всем. Любому из нас принадлежит определенная доля. Но ведь человека нельзя делить и распределить, так чтобы каждый взял себе часть. К тому же мужество и благородство, вера и набожность не позволяют владеть одной долей. Ведь и в других делах соучастие во владении порицается и осуждается, в данном же случае это предосудительно от начала и до конца. Если вы хотите, чтобы между нами не возникла вражда, давайте бросим жребий и разыграем красавицу. Или попросим прохожего решить дело миром и примем его решение.

Друзьям понравилось предложение портного. Они все еще обсуждали его, когда появился путник, и они пригласили его решить их тяжбу. Все они по очереди рассказали о том, что случилось, попросили его выступить судьей и решить, чьей женой и супругой должна стать дева. Но путник, узрев совершенную красоту и несравненное лицо, безумно влюбился в деву, сам превратился в спорщика и претендента.

– Она моя законная невеста уже в течение многих лет, – стал говорить он. – Все эти драгоценности и украшения подарил ей я. Недавно она разгневалась, покинула меня и скрылась. Много претерпел я в поисках ее, до сих пор путешествую.

Я многие годы странствовал в поисках возлюбленной,
Возлюбленная у себя дома, а мы странствуем по свету.

– Слава Аллаху, – продолжал он, – я вновь обрел лицо любимой, лик возлюбленной. А что за бредни вы плетете, какие небылицы выдумываете? Зачем вы глумитесь над верой, нагромождая ложь? Во имя чего вы затеяли эту распрю в такой день? Может быть, вы хотите коварством и хитростью, уловками и проделками овладеть чужой женой?

Друзья только дивились его словам, раскаялись в своих деяниях и сказали:

– Уважаемый! Это ты затеял здесь свару. Постыдись же и не тешь себя пустыми надеждами.

Но путник поднял шум пуще прежнего и стал настаивать на своем, рьяно осыпая их новыми обвинениями. И вот все пятеро, обступив кумир, словно нимб луну или лепестки плод, отправились к начальнику стражи города и изложили ему суть тяжбы.

А тот был большой женолюб. Как только увидел красавицу, вспылал страстью к ней, из его рук выскользнули поводья самообладания и бразды самообуздания. И он подумал стихами:

Я видел целый город, жители которого сошли с ума из-за любви к ней,
И сам оказался в их числе.

Потом он повернулся к ним и сказал:

– Эта женщина – жена моего старшего брата. Она шла из одного селения в другое. Ей повстречались разбойники, ограбили ее дочиста, а моего брата убили. А ведь она его жена, и мы давно о ней не слыхали. И вот, слава Аллаху, я напал на убийц брата и нашел его жену. Ведь великие мужи сказали: «Несправедливо пролитая кровь никогда не дремлет». Теперь я всех вас убью в отместку за смерть моего брата и воздам вам по справедливости за его жену и детей.

И шихне [\[131\]](#) велел отвести четырех друзей вместе с путником к кадию [\[132\]](#). Каждый из них рассказал, что случилось. Тот кадий был человек веселого нрава и влюбчивый, так что чоуган бровей красавицы погнал вперед мяч его сердца. Он повернулся к деве и молвил:

Я брожу от дома к дому и из улицы в улицу в разлуке с тобой,
О разоряющая очаги всех жителей мира! Где ты?

А затем он спросил:

– Что за напрасные препирательства? Чего ради вы так шумите? Уже давно эта раба божья обошлась со мной вероломно и похитила изрядную сумму денег и много драгоценных камней. Это моя младшая жена, она сбежала из-за постоянных придирок и недоброжелательства моей старшей жены. Благодарение Аллаху, истина восторжествовала! Я заплатил за эту женщину выкуп и теперь обрел ее, свою законную собственность. Вам же полагается плата за труд. Получите награду и возвращайтесь восвояси.

Пока шла эта тяжба, спорщики только дивились, как дело непрерывно поворачивается в разные стороны. Вокруг собралась большая толпа любопытных. А красавица продолжала безмолвствовать, не проронила ни единого слова. Она глядела на спорящих, каждый миг поражая их стрелами взоров и копьями ресниц, и они все больше влюблялись в нее, теряли голову.

В собравшейся толпе каждый зевака судит в меру своего разумения и познаний. Одни принимали сторону странников, другие склонялись в пользу встречного путника, были и такие, которые старались помочь шихне, а иные усердствовали в поддержку кадия. Большая часть людей склонялась в пользу шихне и кадия. В этот момент портной обратился к толпе с такими словами:

– Раз вы не ведаете, кто прав и кому на самом деле принадлежит эта красавица, раз не можете распознать лжеца, узнайте, что, воистину, тому, кто хочет захватить ее силою, хорошо известно, кому в действительности следует владеть ею. Коли будет на то ваше дозволение, я расскажу историю, подходящую для данного случая. Быть может, благодаря этому лжец откажется от ложных притязаний.

– Надо непременно выслушать его! – сказали все в один голос.

Рассказ 12

– В занимательных историях повествуют, – начал портной, – что однажды собралось повеселиться несколько купцов. Всю ночь они развлекались беседой, едой и питьем. На том собрании присутствовал также дервиш в лохмотьях. И ненароком вследствие обилия яств из клетки утробы богача вылетела птичка и поднялась в воздух с песней, словно узник, вырвавшийся на волю. Все присутствующие засмеялись и подумали на бедняка оборванца, ни одна душа не заподозрила богача. Они стали высмеивать бедняка и издеваться над ним. Дервиш смутился, погрузился в раздумья. Поразмыслив некоторое время, он поднял голову и сказал:

– Хотя мне и стыдно перед вами за ваши подозрения, но я ни чуточку не стыжусь того, кто совершил этот поступок, – ведь сам-то он хорошо знает, кто виноват.

С этими словами он снова завернулся в свое рубище и замолк.

Когда портной завершил свой рассказ, все расхохотались, а путнику, шихне и кадию стало очень стыдно. Но, тем не менее, они настаивали на своем и препирались, так что тяжба затянулась, а вражда между ними усилилась пуще прежнего. Они уже готовы были схватиться за оружие и сразиться насмерть.

В городе поднялось волнение, люди готовы были забыть о хлебе и воде из-за этого удивительного происшествия. Они то взирали на деву, поражаясь ее красоте, то дивились и изумлялись тем мужам, а их притязания и требования становились все громче. Каждый говорил:

– До чего же запутанное дело! Человеку не под силу в нем разобраться. Обычно все тяжбы людские разрешают власти мирские. Но если они сами превратились в истцов, взялись за увертки и уловки, то как же быть простым людям и чем все это может кончиться?

О тот, кто справедлив ко всем, кроме меня!
К тебе моя тяжба, но ты сам и ответчик мой и судья.

* * *

Иголкой вытаскивают из ноги колючку,
Но худо, если иголка сама станет колючкой!

Того и гляди, дело дойдет до кровопролития, и останется в наследство потомкам кровная месть и вражда, ибо пламя смуты, разгоревшееся из-за женщины, пылает до самого Судного дня. Мужчины терпят из-за женщин беды. История о том, что испытал пророк Давуд^[133] – да будет мир над ним, – и повесть о Кабиле^[134] и Хабиле^[135] известна всем.

Среди прославленных ученых и мудрецов
Задолго до нас были великие мужи.
Все испытывали бедствия из-за женщин,
Все несли из-за них урон.

– Если хотите разрешить дело миром, знайте, что в городе на берегу водоема растет дерево. К нему прибегают в таких делах, которые не в силах решить правители. Излагают вслух свою тяжбу и просят дать ответ. Тотчас из дерева раздается голос, который выносит наисправедливейший приговор. Ступайте к тому дереву и взывайте к нему.

Спорщики послушались этих слов и побежали туда. Сказано же мудрецами: «Страждущий говорит

много, а влюбленный слеп». В самом деле, кто, кроме полного невежды, станет просить дерево вынести справедливое решение и рассудить?

Итак, они пришли к дереву просить помощи, рассказали всю историю тяжбы и закончили такими словами:

– Кому из нас должна достаться эта женщина? Кто ее владелец?

Ствол дерева тут же раскололся, дева прыгнула в расщелину, дерево исчезло, а потом раздался глас:

– Она принадлежит тому, кто владеет ею и достоин ее. Прочим же остаются лишь досужие разговоры.

Присутствующие только дивились такому обороту, а тяжущиеся, огорченные и расстроенные, со слезами на глазах и пламенем в сердцах поцеловали друг другу руки и вернулись к себе. Они открыли друг другу свои сердечные тайны, кусая руки и губы от отчаяния и сожаления. А всем людям это послужило назидательным и добрым примером.

И попугай завершил рассказ так:

– О Мах-Шакар! Я скорблю только о том, как бы вдруг твой муж не вернулся и не принял бы тебя в свое лоно, как то дерево, и как бы твой несчастный возлюбленный, подобно тем спорщикам, не потерял тебя, не лишился бы наслаждения от твоей красоты.

Мах-Шакар понравились слова попугая, она согласилась с ним, поблагодарила его за доброжелательство, похвалила, приготовилась не медля отправиться на свидание и пошла, словно горная куропатка. Но не успела она сделать и нескольких шагов, как цветник утра стал рассыпать лучи, а желтый жасмин солнца – разбрасывать золото.

ПОВЕСТЬ о радже Бахваджрадже, дочери царя джиннов, колодце и влюбленном муже

На седьмую ночь, когда луноликий Юсуф,[\[136\]](#) солнца опустился в колодец на западе, а солнцеликий Юнус[\[137\]](#) луны вышел из чрева рыбы востока, Мах-Шакар, которая лицом походила на пери, а обликом на гурию[\[138\]](#) пришла к попугаю, желая отправиться к возлюбленному. Непокойная и встревоженная, словно застигнутая бедой из-за своей любви, она взглянула на попугая, положила во всем на него, ожидая, что он скажет, что прикажет.

Попугай, видя ее приготовления и волнение, пустился на хитрость. Он отверз уста восхищения, стал расписывать ее красоту и совершенство, не чураясь преувеличений, нанизывая бесчисленные похвалы и безмерные славословия, и, наконец, сказал:

– Госпожа моя, – да продлится твоя жизнь – ты проявляешь к твоему рабу несправедливость и насилие, вынуждаешь меня рассказывать каждую ночь сказки и побасенки и тем самым лишаешь себя свидания с возлюбленным. Я не знаю, чем все это кончится для твоего покорного слуги. Ради встречи с друзьями надо не щадить усилий – иначе отчуждение между ними с каждым днем будет возрастать, ибо судьба – умелый мастер разлук, а небо еще искусней ее. «Воистину время разлучает друзей».

Этот изменчивый мир превратился в безумного врага.
Чтобы не дать сойтись вместе двум друзьям.

Вот ведь могучий раджа Бахваджрадж, владыка стольких стран, претерпел столько страданий сердцем, душой и телом, столько унижений во имя свидания некоего восемнадцатилетнего юноши, который из-за любви к дочери царя джиннов превратился в семидесятилетнего старца, а все страдания и горести, которые достались ему, счел истинным покоем и радостью, пока, наконец, благодаря великому старанию и добронравию выюк его счастья не был уложен и нагружен. А слава о его добрых деяниях и по сей день навеки начертана и изукрашена на заглавном листе времени.

Властители, которые обрели добрую славу,
Ушли, но память о них осталась.
Хотя и много было сокровищ у Ануширвана,[\[139\]](#)
После него осталась лишь добрая слава.

Если благодаря моим усилиям, а ведь я стараюсь в этом деле безмерно и прилагаю усилия без счета, десница неба приведет вас к свиданию, как и раджу Бахваджраджа, то в этом нет никакого чуда. И я, твой нижайший раб, буду надеяться на спасение в мире ином.

Заслышав такие речи, Мах-Шакар потеряла покой и воскликнула:

– Поторопись, расскажи, как это случилось.

Рассказ 13

– Рассказывают, – начал попугай, – что жил на свете раджа по имени Бахваджрадж, могущественный, великодушный и сильный духом. Его справедливость как бы воскресила правление Ануширвана, его щедрость заставляла забыть о Хатеме Таи.[\[140\]](#)

Он раскрыл врата справедливости,
Так что сокол с куропаткой поселились в одном гнезде.
Мир избавился от несправедливости,
Благоустроился благодаря справедливости и щедрости.

Он непрестанно направлял помыслы на исполнение нужд бедняков, обращал свой взор к странникам и неимущим. Слава о его покровительстве подданным и справедливости достигла таких пределов, что самое искусное перо не смогло бы описать этого.

Помимо всех его похвальных качеств и добрых намерений у него была еще одна прекрасная черта: где бы кто ни влюбился в красавицу, кто бы ни стал пленником локонов возлюбленной, улыбка не появлялась на устах раджи, пока страждущий не достигал желания, будь то силой или золотом Бахваджраджа. И если даже ему пришлось бы ради этого пожертвовать собственной жизнью, он и тогда не дрогнул бы.

Мах-Шакар, услышав о подобном великодушии Бахваджраджа, поразились, удивилась и сказала:

– Что бы ты ни говорил о его щедрости и тороватости, я верю. Но как можно поверить, что он великодушно рисковал жизнью? Ведь в пословице говорится: «С жизнью не следует шутить».

– Именно так и было, как говорит твой покорный раб, – отвечал попугай. – Картина, которую я нарисовал, истинна. Если будет твое соизволение, то перед тем как продолжить рассказ, я обрисую некоторые качества Бахваджраджа, расскажу о том, как он ради одного влюбленного пожертвовал жизнью и не пожалел головы.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай начал.

Рассказ 14

Хранители преданий и сказатели историй передают, что однажды дочь раджи Пилестана поклонялась идолам в кумирне. И вдруг какой-то нищий, узрев богатство ее души, пожелтел, словно золото, от любви к ее серебряному телу. Прежде донимали его заботы о хлебе, а теперь и душевные муки одолели. Бедняк терпел некоторое время, никому не поверяя сердечной тайны. Он был близок к тому, чтобы потерять голову из-за разлуки с любимой и расстаться со сладостной жизнью и презренным прахом. Возлюбленная же не обращала на него никакого внимания и ничуть не жалела его.

Нищий готов пролить свою кровь из-за шаха.
Но шаху вовсе не до жизни нищего.

И вот в один прекрасный день нищий решил рискнуть и послал радже письмо, сватаясь к его дочери в таких выражениях:

«Хоть я нищ и нет у меня достатка, хоть из мирских благ у меня нет ничего, кроме этого рубища, но у меня благородная натура, я даровит и великодушен. Ведь у мудрецов золото и земные блага не в цене, на весах благородства они – простой камень, который не имеет никакой цены. Человек должен обладать нравственными достоинствами, ибо они остаются при нем всегда. А мирские богатства преходящи и непостоянны. «Богатство утром приходит, а вечером уходит».

Раджа, увидев такое бесстрашие и отвагу бедняка, поразился и разгневался, а потом подумал: «Если я покараю этого нахала, то ведь в Судный день с меня спросится за пролитую кровь. Что же мне ответить? Ведь он невиновен и нет за ним проступка. К каждому, у кого есть дочь, сватаются, где есть лужайка, летают и пташки. Если же я оставлю его в живых и не отрублю ему головы, то сад нашего царства будет покрыт вечным позором».

Раджа вызвал мудрого везира, рассказал ему обо всем и сказал:

Если я пролью его кровь, как подобает властелину,
То ведь проливать кровь невинных грешно.
Если же допущу, чтобы он замышлял такое,
То не диво, если сам умру от стыда.

Мудрый и твердый умом везир сказал:

– Это дело простое, радже несколько не следует беспокоиться по этому поводу. Только передай ключ от этого сундука мне! Потребуем от него в качестве выкупа слоновий вьюк золота и скажем, что женитьба требует жертв, хоть ты и беден. Он не сможет уплатить, волей-неволей умолкнет и снимет с головы помыслов шапку неблагоприятия.

Радже понравились слова везира, и он дал ответ по его наущению. Бедный влюбленный бросился повсюду набирать золото. Кто-то сказал ему:

– На твоём пути поставили камень, чтобы ты споткнулся. Если ты хочешь достичь своей цели, то ступай к радже Бахваджраджу и расскажи ему обо всем подробно. Быть может, там и обретешь исцеление своему горю, ибо он – правитель великодушный, справедливый, праведный и покровительствующий угнетенным, а его похвальные качества и нравственные достоинства так велики, что красноречивцы, если станут описывать их, лишатся дара слова.

И вот бедный влюбленный стал искать покровительства в чертоге Бахваджраджа. Раджа пожалел его, приказал нагрузить слона золотом и вручить бедняку. Он отправил с ним слуг и велел проводить до самого

города Пилестан. Когда бедняк прибыл домой, в городе поднялся шум. Тамошний раджа напугался и понял, что это дело рук Бахваджраджа. Он снова вызвал мудрого везира и стал держать с ним совет. И везир сказал бедняку:

– Для выкупа недостаточно этого слоновьего вьюка золота. Принеси в придачу и голову Бахваджраджа! Тогда уж мы назовем тебя зятем и отдадим за тебя дочь раджи.

Бедняга нищий, опаленный с головы до пят скорбью, вторично двинулся в путь в страну Бахваджраджа и рассказал о новых требованиях. От силы любви и чрезмерной скорби ум его помутился, и он не постеснялся изложить подобную просьбу. Бахваджраджу стало очень жаль его, поскольку, во-первых, влюбленный достоин жалости, во-вторых, Бахваджрадж был очень великодушен и сострадателен, он не мог отказать даже в такой просьбе и сказал:

– Не одну, а тысячу голов готов Бахваджрадж принести в жертву влюбленным! Ведь я носил голову на шее столько лет именно ради такого дня.

Тебе надобна моя голова, о, друг?
Забирай и ступай. Я не хочу обижать скорбного мужа.

Однако не следует, чтобы тебя провели и на этот раз, как это случилось в прошлый, – продолжал он. – А то ведь ты снова не достигнешь желаемого. Поведи меня туда живого с веревкой на шее и скажи, что принес голову. Если они примут тебя и отдадут тебе желанную, тут же вручи им мою голову – ведь она будет в твоём распоряжении. Если же они и тогда станут выдумывать отговорки и отпираться, то мы придумаем что-нибудь другое. Не тревожься по этому поводу и удостой меня чести сопровождать тебя.

Несчастному влюбленному стало стыдно пред лицом благородства и великодушия Бахваджраджа, он убедился в справедливости слов: «Великодушие жертвующего собой – самое большое великодушие».[\[141\]](#) И вот раджа и нищий вместе двинулись в город Пилестан. И Бахваджрадж с веревкой на шее и мечом в руке предстал перед раджей того города.

Если хочешь быть благородным, то вот душа и сердце мои,
Если хочешь быть насильником, то вот меч и моя голова.

Раджа Пилестана, видя столь несравненное благородство и великодушие, тотчас сошел с царского трона и усадил на свое место Бахваджраджа, а сам, словно раб, повязался поясом служения, такая самоотверженность пристыдила его, он счел прибытие Бахваджраджа в свою страну добрым знаком. Раджа оказал Бахваджраджу самое большое гостеприимство, принес множество извинений, сделал нищего богачом, назвал его своим зятем и вручил ему дела управления страной.

– Все эти плоды, – заключил попугай, – результат жертвенности Бахваджраджа, а дела нищего поправились благодаря величию его помыслов.

– Мне очень понравился этот рассказ, – сказала Мах-Шакар. – Но поведай мне также сказку о дочери царя джиннов.

Рассказ 15

– Раджа Бахваджрадж, о похвальных качествах коего я рассказал, – начал попугай, – непрестанно наполнял влагой облака благ и тучи даров над нивами надежд бедняков и садами богатых. Словно солнце и туча месяца нейсан, [142] он озарял лучами милосердия и дарил плоды благосклонности простолюдинам и знатым, великим и малым и тем самым привечал их.

И вот один из приближенных брахманов раджи пристрастился к азартным играм и принес свою драгоценную жизнь в жертву занятию, которое не одобряется ни в этом, ни в том мире. Но удачи ему не было, он всегда проигрывал и не приносил домой ни дирхема. Все, что он пускал на ветер, было из казны раджи, который никогда не отказывал брахману ни в чем и даже не выказывал недовольства. Милосердие раджи было столь безмерным, дары – столь великими, что прах стыда и пыль сомнения окутали чело брахмана, он усовестился, взял с собой семью и двинулся в путь в другую страну.

Прошли они несколько фарсангов, [143] потом несколько милей и прибыли, наконец, к какой-то пещере. В глубине пещеры четверо разбойников занимались азартной игрой, коротали за нею свое время. Брахман, увидев игроков, не мог устоять перед искушением, решил попытать счастья. Он оставался там, словно кусок падали, пока не проиграл последнюю ставку, пустил на ветер все, что у него было, и «угодил в то, что сам сотворил». Пришлось ему оставить в залог жену, попросить отсрочки до утра, а самому, как это бывало и раньше, бежать к радже.

Но по пути для брахмана забрезжил рассвет счастья, расцвела роза судьбы. Томимый жаждой, он завернул к колодцу и увидел вдруг в глубине золотой трон, на котором возлежала красавица, подобная райской гурии, «словно жемчужина в раковине», [144] а возле красавицы сидел согбенный старец, худой и высохший до костей, а перед ним стоял железный котел с маслом. Старик разжигал жаркое пламя под котлом и тихонько напевал жалобную мелодию.

Брахману было не до вопросов и ответов, но он, по обычаю, все же произнес достойную хвалу. Красавица тотчас сняла с руки браслет. Равного ему не видело небо в новолуние, ни о чем подобном не слышали небеса в лунную ночь. Брахман надел браслет, подивился и подумал: «Я недостойн такого дара, он не подходит руке нищего». И он сказал браслету сокровенным языком:

Не оставайся со мной, ведь люди станут завидовать.
Если увидят на руке нищего драгоценный камень.

Красавица, видя, что он смущен и поражен, подумала, что подарок мал и ничтожен, наградила его еще одним браслетом, дороже прежнего, и попросила извинения.

Брахман, видя великодушие десницы и вершину ее щедрости, принял оба браслета, вознес молитву и побежал выкупать свою жену. Сначала он поспешил в город к меняле, не заходя к радже. Раджа в это время еще спал, он не стал ничего сообщать ему, боясь потерять время и лишиться жены.

И вот он вручил браслет меняле и попросил под залог денег. Меняле открылось такое, «что ни глаз не видал, ни слух не слышал». [145] Он приложил палец к уху, стал вопить и орать. Собралась толпа, брахману накинули веревку на шею и тут же среди ночи повели к радже.

Поднялся крик, что он украл золото.

Раджа испугался и подумал было, что в городе поднялся мятеж, когда взволнованные люди вопреки обычаю ворвались ночью во дворец. Он разом выскочил из покоев и увидел бедного брахмана. Подданные поднесли радже браслет, и он спросил:

– Откуда это?

Брахман вытащил другой браслет, еще лучше и краше прежнего, и подал радже со словами:

– Сейчас нет времени расспрашивать и отвечать. Берегись длинных рассказов.

Рассказ о моем положении был бы долог,
В этой истории много восхождений и падений.

Сначала вели мне выдать денег, чтобы я мог выкупить жену, которую заложил в игре, а завтра я расскажу тебе о браслетах и чудесах, которые видел.

Раджа приказал исполнить его просьбу, и хранитель казны мигом принес лак дирхемов. Брахман, не дожидаясь того, как начнет красоваться, словно дочь царя джиннов, лик утра и взойдет из монетного двора востока магрибский динар солнца, побежал к пещере. Он выкупил заложенную жену, дал зарок более не играть в азартные игры, вернулся к радже и рассказал ему от начала до конца о причинах своего исчезновения, о том, как пришел к пещере, как проигрался и заложил жену, о старце и пери, о золотом троне и железном котле. Однако он не мог объяснить, кто же были старец и юная дева, какая тайна кроется за всем этим, что таится в глубине того колодца.

Что это за завеса и какая тайна кроется за ней? Раджа чуть было не лишился разума, слушая про такое чудо, в его сердце закралась мечта повидать волшебницу, ему страстно захотелось узреть диковинку.

На другую ночь, когда Харут,[\[146\]](#) солнца провалился в колодец Вавилона на западе, когда прекрасный месяц, словно луна Муканны,[\[147\]](#) вышел из колодца на востоке, раджа Бахваджрадждвинулся в путь вместе с брахманом. Они величественно направились к колодцу. Раджа увидел чудо воочию, убедился в правдивости слов брахмана, то есть он нашел тот колодец на месте. Он проворно спустился вниз, уселся на троне, стал расспрашивать ту лунолицую красавицу. Она отвечала:

– Я дочь царя пери.[\[148\]](#) А этот человек вот уже шестьдесят два года томится словно безумец в цепях моих локонов. Он страдает, и в мечтах о моей благосклонности он развеял по ветру свою юность и состарился. Ни разу не удалось ему ухватить рукой полу свидания, испить напиток соединения, ибо моя природа состоит из огня, а его – из праха. Моя природа – это свет, а его – мрак. Поэтому я не могу соединиться с ним. Как же могут сочетаться прекрасное и скверна?

Я знаю, что никогда не будет
Гармонии между пери и человеком.

Вот разве только он примет веру джиннов. Если человек хочет жениться на пери и сочетаться с ней браком, то ему следует бросить в огонь золото своего бытия, сжечь его и превратиться в пламя, как это сделали мы. Если человек выходит из такого испытания невредимым, то пери непременно покоряются ему и становятся ему подвластными, всюду сопровождают его, словно тень, служат ему, как рабыни. Великие мужи нашего народа соизволили изречь: «Чтобы суть и оболочка влюбленного были едины, чтобы он мог отринуть от себя ложь, искоренить лицемерие, двуличие, зависть, злобу, скверну и гнусную мерзость, ему недостаточно постоянного внутреннего горения в пламени разлуки, ему следует также испепелиться и изжариться в огне подлинном, видимом. И лишь тогда он обретет счастье соединения и достигнет благополучия и процветания в делах любви. «Воистину, воздаяние тебе – по мере твоего усердия и твоей доли».

Доблести даются по мере усердия,
Тот, кто стремится к доблести, бодрствует по ночам.[\[149\]](#)

О сердце! Страстью ты не добьешься ничего.

Покуда сам не пострадаешь, не встретишь сострадательного.
Покуда не расплывешься в тигле скорби, словно золото,
Тебе не видать объятий возлюбленной.

– Этот бедняга, – продолжала дева, – не дерзает нырнуть в кипящий котел, чтобы выйти из него зрелым, словно золото высокой пробы. Но у него не хватает силы и отказаться от любви ко мне, предать забвению суетную страсть. У несчастного нет ни мужества сразиться, ни силы бежать.

В руках у него нет смелости, чтобы ухватиться за полу свидания,
В ногах силы, чтобы бежать от десницы скорби.

И вот он пребывает «в колебании между тем и другим».^[150] Я же из-за этого старика нахожусь словно в заточении, лишённая благ и наслаждений мира. Вера, сострадание и благородство не позволяют мне махнуть рукой, покинуть его и вернуться в родные края, так как я боюсь греха и возмездия на том свете. Я не знаю, как исцелить его боль, какой водой погасить пламя этой беды. Мое огненное тело уже готово пустить на ветер свою жизнь, из-за того, что сгорает человек из праха.

Когда Бахваджрадх выслушал рассказ, он прикусил палец от удивления, ему стало жаль беднягу, и он пролил в колодец ручки крови из глаз. Раджа стал рыдать над его загубленной юностью, стенать над его наступившей старостью и, не медля, кинулся в тот железный котел, еще при жизни вкусил адское пламя. Но с ним была живая вода, и он выскочил оттуда невредимый телом и духом.

Дочь царя джиннов, видя чародейство раджи, мигом сошла с трона, бросилась ему в ноги, словно рабыня, и от души воскликнула:

– Что бы ты ни приказал, я – твоя раба, готовая служить тебе душой и телом. Этот страдающий старик шестьдесят два года варил халву любви в котле страсти, но, поскольку напиток моих уст был предназначен только тебе, поскольку эта розовая вода была твоим уделом, ему достался лишь дым и он не испил даже капельки из шербета благоволения.

– О дева, – отвечал Бахваджрадх, – берегись произносить сладостными устами горькие слова. Речи, подобные ключевой воде, не настаивай на горьком колоковинте. Не смущай и не совращай моего сердца. Ты в обоих мирах – моя дочь, а супруг твой – только этот муж. Я перенес это испытание именно ради него, я вкусил страдания ради того, чтобы он выздоровел.

Помощь поверженному приходит от друзей.
Так что не горюй из-за того, что он стар, не обращай на это внимания.

Бахваджрадх в тот же миг окропил старика живой водой, влил несколько капель в его рот и окунул его в железный котел. И старик, словно золото, выдержанное двенадцать месяцев, обратился в двенадцатилетнего юношу! «Нет изъяна в золоте, если оно плавится на огне».

Так раджа соединил влюбленных. Он обладал здоровым духом, и пламя и жар котла ничуть не повредили ему, не причинили ущерба. Он счастливо вернулся во дворец, а судьба восхвалила его добродетели такими стихами:

Да не коснется дурной глаз славного мужа,
Который сам – добрый знак над головой друзей.
Сердце, не стремящееся к дружбе, пронзи.
Друга, лишённого сострадания, сожги.
Ум, чуждый любви, полон изъянов.
Страстно влюбленный источает любовь.

Поскольку бурное море благородства раджи таило в себе бесценные жемчуга, он подарил золотой трон помолодевшему старику, а те два драгоценных браслета отдал бедному брахману. И нисколько не жалел об этих сокровищах. Более того, он оказал брахману множество других милостей и поднял его со дна унижения и бедности до высот богатства и благосостояния.

Попугай закончил рассказ о радже Бахваджрадже и дочери царя джиннов. Мах-Шакар собралась было пойти на свидание с возлюбленным и присоединиться к нему, как вдруг передовой отряд утра озарил мир мрака, словно лик джинна, а царь-солнце, владыка золотого трона, взошел на изумрудный престол небес.

ПОВЕСТЬ о Кубаде, царе Шама, [\[151\]](#) о том, как освободили царя попугаев, о том, как попугай привез из страны мрака плод жизни

На восьмую ночь, когда падишах полуденной страны солнца расположился отдыхать на троне запада, а гуляющий по ночам султан луны с восточного трона воссел на синего коня небес, солнцеликая Мах-Шакар, подобная молодой луне, украсилась, словно фазан, и призвала паланкин быстроты и носилки поспешности, чтобы отправиться на свидание с возлюбленным. Она пришла к попугаю и попросила разрешения пойти к тому, кто делит с ней страдания, воссоединиться с возлюбленным.

Видя, что ее желание и жажда свидания беспредельны, попугай сильно испугался и не вымолвил ни слова в ответ. Мах-Шакар повторила свои просьбы, вновь изложила их. Но опять она не услышала ответа и тогда сказала:

– Что же это такое? Ты не отвечаешь на мои приветствия, не обращаешь на меня внимания. Может быть, я чем-нибудь тебя обидела или ты чем-либо недоволен? Почему не отверзаешь уст?

Тут чудо-попугай, хорошенько обдумав все обстоятельства, осмотрительно и осторожно подлетел к ней, самым любезным образом произнес приветствия и славословия, выказал сердечность и задушевность.

– Упаси боже! – начал он. – Никакой обиды или недовольства тобой и быть не может. Смею ли я обижаться на госпожу, прелестную и изящную, у которой во рту живая вода, уста которой источают мед. Твой низайший раб не в силах даже вообразить подобное, подумать о таком. Однако же я размышлял о том, что ты думаешь обо мне и доверяешь ли мне, когда я прилагаю столько усилий и стараний, чтобы ты свиделась с возлюбленным. Воистину, ты не знаешь мне подлинной цены и не представляешь, какое рвение и усердие я проявляю ради того, чтобы ты и твой возлюбленный могли встретиться и соединиться. Этой ночью, в благословенный час, под счастливой звездой ты отправишься к возлюбленному и обретешь долю в счастье свидания и радости его речей. И только тогда ты убедишься в моей искренности и преданности. Так же было с Кубадом, царем Шама: ведь и он сначала усомнился в верности и благожелательности попугая, который привез для него плоды жизни, и стал сомневаться в нем. Но в конечном итоге, когда Кубад вкусил плоды его верной службы и обрел вечную жизнь, он всей душой принял любовь попугая и стал благосклонно относиться к нему.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар.

Рассказ 16

– Хранители преданий сообщают, – начал попугай, – что однажды некий злосчастный и зловредный охотник в степях Шама поставил силки, дырявые, точно его платье, чтобы в них угодили птицы. По воле случая с небесных высот спустился и запутался в тенетах отбившийся от стаи попугай. А птицелову в тот день в силки более ничего не попало. Он поместил попугая в клетку и отнес на базар.

Хоть попугай тот был мудрым и сообразительным, рассудок и разум его были бессильны против небесной воли, ибо «в час прихода судьбы зоркий глаз слепнет». Он подумал: «Если я утаю свои познания и ученость, то могу угодить к какому-либо бедняку, который, не зная мне цены, не воздаст по заслугам. Если даже он узнает мою подлинную цену и будет обо мне заботиться, то вряд ли в доме бедняка я увижу привольную жизнь и покой. Ведь великие мужи сказали: «Если посыпать голову прахом, то уж лучше из большой кучи. Если пить вино, то уж из большого кувшина». Радует тот, кого возвеличил Аллах. Раз уж я попался и стал пленником, то лучше жить в чертогах эмира или дворце везира и вести беседы с царями и султанами. Конечно, мудрецы сравнили общение с падишахами с огнем и водой и предостерегали от подобного общения, говоря: «Когда огонь вздымает пламя гнева и вода направляет поток ярости, надобно проститься с драгоценной жизнью и со сладостной душой». Ведь сказано же:

Остерегайся благоволения царей и не старайся
Приблизиться к ним покуда жив.
Дождь – твое спасение, пока ты хочешь жить, но часто
Грозовые молнии навлекают на тебя гибель.

Шах, который издали – спасение мира.
Для тех, кто рядом с ним, – беда и горе.
Берегись, не осмеливайся служить султану,
Ибо тело льва извергает мечи и копья.

Однако приближенные к султану вместе с тем пожинаят и много благ, пользы и выгод, ибо люди, будучи близкими к правителю, сами достигают побед, а враги их повергаются во прах. И есть ли высшее счастье и благоденствие, чем взирать каждое утро на благословенную красоту и светлейший лик государя, чем приложить к глазам благодатную сурьму праха его ковра?»

После долгих раздумий попугай заговорил с птицеловом в таких выражениях:

– Берегись, не продавай меня бедняку и нищему, а не то не исполнятся твои желания, ибо я – птица, обладающая многими познаниями. Отнеси меня к его величеству падишаху в качестве дара и расскажи ему о моих истинных достоинствах. Я обрету покой, а ты – царское вознаграждение, так что избавишься от бедности и нищеты.

Царя той страны звали Кубад, он прославился как справедливый и правосудный правитель. Птицелов, слыша от попугая мудрые речи, видя его сообразительность, тотчас отнес его в царский дворец, вручил старшим слугам, получил от падишаха обильные дары и поспешил к себе домой довольный.

А мудрость и сообразительность, и глубокие познания попугая намного превышали то, о чем говорил птицелов. Царю нравилось беседовать с попугаем, он не мог нахвалиться им, сделал его близким другом и советчиком и ухаживал за ним с милосердием и любезностью.

Попугай, в свою очередь, ни на миг не пренебрегал искренностью в дружбе и учил своего покровителя обычаям, умению приказывать и запрещать, так что благодаря мудрости попугая

государственные дела с каждым днем все более процветали.

Так прошло десять лет. За это время попугай ни единым словом не обмолвился ни прямо, ни иносказательно о желании получить свободу. И вот в один прекрасный день царь подумал: «Эта несчастная птица уже многие годы служит мне во дворце. Попугай уже многократно доказывал мне свою верность. И за все это время ни в присутствии людей, ни наедине он не сказал ни единого слова против моей воли или характера. Он служил верой и правдой по правилам воспитанности и обычаям покорности. Однако он, конечно, скучает по родине и своим близким, ибо «любовь к родине – признак веры». И он вытащил попугая из клетки, выпустил на волю и сказал:

– Если тебе когда-либо захочется повидать нас, если ты вспомнишь о моих милостях, так на то твоя воля, приходи и пользуйся моим гостеприимством. Когда бы ты ни вернулся, всегда рады тебе, никто не станет обижать или притеснять тебя.

Попугай обрадовался такой милости и снисходительности и сказал:

– Неудивительно, если падишах, который за день прощает проступки и преступления тысяч преступников, выпустит на волю заточенную в клетку несчастную птицу. Я, твой покорный раб, так привязался к тебе, что забыл и о родном доме, и о детях, и о супруге. Ни на миг не смогу я перестать служить тебе. Но коль таков царский приказ, то повинование должно быть беспрекословным.

И мудрая птица, радуясь свободе, ликуя, молясь за падишаха и вознося ему хвалу, полетела в сад, где было ее гнездо, и там рассказала обо всем эмиру попугаев. Тот удивился и сказал:

– Разве род людской способен на такое благородство и снисходительность? Ведь большинство людей лишены милосердия и великодушия, в особенности правители и шахи, которые большую часть времени осуществляют наказания и возмездия, ведут постоянные войны, сражения, битвы, в силу чего их сердца покрываются пылью жестокосердия. Прах неверия никогда не покидает их разума, они известны надменностью и неверием. Откуда же им взять такую мягкость и милосердие? Ведь даже у меня, правителя над несколькими слабыми птицами, в сердце поселились храбрость и отвага, и я по характеру уже не тот, что прежде, мне кажется, что это стало уже моей натурой.

Затем он продолжал:

– Расскажи мне поподробнее о делах и деяниях твоего царя. Как он поступает с подданными?

Попугай отвечал:

– Все время, что пребывал во дворце, я постоянно наблюдал за правилами его царствования и управления делами державы. Все дела его основываются на законах правосудия и справедливости. Иногда он и гневался, и в ярость приходил. Но слабым и униженным он обычно являл снисхождение и дружелюбие, а сильным и сановным людям – строгость и суровость.

Эмир попугаев, слыша такие речи, воздал Кубаду по справедливости и сказал:

– Управление государством и власть достаются именно тому, кто соблюдает эти порядки и не отступает от них.

Если даже правосудие и беда для грешных,
Оно есть счастье для обиженных.
Хотя наказание и пагубно для людей,
Однако для преступников именно оно и есть зелье.
Если напильник лишится насечек,
То станет ли он шлифовать неровности?

– Поскольку твой добрый господин, – продолжал правитель попугаев, – проявил по отношению к тебе снисхождение и воспитал тебя, тебе следует душой и сердцем воздать ему благодарность и отплатить доброй службой по мере твоих возможностей. Коли ты ничего иного не можешь придумать, то возьми на себя труд отправиться к роднику мрака. Там растет у родника жизни дерево, сорви с его ветвей один плод и отнеси в клюве твоему благодетелю, чтобы он поел. Как только он отведаст сей плод, тотчас помолодеет и обретет вечную жизнь. А ты такой ревностной службой хоть частично воздашь твоему благодетелю и обретешь добрым усердием надежду на спасение в обоих мирах.

Попугай, как приказал ему эмир, проливая кровь сердца, с тяготами и страданиями, полетел в страну мрака, сорвал с дерева один плод, взял его в клюв и явился с ним к Кубаду. Царь одобрил дар и стал относиться к попугаю с почетом и особым вниманием. Однако он воздерживался отведать принесенный плод, опасаясь дурной славы, и тогда попугай спросил:

– По какой причине царь раздумывает и не спешит съесть этот плод?

– Я не хочу есть его, так как следую за пророком Сулейманом – да будет мир над ним, – который отверг чашу с живой водой, ниспосланную ему с небес, – отвечал царь. – Разве ты не знаешь этой истории?

– Впервые слышу от царя, – отвечал попугай. – Пользу этого поучения я сохраню как припас для потомков и клад для поколений наследников. Пусть государь расскажет, как это случилось.

Рассказ 17

Царь Кубад поведал:

– Однажды посланец господы миров верный Джибраил,[\[152\]](#) принес Сулейману чашу с живой водой. Ему была вручена одновременно чаша выбора – пить или не пить ту живительную влагу. С кем бы пророк ни советовался, ему рекомендовали испить живой воды, дабы обрести вечную жизнь, увидеть провозвестника конца света и приметы Страшного суда, услышать трубу Исрафила[\[153\]](#) сойтись в схватке с Дадджалом,[\[154\]](#) чтобы за этот долгий срок довести до совершенства поклонение богу, чтобы по мере движения месяцев и годов совершать добрые деяния.

Сулейман держал в этом деле совет со всеми тварями, кроме ежа, которого не было на том собрании. Наконец прибыл еж. Его также почтили вопросом, и он ответил:

– Хотя все твари единокорны и согласны, но, тем не менее, я, низжайший раб, тоже хотел бы изложить свое мнение. Об одном только прошу – судить сказанное по справедливости.

– Говори, – приказал пророк, и еж начал так:

– Если пророк разделит эту чашу со всеми своими приближенными, слугами, родными и близкими, то во здравие! Я согласен с голосом всех остальных. Но если велено пить и тем самым обрести вечную жизнь только ему одному, то я возражаю против такого решения. Ведь коли его родные и друзья, срок жизни которых истечет, будут умирать на его глазах, то каждая такая смерть будет для него новой смертью и новой кончиной.

Смерть означает, что человек внезапно
Лишается общения со своими близкими.

– Что это за жизнь без детей и друзей? К чему она? Мудрецы отдают предпочтение смерти перед такой жизнью, кончину они считают лучше подобного пребывания на земле.

Речи ежа, мудрые и назидательные, очень понравились царю Сулейману, он одобрил их, вернул живую воду, воздержавшись пить ее.

Попугай тогда промолвил:

– То, что вещают твои благословенные уста – истинное благородство и суть человечности. Следовать примеру и образу действия пророков – это основа спасения и суть набожности. Однако в нашем случае мы обладаем могучим средством, чтобы осуществить названную цель, чтобы царь вместе со своими родными и приближенными обрел вечное счастье и жизнь во веки веков. Надо приказать посадить семена этого плода и взрастить их с прилежанием. Когда побег станет деревом и начнет плодоносить, тогда надо вкушать плодов всем приближенным и родным.

По совету попугая падишах велел посеять семя плода и ухаживать за ростком. Когда дерево выросло и стало приносить плоды, приставили стражей с наказом: как только с дерева упадет зрелый плод, тотчас доставить его во дворец.

Но однажды ночью стража заснула, и в этот миг с дерева упал плод. Подползла черная змея, надкусила сладкий плод, чтобы удовлетворить им голод, и превратила его в губительный колоквинт! Садовник, как только проснулся, не медля отнес плод в шахский дворец. Падишах хотел тут же съесть его, но в силу природной догадливости счастливых он подумал: «Хоть это и живая вода, но, прежде чем съесть, надо испытать». Благодаря светлому уму и твердому разуму он чувствовал к плоду род отвращения. Бывалые мужи говорят: «У падишаха столько ума, сколько бывает у всех подданных, вместе взятых». Ведь

иначе, где ему взять столько жизненного опыта, как он сможет быть правителем и управлять страной? И не результат ли это усердия и знаний, не плод ли ума и образования?

В общем, падишах дал тот плод для испытания дряхлому старцу, который был вроде живого трупа, всем сердцем жаждал собственной смерти и днем и ночью повторял стихи:

О да! Смерть продается, купи же ее.
Моя жизнь такова, что нет в ней пользы.

* * *

Где же смерть? Я готов купить ее ценой жизни.

Этот плод оказался для него смертельным – не успел он отведать его, как тут же отдал богу душу. Царь разгневался на попугая, уверовал, что предназначенная для него беда свалилась на старика, убедился в коварстве и вероломстве птицы. Он воздал хвалу творцу за спасение собственной жизни, раздал обильную милостыню в знак избавления от беды и решил примерно наказать попугая, чтобы все знали о том, какова кара и возмездие за предательство.

Бедный попугай был потрясен тем, что счастье покинуло его, и думал: «Что за судьба, что за напасть! Противоядие обернулось ядом, а лекарство – недугом! И меня, невинного, теперь хотят убить».

Хотя попугай выказывал страх, но в душе он был твердо уверен в своей правоте и целиком полагался на всевышнего, считая, что бог справедлив. Он думал: «Поскольку я поступал по совести, то невиновен и чист. Воистину, насилие не должно случиться, а несправедливость утвердиться». Затем он сказал:

– Царю не следует торопиться с моим наказанием, надо поразмыслить как следует, ибо «того, кого ты не убил, успеешь всегда убить». Но очень трудно оживить того, кого ты убил, невозможно вернуть душу телу. Темница и заточение существуют именно для такого случая. Не исключена возможность, что в этом плоде заключена какая-либо тайна, которая прояснится только после того, как меня убьют. Берегись, не торопись в таком деле, сначала надо подумать:

Поскольку господь даровал тебе величие.
То было бы ошибкой проявлять поспешность в наказании.
Если помедлишь с возмездием,
То ведь не поздно убить того, кого оставил в живых.
Но если тело уже лишено жизни.[\[155\]](#)

Если приказ о наказании будет приведен в исполнение, то в один прекрасный день царю придется раскаяться, как раскаялся шахзаде Харив за то, что велел убить верного слугу без доказательства вины.

– А как это случилось? – спросил царь Кубад.

Рассказ 18

– В книгах преданий сказано, – заговорил попугай, – что в давние времена шахзаде Харив сел на коня, чтобы поохотиться, поскакал по степям и лугам. Стал он опустошать земные просторы и небесные, стрелять серн, куропаток и перепелок. В погоне за дичью он удалился от своих спутников и слуг и, охваченный жаждой, подъехал к дереву, с которого каплями стекала влага. Он решил, что в дереве заключен родник или кто-то сверху льет воду из бурдюка. Подниматься вверх ему было невозможно, и он, сорвав большой лист, стал держать его под ветвью. Когда капля по капле накопилась вода, шахзаде хотел выпить ее, но сокол с его руки, обладавший прозорливостью, подпрыгнул и лапкой разлил воду. Шахзаде разгневался. Он снова набрал воды, а птица опять разлила ее. Так сокол трижды проливал воду. Хотя шахзаде очень любил сокола, но от жажды у него брызнули слезы из глаз, а внутри разгорелось пламя гнева. Вихрь ярости застлал прахом жестокости глаза милосердия, и он бросил оземь бессловесную тварь, словно каплю воды, спалил ее пламенем смерти – и лишился прекрасного сокола. А потом он посмотрел на дерево и увидел спящего дракона, из пасти которого сочилась ядовитая слюна, капал чистый яд. Когда шахзаде увидел такое, он тут же вскочил на коня раскаяния и скакуна сожаления и поскакал домой, где долго оплакивал своего сокола и поздравлял себя с тем, что остался жив. Но как он впоследствии ни раскаивался и ни сожалел, как ни осуждал торопливость, все было бесполезно.

И лучше теперь царю – да продлится его жизнь – не спешить с моей казнью. Что стоило бы господу – всевышнему и всеславному, могущественному и всеильному, сотворить семь небес и землю в течение часа? Однако он творил их в течение шести дней, как сказано: «Воистину, ваш господь – Аллах, который сотворил небеса и землю за шесть дней» [\[156\]](#) – и все для того, чтобы это послужило примером для людей и уроком для падишахов. Иными словами, в приказаниях и запретах цари должны избрать своим лозунгом медлительность и терпение, начертать на знамени державы слова терпеливости и степенности, не должны позволять себе поспешность и торопливость в делах наказания и возмездия.

– Так-то оно так, – возразил царь, – но могу ли я простить явное преступление и открытое предательство? Могу ли пренебречь наказанием преступника и возмездием предателю? Чем я смогу оправдывать перед другими царями пренебрежение, попустительство и потакание такому необычному преступлению и проступку? Ведь мудрецы сказали:

Если туда, куда следует приложить горячее клеймо,
Ты приложишь бальзам, не будет пользы.

* * *

Предлагать великому мужу дары вместо меча столь же вредно.
Как наказывать мечом, когда следует награждать. [\[157\]](#)

– Пусть царь прикажет, – стал умолять попугай, – поставить в саду, рядом с тем деревом, царский шатер, пусть собственной рукой сорвет плод и даст какой-нибудь скотине. Если она околеет, то тогда я воистину потеряю всякую надежду на драгоценную жизнь. Но если же плод окажется сладким и вкусным и подаст весть о жизни вечной, то государь убедится в верности и искренности своего покорного раба, в моей невиновности.

Такое предложение падишаху понравилось, он приказал разбить в саду царские шатры, спустился из дворца и сорвал с дерева плод. Потом он приказал привести дряхлую старуху, которая только по лени не

сходила в могилу. Если бы этот плод оказался таким же, как и прежний, то о смерти старухи никто не пожалел бы. Ей дали отведать плод, и дряхлая старуха, живой труп, превратилась в двенадцатилетнюю деву, осень старости для нее обернулась весной юности. Следующий плод съел сам царь, а потом велел дать и другим. И все они стали вечно юными, обрели новую жизнь. И хотя царь сначала усомнился в искренности намерений попугая, однако в конечном итоге убедился в его верности и преданности и оказал ему многие милости.

Доведя рассказ до этого места, попугай сказал:

– О Мах-Шакар! Ты оценишь меня и убедишься в моей преданности, когда счастливая и довольная вернешься со свидания с возлюбленным.

Мах-Шакар проворно стала повязываться поясом расторопности, чтобы навестить возлюбленного, но тут:

Сквозь лазурь неба проглянуло утро,
Повсюду гордо заиграло солнце.

ПОВЕСТЬ о сыне везира, о купце, о деревянном попугае, который умел говорить

На девятую ночь, когда позолоченный павлин солнца полетел в сад запада, когда темно-синий попугай неба прибыл из Хинду-стана востока, Мах-Шакар, выступая словно куропатка, сжигаемая желанием лицезреть возлюбленного, томимая стремлением увидеть любимого, мечтая посетить дом утешителя, пришла к попугаю и попросила разрешения отправиться на свидание.

– Да, – отвечал попугай, – на этот раз нет никаких препятствий и помех. Конечно, надо спешить озарить келью друга лучами твоего света и сиянием радости и превратить ее в цветник. Я же, твой покорный раб, этой ночью не стану рассказывать никаких историй, не стану нанизывать жемчужины сказаний. Вот только хотел сказать вкратце несколько слов в назидание и наставление. Они пригодятся тебе при свидании с любимым, не дадут споткнуться при встрече с ним. Я скажу эти слова, надеюсь, что ты выслушаешь их сердцем и во всем последуешь им, ибо они – заглавное предложение жизни и основа всех обычаев благовоспитанности.

– Не премину выслушать, – отвечала Мах-Шакар, – я знаю, что бы ты ни посоветовал, все это ради моей пользы и для успеха дела.

– Суть моих наставлений та, – сказал попугай, – что, когда ты, моя госпожа, встретишься с любимым, когда сердце твое обрадуется беседе и общению с ним, тебе не следует что-либо жалеть ради него, ты должна по мере своих сил стараться угождать ему, быть покорной, словно слуга и раб, и соглашаться со всем, что приятно ему, не проявлять небрежения в служении и смирении, ибо, по законам любви и дружбы, возлюбленная – заместительница супруги, во время неудач и невзгод подруга заменяет супругу, как сказано:

Не всегда опьянение исходит от винограда возлюбленной,
Ибо тростниковый сок также опьяняет.
Если нет розы, заменит ее благоухание мускуса,
Светильник посреди ночи послужит солнцем.

Однако мой завет тебе: ни за что не разглашай тайны твоего сердца, не открывай секрета твоих дум. По мере возможности таи их и всячески усердствуй в сокрытии, ибо нет доверия дружбе в наше время, нельзя полагаться на любовь и товарищество в этом мире.

Таи свою повесть, чтобы не знал о ней никто,
Будь он из племени Джибраила или из рода Иблиса. [\[158\]](#)

* * *

Не говори другу тайны, если сможешь,
О враге же нечего и поминать – знаешь сам.
Настанет день, когда друг станет врагом,
И тогда тебе придется раскаяться в словах.

А то как бы тебе не пришлось раскаиваться и сожалеть, как тому сыну везира, который поведал жене историю о говорящем деревянном попугае, а она доверилась монаху, своему любовнику. Из-за этого сын везира и жены лишился, и всего состояния.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай начал.

Рассказ 19

В собраниях занимательных сказаний повествуют, что некий богатый купеческий сын поехал в другой город по делам торговли и продал там по хорошей цене ткани и иные товары. Он получил прибыль один к одиннадцати, и мошна его переполнилась монетами, кошелек стал тугим, так что он накопил товаров, ходких в родном городе, сложил вьюки. И вдруг его осенила мысль, что если он не купит и не повезет в родной город какой-нибудь диковинки, которой нет ни у кого, то не будет отличаться от других купцов, и не превзойдет их. Раздумывая об этом, он остановился перед каким-то редкостным товаром, и вдруг некий прохожий сказал ему:

– У нас в городе живет столяр, великий мастер. У него есть талисман, при помощи которого он в урочный час вырезает из дерева говорящего попугая.

Купеческий сын был изумлен и поражен, ибо даже живой говорящий попугай – и то великое чудо, так что же говорить о деревянном! Он потратил много денег, пробыл там достаточно долго, пока не заполучил диковинку. Потом он вместе с караваном двинулся в родной город. Когда он вошел в дом и отдохнул от дорожной усталости, то велел жене беречь попугая и доверил ей, что попугай умеет говорить.

Жена купца водила шашни с сыном везира, а жена того была любовницей монаха, жившего в келье в окрестностях города. О таких людях, как сын везира, опытные мужи сложили следующие стихи и нанизали жемчужины мысли:

Тот, кто стучится в дверь брата,
Услышит стук и в свою дверь.
Не переходи никому пути, ибо сам не выпутаешься из беды.
Не рой яму другому, ибо сам угодишь в нее.

«Как часто тот, кто роет яму, сам падает в нее».[\[159\]](#) И вот однажды купеческий сын на собрании, где был и сын везира, заговорил о деревянном попугае. Присутствующие удивились, и всем захотелось увидеть попугая и послушать его.

Сын везира, полностью уверенный, что жена купеческого сына, его любовница, ни в чем ему не откажет, тотчас отправил к ней слугу, и тот принес попугая. Он тут же велел столяру вырезать копию игрушки. Как только она была готова, сын везира отправил ее назад. Подлинного же попугая сын везира поручил своей жене и поведал ей тайну. Потом он вернулся на собрание, громогласно стал опровергать слова купеческого сына и заявил, что деревянный попугай не может разговаривать. Но тот продолжал настаивать на своем, и дело дошло до заклада. И вот сын везира говорит:

– Если деревянный попугай заговорит, то я уступаю тебе дом, жену и состояние. А не заговорит, – все твое будет моим.

Поскольку и тот и другой настаивали на своем, то они побились об заклад и на том успокоились. Они установили срок в один день и разошлись по домам в ожидании, какую же шутку сыграет с ними на другой день кукольник-небосвод, какой лик явит милосердное небо:

В размышлениях о том, какую фигурку
Вытащит из-за завесы кукольник небес.

Купеческий сын вернулся домой и, как обычно, заговорил с попугаем. Но перед ним был лишь неподвижный кусок дерева, пустая игрушка. Он сильно огорчился и во всем обвинил столяра, который, как он считал, надул его. Он локти кусал из-за того, что лишился всего состояния, но бедняге и в голову не

приходило, что неверная жена могла столь коварно предать его. Пришла его мать. Видя сына в таком прискорбном состоянии, она расспросила его, выслушала ответ и сказала:

– Не горюй и не печалься. В храме обитает монах, к которому обращался твой отец при всех бедствиях и поворотах судьбы. При любой напасти он прибегал к помощи его светлого ума и благодаря дружбе с ним обретал облегчение.

Бедняга, словно собака, у которой горят ноги, помчался к монастырю, показал отшельнику деревяшку, рассказал обо всем и попросил о помощи. Хотя монах с головы до пят был в цепях и веригах, купеческий сын стал умолять снять с него оковы горя.

Светлый ум и сияние разума монаха сделали для него ясной и очевидной эту историю. Он сказал:

– Я помогу тебе при одном условии: когда ты выиграешь у сына везира жену и состояние, то жену уступишь мне. А богатство забирай себе.

Купеческий сын, который уже считал, что лишился всего, проиграл и жену и состояние, обрадовался. Он с большой охотой согласился на условие христианина. На том они и порешили, скрепили договор клятвой.

– Оставь этот кусок дерева у меня до завтра, – сказал монах. – А когда отправишься на то собрание, сначала загляни ко мне, и этот попугай заговорит как соловей.

Юный купец вернулся домой и с нетерпением и волнением стал ждать следующего дня. А монах поступил так же, как сам сын везира: взял говорящего попугая у своей любовницы, а второго, который был созданием сына везира, отослал назад.

На другой день, когда набеленная ручка кокетливого утра откинула полог приюта влюбленных, когда сияющий меч солнца рассек занавес уединения возлюбленных, явились те, кто был в прошлый раз на собрании, у ворот собрались зеваки. Пришли и поручители заклада.

Сын везира прибыл на собрание, вознамерившись обобрать дом другого человека, причесал бороду коварства, не ведая о том, что на его монете фальшивый чекан. Купеческий сын тем временем взял у монаха попугая, радостный, веселый, торжествующий вошел, сел и заставил заговорить бессловесное дерево.

Люди были поражены, подтвердили, что он доказал свои обещания, и объявили, что он выиграл заклад. А сын везира возопил в горе, не понимая, что произошло, не ведая о предательстве жены. Он тут же отдал купеческому сыну дом, состояние и жену, не познав значения выражения: «Низкое коварство наказывает именно совершившего его».

Тот, кто вырыл на дороге яму для другого,
Разверз себе путь в преисподнюю.
Лучше не говорить о пороках людей,
Тогда никто не станет говорить о твоём пороке.

Купеческий сын, как было уговорено, отдал жену везирова сына влюбленному монаху (в этом нет ничего удивительного, так как по их вере это допускалось^[160]), а имущество его присоединил к своему, и получилось у него огромное состояние. Узнав о предательстве и измене жены, он напоил ее ядом наихудшего обращения и полнейшего позора, и избавил себя от зла, причиняемого ею. А монах, удовлетворив свою плотскую страсть и натешившись с женой сына везира, на другой же день пресытился ею, она наскучила ему. Он прогнал ее со словами:

– Как же я могу положиться на ту, кто предал своего мужа, изменил ему и не смог сберечь его тайну?

– О Мах-Шакар! – завершил попугай рассказ. – Все эти беды постигли сына везира потому, что он доверил жене тайну деревянного попугая, положился на нее и поверил ей. Поэтому так печально обернулись для него события, случилось с ним такое. Ты же ступай во здравии и счастье к своему возлюбленному. Но только соблюдай те условия, о которых я говорил.

Но как же бедной идти, как несчастной торопиться, если утренний ветерок уже подсматривал за возлюбленными, а светильник востока озарил мир?

ПОВЕСТЬ о радже Бахваджрадже, об угощении, устроенном его сыновьями, о том, как море пришло на это угощение

На десятую ночь, когда драгоценный светозарный камень солнца опустился в родник на западе, а озаряющая ночь жемчужина луны вышла из раковины на востоке, Мах-Шакар, показав в улыбке сияющий, словно Плеяды, жемчуг зубов, разубрав самоцветами, золотом и серебром стан, приготовилась к свиданию с возлюбленным, пришла к попугаю и, рассыпая сокровища слов, сказала:

– Что прикажешь? Вот я готова отправиться на свидание и пришла к тебе за разрешением.

Красноречивейший попугай добыл рубин слова из рудника разума и так сплел сеть беседы:

Роза в объятиях, вино на устах, соловей поет.
Если сейчас не предаться блаженству, когда же?

А потом он продолжал:

– Что ты медлишь, о чем размышляешь? Что удерживает тебя? Если ты просишь моего совета, то мнение твоего покорного раба таково: ступай скорей. Если ты спрашиваешь моего соизволения, то мое единственное желание – это чтобы ты в кратчайший срок свиделась с возлюбленным. Но знаешь ли ты, почему твой супруг велел тебе советоваться со мной, просить моего совета?

– Не знаю, – отвечала Мах-Шакар. – Неведомо мне это. Разъясни мне, пожалуйста.

– Поскольку держать совет в важных делах и начинаниях считают благословенным и похвальным, – начал попугай, – и поскольку на этот счет есть прямое указание в Писании, гласящее: «Советуйся с ними в деле», [\[161\]](#) ибо кто бы ни погрузился в море совета и ни нырнул в океан размышления, кто б ни погрузился в рудник раздумий, непременно отыщет драгоценные камни и жемчужины и в конечном итоге обретет рубин желаний и его дела придут к благополучному завершению. Если же кто-либо пренебрежет советами и не хочет думать, то будет чудом, если зеркало его дел отразит облик истины, если конечный итог его деяний будет благоприятным, как сказано: «Нет успеха тому, кто презирает совет».

Совет наставника принес успех,
Во всяком деле нужен совет.
Дела того, кто не ищет совета.
Только чудом могут пойти на лад.

Это подтверждает и рассказ о радже Бахваджрадже и его брахмане, который заставил океан служить на пиру у сыновей раджи.

Жаждавшей свидания Мах-Шакар так захотелось послушать эту удивительную историю, что она спросила:

– А как это случилось?

Рассказ 20

– Бахваджраджд, – начал попугай, – был справедливый правитель и щедрый раджа, он был украшен драгоценностями щедрости и одеяниями милосердия. Его обильные благодеяния и несравненная щедрость заставили онеметь и ослабеть языки славословов и златоустов.

Так как ни одно восхваление не могло объять его доблести,
Они разорвали бумагу, сломали перья и не говорили ни слова.

В море рода раджи было две жемчужины – два сына, в небе его семейства блистали две лучезарные звезды. На основе законов женитьбы, правил царствования и устройства свадьбы он приискал ножны для шахских клинков, заготовил обручальные кольца царственных невест. Ради свадьбы своих прекрасных сыновей – ведь для родительского глаза нет ничего радостнее свадебного пиршества, услаждающего очи, – он приказал воздвигнуть арки, украсить город и устроить пир на весь мир. Все царство он превратил в весенний сад, а город – в цветник. Луна-красильщик усердствовала в смешивании красок, мудрая планета Тир.[\[162\]](#) ломала перья, переписывая скрижали радости[\[163\]](#) Музыкантша Нахид,[\[164\]](#) охваченная страстью к солнцу, склонялась с небес.

Сияющее солнце, собиравшееся проститься с миром, заглянуло полюбоваться празднеством и от блеска аятов и блистания сур в той кумирне вечера пожелтело, поблекло и, дрожа, опускалось к земле. Кровожадный Миррих,[\[165\]](#) изготовился пролить кровь врагов пиршества. Могучий Муштари[\[166\]](#) душой и сердцем, как искренний друг, поддерживал собрание. Безбожный Зухал[\[167\]](#) чтобы не сглазить собравшихся, прекрасных, как картинная галерея, посыпал глаза свои прахом и повис на седьмой сфере неба, темный, словно лик негра. Небо открыло сотню тысяч глаз, чтобы полюбоваться, и было поражено. Свод небесный от высокомерия и гордыни одолело головокружение, головы небесных сфер пошли кругом. Башни неба от стыда перед разубранными покоями стали укрываться за крепостной стеной небес. Рука Мани[\[168\]](#) изнемогала, а ноги «Аржанга»[\[169\]](#) ослабели...

Со всех сторон головы обращены к эйвану,[\[170\]](#)
На шею Кейвана[\[171\]](#) натянута веревка.
Дела вершились от одного дворца к другому.
Все вершилось на небе, не на земле.
Парчовыми тканями цвета жасмина
Прикрыли изъяны земной поверхности.
Дождем посыпались каменья и жемчуга,
Вся земля покрылась драгоценностями.

Мелодии музыкантов звучали громко, словно барабаны счастья раджи, напевы певцов услаждали слух небесной Зухры, словно колокола правителя. Музыканты-разбойники и днем и ночью похищали души мелодиями флейт. Сладкоголосые танцоры, украшенные золотом и каменьями, плясали неутомимо. Кадила с разными благовониями горели, словно свеча собрания, словно сердца врагов. Рута, сжигаемая от сглаза, потрескивала на огне, точно кости врагов державы. Дым благовоний вздымался ввысь, будто слава раджи. Прах скорби и пыль горестей были выметены, как смута тех времен. Розовая вода передавалась из рук в руки, словно алая чаша, услаждающий душу ветерок радовал души влюбленных. Шафранного цвета вино, подобное царскому напитку, носили по кругу, и его вкус радовал души избранных. Город благоухал ароматами и благовониями наподобие лавки москательщика и цветника. Мир озарился и украсился, словно картинная галерея румийцев или китайцев, словно пиршественное собрание. Узники были выпущены, пленники освобождены. Туча милостей и великодушия изливала дождь, море милосердия и

снисхождения бурлило, а людям было трудно ступать по земле из-за множества рассыпанных самоцветов и золотых монет. Их было такое великое множество, что люди стояли вплотную друг к другу и бросали вместо цветов жемчуга, а из яхонтов и рубинов уст рассыпали сахар слов. Надежды были осуществлены, а просьбы исполнены. Великие цари, прославленные эмиры, счастливые правители, простолюдины и знатные, воины и мужи державы, чужестранцы и жители страны, купцы и торговцы – все сословия людей, все жители мира присутствовали там. На этом всеобщем пиршестве горели свечи наслаждения и светильники радости, гордились и хвастались огромными дарами и щедрыми деяниями и обретали полное счастье и совершенные успехи.

Раджа был великодушен и благороден, и, согласно изречению «обладателям власти дано откровение»,^[172] в его голове поселились такие мысли, в его сердце укрепилась такая дума: «Всем обитателям и жителям мира на этом пиршестве назначена доля, каждому в соответствии с положением и саном предписан подарок, всякому дано вкушать напиток милости. Если бы и море обрело свою долю в дарах, то и оно, как и другие гости моего дворца, стало бы приближенным. Если бы оно покорилося моему счастью, то было бы прекрасно, ведь море подобно падишаху, а падишах своим великодушием подобен морю, как об этом сказал поэт:

Султан по щедрости не что иное, как море.
На пиршество правителей положено звать великих мужей».

И раджа вызвал брахмана Пакдива. Тот был одним из самых приближенных его надимов, ему не было равного в искусстве любезной беседы, он был Ибн Синой^[173] своего времени. Раджа велел брахману вызвать на пиршество море и дал три дня срока и сказал:

– Если море не подчинится моему приказанию и не придет в назначенный срок на пиршество, то дозволено будет пролить твою кровь, да и на том свете ты также подвергнешься наказанию.

Несчастный брахман в ответ на требование раджи не мог ни слова вымолвить, ни довода привести или отговорку какую-нибудь. Мудрецы говорят, что приказам падишахов можно только повиноваться и соглашаться с тем, что они велят, другого пути нет, покуда на теле халат жизни, а на голове шапка существования. Ведь сказано:

Искать решение вопреки мнению султана
Все равно, что омыть руки собственной кровью.
Если он даже день назовет ночью,
То нужно ответить: «Да, вот на небе месяц и Плеяды».

Брахман подумал: «Во-первых, море – это огромная субстанция и к тому же текучая. Как же оно может явиться во дворец? На кого оно оставит свои сокровища и клады, кому доверит их? К тому же море само себе падишах. А государю по законам разума и мудрости не следует покидать свое местопребывание и оставлять его незанятым. Если бы речь шла о ручье, то я еще смог бы повернуть его и как-нибудь подвести к его величеству радже, обладателю щедрой, как океан, десницы, ибо все ручьи впадают в море. Но ведь из моря вода не вытекает, горы прочно окружают его. Как мне заставить его течь? К тому же отсюда до морского берега целый месяц пути. Да разве можно туда добраться за три дня?»

Однако бедный брахман не мог ни возражать, ни прекословить, он только размышлял про себя. Поцеловав землю перед тронем, он пришел к себе домой, рассказал обо всем своей жене и заключил:

– Наверное, я совершил какой-нибудь грех или провинился в чем-либо и достоин смерти. И потому раджа поручает мне невыполнимое и приказывает то, что не под силу человеку. Под этим предлогом он хочет погубить меня.

– Хотя тебе и приписывают ум и знания и называют мудрым и проницательным, – возразила жена, – однако ты глупец и ничего не смыслишь. Ведь власть падишахов распространяется на жизнь и состояние их подданных, и он может в мгновение ока приказать казнить тебя, никого не спрашивая и ничего не опасаясь. В особенности, если дело касается человека, который не принадлежит к знати и не обладает саном. И если раджа пожелает, то он одним мановением руки может приказать убить тысячи таких оборванцев, как ты. Так что твои догадки неосновательны.

– Может быть и так, как ты говоришь, – сказал Пакдив, – но это черты легкомысленных царей, которые не задумываются о последствиях своих деяний, не стыдятся других властелинов земных и в своих поступках полагаются на навет. Но падишах, который жаждет вечной славы и жизни, вершит все свои дела на основе шариата и при вынесении наказаний предусматривает такой повод и истолкование, чтобы по светскому и религиозному закону выглядеть справедливым, чтобы ни одна душа не могла начертать на скрижали его жизни письма несправедливости. Наш раджа в эти дни наряжен такими качествами и одет в такое платье. Многие падишахи выносят явному преступлению скрытое наказание, а утаенному проступку предписывают видимое возмездие, преступникам и предателям определяют легкое наказание, а потом измышляют какой-нибудь повод и этим завершают дело. Так поступил лев, который простил овцу, а потом придрался к малости и задрал ее.

– А как это случилось? – спросила брахмана жена.

Рассказ 21

– Рассказывают, – начал Пақдив, – что по морю на корабле плыл лев. Там же была и овца, которую он убедил в безопасности плавания и дал слово не задирать. Но как только пламя алчности льва разгорелось, и ветер голода сорвал с его глаз покров стыда, он, ради того чтобы нарушить клятву и отказаться от уговора, посыпал прахом око человечности и сказал:

– Эй, овца! Что ты тут пылишь?

– Что ты говоришь? – возразила овца. – Откуда взяться пыли посреди воды?

Лев повернулся к другим животным и воскликнул:

– Видите, как дерзка и нахальна эта овца? В присутствии царя зверей совершает проступок и не признает его.

Все в один голос ответили:

– Так и есть, как изрекли твои благословенные уста! Твоими устами глаголет истина. Она заслуживает того, чтобы ее задрали и убили. Не надо и следа от нее оставлять!

Лев тотчас нацелился и одним ударом лапы покончил с ней, ублажил свою утробу, а остаток бросил другим зверям.

– Вот я оказался в таком же положении, – закончил брахман, – приходится мне ждать смерти и смириться с божественным предначертанием.

– Настроение падишахов меняется, – стала утешать жена, – они никогда не пребывают в одном и том же состоянии духа. Отправляйся к морю, а спустя некоторое время вернись. Быть может, настроение благословенного раджи изменится к лучшему.

– Покинуть родных и разлучиться с друзьями, – ответил Пақдив, – тяжелее смерти, горше смертной муки. Ведь сынам Израиля во искупление греха поклонения тельцу, который они совершили, был предоставлен выбор между смертью и изгнанием в таких словах: «Убейте самих себя или покиньте ваши обители». [174] Но они предпочли не изгнание, а убийство друг друга. Значит, разлука с друзьями страшнее и хуже смерти.

Воистину, смерть все равно, что разлука,
Это близнецы, вскормленные одной грудью.

* * *

Если мне предложат выбор между смертью и разлукой,
Мне не страшна смерть, я боюсь лишь разлуки.

Брахман беседовал в таком духе с женой, а западный ветер меж тем донес его слова до слуха Рыбы, [175] а она сообщила об этом морю. Океан не захотел смириться с тем, что нанесена обида сердцу брахмана. В тот же миг он явился к брахману в облике человека, под личиной благообразного старца. Он словно источал из себя влагу милосердия, из раковин его речений словно падали жемчужины благоволения. Океан пришел, чтобы люди ведали о том, что великие мужи не мирятся, когда обижают и притесняют малых, считают своим долгом проявлять заботу о здоровье униженных и помогать им в излечении, не брезгают и не пренебрегают навещать бедных, а, напротив, полагают это своей

обязанностью, осуществляют и претворяют в действительность желания и надежды просителей.

Брахман, увидев высокого саном гостя, вышел навстречу, принося тысячу извинений и воздавая безмерно хвалу, и в таких выражениях снял крышку с ларца уст:

– О господи! Какое счастье осенило нас! Благодатное облако стало гостем травы. Где это видано, чтобы лучезарное море приходило к капле? Где это видано, чтобы Сулейман являлся в гнездо муравья?

Безбрежный и бездонный океан, пришедший в гости к нищему брахману, пропустил его вперед и направился во дворец раджи. Брахман, по обыкновению, пал ниц, а раджа спросил:

– Разве я не велел тебе привести море? Почему ты не выполнил приказ?

– Воистину, я выполнил его! – отвечал брахман. – Благодаря неизменно растущему счастью раджи я отправился с поручением и вот вернулся вместе с морем. И вот оно, покорное, словно вода, бьет челом об землю, словно водяной, изъясляет скромность и искреннюю преданность.

Раджа поднялся, почтительнейше ступил вперед, обнял море, выказал великую радость и молвил:

– Пусть не будет у тебя мысли, что к брахману было проявлено насилие или допущено беззаконие! Напротив, он – один из моих самых доверенных лиц, я всегда ищу его духовного благословения. Я считаю добрым предзнаменованием каждое утро видеть его лик, не облобызав прах его ног, я не прикасаюсь к еде и напиткам. Так как же я позволю себе проявить по отношению к нему дерзость или наказать его? Ведь набожные падишахи и справедливые государи оказывают почет ученым, сейидам^[176] и шейхам, считают уважение к ним и возвеличение их основой своего возвышения и преуспевания, не отступают от их советов и назиданий, порицают и осуждают тех, кто обижает или убивает их. И сей брахман подвергся угрозам и устрашению лишь ради того, чтобы испытать твою великодушие, чтобы удостовериться, проявляешь ли ты внимание к обиженным и угнетенным, чувствуешь ли жалость к слабым и немощным. И все это послужило лишь поводом, чтобы мне встретиться с тобой. Весь этот шум на пиру был только ради того, чтобы позвать тебя к нам в гости. А ныне, слава Аллаху, я обрел счастье и узрел чудо! Случилось то, чего так жаждало сердце. Прекрасный друг сегодня с нами.

На это море отвечало:

– Когда раджа являет такое милосердие и великодушие, произносит речи, исполненные такого дружелюбия, то я от стыда барахтаюсь в пучине неловкости и тону в реке смущения. На поверхность моих вод всплывают пена и бурелом стыда, меня объемлет трепет, ибо я прибыл к тебе с пустыми руками, не оказав должного почтения, и запросто удостоился права облобызать руку твоего величества. Но я ведь не могу равняться с царями! Как могу я искупить свой проступок, как мне простить самому себе пренебрежение первейшим долгом? Если могущественный раджа соизволит указать, какие сокровища морских берегов доставить сюда в качестве дара невестам и нисара^[177] для самого раджи, какие драгоценности вручить хранителю казны и за какой срок все это осуществить, то это будет проявлением истинного великодушия: таким образом, ты возвеличил бы меня среди своих потомков. Ведь я обладаю всеми знаками царской власти и атрибутами владычества, благодатные тучи месяца нейсан – это лишь частица моего черного шатра, поверхность островов – это лишь крохи моего трона. Если приметам владычества являются несметные сокровища, то у меня рудников и россыпей больше, чем у кого бы то ни было. Если власть – это слуги и подчиненные, то речных наездников и морских воинов у меня^[178] – полчища и тьмы. Морских чудищ, подобных горным вершинам, у меня бесчисленное множество, а водяных кольчуг и панцирей столько, сколько черепах. Я не знаю счета подобным туче слонам на берегу, мне не пересчитать подобных ветру морских коней. Если же отличительная черта падишахов – это милосердие и сострадание, то взгляни на уши рыбы, которые благодаря мне сыплют жемчуга^[179] а пола ее полна динаров и дирхемов; посмотри, как я лелею сирот в сердцах раковин^[180] как купцы наживают

обильную прибыль только благодаря моей благосклонности. Если же обычаи и повадки царей – это гнев и ярость, ты слышал рассказы об ужасных разрушениях, производимых моими волнами. Когда я начинаю бурлить, я порождаю пучины и водовороты, велю буйствовать урагану, так что жизнь для всего света становится горькой, переворачиваю все вверх дном, но тем не менее:

Если я ставлю на сердце горячее клеймо,
То могу и бальзам приложить.

Раджа ответил:

Цель всего – ты, а все прочее – только повод.

– Ведь и я не испытываю недостатка, не нуждаюсь ни в чем. В моих сокровищах также есть все, о чем ты говоришь, все мои сокровища – от тебя, пускай же они и пребывают с тобой, ибо в народе говорят: «Дождь – от моря, море же – от дождя».

Но море взмолилось и сказало:

– Клянусь Аллахом, нет! Все то, что есть в морях из товаров и драгоценностей, я пересчитаю и преподнесу тебе. Все, что понравится твоей душе, подобной щедрой туче, будет смиренно доставлено тебе, дай мне, твоему покорному рабу, удостоиться этой чести и милости.

Бахваджраджд соблаговолил согласиться с просьбой моря. И тогда великодушный по своей природе океан забурлил, явил все свои сокровищницы и клады и стал пересчитывать сокровища. Сначала он пустил на воду алмаз языка, описывая крупные, средние и малые драгоценные камни. Потом он стал перечислять слитки чистого золота, сокровищницы, клады и россыпи, поскакал на быстроходном скакуне мысли, описывая морских коней, так что подковы иноходца раджи стали высекать искры. Затем стал описывать гороподобных слонов, скачущих как драконы, вызывающих светопреставление. Расхвалив слоновую кость и предметы, инкрустированные ею, он перешел к мешочкам с тибетским и хатайским, [\[181\]](#) мускусом, так что все присутствующие почувствовали аромат благовоний, таких, как алоэ, амбра, зубад [\[182\]](#) камфара, сандал и другие, и все пришло в движение от душистого дуновения и аромата галии. [\[183\]](#) Затем он в изысканных выражениях стал описывать простые и разукрашенные одеяния, подробно живописать шелковые одежды, выказал тонкие познания в мехе горностая, бобра, куницы, рассказал о преимуществах морских животных и о достоинствах берберской шерсти. Он поведал, ничего не утаив, об адиме. [\[184\]](#) и шелке саклат [\[185\]](#) С неусыпным рвением перечислял он все это без устали. Он показал радже в наилучшем свете четыре товара, словно четыре первоэлемента: во-первых, яркое, как огонь, золото, во-вторых, жемчуга, светлые, как вода, в-третьих, коней, быстрых, как ветер, в-четвертых, одеяния, плотные, как земля. Они понравились благосклонному разуму раджи, и он принял их сердцем и душой.

Море, ободренное этим одобрением, утонуло в милости, переполнилось до краев великодушием и вернулось к себе.

На другой день, когда белый конь утра поскакал по голубому ристалищу неба, когда золотая чаша солнца засверкала, словно самоцветы и жемчужины, море принесло обещанные дары и вручило слугам раджи.

Бахваджраджд вызвал брахмана Пақдива, предложил ему одно из тех бесчисленных сокровищ, обретенных благодаря ему, предоставив право выбрать любое.

При всей мудрости брахмана в выборе даров он прибег к разуму сыновей, хотя они были лишь частицей его, ибо всеславный и всевышний бог даровал каждому сердцу тайну и каждой голове ум. Ведь

говорят:

У каждого пригожего мальчика свои повадки,
В устах у каждого свой сахар.

И нет срама в том, чтобы прибегать к совету того, кто ниже тебя и меньше тебя, и пользоваться плодами его большого или малого ума. Ведь сказали же мудрецы: «Бери чистое и избегай мерзкого». Если океан получит каплю воды от клочка тучи, то в этом нет позора. Если заимодавец из тысячи отданных золотых динаров сумеет получить от должника хотя бы четверть серебряного дирхема, то никто не станет порицать его.

Итак, у брахмана было четыре сына и каждый из них в меру своих способностей и возможностей дал совет отцу. Первый сказал:

– Нужно взять золото, оно обладает шахским величием, надо выбрать золото, ибо его почитают как зеницу ока, как глаз человека. Вся роскошь в мире покупается за золото, даже загробный мир обретается благодаря подаяниям золотом, оно увеличивает силу зрения.

Люби дирхемы и деньги,
Чтобы избавиться от бедности и долгов.
Самое ценное для глаза – это зрачок,
А самое ценное для человека – деньги.

Если есть золото, пусть камней будет мало. Известна цена и коню. Да и одежда всегда найдется.

Второй сын был ювелир, ему нравились драгоценные камни, он даже не взглянул на желтое золото, отбросил его:

Коли в его сердце был жемчуг сути,
То перед жемчугами золото и прах были для него едины.

Затем он добавил:

– Конь предназначен для битв, он ни к чему брахману. Одежда – для тех, кто хочет красоваться, она – удел щеголей.

Третий сын любил лошадей. Он сел на коня многословия, погнал скакуна благородства и сказал:

– Золото подобно падали, что на него полагаться! Любовь к нему – основа всех прегрешений, привязанность к нему делает сердце черным, как сказал пророк – да приветствует его Аллах: «Любовь к миру – основа всех прегрешений». [\[186\]](#) Камнями-самоцветами сыт не будешь, как об этом сказал поэт:

Зачем ты сердцем привязался к дирхемам?
Если возьмешь их в руку, то сердце почернеет.
В тот миг, когда надо утолить голод,
Ячменное зернышко лучше амбаров жемчугов.
В тот миг, когда желудок потребует свой долг,
Глиняная миска лучше золотого венца.

* * *

Человеку хватает одной одежды, более не надобно.

Четвертый сын любил все внешнее, был начисто лишен понимания сокровенного. Он вступил в

разговор, похвалил одеяния и сказал:

– Человек – это его одежда. Внутреннее состояние человека скрыто, никому не ведомо также о богатстве, жилище, бедности, обеспеченности людей. Драгоценные камни бедным и вовсе не надобны. Конь – это трон для Сулеймана, верховное животное падишахов. Золото никому не будет верным, как сказали об этом:

Золото – это две буквы, которые не соединяются между собой.[\[187\]](#)

Так зачем оно привязывается к моему единственному сердцу? Когда все четверо достойных сына стали противоречить друг другу и погнали корабли в разных направлениях по морю замешательства, Пакдив заткнул уши пальцами, взволновался, словно море, и рассказал об их странном поведении радже. Раджа засмеялся, а потом вручил каждому дары по его вкусу и при этом полагал, что недостаточно щедр.

Попугай закончил свое повествование так:

– Берегись, о Мах-Шакар! Счастье брахману улыбнулось потому, что он поступил не только по своему разумению, но и попросил совета у других людей, так что благодаря совету с сыновьями он обрел щедрые плоды и благоприятные результаты. Что скажешь ты теперь о щедрости раджи, великодушии бурного моря? Кто величественнее, кто выше?

Мах-Шакар призадумалась было над этим вопросом, как вдруг утро забрезжило, словно светлый лик раджи Бахваджраджа, а солнце заблестало, словно личико Мах-Шакар.

ПОВЕСТЬ о человеке, который возился в грязи, о том, как он нашел во прахе несравненную жемчужину, о том, как лишился ее и жемчужиной завладели его спутники

На одиннадцатую ночь, когда лучезарную жемчужину солнца убрали в шкатулку запада, а светящийся ночью самоцвет луны вынули из моря востока, Мах-Шакар, словно луна четырнадцати ночей, стремясь испить напиток свидания с возлюбленным, украшенная вовсю, полная кокетства и неги, пришла к красноречивому попугаю, чтобы сообщить ему о намерении навестить возлюбленного, попросить на то его разрешения.

Попугай-златоуст раскрыл свой изящный сладостный ротик и произнес изысканные слова, прекрасные речи:

– Это благословенный час и доброе время. Надо идти, а, заручившись удачей, надо поторопиться и использовать выдавшийся случай, не пренебрегая возможностью радости. «Удобный случай изменчив, словно облако». Ведь судьба затаилась и небо поджидает. Надо быть слугой времени и не следует откладывать дела.

Сегодняшнее дело не откладывай на завтра.
Как только настал день, верши дела.

Доколь тебе убивать беднягу мечом ожидания и доколь кормить его обещаниями?

Разве твое лицо не подобно месяцу и полной луне? А луна самая быстрая среди светил. У тебя такие пленительные движения и плавная походка, что даже горная куропатка от зависти к тебе падает к подножию горы.

Ты видел красный, как кровь, клюв куропатки?
Это он источает кровь из любви к тебе.

Так почему же ты медлишь, зачем колеблешься? Я знаю, ты хочешь сначала узнать, знатен ли возлюбленный, обладает ли достоинствами, чист ли происхождением и благороден ли родом, а потом уж отправиться к нему. Конечно, законы разума не велят подавать руку всякому подлецу и мерзавцу, приносить себя в жертву первому попавшемуся, становиться возлюбленной того, кто лишен величия духа и

благородства. К тому же соединение с таким человеком не приносит наслаждения и в конечном итоге приводит лишь к горькому раскаянию и бесконечным страданиям, вреду и укорам друзей.

Возлюбленная не стоит тех упреков, которые бросают мне.
Ослиный вьюк не стоит платы за наем осла.

Мах-Шакар, которой никогда не приходили в голову такие мысли, которая и не ведала ни о чем подобном, понравились слова попугая, они пришлись ей по вкусу. И ей ничего не оставалось, как согласиться.

– Да, – молвила она, – так оно и есть, как раз об этом я думаю и размышляю.

А хитрый попугай, видя, что ристалище слова осталось за ним, тут же добавил:

Сердца людей – зеркала друг для друга!

– Поскольку у меня, бедняги, весь день в зеркале сердца отражались те же мысли, на страницах души были начертаны те же изображения, я рассуждал про себя, что такая жемчужина, как моя госпожа, не должна достаться какому-то бедняку, что столь драгоценный камень не должен быть нанизан на одну нить с простым кораллом, что столь изящная и пленительная красавица не должна оказаться в плену ифрита,^[188] что подобная пери не должна быть в оковах дива. Может ли юноша, к которому хочет пойти моя госпожа, отличить чистое золото от поддельного серебра? Может ли он отличить гурию от пери? Способен ли отличить розу от бутона, набат^[189] от сахара? И хорошо бы при всем этом, чтобы он происходил из знатного и благородного рода, чтобы он имел понятие о чести и величии души, чтобы он не был подлого рода, из числа подонков.

– А как установить, как обнаружить честь и доблести мужа? – спросила Мах-Шакар.

– Это очень легко, – отвечал попугай. – Сию минуту отправляйся к нему, исполни данное обещание. Первым делом испытай его и проверь, ибо «при испытании муж окажется или благородным, или низменным». Если золото от природы при испытании пробным камнем окажется высшей пробы, то прекрасно. А если, не дай бог, в теле его содержится фальшь и подделка, то руками любви надо обвить шею другого юноши, нужно привлечь в объятия иного возлюбленного.

Ведь город благоденствует и красавиц много.

Определи его качества, подобно тому, как дочь Бахваджраджа хитроумными уловками установила происхождение и род занятий четырех чужестранцев.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар.

Рассказ 22

– Я слышал от передатчиков преданий, – начал попугай, – что в городе Ахтар-Бакри жил бедный муж, который зарабатывал на жизнь себе и своей семье, приобретал кусок хлеба для жены и детей тем, что месил глину. Другие люди просят свою долю у неба, он же искал ее на земле. От стыда за то, что из-за неспособности он вынужден был заниматься таким низменным делом, тот муж и днем и ночью не отрывал взгляда от земли и не поднимал головы. Он так преуспел в мастерстве, что мог из песка извлечь масло.

Итак, хотя просеивание земли и не слишком почетное ремесло, но, тем не менее, это заработок для несчастных и занятие для униженных. Но поскольку муж проявил усердие и старание в своем деле и труде, а ведь сказано: «ищущий да обрящет», оно дало ему плоды и открыло врата счастья. И вот однажды, когда он просеивал и месил глину, вдруг наткнулся он на большую яркую жемчужину, цены которой никто не мог определить. К какому бы прозорливому мужу он ни обращался, какому бы ювелиру ни показывал, никто не мог установить ее стоимость и оценить ее. Наконец ему сказали:

– Это не нашего ума дело. Это очень дорогая жемчужина, она стоит десятилетних податей со всей нашей страны. Цену ей знает один только раджа Бахваджрадж, только он может установить стоимость и купить ее, ибо в его сокровищнице много подобных жемчужин. Он очень щедр и сможет уплатить за нее в десять раз больше. Если же ты преподнесешь ее в дар, то он в ответ осыплет тебя подарками.

Бедняк по их совету не медля положил в карман жемчужину, собрался к Бахваджраджу и, согласно хадису: «Сначала друг, потом путь»^[190] и следуя поговорке: «Друзей должно быть четверо», вместе с четырьмя друзьями двинулся в дорогу. Они шли долго, проходя переходы и минуя стоянки.

И вот однажды в знойный день, когда «летняя жара была как острие меча», бедный просеиватель глины от усталости лег вздремнуть в тени дерева. Не успел он заснуть, как кто-то из друзей стащил кошелек с жемчужиной. Бедный скромный человек проснулся, но он не знал, кто из четверых друзей был вором и плутом, кто залез к нему в карман и украл жемчужину. От горя из-за потери в его сердце пылало пламя, голову он посыпал прахом, проливая непрестанно слезы. Он гасил пламя скорби водой терпения и говорил:

Жемчужину, которая была мне дороже жизни,
Украли у меня, ничего не оставили.

Вопить и кричать он не мог, так как, сколько ни кричи, сколько ни зови на помощь, сколько ни бушуй, словно бурливое море, хоть совсем сна лишись, – все равно от этого не будет никакой пользы или выгоды, вору это ничуть не повредит, тот не вернет жемчужины. Ведь сказано:

Не горюет жестокосердный вор-карманник.
Только хозяин скорбит из-за жемчужины.
Краткий сон дарует такую долю.
Что же сказать о сне, продолжающемся всю жизнь?..

Короче говоря, бедный просеиватель глины наложил на уста печать молчания и ударил о сердце камень терпения. И вот все впятером прибыли они к цели назначения. Обворованный, не медля, рассказал Бахваджраджу историю с жемчужиной, о своей сердечной муке, о том, что случилось, и закончил так:

Товар, который похитили у меня,
Не у меня похитили, а у падишаха.

Бахваджрадж приказал немедленно вызвать всех четверых приятелей, потребовал вернуть бедняге

жемчужину и прибег к угрозам, как это полагается во время расследования. Они в один голос стали отрицать кражу, твердили одно и то же, словно заученный урок, и ничего более не говорили. Раджа, полагая, что виновен только один из них, не стал наказывать всех вместе и, вникая в смысл аята «не понесет носящая ношу другой»,^[191] пребывал в большом сомнении и сильных раздумьях. Он хотел воздать обиженному, предать похитителя возмездие, не желая, чтобы невинный пострадал, так что даже сам лишился сна и аппетита. Эта весть дошла до дочери раджи, которая обладала совершенными способностями и чрезвычайной прозорливостью:

Если бы она захотела, то, без сомнения,
Получила бы вести из глубин неба.

Лицом и станом это была самая красивая и стройная среди красавиц мира, рассудком и разумом она могла заткнуть за пояс мудрецов и ученых. Сам раджа время от времени прибегал к ее советам и обсуждал с нею государственные и иные важные дела.

Дочь пришла к отцу, выслушала о случившемся и попросила три дня сроку, чтобы обнаружить вора. Она повела в свой дворец всех четверых чужестранцев и явила им чрезвычайное внимание и гостеприимство. Она ни словом не обмолвилась о жемчужине, стала обнадеживать их блестящим и счастливым будущим, беседовала с ними, высказывала самые разнообразные мысли, расспрашивала о том о сем, так что страх и боязнь покинули их сердца. И вот во время одного разговора она обратилась к ним с такими словами:

– Вы – путники, долго путешествовали по свету и многое повидали, испытали великое множество бед и обрели большую долю в мудрости и знаниях. На ваших лицах проступают следы прозорливости и черты ума, на челе каждого из вас сияет свет знаний и блеск талантов. Следовало бы уделить и нам частицу от светоча ваших знаний и свечи мудрости, надо бы и нам обрести жемчужину пользы из моря разума и океана учености. Ведь достоинства – это все равно, что сияние солнца и свет луны, они в одинаковой мере освещают и великого, и малого, и сухое, и влажное, не проявляя никакой скупости. Великие мужи сказали:

Тот одарен, кто по мере своих возможностей
Даст долю и другому из своего опыта.

Я поведаю вам сказку, в которой сокрыта трудная задача. Разрешите мои сомнения при помощи вашего красноречия и совершенства ума. Пусть каждый из вас по мере своих возможностей постарается распутать этот сложный узел и даст мне ответ согласно своим способностям.

Они поклонились до земли и сказали:

– Есть такая поговорка: чего стоит свет светильника перед сиянием солнца? Что может значить наше ничтожное знание? Как дочь падишаха может воспользоваться им? Мы просты. Что можем мы? – «Возить тмин в Керман и розы в цветник»^[192] – ведь эта пословица всем известна. Если лучи солнца, блеск дневного светила из-за затмения или маленького облачка скроются ненадолго, все равно солнце не станет молить милости луны. А молодой месяц, как бы тонок он ни был, не станет просить света у светлячка, как сказано об этом:

Как бы луна ни была бледна,
Не станет она просить светильника у светлячка.
Если солнце попросило света взаймы у Малой Медведицы,
То утра дозволено насмехаться над ним.

Но в благодарность за оказанную тобой любезность мы не пожалеем того, что придет нам на ум, что будет нам под силу.

Рассказ 23

Дочь раджи Бахваджраджа сказала:

– В книгах рассказывают, что в краю Мазандаран жила дочь купца, доброго нрава, похожая на гурию, прекрасной наружности, стройная, словно кипарис, речистая, как попугай, с ясным лицом и роскошными кудрями.

Лик – словно летнее утро,
Локоны – словно зимняя ночь.

* * *

Лицо белое, словно утро,
Локоны черные, словно ночь. [\[193\]](#)

По возрасту девушка была уже взрослой, но нераспустившийся бутон ее не пострадал от утреннего ветерка, замок наслаждения ею еще никто не отворял, соловей из сада еще не видел ее лица на лужайке. Весенней порой, когда соловей смеется над незрячим нарциссом и весенняя туча плачет над недолговечной розой, когда лилия распускает язык, чтобы живописать базилики, когда кипарис стоит на одной ноге, чтобы прославлять красавиц в саду, когда чинар вздымает руки для мольбы за цветник, чья жизнь недолговечна, когда фиалка в знак согласия с ним опускает голову на колени раздумий, когда на каждой ветви сидят сладкоголосые птички, когда напевы голубок и воркование голубей поднимаются выше весенних туч до самых небес, когда:

Цветы на лужайке улыбаются друг другу,
Мелодии птичек наполняют небеса,
Нераспустившийся бутон жаждет стать розой,
А северный ветерок разглашает его тайны,
Ворон важно шагает вслед за куропаткой,
Бутоны скрывают свои улыбки,
За тюльпаном, которого целует в уста ветер.

Глаза нарцисса следят как лазутчики, когда сердца ликующих людей устремляются в сады, когда души мудрецов торопятся к подножиям гор, в такой прекрасный день дочь купца в сопровождении подруг вышла, плавно покачиваясь, словно кипарис, в сад, в цветник. То она взирала миндалевидными глазами на нарциссы, то поверяла сердечную тайну десятиязыкой лилии. Лепестки красной розы покрывались испариной стыда перед ее тюльпано-цветными щеками, лик свежего жасмина мерк перед белизной ее лица. Благородный кипарис от зависти к ее стану готов был обратиться в бегство, а чинар, чтобы отвратить от себя ее глаза-нарциссы, воздел в молитве руки.

Дева со станом как кипарис гуляла по цветнику. Вдруг нарциссы ее глаз увидели на высокой ветви красный цветок, растущий среди листов. Она не могла достать до него и велела молодому садовнику:

– Сорви этот цветок и подай мне. И чего бы ты ни захотел и ни попросил, даже если жизнь мою, – я не пожалею.

Сын садовника, видя великодушие и щедрость той, у кого были серебряные щеки и тело, как роза, вспомнил стихи:

Дева, которая шествует по цветущей лужайке среди роз и тюльпанов,
Наслаждается ими, но и подвергается риску.
Коли взгляд ее упадет на алую розу,
Улыбка томной розы потребует вина.

Он повторял эти стихи, как заклинание, укрепляя свой дух. Потом он скрепя сердце взобрался на ветвь, до которой с большим трудом достигали лишь руки утреннего ветерка, дуновение западного ветра. Он сорвал цветы, спустился и стал воздавать хвалу той, чье тело было как роза.

Жасминогрудая, видя его отвагу, стояла перед ним, словно букет роз, готовая выполнить любую его просьбу и прихоть. Но юный садовник дерзнул лишь вымолвить:

– Об одном только я прошу: в первую брачную ночь подари благоухание гиацинтов твоих кудрей нашему саду, приди к нам, словно луна, дай мне хоть раз вдохнуть аромат ветерка свидания с тобой, вкусь каплю розовой воды наслаждения тобой, удели долю из охапки твоих роз.

Она пообещала то, что он просил, и вернулась домой, подобная утреннему ветерку, который веет из цветника, как об этом сказано:

Взгляни на белизну ее плеч и рук, если осмеливаешься,
Когда она, сорвав розу, идет из цветника.

Вскоре после этого жемчуг девы нанизали на шахскую нить, соблюли все обряды и обычаи шахской свадьбы, рассыпали сласти и разбросали цветы. Шах и невеста в первую ночь свидания на ложе радости и троне желаний сплелись в объятиях, словно лианы, и шах возжелал взрастить побег в прекрасном саду, заронить в раковину бытия жемчуг соития и оросить древо стана влагой наслаждения. Но тут новобрачная сказала:

– Лишь в эту единственную ночь вдыхай аромат цветов терпения и не касайся рукой сада свидания, ибо я дала сыну садовника клятву и слово.

И она рассказала ему все о саде, цветке, а затем добавила:

– Согласно выражению «мусульмане держат клятву» я хочу пойти и выполнить данное обещание, потом вернуться и уж после этого:

Знаю я и знаешь ты: делай все, что пожелаешь.

Муж был благородный и справедливый человек, он не подумал ни о чем плохом и не заподозрил ничего дурного, согласился с ней и в ответ на ее просьбу посоветовал ей поскорей отправляться и побыстрее возвращаться.

Новобрачная, разубранная и разукрашенная, словно писаная картина, облачилась в наряд невесты и отправилась, плавно покачиваясь, словно куропатка.

Смеясь, она расточала из уст сахар,
Косы, словно цепи, спускались до пят.
Лицо ее – само искушение, нарциссы глаз томны,
А над ними – целая кипа завитых кудрей.

Не успела она пройти несколько шагов, как наткнулась на волка, затаившегося в засаде. Он хотел наброситься на нее, но красавица сказала:

– Не торопись погубить меня, ибо я целиком в твоей власти.

И она рассказала ему о саде, о цветах, о сыне садовника и о благородстве мужа. Волк подавил на некоторое время свою звериную природу, стал ластиться, как собака, и ушел своей дорогой, бросив легкую добычу.

Красавица прошла немного дальше и повстречала злого разбойника, кровожадного, злобного, как евнух, мрачного, словно ночь влюбленных, но блистательного, как луна, в воровских делах.

Если разбойник похож на неудачный день, что тут поделывать?

* * *

Появился внезапно, словно дракон,
Вселенское бедствие, опасность для жизни.

Когда он увидел ту, чей стан был стройнее кипариса, она показалась ему прекрасной добычей, припасом на черный день, он счел ее изящным трофеем и красавицей и решил ограбить. Но новобрачная рассказала ему о происшедшем, о величии сердца мужа, о благородстве волка и закончила так:

– Неблагодарно и низко обижать того, кто стремится выполнить обещание и сдержать клятву. Если сын садовника увидит меня раздетой и голой, то что он подумает обо мне? Муж отпустил меня, волк не сожрал. Неужели ты не можешь оставить меня целой и невредимой?

Хотя ремесло у разбойника было жестокое, сам он был человек благородной души. Он грабил, но милосердно. Выслушав ее объяснения, он не стал ее трогать и отпустил.

И вот она пришла в сад. Юный садовник стоял в саду, словно кипарис, и она молвила ему:

– Вот я пришла, как обещала. Этой ночью будь гостем сада свидания со мной, сорви цветы на лужайке единения и удовлетвори желание во всем, чего пожелает твоя душа. Половину той жизни, которой обладаю, приношу тебе в дар. Это все, что у меня есть.

И она рассказала ему о великодушии мужа, о благородстве волка, о снисхождении разбойника и вновь повторила клятву данную ему в давние времена. А потом лилия ее языка изрекла такие слова:

– Хоть ты и простой садовник, ты не уступаешь им ни в чем. Однако же приди на миг в сад единения и в цветник свидания, вкуси плод ветвей моего стана. Если ты жаждешь цветов, я прижмусь щекой к твоему лицу. Если тебе нравится стан, подобный кипарису, то вот я пред тобою. Стоит только тебе вспомнить о гиацинтах, как:

Локонами я подмету прах у твоих ног,
Стоит только тебе пожелать розу:
Я спалю, словно алоэ, и сердце, и душу,
Если тебе захочется алых ягод,
Я прильну устами к твоим губам.
Если черед дойдет до лилий,
То я стану расточать такие жемчужины:
Все, чего бы ты ни захотел, есть у меня в тайнике.
Назови, чему радуется твое сердце, есть у меня все.

Хотя сын садовника и был юн, он обладал разумом, в свои юные годы уже пожимал руки старикам, пристрастился к их образу мысли и познал чувство раскаяния. Он страшился бога, всегда думал о последствиях поступков, попирал пятой свои вожеления, драл за ухо бесовский соблазн и отрешился от чувственной страсти. Он принес ей тысячи извинений и сказал:

– О верная дева! О самая добродетельная женщина в мире! То, что соизволила ты сказать, свидетельствует о человечности, великодушии, сострадании и благородстве, ибо выполнение данного обязательства, верность слову говорят о добронравии, похвальных качествах и величии.

Тот, кто верен данному слову,
Выше всего, что можно вообразить.

Я же, твой покорный раб, осмелился на столь дерзкую просьбу, возжелал того, что не соответствовало моему положению и мерке, и преступил свой предел только по причине юношеской гордыни, от избытка страсти и чрезмерного безумия, ведь мудрецы сказали: «Молодость – разновидность безумия». [194] Я всего-навсего простой садовник, а призвание садовника – охранять и беречь, а не расточать и предавать. Стоит мне сорвать цветок в чужом саду, как другой вырвет с корнем у меня в саду дерево, ибо великие мужи сказали: «Что одолжишь, то и вернут тебе», [195] «что посеешь, то и пожнешь». [196] Не следует упускать из виду также изречение: «А воздаяние за зло – зло, равное ему». [197]

Плоды того, кто лезет
В чужой сад, съест чужак.
Что скажешь, такой и услышишь ответ.
Что посеешь, воистину, то и пожнешь.

Пусть моя госпожа возвращается целой и невредимой, не омрачая взор супруга задержкой, пусть твои благоухающие амброй локоны и мускусные косы станут арканом для шеи и нитью души возлюбленного, ибо ты выполнила данное обещание и свершила долг. Да не коснется тебя ничто греховное!

Девушка, видя холодность и суровость со стороны садовника, убедилась в своем бесчестии и унижении, стала проклинать и ругать его на тысячи ладов и вернулась назад к супругу. И они слились воедино и удовлетворили желание, как ты догадываешься.

Да ослепнет тот, кто не видит.

Завершив свой рассказ, дочь Бахваджраджа обратилась к чужестранцам и молвила:

– Что вы на это скажете? Как вы считаете, кто был благороднее: супруг, волк, разбойник или садовник? Кого следует похвалить и кого осудить?

Один из них сказал:

– По моему мнению, этот муж – не мужчина вовсе, он низок и подл, ибо ревность и горячность – признаки веры. Ведь рассказывают со слов пророка: «Саад, воистину ревнив, я ревнивее его, а Аллах ревнивее нас». [198] Муж никоим образом не может считаться мужчиной! Да избавит Аллах всех нас от таких людей и от общения с подобными мерзавцами.

Другой сказал:

– Я удивляюсь волку. Скорее всего, это был дряхлый волк, клыки и когти которого потеряли силу, так что он не мог охотиться и рвать добычу. А иначе кто же бросит такую добрую дичь, такой лакомый кусочек? Его поступок свидетельствует не о благородстве, а, скорее всего, о безмерной старческой слабости. Не следует хвалить волка за послабление!

Третий чужестранец стал осуждать глупость и ограниченность разбойника:

– Уж кто глупо вел себя, так это разбойник! Он поступил опрометчиво и неосторожно, упустил из рук такой удобный случай только из-за невезения и неудачи. Темная ночь, пустынная дорога, дева в жемчугах

и самоцветах, в драгоценных нарядах и уборах – подобное пренебрежение могло быть лишь следствием безумия и глупости. Не будь клятвы, данной девой садовнику, на что мог рассчитывать разбойник? Вор, проявляющий подобное милосердие, не достоин называться вором.

Дочь раджи слушала ответ каждого и в знак одобрения покачивала головой. Четвертый был человек веселого нрава. Он стал поносить юного садовника, говоря:

– Нет человека более глупого и несчастного, чем он! Соблюдая данное когда-то слово, к нему приходит красавица, девица несравненной красоты, сверкающая, как луна, в ночь уединения, она красуется перед ним, а этот безмозглый дурак ведет себя как святой! Одно только объяснение этому – слабоумие и недостаток ума. Ведь сказано:

Если к тебе придет подобная гурии красавица.
То спрячь подальше воздержание, о аскет.

Когда дочь раджи выслушала ответы на свой вопрос, а каждый из них в ответе руководствовался своей природой и склонностями, она, радостная и довольная, с улыбкой пришла к отцу, воздала подобающие почести, поцеловала прах перед тронем, а затем сказала:

Во имя счастья шаха то, что он желал,
Стало видно воочию в зеркале природы.

Дочь рассказала о том, каким образом вор украл жемчужину, пересказала свои вопросы и их ответы в соответствии с их ремеслом, природой и характером, поскольку «каждая вещь возвращается к своей основе», а также привела поговорку:

Каждый человек выступает оттуда, где он есть. [\[199\]](#)

Раджа стал уважать дочь пуще прежнего, приумножил свои милости ей и расположение по мере ее знаний и ума, похвалил ее прозорливость и дальновидность и процитировал:

О прекраснейшая из всего, что видел глаз людской!
Подобной тебе не увидишь и не бывает.

К радже вызвали всех четверых чужестранцев. Тот, кто говорил о чести и ревности, был благородный муж, и раджа назначил его стражем своего гарема. Осуждавший волка был обжора и чревоугодник, и ему дали еды вволю, чтобы бедняга мог насытиться и не страдал от голода, ибо его уделом в этом мире, словно у скотины, были лишь еда и питье. «Они подобны скотам, даже более заблудшие». [\[200\]](#) Тому же, кто винил садовника, дали немного денег и выгнали из города, дабы он сам не подвергался соблазну и не совращал на блуд жен добрых людей, так как это был человек похотливый и влюбчивый. А вора подвергли пыткам и повесили, предварительно отобрав у него жемчужину. Глиномесу взамен жемчужины дали столько сокровищ и даров, что он и не ожидал, и он вернулся в родной город, поминая раджу добрым словом.

– Берегись, о Мах-Шакар! – закончил попугай рассказ. – Если хочешь распознать происхождение и характер возлюбленного, поступай как дочь Бахваджраджа, которая своим рассказом вывела вора на чистую воду, хитростью и мудростью выявила нрав и склонности каждого из четверых. Я, как и она, рассказываю тебе сказки и истории, в которых заключен ответ в виде намёка. Ступай же скорей и спроси. Как только он заговорит, ты узнаешь его природу и характер, определишь, умен ли он и мудр, или глуп. Не волнуйся и не огорчайся, иди радостно и весело.

Попугай еще продолжал расточать красноречие, рассыпая жемчужины слов, когда утренняя роза с

блестящими ланитами распустилась, словно бутон на лужайке, навстречу улыбке утреннего ветерка, она засмеялась, а солнце в ореоле лучей, словно жемчужина чистой воды, показалось из глубин моря востока.

ПОВЕСТЬ о том, как собрались восемьдесят мудрецов и определили природу сына эмира Исфахана с самого его детства

На двенадцатую ночь, когда золотой барбат[201] солнца убрали в футляр запада, а серебряный бубен луны подняли с востока, Мах-Шакар, словно музыкантша Зухра напевая мелодию любви, пришла к попугаю-соловью и попросила рассказать историю, обещанную накануне вечером, благодаря которой прояснились бы происхождение, род и семейные связи возлюбленного, определились бы все обстоятельства, каждое в отдельности, словно струны в чанге. Ей захотелось послушать поучение, запомнить и пойти к возлюбленному, чтобы распознать его истинную природу, узнать, благороден он или подл, хитер или прост, чтобы выявить его сущность, определить манеру слов и письма.

Словоохотливый попугай, проявляя искренность и преданность, раскрыл соловьиные уста и защебетал на сотни ладов:

– Рассказов много и историй несметное количество, преданий тьма и сказаний не счесть. Если я ступлю на эту стезю, если стану пересказывать мудрые изречения, то это будет надолго и цель не будет достигнута.

Зачем говорить долго? Краткость лучше!

Ведь наличность ночи уходит из кармана времени, пора свершения будет потеряна, удобный случай уж не возвратит. Ведь даже сейчас нет времени ни рассказать историю, ни выслушать ее. Но чтобы познать сущность человека, его добро и зло, хорошее и дурное, нет лучшего пробного камня, чем музыкальная мелодия, мотивы аргануна,[202] лады Барбеда.[203] и песнопения Накисы.[204] Ведь если человек обладает познаниями в этом тонком искусстве, которое ни пером описать, ни кистью изобразить невозможно, если он в состоянии постигнуть основы этой премудрости, если он может нанизать один на другой лады и не будет путать их в игре, если будет знать, сколько всего ладов, сколько из них основных и сколько побочных, сколько индийских ладов дают один персидский, если он умеет различать лады для мужчин и для женщин, знает, сколько женских ладов потребно на один мужской с тем, чтобы женские лады при мужских не смешивались друг с другом, раздражая слух, способен во время игры показать отличие ладов друг от друга, отчего наслаждение модуляциями увеличивается; если ему известно, какие лады врачуют скорбящих и испытавших несчастье и дают исцеление больным, если он различает особенности каждого лада по влажности и сухости, жару и холоду, если он проводит разграничение между

низкими и высокими, громкими и тихими тонами, различает, арабские они или аджамские,^[205] может установить, кто их изобрел, как они строятся и где применяются, если он при звуках флейты радуется, ликует и веселится, если мелодия оказывает воздействие на его сердце, – все это говорит о том, что такой человек непременно обладает правильным вкусом и хорошим характером, что он жизнерадостен и добронравен. А это, в свою очередь, свидетельствует о знатности рода и благородстве происхождения. Воистину, такое воспарение духа – знак принадлежности его к горнему миру, слушание музыки – это духовное наслаждение и божественное вдохновение, как сказал поэт:

Душа, слушая музыку, чувствует аромат возлюбленной,
Уносится в восторге во дворец тайн.
Этот напев – конь для духа,
Он уносит на спине своей в дом возлюбленной.

С древа музыки вкушают духовные плоды и обретают полный покой. С ветви совершенных напевов срывают ягоды души и обретают наилучший жребий. Тому, кто лишен способности воспринимать созвучия, нет места в этом мире, ему все ткани кажутся грубым полотном, тона музыки представляются воем шакала, и какие бы пленительные мелодии ни воздействовали на его сердце, ему будет все равно. Карканье ворона и воркованье голубки для него будут равнозначны, уханье совы и пение горлинки покажутся ему одинаковыми, грохот молота и наковальни он будет предпочитать игре чанга и пению соловья. И воистину такой человек низок натурою, слаб рассудком, немощен духом и ограничен по природе. Ведь недаром мудрецы говорят: «Тот, кого не трогают весна и весенние цветы, кого не волнуют звуки флейты, болен и нуждается в серьезном лечении».

Более того, по мнению одаренных людей, он находится вне круга людей и потомков Адама и ниже осла и слепня, ибо даже степная серна пленяется мелодией, верблюд араба шагает в такт напеву погонщика, сокол спускается с высоты на клич сокольника. Следовательно, тот, кто лишен музыкального вкуса и чувства, – это осел в облике человека, как сказано: «Хвала Аллаху, который сотворил осла в облике человека».

Я не стану тревожиться, даже если весь мир наполнится ослами,
Я скорблю лишь из-за того осла, что в облике человека.

Нужно остерегаться тех, у кого природа осла, надо избегать их, ибо от общения с ними нет никакой пользы, никто не обретает покоя от дружбы с ними, а последствия такой дружбы пагубны. История об исфаханском царевиче служит подтверждением этому.

– А что это за история? – спросила Мах-Шакар.

Рассказ 24

– В книгах чудесных происшествий говорится, – начал попугай, – что однажды скончался эмир Исфакана и наследником остался ребенок. Собралось восемьдесят прозорливых мудрецов, чтобы определить, будет ли он великодушным и благородным или же подлым и злосчастным, чтобы установить, каким он будет, когда ступит ногой на престол совершеннолетия, каковы его намерения насчет покровительства подданным и будет ли он доброжелателен, чтобы только после этого присягнуть ему на царствование, чтобы в младенческие годы посадить его на трон отца и престол державы, возложить на его голову царский венец, облачить его грудь в мантию правителя, дабы он уже с детских лет хорошо относился к приближенным и слугам отца и простирал над ними сень благожелательства, дарил им убежище милосердия.

Мудрецы вынесли решение, чтобы возле колыбели царского сына и люлек нескольких других детей начали играть на флейте, чанге, барбате, рубабе,[\[206\]](#) бубне, аргануне, кеманче,[\[207\]](#) комузе,[\[208\]](#) китайских цимбалах, гусях, трубе, иракской флейте, обычной флейте и прочих музыкальных инструментах, чтобы сорок певиц, с покрытыми лицами, приятными голосами и пленительными мелодиями, от зависти к которым бледнела бы небесная музыкантша Зухра, запели бы царственные мелодии в ладу хусравани.[\[209\]](#)

Весь город от песен полон музыки,
Шелк струн превратился в силок для птиц небесных.
Так пленителен звук чанга, чарующего небо,
Что смолк даже чанг Зухры.

При звуках напевов и песен планеты на небе пустились в пляс, словно суфии; неподвижные светила, словно свеча, замерли от восторга; блистающая луна на первом небе озаряла собой собрание.[\[210\]](#) Утарид,[\[211\]](#) -письмоводитель на втором небе начал песню словами: «готовы...»[\[212\]](#) Музыкантша Зухра в третьей небесной сфере одобрила подобное поведение служителей наслаждений. Блистающее солнце с четвертой небесной сферы разгорячилось. Грозный Бахрам[\[213\]](#) на пятой крыше насторожился, наблюдая. Прозорливый Бурджис в шестом доме неба стал весело прислуживать на пиру, гордясь этим. Жестокосердый Кейван из седьмого небесного караван-сарая смирился, покотившись во прах унижения. Созвездие Рыбы выстроилось в ряд, птицы удалились на покой... Тут и устроили шумный пир, заиграли и запели, надеясь, что коли есть в ребенке светлые задатки благородства, то они, услышав музыку, придут в движение.

В колыбели он говорит о своем счастье,
Приметы благородства – это убедительный довод.

Ведь сказано: «Ночь предопределения видна уже с самого вечера».[\[214\]](#) Первым ребенком, который пошевелился и запел, словно певчая пташка, пленительную мелодию, был счастливый царевич. Вместе с ним пришли в движение и несколько других детей. Остальные же ничего не ведали о музыке, мелодии не возымели на них никакого действия или, напротив, были им в тягость, так что они стали плакать и капризничать.

Счастливчик тот, кто счастлив уже в утробе матери,
Несчастливый же несчастлив и в материнском чреве.

Таким образом, ученые мужи, руководствуясь разумом, рассудком, пронизательностью и прозорливостью, сочли шахзаде обладателем большого ума, выказали приметы служения и покорности,

подобно рабам и слугам, не пренебрегли искренностью и преданностью, правдивостью и верностью, почтением к власти государя.

И вот, наконец, шахзаде достиг совершеннолетия и стал различать день от ночи и белое от черного, оправдались надежды мудрецов на его способности управлять страной и руководить государственными делами, творить правосудие и быть справедливым, проявлять милосердие и сострадание. Он совершил намного больше того, на что они надеялись, так что его правление стало примером для подражания другим властителям. И воины, и чиновники, и жители страны, и чужестранцы стали слагать легенды о благополучии и процветании, о покое и мире, стали писать об этом исторические сочинения.

Он так украсил мир справедливостью и знаниями,
Что города пребывали в спокойствии, а страна процветала.
Обитатели земли благодаря его милостям
Ведают только радость и веселье.
Никто не ведал рыданий и слез,
Кроме глаз кувшина и струн чанга.

Каждый из тех нескольких мальчиков с уравновешенным нравом стал в ряд счастливых и добронравных людей, достиг высокого сана и положения, стал образцом мудрости и познаний, прозорливости и проницательности.

Те же дети, которые не тревожились об этом мире и не откликнулись на музыку, так и остались на прежнем месте, словно верблюд, вращающий мельничный жернов, подобно животным, довольствуясь едой и питьем, с каждым днем становясь все глупее и ограниченнее.

На этом попугай закончил повествование, а Мах-Шакар сказала:

– Я выслушала все, что ты говорил, вдела в уши жемчужины, которые ты просверлил, я начертала твои речи на скрижали сердца и запечатлела на страницах души. Но ведь и мне следует обрести познания, сокрытые за этой завесой, и опыт в этой области, ибо, если возлюбленный опередит меня и, до того как я задам ему вопрос, сам станет спрашивать, я не сумею дать ему ответ. Научи меня чуточку твоему приятному поведению и сладостным речам, сделай меня мастером, как ты сам. Потом уж я отправлюсь к нему и сделаю все по твоему совету.

– Прекрасно говоришь, – отвечал попугай, – и я подумал: «Воистину, ты говоришь моими речами».

Не успел попугай разъяснить ей подробно каждую тонкость и поведать, что он видывал за завесой тайн, как птицы утра взлетели ввысь, соловьи зари заиграли на флейте, свет надежды забрезжил на горизонте чаяний, а солнце запретов для Мах-Шакар показалось из-за занавеса востока.

ПОВЕСТЬ о том, как попугай разъяснял основы науки о музыке, об особенностях флейты и струн

На тринадцатую ночь, когда золотой Симвург солнца скрылся за горой Каф,[\[215\]](#) а вещий серебряный Хумай луны вылетел из гнезда на востоке и стал парить на бирюзовом куполе неба, Мах-Шакар, подобная павлину и ручной куропатке, пришла к попугаю-соловью и сказала:

– Ты вчера ночью явил глубокие познания в науке о музыке и проникновение в тонкости ее и пообещал научить меня всему этому. Вот я и пришла, чтобы ты разъяснил мне все в подробностях, чтобы ты ступил на широкую и просторную стезю и научил меня, о чем расспросить возлюбленного, когда я приду к нему, каким способом и каким образом испытать его, дабы отличить добрую жилу от дурной, разглядеть показную красоту и внутреннюю скверну.

Попугай, удостоверившись, что она не слишком спешит на свидание, обрадовался и возликовал. Сначала он выразил внимание и покорность, а потом сказал:

– Да будет известно моей госпоже, что наука о музыке достойна изучения, но записать и прочесть ее нельзя.[\[216\]](#) Ее невозможно изложить для чтения, и никто не сможет углубить постижение ее, хотя по глубине она – словно океан. Иначе говоря, она подобна колодцу, который, чем глубже выкопаешь, тем более дарит покой и прохладу, и этому нет предела. Как же мне, столь ничтожной птице, возможно овладеть ею? Как могу я вместить такое знание? Но, тем не менее, то полезное, чему я научился у больших птиц, я расскажу тебе.

– Откуда же у птиц познания в этой науке? – спросила Мах-Шакар. – Кто открыл ее законы и как их открыли?

– Рассказывают, – отвечал попугай, – что начатки этой науки существовали всегда, существовали они в рассеянном виде. Никто не хотел заниматься этим, не находилось мудреца, чтобы собрать отдельные зерна и побег. И, наконец, случилось так что ученые мужи Фарса[\[217\]](#) взялись за дело и соединили все ветви этой науки. Отсюда и науку относят к Фарсу. Я, твой покорный слуга, допытывался, как это было, и мне рассказали следующее.

Рассказ 25

В краю Фарс собрались несколько мудрецов и решили оставить потомкам какую-либо книгу, памятник своей мудрости, дабы их не упрекнули, что они пожалели свои познания. Они хотели мудростью и разумом создать новое учение и заложить основы новой науки, совещались и обсуждали, как вдруг до них донесся скрип водяного колеса, который оказал сильное действие на слух их сердца. Скрип то становился громким, то тихим, а потом долгое время звучал однотонно. И они порешили так:

– Нет для нас ничего лучше, чем глубоко изучить природу звука и установить его правила. Тогда мы выведем законы, на основании которых звук возбуждает в сердцах волнение и надолго запоминается. Есть надежда, что осуществление этого намерения останется памятью о нас, и мы прославимся на весь свет.

И они стали совместно размышлять об этом явлении, погрузились в море познания, принялись искать истину. Основываясь на законах сочетания четырех стихий, [218] они установили четыре вида звуков. В силу того, что звуки невидимы глазом и неуловимы, их называли парде – то есть лады. [219] А затем по числу дней недели установили семь ладов, и сделали это с большим совершенством. А затем они довели число ладов до двенадцати – в соответствии с количеством месяцев в году. После этого они подумали о странниках и путниках и дали некоторым из ладов имена по названиям городов, стран и деревень – например, Хиджаз, Ирак, Нахаванди, – с тем, чтобы путник, прибывая из одного города в другой, услышав название родного города или деревни, мог бы хоть немного порадоваться. После долгих опытов они назначили каждому инструменту определенное время для игры, чтобы он доставлял больше удовольствия. Например, по утрам на аргануне играли ладом рахави, а при восходе солнца на чанге – ладом хусейни. В ладу раст играли до завтрака, а в ладу бу-сулайк – во время завтрака. Мелодии нахаванд исполняли перед полуднем, напевы ушшак – в полдень. А к ладу ирак прибегали уже во время следующей молитвы, к ладу нова – во время вечерней молитвы, в то же время играли и в ладу сипахан, но на чанге. Спустя одну стражу исполняли лад хиджаз. В полночь поверяли тайну сердца в ладу зирафкан. А к концу ночи, перед самым утром на радостях обращались к ладу зир. Эти двенадцать ладов приняли за основные, а от каждого лада вывели побочные и называли их абришум. [220]

А уж после этого обладающие вкусом и разумом мужи стали сочинять песни и преуспели в этом занятии. Если же я стану рассказывать подробно обо всем, то это займет слишком много времени и цель не будет достигнута.

А вторая, более верная версия, такая, что в Индийской стране живет птица кукнус [221] с широким клювом с семью отверстиями внизу. Спустя год после рождения, в пору цветения роз и пения соловьев этот кукнус приходит в волнение, начинает распевать мелодии. Он выводит семьдесят разных напевов, и ни одна певчая птица не может превзойти его. Ни одно живое существо не способно двинуться с места, когда слышит его пение. Сокол и перепелка садятся рядом, лев и серна соседствуют друг с другом. Они забывают все на свете, никому не причиняют вреда и так обретают освобождение. Иногда даже случается, что некоторые отдают богу душу и тогда уж слушают чудесное пение в райских садах. После того как кукнус пропоет множество песен и напевов, он падает, трепеща, на землю, приходит в экстаз, бьет крыльями с такой силой, что высекает из земли огонь, в котором он горит, словно мотылек, и обретает зрелость. Однажды я спросил такую птицу, вышедшую из пламени, кто изобрел искусство музыки, и она ответила:

– Это искусство происходит из Индии, а изобрел музыку Рам [222] сын Дасрата.

– А как это случилось? – спросил твой покорный раб. И кукнус ответил мне.

Рассказ 26

Когда Рам расстался со своей супругой Ситой,[\[223\]](#) он стал искать повсюду ее, рыдая и стелая. Словно ветер, рыскал он по всему свету. Однажды набрел на могучее дерево. И тут какая-то обезьяна, играя и прыгая с ветки на ветку, разорвала себе брюхо, так что на ветвях повисли ее кишки, которые издавали, словно струны, протяжные высокие звуки. Поскольку Рам был удручен и печален из-за разлуки с любимой, то струны его души от тех звуков пришли в волнение, боль разлуки стала острее, ибо сказано: «Вино и музыка повергают влюбленного в разлуке в безумие и бесчестие, в нетерпение и несдержанность». В другой раз сказали:

Сырой глине хватает и малой воды.

Ведь утреннему бутону, чтобы распуститься, достаточно и слабого ветерка.[\[224\]](#)

Рам поднялся на дерево, снял зацепившуюся там кишку, привязал к концам двух палок и стал наигрывать. Раздались разнообразные звуки. Он прибавил к ним еще одну струну, а к концам палок приделал тыкву.

Первый лад, который изобрел Рам, он назвал рам кари, что значит деяние Рама, а сам лад он обозначил словом раг.[\[225\]](#) Иными словами, поскольку эти разнообразные звуки чаруют душу, то их и называют раг.[\[226\]](#)

После этого, в какой бы город, деревню, крепость Рам ни приходил, он называл раг по имени той местности – например, Малари или Гьяжари. Раг, созданный весной, он называл басант, а сочиненный в пасмурную погоду, он называл микхрак. Таким путем он создал тридцать шесть ладов. Когда он получал весть о Сите и ликовал, то сочинял радостный напев, который потом исполняли на празднествах падишахов талантливые исполнители; это такие мелодии, как лалтбахрай, тант и другие. Когда же он сильно грустил и горевал, когда его валила с ног тоска по возлюбленной, он сочинял лад печальный, в котором не было особой радости, веселья; для слепых, горемык и страдающих сочинял такие, как дхани, марави, сандхани и другие.

Рам продолжал усердно и непрестанно заниматься музыкой. Он соединял одни лады с другими, но исполнял их в чистом виде; чтобы отличить мужские лады от женских, он выделил шесть мужских ладов и тридцать женских. Каждому мужскому ладу в соответствии с его характером он придал пять женских ладов и наказал людям сначала играть мужской лад, а потом сопутствующие ему женские, чтобы мелодия получилась приятная, чтобы женский лад не смешался с мужским другого лада, ибо, как и при смешении людей разной природы, возникла бы дисгармония. Он смешал каждый мужской лад с пятью сопутствующими женскими и получил в результате семь, которые по-персидски именуются шу'ба, а по-индийски бхага. А бхаг – это название женщин, и в конечном итоге получается сорок два лада.

Если разъяснять каждый бхага, то на это потребуется много времени, цель страждущего не осуществится. Для каждого лада Рам установил определенное время, чтобы именно в эти часы они доставляли наибольшее наслаждение.

Раги мужские и женские таковы (а доподлинно известно лишь Аллаху): бхайраван, танта, гаури, гунакари, бангал, тури, бхага, сандхави, малави, кхамбхавати, хиндола, данд, саланки, девагири, балата, асавари, лари, ради, кундали, балави, камода, чанджгри, срирага, микхраг, андамани, ахири, рамкави, мурари, годи, дхани, десика, кос, малар, басанта.

В создании мелодий и изобретении инструментов Рама сильно помогал шайтан, он до сих пор продолжает свое дело и мастерит инструменты, они обновляются с каждым днем, и с каждым мигом их становится все больше и больше.

Когда попугай изложил основы науки о музыке, Мах-Шакар сказала:

– Прекрасно ты рассказал это и толково разъяснил. Теперь уже все или еще что-нибудь осталось?

– Все, – ответил попугай. – Это весьма поучительно и нет ничего лучше музыки, для того чтобы отличить доброго человека от злого. Но путь познания людей обширен, это долгий и длинный путь. Во-первых, очень трудно сразу усвоить науку о музыке, это не под силу твоим возможностям и способностям. К тому же и ночь может подвести и не даст тебе возможности выслушать меня до конца и взвесить все обстоятельства. Но как бы там ни было, пусть госпожа на этот раз отправляется на свидание с возлюбленным и спросит его: «Каковы десять качеств совершенных мужей?» Если он ответит правильно, то наша цель будет достигнута.

– Назови мне эти десять качеств, – попросила Мах-Шакар, – развяжи трудный узел.

Сладкоустый попугай сказал:

– Первое качество: мужчина должен быть привлекательным, всегда приятным для взора возлюбленной, покоряющим ее душу и сердце. Второе: добрый нрав. Людям должен нравиться его характер, чтобы привязанность друзей увеличивалась. Третье: уметь писать самому, дабы никто не догадался о том, что он пишет возлюбленной, чтобы никто не ведал их сокровенных мыслей. Четвертое: владеть оружием, чтобы, если враг поджидает в засаде, он мог бы достойно противостоять ему, не погубив себя попусту. Пятое: уметь плавать, чтобы, если перед ним предстанет водная преграда, мог бы преодолеть ее в любое время, не прибегая к помощи моряков. Шестое: отвага, чтобы никого не страшиться, когда он идет к возлюбленной или возвращается от нее. Седьмое: познания в науке о музыке, чтобы во время свидания наслаждение было наибольшим, чтобы покой был предельным. Восьмое: самоотверженность и щедрость, чтобы он не жалел ни головы своей, ни золота, чтобы он готов был принести в жертву все, чего пожелает возлюбленная. Девятое: знание языков, чтобы рассказывать возлюбленной занимательные истории и задавать остроумные загадки на любом языке. Десятое: употребление вина в меру, чтобы получать совершенное наслаждение при свидании с возлюбленной, но не терять при этом разума.

Затем попугай продолжал:

– О Мах-Шакар! Если он даст правильные ответы на твои вопросы и спросит тебя о пяти качествах женщин, которые не дают недругам злословить о них, что ты ответишь? Как ты найдешь выход из положения? Ибо великие мужи сказали: «Лучше подставить голову под удар меча, чем не суметь ответить врагу».

– Ради бога, – взмолилась Мах-Шакар, – ради моей жизни, научи меня этому, разъясни мне эти пять качеств.

Попугай начал так:

– Первое: женщине не подобает ни всегда смеяться, ни вечно печалиться. Второе качество – благородство. Третье: она всегда должна быть опрятной и чистой и украшенной добронравием. Четвертое: украшая себя и наряжаясь, она не должна слишком усердствовать, но не следует и пренебрегать внешностью. Пятое: женщина не должна забывать о покорности мужу, который является для нее убежищем в обоих мирах, должна пребывать под сенью любви к нему.

Попугай все еще продолжал описывать добродетели женщин, а Мах-Шакар стало стыдно, что она

задала такой вопрос, она отвернулась, застеснялась, потупила взор. Но не стыд удержал ее, а улыбка утра, от которой она еще больше смутилась. Тут восход солнца встал у нее на пути, и она отказалась от намерения идти к возлюбленному.

ПОВЕСТЬ о свирепом льве, коте-стражнике, о дерзости мышей перед львом, о том, как котенок истребил мышей и раскаялся

На четырнадцатую ночь, когда золотой лев солнца погрузил в загривок запада свои сверкающие когти, а серебряный соловей луны показал свои светлые лапки из-за горы востока, Мах-Шакар, нежная и томная, как газель, села в паланкин намерения и носилки поспешности и пришла к попугаю за разрешением.

Попугай же притворился озабоченным и взволнованным, сказался больным и опустил голову на подушку удивления. Прошло немало времени, прежде чем он выказал повинование и покорность. Как и подобает больным, он заговорил медленно, но Мах-Шакар перебила его:

– Что случилось? Ты кажешься больным и измученным. Может быть, приключилось нечто такое, из-за чего ты волнуешься и тревожишься?

Попугай отвечал:

– Благодаря обилию милостей и расположению моей госпожи, при ее снисхождении и покровительстве ничего дурного случиться со мной не может. Но меня гложет мысль, меня терзает беспокойство, что ты беспечно насчет свидания с возлюбленным, пренебрегаешь им и с каждым днем все откладываешь его. Ты понапрасну просишь меня рассказывать разные истории, тем самым лишая себя счастья, а на меня возлагая ответственность за это. Как бы тебе не пришлось раскаяться подобно котову сыну, который, истребляя мышей, своих врагов, вместе с тем загубил и свое счастье в этом мире. И какая тайна кроется в этом?

Мах-Шакар стала упрашивать попугая поведать эту сказку, начисто забыла о возлюбленном и свидании с ним, допытываясь.

– А как это случилось?

И попугай начал рассказывать.

Рассказ 27

В сборниках притч повествуется, что в стране Чин[227] была лужайка, свежая и зеленая. Вместо шипов там росли гиацинты, а цветки на них казались розами. Она была бесконечно приятна и беспредельно красива.

Вся она была покрыта цветниками и зарослями тюльпанов,
По ней скакали мускусные серны.
Земля так благоухала ароматами,
Что сама казалась высушенным гиацинтовым цветом.

Слова «Изливаются отсель текучие ручьи»[228] сказаны именно о ее родниках. А в чаще, неподалеку от лужайки, обитал грозный лев, страшный и свирепый. Даже мощные, гороподобные слоны, страшась его рыка, сторонились тех мест, а морские чудища, обладая грозным оружием, от страха перед его когтями искали убежища за кольчугой и панцирем морей. Хищные и травоядные животные в той степи беспрекословно повиновались льву и верно служили ему, питаясь остатками и подбирая объедки с его пиршественного стола и, таким образом, обеспечивая себе спокойную и мирную жизнь.

Лев прожил так много лет, жизнь его стала уже клониться к закату, в нем проявились признаки немощи, его природные силы и живость стали убывать, старческие изъяны стали преобладать над мощью юности. От слабости четырех основ его тела под сводами пасти льва открылись дверцы клыков – то есть они выпали, – а стены чертога его тела словно белым мхом поросли – то есть поседели, – а ведь сказано: «Седина волос – предвестник смерти».

Когда ударяют в барабан старости.
То сердце растает с радостью и наслаждениями.
Белые волосы – это весть о смерти,
Горбатый стан – это привет от кончины.
Глаза выступают из глазниц,
В ряду зубов появляются бреши.

Какую бы пищу лев ни употреблял, кусочки еды застревают между зубами, разлагались, гнили и распространяли зловоние. Поблизости от льва развелись мыши, которые во время полуденного и ночного сна дерзко уносили остатки еды из пасти льва. Царь зверей из-за их наглости чувствовал себя беспокойно, лишаясь блаженства сна и радости покоя, и выражение «И сделали сон ваш отдыхом».[229] как бы не относилось к нему. Он никак не мог отвадить от своей пасти дерзких мышей, несмотря на свою отвагу и мощь, против них он сам был бессильнее ничтожного мышонка. Ведь сказали же мудрецы: «Много есть великих, которые страшатся тварей ничтожных и никак не могут повредить им или причинить ущерб». Как известно, море может одним ударом волн перевернуть сотни кораблей, однако не может избавиться от зубов рыбы, слез морских чудищ, панциря черепахи, сглаза лягушки и козней краба[230]. И гора, как бы она ни возносилась до созвездия Близнецов, как бы ни воздевала меч к шее Мирриха, иссушается от того, что ее попирают дождевые тучи, что по ней бегают барсы, становится добычей мышиных резцов и страдает от легкомысленных ветров.

Лев и днем и ночью думал только о том, как ему избавиться от назойливых мышей. И вот однажды пришел ко льву кот с львиной душой, отважный как тигр. Он, как принято, поцеловал перед царем зверей землю и вознес хвалу. Лев встретил его милостиво и приветливо. Кот стал расспрашивать и выяснять причину упадка духа и бледности лица льва, что было следствием воли небес. Лев рассказал о дерзости и нахальстве мышей и попросил кота защитить его от них. Кот, выказав подобающие покорность и

повиновение, сказал:

Тому, у кого есть такой слуга, как я,
Не нужна никакая рать против врага.
Если недруг выступит против тебя, то возликуй
И поручи его мне, не зная тревоги.

– Хотя государь не вписал меня в список своих избранных приближенных и гнушается искренней службой своего преданного раба, однако весь мир знает и ведаёт, что шкура величия кота и мантия счастья льва – одного и того же происхождения. И даже более того: лев по отношению к коту является как бы отцом, и всем мудрецам хорошо известно, что кошка лишилась гривы только ради того, чтобы ловить мышей. Если будет на то царева воля, то я хотел бы вкратце поведать об этом.

– Да, как это случилось? – спросил лев вместо разрешения. И кот начал.

Рассказ 28

Ученые мужи повествуют в книгах сказок, что когда ковчег Ноя – да приветствует его Аллах – поплыл по воде, когда он по воле властелина суши мор и моря – да увеличатся его милости – усадил в тот корабль по паре всех животных, то спустя несколько дней повсюду оказались кучи звериного помета, так что от зловония всем стало невмоготу. Всеславный и всевышний бог тогда, чтобы очистить судно, сотворил свою властью мышей.

Мыши сначала начисто сожрали весь навоз, и вымели все испражнения, потом стали прогрызать стенки ковчега. Люди испугались, что могут утонуть, и тогда Ной поднял в молитве руки, моля бога погубить мышей. Всевышний удовлетворил его молитву: вдруг над морем поднялся пар, проник в нос льва, так что его охватила лихорадка, он весь покрылся испариной, из носа льва потекла жидкость, которая и превратилась в кошку. Она наострила когти, бросилась на мышей и сожрала всех.

Таким образом, обитатели ковчега избавились от мышей и успокоились. И с тех пор кошки и мыши враждуют между собой и так пребудут во веки веков, покуда происходит смена дня и ночи. Даже более, эта вражда с каждым днем усиливается. И я в знак благодарности буду охранять царя и возьму на себя должность кутвала в твоей благословенной крепости.

Льву пришлось по душе слова кота, и он приказал своему придворному письмоводителю издать на этот счет царский указ. И с тех пор кот, окрыленный милостью, усердствовал, прислуживая льву. А мыши, едва завидели кота, тут же в страхе покинули те места, и лев стал спать спокойно, избавившись от назойливых и наглых мышей.

Кот получал дневное пропитание из царской кухни и жалованье. Этого довольствия ему вполне хватало на себя, но он пребывал в постоянных заботах и тревогах из-за содержания родных и домочадцев. А царь зверей, загруженный государственными делами, как это свойственно государям и великим мужам, не находил свободной минуты, дабы расспросить кота об обстоятельствах его ближних.

И вот в один прекрасный день кот улучил момент, подошел ко льву и смиренно произнес:

– Твой покорный раб стал служителем твоего чертога и взял на себя охрану твоих покоев ради того, чтобы твои подданные и слуги пребывали в мирном покое, чтобы придворные и приближенные не знали забот и тревог, чтобы они почивали в сени покровительства царя зверей. Но

До тех пор, покуда мир стоит,
Никто не свободен от потребностей чрева.

У меня же благодаря милостям и благоволению царя нет ни в чем недостатка, и каждый день я обретаю огромное счастье, поскольку целую прах у твоего чертога.

– Я уловил твою мысль, – отвечал лев, – и удовлетворю твою просьбу. Но почему же ты до сих пор не доложил мне об этом через хаджиба, [\[231\]](#) чтобы тем самым выполнить желание падишаха и удостоиться царственного расположения? Ведь в окружении царей и во дворцах падишахов бывает изобилие страждущих и просителей, несметное число жаждущих. А цари столь поглощены общими государственными делами и охраной границ державы, что не в состоянии заниматься мелочами, и не могут помнить о них.

Кот, оказав подобающие знаки покорности и повиновения, сказал:

– Да будет жизнь царя долговечной! То, что изрекли твои рассыпающие жемчуг уста, наполнено глубоким смыслом. Именно так, и нет в том сомнения. Однако ученые мужи в книге об обычаях царей по

этому поводу написали так: «Держава и владычество зиждутся на многих законах и правилах, обычаи и устои укрепления государства неисчерпаемы. А краткое содержание их сводится к пяти условиям: Первое. Падишах в трудных делах и важных событиях должен удостоить ученых и мудрых мужей чести совета, с тем, чтобы как основные, так и второстепенные дела решались в желательном ему направлении. Второе. Хотя среди простых смертных и подданных ради внушения уважения к своей особе и сохранения собственного достоинства государь должен вести себя надменно и гордо, однако в уединении, перед творцом царей и падишахом падишахов, он должен усердствовать в смирении, покорности и повиновении, ибо плоды счастья и результаты могущества откроются ему в Судный день. Третье. Властелин должен беречь свою благородную особу от чрезмерного общения с женщинами и по мере возможности остерегаться уединения с ними, чтобы здравый рассудок и трезвый ум не оказались в кандалах беды и в сетях смуты. Четвертое. Шах не должен забывать о подданных, бедняках, вдовах, сиротах, не должен относиться к их нуждам легкомысленно, чтобы не пострадали важные государственные интересы, чтобы мужи державы и законы государства были в сохранности. Пятое. Всегда следует помнить о слугах и прислужниках, заботиться об их пропитании и хлебе насущном, проявлять заботу о тех, кто находится на содержании шаха, стараясь улучшить их положение, с тем, чтобы с каждым днем держава расширялась и возвышалась, чтобы подданные благодаря этим заботам пребывали в покое и довольстве. Ведь сам Сулейман – да приветствует его Аллах, – будучи пророком и обладая царским саном, не пренебрег муравьем, как сказано: «Он улыбнулся, смеясь его речам».[232] Он помнил также о бедных заблудших птицах, согласно изречению: «И он стал разыскивать птиц».[233] Вспомни его чрезмерное великодушие: он не стал винить удода за то, что тот покинул его, а, напротив, увидел в этом свою вину: «И сказал: „Почему я не вижу удода? Или же он отсутствует?“».[234] А поэт облек это событие в прекрасные слова:

Великие мужи проявляют заботу
О тех, кто ниже их, а их благодеяния – это тенета.
Царь Сулейман проявил заботу об удоде,
Хотя удода – самая ничтожная среди птиц».

Лев, видя, что кот вышел на ристалище красноречия с чоуганом словес в сильной руке, не медля вскочил на коня благоволения и снисходительности, пустил скакать по полю лошадь ясного изложения, одобрил слова кота, которые были полны назиданий и мудрых изречений, руководствуясь выражением «Обращай внимание на то, что сказано, а не на то, кто говорит». Лев одобрил это в душе и сказал:

– Отправляйся к себе домой, подсчитай, сколько нужно мяса, и доложи об этом моему везиру. Будет издан приказ, чтобы тебе каждый день без промедления доставляли необходимое количество мяса.

Кот, вдохновленный приятной вестью, окрыленный радужными мечтами, поспешил в свое жилище, чтобы рассказать супруге и всем домочадцам о совершенном милосердии и снисхождении господина. А затем вернулся во дворец и сообщил царю о том, что у него в день расходуется пять ратлей[235] мяса. Царь зверей приказал каждое утро выдавать из собственной бойни для кота установленное количество мяса.

Тот возликовал благодаря такому милосердию льва, перестал тревожиться о доме и снова приступил к службе. С мышами же он стал обращаться снисходительней и милостивее. Он и не пресекал полностью их покушения на царя и вместе с тем не давал им воли, оставляя им лишь путь для побега.

И вот мыши жили между страхом и надеждой, кот же по двум причинам покровительствовал им, не закрывая врат ни к миру, ни к войне. Во-первых, если бы царь зверей совсем перестал беспокоиться из-за мышей, если бы кот изгнал их совсем из той степи, то лев бы невольно потерял к нему интерес, и кот лишился бы должности, остался без куска хлеба. Ведь великие мужи сказали: «Верши дела и требуй за то хлеба». Такое положение можно было бы уподобить городу, в котором имелся лишь один музыкант и

один глава музыкантов. Коль скоро у этого начальника не было других подчиненных, ему пришлось бы управлять единственным исполнителем и приказывать ему. Но если бы этот единственный вдруг покинул город, ухватился бы рукой за полу путешествия и бросил свое ремесло, то и начальнику пришлось бы отказаться от должности.

Во-вторых, кот вкусил с пиршественного стола льва, он познал радость и покой, поскольку без всяких усилий и стараний стал получать мяса вдоволь. И поэтому он перестал истреблять мышей, стал пренебрегать убиением врагов и унижением недругов своего господина. А ведь мудрецы сказали: «Муж должен обнажать ратный меч и боевой кинжал в трех случаях: во-первых, повинуюсь государю и ради довольства Аллаха согласно выражению «Борясь на пути моем»;[\[236\]](#) во-вторых, чтобы сокрушить врагов своего властелина; в-третьих, чтобы захватить добычу на пользу себе».

Но когда человек познает сытость и обретает покой, когда у него накапливаются богатства, он начинает пренебрегать обязанностями и по отношению к богу, и по отношению к своему благодетелю, проявляет лень в захвате добычи, как об этом ясно сказано в Коране: «Воистину, человек проявляет непокорность от того, что видит себя ненуждающимся».[\[237\]](#)

Прошло некоторое время, и однажды котов сынок, который был еще несмышленишкой, не испытал тягот этого мира, а жизненным опытом не мог равняться с отцом, пришел навестить родителя. Тот же повел своего любимца к царю, чтобы он удостоился поцеловать прах у престола в его дворце, чтобы тем самым он набрался храбрости в обществе льва.

Однако поскольку нельзя полагаться на судьбу и поскольку жизнь под луной скоротечна, как соизволил сказать пророк – да благословит его Аллах, да приветствует: «Жизнь людей моей общины между шестьюдесятью и семьюдесятью»,[\[238\]](#) то может случиться так, что кузнец рока неверно подобьет подковы серому коню неба, так что срок жизни его завершится, то кот подумал, что хорошо бы сыну стать стражем у льва вместо него и служить, дабы обеспечивать семью, как и он сам. Ведь сказано:

Сын непременно изберет
То же ремесло, что отец и мать.

И вот когда желтый лев солнца скрылся в чаще запада, а небо, похожее на спину леопарда от появления планет и светил, уподобилось хамелеону, луна же, словно око льва, заблестала в глазницах востока, кот оставил на страже вместо себя сына, научил его заманивать и отпускать мышей, а сам отправился домой отдохнуть.

Котенок тем временем стоял на карауле, озираясь по сторонам, как подобает заправскому стражнику. Но стоило ему увидеть мыш, как он переставал владеть собой, тут же убивал ее, миную, таким образом, конечную цель, о которой толковал отец. Вскоре он не оставил в той округе ни одной мыши, навалил их горой, так что задал целый пир коршунам и воронам, устроил настоящее угощение совам и ласточкам, обеспечив им прокорм и пропитание.

А когда настала пора повеять благоуханному утреннему ветерку, волчьему хвосту утра – «ложному» рассвету – взметнуться с востока, газели солнца – выйти пастись на вращающейся лужайке неба, кот вернулся из дома и увидел то, что натворил котенок. Он опасался потерять надежду – его постигло то, чего он боялся. Сначала кот бил себя по голове от отчаяния, потом стал упрекать сына. Но какая польза от укоров в такой момент?

Укоры уместны в благополучные времена,
А когда ушло благополучие, грех укорять.
Если мотылек обратился в дым,
Что проку спасителю засучивать рукава?..

И кот не стал никому поверять свои тайны.

Когда по прошествии некоторого времени от мышей не было ни слуху ни духу, то однажды та самая рать размышлений, которая ранее налетела на душу кота, подступила к сердцу льва, и он подумал: «Мыши ушли из наших краев в другие места, а кот был поставлен здесь потому, что они обнаглели. Мне через пять-шесть дней понадобится добыча. Однако знатоки шариата позволяют есть мертвечину в затруднительном положении, я же как раз в таком положении и нахожусь».

Шариат допускает некоторые исключения. Но я, достигнув преклонного возраста, ежедневно беру на душу грех за пролитие крови только из-за кота! А ведь учением о благородстве и тарикатом это осуждается. Да что мне – больше делать нечего?! К тому же я страдаю от лихорадки и головной боли. А уж о зловонии из пасти и говорить нечего – даже див избегает общения со мной! Разве можно, будучи в таком состоянии, обижать живых тварей и проливать их кровь? У кота есть свои лапы и когти, и он вовсе не нуждается в моем подаянии. Напротив, кое в чем он даже превосходит меня. Он может влезть на дерево, может избрать для себя жизнь с человеком, обитать в его жилище и кормиться тем, что тот ест. Если бы я был способен питаться растениями, то ни одной живой души не обидел бы».

Рассудив так, лев отпустил кота на все четыре стороны. Несчастный и обездоленный кот вернулся к себе в жилище и рассказал обо всем котенку. Тот устыдился, что по невежеству поступил так, стал раскаиваться, что истребил мышей.

Завершив свой рассказ, попугай добавил:

– Я рассказал эту историю для того, чтобы тебе не пришлось раскаиваться, как котенку, за то, что ты так медлишь свидеться с возлюбленным.

С этими словами попугай посмотрел на небо, а потом сказал Мах-Шакар:

Вижу в небе забрезжил ложный рассвет.
Разве можно выходить красавице? [\[239\]](#)..

ПОВЕСТЬ о безобразном сыне раджи Бенареса и его прекрасной невесте, о том, как она влюбилась в молодого пройдоху, как последовала за ним, о том, как вор похитил одежды девушки на берегу водоема, а также рассказ о шакале и девушке

На пятнадцатую ночь, когда сверкающий родник солнца скрылся в море запада, а блистающий корабль луны поплыл по зеленым волнам неба, Мах-Шакар вся в тревоге, словно одержимая, пришла к попугаю. Он встретил ее добрыми приветствиями и благопожеланиями, проявил необычайное усердие в похвалах и молитвах за нее, а затем молвил:

– Сегодня ночью надо, не поддаваясь ничьим уговорам, обязательно отправиться на свидание с возлюбленным, надо увидеть лик любимого, не подвергаясь насилию соглядатая, ибо двери бед и врата напастей всегда широко раскрыты, а игральные кости несчастного случая и безнадежности уже выложены на доске мечтаний. Моя душа пылает и тело горит огнем из-за произвола, творимого госпожой над бедным влюбленным, который до сих пор жил обещаниями. Я говорю это для того, чтобы вы встретились, я всем сердцем жажду вашего свидания. Клянусь, когда ты моя госпожа, отправишься к нему, я буду всячески блюсти твои интересы, буду служить тебе верно, отвращая от тебя злословие недругов и друзей занимательными историями. И не дай бог, чтобы эта тайна была разглашена и раскрыта, чтобы пошли разговоры. Но я уже предусмотрел защиту и выход, дабы исправить положение, изыскал пути для сокрытия секрета.

Мах-Шакар похвалила искренность и красноречие попугая и спросила:

– А каким образом ты надумал предотвратить и обезвредить молву? Поделись со мной, чтобы я отвела тебе в сердце и разуме большее место в благодарность за твою верную службу и благожелательность.

– Если верный раб и преданный слуга захочет хотя бы немного ответить за благодеяния, оказанные его господином, за милости, дарованные хозяином, – начал попугай, – то он мигом подготовит все необходимое, непрестанно будет наблюдать за делами владыки, измыслит противодействие до того, как случится беда, и начнет предотвращать ее. Точно таким же образом шакал отнесся с состраданием и сочувствием к дочери раджи и преподавал ей хороший урок бесславия, позора и бесчестья.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар. И попугай начал.

Рассказ 29

В индийских сказаниях говорится, что в давние времена у раджи Бенареса был сын, на редкость глупый и бестолковый, который не мог отличить правую руку от левой, зада от переда, так что и на человека-то никак не походил. Он был настолько туп, что сладость меда и горечь колоквинта для него были одинаковы, такой неразборчивый, что грохот молота и наковальни, удары кузнецов ему казались приятнее пения соловья и мелодий жаворонка. Однако он владел всеми благами мира, кроме ума и достоинств, и при всей глупости считал себя мудрым и прозорливым. И хотя он был такой отвратительный и мерзкий, хотя садовник природы оросил побег его натуры водой глупости и удобрил мерзостью, тем не менее, отец согласно выражению «Муж гордится своими стихами и чадами» души в нем не чаял и не разрешал ему ни на миг отлучиться. Ведь говорят же:

Если даже сын и слеп и находится вдали от дома,
В глазах отца он – светильник, источающий сияние.
Не диво, если ослиный рев
Ослиному погонщику покажется звуками аргануна.

И вот для этого недоумка сосватали дочь раджи и соблюли все обычаи царей и свадеб, надеясь, что он войдет в разум и станет сообразительнее.

Невеста, которая была владычицей красоты и неги, совершенству и прелести которой не было равных под семью сферами неба, лунолика, которая была заглавным листом очарования, блистающая луна, царившая безраздельно на небе красоты, обладала всеми качествами добродетели и ума, была тонким знатоком в науке о музыке и искусстве Барбеда. Когда она играла какую-либо мелодию, то рвались струны души. Наигрывая лад, она похищала сердца.

Она проводила по струнам чанга и проливали кровь души.
О господи! По струнам чанга она проводила или по струнам души?

В такой же мере, в какой супруг был неприятен и глуп, жена была прелестна и умна. Ведь говорят:

Где бы ни оказалась подобная пери, непременно рядом найдется див.

Лунолика, вынужденная пойти на сей брак во имя чести, видела, сколь он неудачен и тягостен. Помимо воли она делила с супругом постель несогласия и ложе страданий, в горе и тоске только заламывая руки.

И вот однажды ночью, когда властелин звезд ради покоя уединился на троне запада, когда владеющий кинжалом Миррих и щитоносец-месяц взошли на вершины властителя светил, когда сладкоголосая Зухра, словно барабанщик-Тир, затянула мелодию, сын раджи и его жена сошлись словно Плеяды и Орион. Хотя дева с мускусными волосами и юноша с безобразным лицом на брачном ложе казались слившимися, подобно Плеядам, однако, в сущности, они были столь же далеки друг от друга, как созвездия Большой и Малой Медведицы. А ведь мудрецы сказали: «Показная внешность и вынужденная лесть по законам веры, справедливости и дружбы не заслуживают никакого внимания». Дружба, которая исходит от души, вечна, словно сама душа, а чувственная страсть, как и само тело, уподобится «праху развеянному».[240] Точно так же Асия[241] не любила фараона в душе: хотя на первый взгляд они были вместе, но, по существу, пребывали на расстоянии тысячи фарсангов друг от друга. Ученые мужи рассказывают, что, когда фараону хотелось сойтись с ней, к нему приходил шайтан в образе Азии и он удовлетворял свое желание.

В ту самую ночь, которая для девы была длинная и ужасная, как Судный день, долгая, словно ночь для влюбленного и больного, под царским дворцом напевал песни некий юноша с приятным голосом, сверля жемчужины ладов алмазом мелодии. От его напевов пробуждался и приходил в волнение дремлющий соблазн, а глаза недремлющей судьбы смыкались под эти звуки. Желание видеть лицо юноши, который, точно души влюбленных, был почти рядом с ней, находясь на расстоянии двух фарсангов, поселилось словно сороконожка в ушах дочери раджи, и она лишилась чувств. Сжигающая сердце мелодия, палящая душу песня пробудили ее, а сладостная музыка будто даровала новую жизнь ее телесной оболочке, которая пребывала в спокойствии, словно спящий, а ведь «сон – брат смерти».

Поскольку красавица знала этот мир и была мастерицей в делах любви, поскольку обладала исключительно тонкой натурой и нежным сердцем, она не в силах была слушать пленительную мелодию, была не в состоянии внимать игривой песне. Немедленно она, точно суфий, пустилась в пляс и вышла из дворца, кружась в танце, и тайком, незаметно двинулась к певцу. Как степную серну, ее опутали горестные тенета мелодии, ласкающей слух газелей. И она решила: «Если пожертвовать жизнью – то только ради этого певца. Если отдать свое сердце – то только этой мелодии. Ведь у диких и домашних животных есть и пропитание и подножный корм, они удовлетворяются только едой и сном. Чем же лучше скотины человек, который не вкушает ни радостей духа, ни тела? Хотя этот певец и не ровня мне, но, коли он достойный и пылкий мужчина, я непременно отдам ему сердце, раскошелюсь перед лавкой его желаний. Да кем бы и каким бы он ни был, воистину, он лучше моего несчастного мужа». Затем она пошла дальше, кинула взор на сладкоголосого певца и увидела алчного человека, с гноящимся телом, азартного игрока порочного бродягу, с одеждами, изорванными в клочья, словно ее сердце, выброшенного из родного дома, словно идол. Красавица из благородства не стала обращать внимания на его внешность, на его лохмотья, а поступила согласно выражению: «Взыскуй лишь нравственных качеств, дарованных Аллахом. Воистину Аллах смотрит не на ваши формы, а, напротив, на ваши сердца и помыслы».[\[242\]](#) Она любезно приветствовала его и произнесла:

Твой пленительный голос так услаждает мой слух,
Что я готова отдать душу за чарующий голос.

– О юноша! – сказала она. – Я почивала в рубашке неги и одеяниях роскоши, возлежала на ковре счастья и престоле величия, как вдруг из гнезда природы высоко взлетел твой голос и полонил пташку моей души, покоившейся в цветнике тела и гнезде телесной оболочки. И вот он привел меня, простоволосую, сюда, захватив в десницу событий, и я лелею надежду

Остаток своей жизни пройти счастливо с тобой.
Отныне я буду служить тебе и проведу с тобою всю жизнь.

Юный певец, увидев живое сокровище, обретя во мраке черной ночи живую воду, возликовал, обрадовался, и они вдвоем покинули город, взявшись за руки.

Прошли они некоторое расстояние, небольшую часть пути, и красавица сильно утомилась. Наконец они достигли озера. Больших и широких дорог они избегали, опасаясь встретиться со знакомыми и вообще с людьми. Однако на том озере не было ни челна, ни лодочника, чтобы переправиться, и они остановились в недоумении. Певец сказал:

– Я умею неплохо плавать, даже мастер в этом деле. Давай мне твои золотые украшения и драгоценности, я сначала переправлю их на тот берег. А потом вернусь, посажу тебя на спину и поплыву. Для меня это не составит труда, да и тебе будет легко.

Лунолика по простоте души и легковерию не заподозрила ничего дурного и отдала ему все свои

драгоценности и наряды.

Певец же, переплыв на противоположный берег, поддался бесовскому соблазну и наваждению шайтана, пламя коварства запорошило его бесчестные глаза, он впился в платья и драгоценности зубами корысти и подумал: «Я – бедный человек, а она – дочь раджи. Какое может быть дело у нищего к шахам? Какое отношение имеет Рыба к Луне? Кто бы ни встретил нас, отберет ее у меня, и тогда и мне и ей будет угрожать опасность.

Не оставайся со мной, ибо люди станут завидовать,
Если в руке у бедняка увидят жемчужину.

К тому же она – чужая жена и не может быть моей законной супругой. От нашего брака и близости не будет радости и благоденствия никому из нас, нас ожидает лишь несчастье в обоих мирах. Да разве уживется богатая с бедным мужем? Если же я украду у нее золото и одежды, в этом нет греха, так как я беден и крайне нуждаюсь: «Нужда оправдывает недозволенное».[\[243\]](#) В случае необходимости недозволенное становится дозволенным.»

Приняв такое решение, он закинул суму на плечо и пошел восвояси. А красавица, проливая из глаз кровавые слезы, осталась на берегу озера, потрясенная и пораженная.

Наконец разбойник утра снял с ушей и шеи невесты неба ожерелье Млечного Пути и жемчужины светил, оголил и обнажил грудь и плечи царицы неба, содрал чадру рубинового цвета и разноцветную накидку, вор солнца утренним ветром разорвал темную завесу ночи бритвой сверкающих лучей, стер, словно геометр чертеж, звезды на небе. А бедняжка все оставалась там, беспомощная и слабая, лишившись мужа и упустив возлюбленного, потеряв драгоценности, столкнувшись лицом к лицу с позором и бесчестием, не зная, чем прикрыть наготу. Тогда она побежала к озеру и бросилась в воду, желая укрыть в тине свою душу и тело, превратив пену и мусор на поверхности воды в украшения и драгоценности для себя. То пиявки в воде, словно цепи, прикрывали ее наготу, то волны шароварами окутывали ее, то облекала она тело прозрачной водой, ибо окутывала волосы тиной с черепахи. Порой она заимствовала чешую у больших рыб, чтобы прикрыть грудь. Словом, дошла она до того, что больше нечем ей было одеться и не во что нарядиться. Опасаясь, что ее увидят нагой, она не могла выйти из воды. Она ждала того часа, когда меняла судьбы и ювелир рока украсят лавку неба золотом звезд и самоцветами светил, чтобы скрыть свое положение, ибо «Ночь – покров для влюбленных», и тайком вернуться к себе домой.

И вдруг она увидела шакала, который, держа в пасти добычу, пришел к озеру. А шакал заметил рыбу, которая билась на мелководье у самого берега. Он оставил то наличное, что было у него в пасти, и побежал за дирхемом, обещанным в долг. Рыба же подпрыгнула и опустилась в воду. Оглянувшись шакал, а его добычу уж унес другой зверь. Раздосадованный и огорченный, шакал остался без ничего. И тогда он произнес стихи:

Позабыв о наличном, бежать за обещанным в долг
На пустой желудок – вот поистине глупость!

Сказал всевышний Аллах: «Шайтан обещает вам бедность»,[\[244\]](#) и эти слова полностью подтверждают то, что случилось с шакалом.

Дочь раджи, видя, что шакал лишился и того и другого, убедилась в коварстве и неверности мира и судьбы, стала укорять зверя в таких выражениях:

– Ну и дурак же ты! Упустил то, что было у тебя в руках, и погнался за сомнительным, от которого и следа не осталось. Это столь же далеко от мудрости и сообразительности, сколь близко к глупости и дурости.

Если ты погнался за малым в надежде на большое,
То боюсь, что и малое убежит от тебя.
Некто ради хлебной похлебки нарушил пост,
Выловил хлеб – тут и горшок разбился.
Ешь в меру, не гонись за большим,
Считай удачей малое, что есть у тебя.

Шакал, услышав резкие слова прелестной красавицы (а он своими глазами видел то, что случилось с ней), ответил:

– «Неужели вы будете повелевать людям совершать милость, забывая о самих себе»!^[245] Ты даешь мне советы и наставления, но забываешь о собственной участи. Ты облачаешь меня в одежды наставления, а сама лишена всяких одежд. Ты покинула законного мужа, оставила покой и негу и в позоре пустилась в путь с посторонним мужчиной. Ты попрала узы законного брака и упустила из рук возлюбленного и богатство. Твоя история напоминает притчу о куропатке и вороне, которая пыталась подражать изящной походке куропатки, но не сумела, зато собственную поступь забыла. Сначала подумай о собственном поведении, а потом уж давай советы другим.

Не рассуждай о пороках других и собственных достоинствах,
Взгляни лучше на себя хорошенько:
Ты полон пороков и речи твои пустые.
Коль у серны нет мускуса, от нее пахнет навозом.

Мой и твой пример в точности напоминает историю о женолюбивом радже и склонном к наставлениям везире, который предостерегал раджу от чрезмерного увлечения женой, а сам был в полной власти супруги.

– А как это было? – спросила красавица. Шакал начал так.

Рассказ 30

Рассказывают, что некий раджа безмерно любил свою жену за необычайную красоту. Он днем и ночью не отрывал от нее полного любви взора и при решении всех важных дел находился целиком в ее власти, вручив ей ключи ко всем замкам и запорам государственных решений. Был у него также везир, который до безумия обожал свою жену, был ее рабом и подчиненным. Однако когда везир оставался наедине с раджей, он непрестанно упрекал своего повелителя в том, что тот полностью положился на жену и проводит все время с ней, отдав ей предпочтение перед страной и душой. Он постоянно чертил пером искренности и преданности по страницам советов и скрижалям доброжелательства, подписывая листы приверженности, и говаривал так:

– Любить женщин – все равно, что пытаться измерить ветер. Еще ни один человек не обрел кошелька верности от общения с ними, напротив, все сгорали в пламени их коварства и огне хитрости.

Отринь воспоминание о них, нет у них верности,
Утренний ветерок и их клятвы – одно и то же. [\[246\]](#)

* * *

Женщина может быть другом, но лишь на время,
Пока не найдет иного возлюбленного.
Когда она окажется в объятиях другого,
То не захочет впредь видеть тебя.
Когда писали предначертание о верности,
То перо, дойдя до женщин, сломалось.

Поэтому привязанность к ним не дает ничего, кроме горя, печали и раскаяния. Если на то будет воля раджи, то я расскажу историю о коварстве жен, чтобы подтвердить мою мысль о том, как жена, которая очень любила мужа при жизни, проявила неверность после его кончины.

Раджа разрешил и спросил:

– А как это было?

Рассказ 31

Люди, обладающие вкусом, сообщают, что некий муж и его жена были скреплены узами крепчайшей любви, что они дали друг другу самые большие клятвы и заверения, подкрепленные верой и правдой, в том, что если кто-нибудь из них покинет этот мир и постигнет значение выражения «Каждая душа вкусит смерть», то оставшийся в живых последует за ним, насильственно дав сладостной жизни испытать шерbet горечи, то есть покончит с собой над могилой усопшего, дабы их души соединились и прах смешался. Иными словами: «Как жили, так и умрете, как умрете, так и будете воскрешены».[247]

Так жили они некоторое время, скоблили ржавчину скорби с зеркала, в котором они отражались. Наконец, глашатай ухода из этого мира и посланец смерти принес супругу письмо с призывом и стер начертания его души со скрижали тела, словно грехи добродетельных с книги их добрых деяний, и перенес его к жилищу Ризвана.[248] Когда муж освободил лавку тела от товаров, когда соловей его души свил гнездо в цветнике святости, жена от скорби зарыдала и стала посыпать голову прахом разлуки. Она прибежала к могиле со слезами на глазах и пламенем в душе, стала стенать и оплакивать, приготовилась умереть. Но потом, спустя некоторое время, она пришла в себя, вспомнила о мирских радостях, о смертном часе мужа, о том, как его обмыли, схоронили и закопали, – в общем, представила себе воочию все муки – и утратила страх смерти, стерла со страниц сердца прежнее намерение. Страх и испуг овладели ею, так что она окропила слезами забвения подол терпения и пролила капли забвения на ворот неведения. Она омочила рукав нелюбви рукой неверности клятве, исцарапала щеки неверности ногтями немилосердия. Для людских глаз она посыпала на голову прах терпения и в течение некоторого срока внешне соблюдала обычаи траура и законы оплакивания, но отказаться от жизни было превыше ее сил. Ведь сказано: «Есть большая разница между тем, что говорят и что делают».

Близкие, родные и друзья усопшего после погребения покойника в могилу вернулись по домам. Осталась над могилой только жена, которую простолюдины называют подругою праха. Она препиралась сама с собой и стыдилась людей, поскольку об их взаимной клятве с покойным супругом знали все, и знатные и простые. И всяк произносил в укор ей этот бейт:

Ты ничем не хуже индийских жен из наших краев,
Которые сжигают себя заживо над трупом мужа.

Жена весь день провела на могиле, плача, стеная и скорбя. Наконец настала пора, когда Бахрам Гур,[249] солнца, словно Кей-Хосров и Джамшид[250] устроился на ложе в пещере, а небо благодаря искусству Млечного Пути составлять букеты и благодаря умению звезд рисовать украсилось и стало разноцветным, словно земля вокруг новобрачных и руки продавцов цветов. Вблизи кладбища в ту ночь повесили преступника, и его сторожил сарханг.[251] Услышав плач и стон, стенания и рыдания женщины, он подошел к ней и стал ее расспрашивать. Она рассказала ему подробно обо всем.

Сарханг был молодой и пригожий мужчина. И вот он говорит ей:

– О женщина! Не болтай понапрасну и не истязай себя. Отринь от себя слезы, оплакивания и стенания, забудь о горе и скорби. Пусть капитал терпения будет одеянием и украшениями для твоего духа. Подумай о том, что ты нарушаешь предписания аята: «Не бросайтесь собственноручно к гибели».[252] Ибо, если бы было благо в том, чтобы жены ступали за мужьями в могилу и убивали себя, то ведь, воистину, шариат позволял бы это, а учение ханафитов[253] не разрешало бы вдовам выходить замуж. Если ты погубишь себя и подвергнешь смерти, то чем ты будешь отличаться от индийских женщин, которые сжигают себя после кончины мужа? Воздержись же от этих грешных мыслей и постарайся найти себе нового спутника жизни. Случилось так, что несколько дней назад скончалась моя жена, и я, как и ты,

остался одиноким, еле живым от горестей разлуки. Если ты соизволишь сделать меня своим слугой, возвысишь меня из праха и прижмешь к груди, то лучше ничего и быть не может. Ведь легко понять, что ни мужу без жены, ни жене без супруга не прожить.

И он наплел ей столько подобных прельстительных речей, что уговорами и лестью смягчил сердце женщины, она приняла его предложение и за краткий миг позабыла о прожитых с покойным мужем годах. А сарханг, увлекшись беседой с женщиной, забыл о бдительности, и тогда родственники повешенного унесли труп. Сарханг был растерян и озадачен, ему стало страшно, как бы на другой день утром его не объявили преступником за небрежность и невнимательность при охране повешенного.

Женщина, видя его столь огорченным, сказала:

– Не огорчайся из-за этого, не тужи. Мой муж тоже умер только вчера вечером, он еще свеженький. Выроем его из могилы и повесим на виселицу взамен украденного. Ведь труп – это всего-навсего прах, а для религии разума прах не имеет никакого значения ни на земле, ни на небе.

Сархангу понравились слова женщины. Но когда он вытащил усопшего из могилы, то раскаялся и сказал:

– Наше желание не исполнится, так как повешенный был бритый, а у этого из могилы – окладистая борода.

– Это поправимо, – сказала жена. – Я сбрею его бороду и усы, так что подбородок и губы станут гладкими, как твой язык и моя ладонь.

С этими словами она посыпала лицо покойника золой и принялась тереть, пока на щеках его не осталось всего несколько волос. Желание сарханга исполнилось, и он поднял того покойника с земных низин до высот виселицы.

Когда канатный плясун утра перешел с черного каната ночи к белой веревке дня, когда меченосец солнца, словно палач, занес лучезарную саблю, чтобы погубить черную, как индеец, ночь, сарханг повел к себе верную жену, вручил ей все дела по хозяйству и сочетался с ней браком. Однако на сердце ему легла тяжесть из-за ее мерзкого поступка с покойным мужем, он всегда вспоминал тот день. Он стал сомневаться во всех женах, которые говорили о своей любви к супругу. Иногда он издевался по этому поводу и над своей женой.

Итак, прошло некоторое время, и сарханга постигла неведомая болезнь, изнурявшая его. Его члены стали трястись, как в лихорадке, он дрожал, будто паралитик, корчился, словно человек, подверженный коликам. Хотя тело и сжигало горячкой, однако конечности, точно члены страдающего водянкой, были холодны. Пот и испарина бежали по его телу, словно слезы из воспаленных глаз, словно капли из носа страдающего насморком. Непрестанно его тошнило и рвало, как больных и хмельных, его жилы и вены ослабли и истончились. Мучаясь от лихорадки, наученный горьким опытом, сарханг созвал друзей и родных, усадил перед собой жену и изрек в их присутствии такое завещание.

– Основа человеческой природы склонна к небытию и тлену, в особенности в тех случаях, когда к человеку подступили болезни, когда рать лихорадки осаждает крепость его здоровья, когда в его ушах звучит возглас: «Горячка – предводитель каравана смерти!», когда десницы лекарей не справились с болезнью, когда легкая рука лекаря обернулась бесславием.

Насела на меня болезнь, так что я свылся с нею.

Устали навещать меня и лекарь, и посетители.

Если я умру, как и твой прежний муж, то после смерти поступи со мной

Так, как заблагорассудится тебе.

Только не вздумай обрить мне, как ему, усы и бороду!

Присутствующие при этих словах засмеялись и удивились, каждый из них извлек для себя поучительный урок и назидание.

– Вот уже несколько тысяч лет, – закончил везир, – как сочиняют книги и сочинения о коварстве и неверности жен, об их хитростях и кознях, но до сих пор не сказано об этом ни одного верного слова, ни пылинки не извлекли из воздуха, ни на каплю не убавилось море, ибо женщины – гурии по внешности и шайтаны по характеру. По мере возможности надо стараться избегать и сторониться их.

Воистину, женщины – это шайтаны, созданные для нас,
Мы ищем убежища у Аллаха от зла этих шайтанов.
Если ты жаждешь верности в женщине,
То это признак легкомыслия.
Хотя они – словно молоко, сахар и мед,
Нет в них веры и нет верности клятве.

Раджа на это ответил везиру:

– Все что сказал ты ведомо мне самому, теперь же я еще больше убедился в этом. Но да будет тебе известно, что всеславный и всевышний Аллах сделал любовь к женщинам основой существования мира и продолжения человеческого рода. Как только приходит в движение жила влечения к женщинам, как только начинают бурлить волны моря любви, это стремление и кипение становится причиной желая соединиться с ними. Оттого и происходит близость пригожих шахов и прекрасных дев, сам пророк сказал об этом так: «Любезны мне в мире три вещи: благовония, женщины и услада моих очей во время намаза». [\[254\]](#) По этому поводу написано также много арабских стихов:

Воистину женщины – цветы, созданные для нас,
И все мы любим аромат цветов.

О беседе раджи и везира прослышала жена раджи. Раджа после этого стал реже посещать гарем и держал натянутыми поводья свидания и узду соединения с женой. А жена везира считалась как бы названной сестрой жены раджи и уже задолго до этих событий поведала своей госпоже о том, как муж любит ее и как она властвует над ним. Жена раджи захотела довести это до сведения мужа и сообщить ему о том, насколько везир находится под пятой жены.

Дом везира находился вблизи дворца раджи. Жена раджи велела своей названной сестре уединиться с мужем в назначенное время и в условленном месте, лаской и обхождением подчинить его своей воле и вскочить ему на спину, словно на коня.

Жена везира, как и велела ей госпожа, привела мужа в то место, стала сопротивляться ему и противоречить его желаниям, так что он совсем потерял голову, перестал владеть собой и стал повиноваться всему, что бы ему ни приказала красавица жена, и выполнять все ее прихоти. А жена раджи меж тем из укромного уголка показывала мужу все это. Когда же жена везира села на него верхом, подгоняя как осла, раджа не смог удержаться, высунул голову из окошечка и громко воскликнул:

– «Почему говорите то, чего не делаете? Велико отвращение Аллаха оттого, что вы говорите то, чего не делаете». [\[255\]](#)

О ты, погрязший в пороках!
Зачем ты коришь в пороках других?

Везир, услышав голос раджи и увидев его жену, мигом сбросил женщину со спины, пристыженный,

опустил голову, словно скотина, ему стало совестно за свои слова и деяния. Спустя некоторое время он поднял голову и сказал:

– То, что случилось со мной, также служит для раджи хорошим примером и наставлением, прекрасным уроком и совершенным поучением. Коли в повиновении жене есть благо – что ж, пусть и раджа поступает так же!

Когда шакал завершил свой рассказ, дочь раджи сказала ему:

– Спрячь свитки своих речей, отложи в сторону упражнения в риторике и красноречии и протяни мне руку помощи разума – ведь я нагая и надо мной смеются враги. Укажи мне путь и предусмотрь средство к спасению силой твоего ума.

На это шакал отвечал так:

– Нет лучшего укрытия и убежища для тебя, как притвориться безумной, умастить тело розовой водой, а срам прикрыть глиной и грязью, хотя и существует пословица «Солнце глиной не замазать». Но как бы то ни было, тебе следует в таком виде открыто вернуться в свои покои, притворяться в течение нескольких дней и за это время не произносить ни единого слова, отвечающего здравому смыслу. А затем сделай вид, что начинаешь излечиваться от безумия, выздоравливать. Но берегись, чтобы никто не заподозрил тебя в обмане, чтобы все поверили, будто ты и в самом деле покинула свои покои нагая и одержимая. И тогда никто тебя ни в чем не упрекнет.

Дочери раджи очень понравился благожелательный совет шакала, она послушалась его, вернулась домой, и никто не заподозрил ее ни в чем дурном. Напротив, все были убеждены, что она пострадала из-за безумия. Потом она постепенно стала приходить в себя и совершенно выздоровела.

– О Мах-Шакар! – закончил свой рассказ попугай. – Если, когда ты пойдешь к возлюбленному, с тобой, не дай боже, приключится что-либо подобное, то тебе следует таким же образом искать путь к избавлению в убежище и укрытии, надо спастись таким же путем.

Когда попугай завершил назидательный рассказ, Мах-Шакар вознамерилась двинуться в дорогу, но тут утро засияло, точно ее лицо, а солнце блеснуло, словно ее чело.

ПОВЕСТЬ о купце Мансуре, о его отъезде, о том, как под видом Мансура к его жене явился посторонний мужчина, но ее добродетель восторжествовала

На шестнадцатую ночь, когда светлые украшения узды солнца скрылись под попоной мрака ночи, когда серебристый скакун луны с восточного края неба выступил на ристалище, Мах-Шакар, желая отправиться в дом возлюбленного, по примеру прежних ночей пришла к попугаю и заговорила о том, что собирается пойти на свидание к любимому, обусловив свой уход разрешением попугая и его советом.

Красноречивый попугай, выказав знаки покорности и служения, ответил:

– Я, твой верный раб, очень огорчаюсь и страдаю из-за того, что ты, моя госпожа, не можешь пойти на свидание к возлюбленному. Я опасаюсь, как бы хозяйка, упаси боже, не заподозрила меня в том, что я против этого, что я всякими уловками удерживаю ее. На самом деле я готов поклясться чем угодно, что мои старания и возможности помочь тебе ограничены и меня не за что упрекать.

– Моя вера в твою искренность и приверженность тверда, крепка и лишена сомнений и подозрений, и тебе нет никакой необходимости оправдываться, – отвечала Мах-Шакар. – Если ты прибегаешь к клятвам и заверениям, чтобы успокоить меня, то я далека от недоверия.

Сладкоустый попугай, как всякая хитрая птица, стал рассыпать великие клятвы и выразился так:

– Клянусь величием недосягаемого Симурга, клянусь любовью тоскующего соловья, стенаниями сизокрылой голубки, плачем вяхиря в разлуке с подругой, клянусь пером вещицы птицы Хумай, чья тень благословенна, клянусь пленительной походкой куропатки, выступающей под горой, клянусь черным одеянием печального ворона, клянусь белыми одеждами лебедей, клянусь песнопениями пташек в садах и цветниках, мелодией жаворонка в долинах, полетом птиц ночных, утренней песней дневных птиц, клянусь ночными бдениями совы и летучей мыши, утренним криком петуха, который будит людей, клянусь венцом удода царя Сулеймана, клянусь одеянием царственного павлина, клянусь безмолвием сокола на царской руке, клянусь речами попугая пред новобрачными, что я, твой нижайший раб, полностью одобряю твою любовь и жажду, чтобы ты встретила с любимым. В этом деле нельзя меня в чем-либо упрекнуть или обвинить. И если, упаси боже, мои слова противоречат велению сердца, если моя клятва ложна, то пусть меня постигнет то, что постигло купца, который из-за чужой жены обрек себя на вечный позор и бесчестье, стал преступником и грешником.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар.

Рассказ 32

– В сказаниях Индии, – начал попугай, – повествуется, что в городе Фармал жил один владелец корабля по имени Мансур. У него были несметные богатства, так что один лишь зекат,[\[256\]](#) раздаваемый им, мог составить несколько состояний, с которых нужно было бы вновь раздавать зекат. Помимо этого огромного богатства у него была дома еще молодая жена по имени Мах-Пейкар, красивая, стройная, сладкоустая и приветливая. Она была украшена совершенной красотой, прекрасным нравом, ее добродетель и целомудрие превосходили ее красоту и прелесть. Из-за того, что она всегда пребывала взаперти и за завесой, никто, кроме мужа или дяди, не видел ее красивого лица. Даже проникающий повсюду утренний ветерок при всей своей смелости и дерзости, как ни пытался пробраться через двери или ограду, не сумел вдохнуть аромата ее локонов. Ее лица или кос не видел никто, кроме зеркала и гребешка. Даже луна, которая столько странствует и бродит по ночам, ни разу не заглянула ей в лицо. Солнце, небесный владыка, ни разу ночью не смогло приблизиться к ней. Глаза неба, оттого что не удавалось посмотреть на нее, покрылись бельмами. Стан небосвода от страсти к ее талии сгорбился.

Мансур был одарен и богатством, и прекрасной женой; дни его протекали в покое и довольстве, беспечности и неге. Великие мужи сказали: «Много примет того, что человек счастлив на этом свете, но самая главная в том, чтобы в доме у него была целомудренная и добродетельная, праведная и верная жена». «Ищем у Аллаха прибежища от превратностей судьбы». А еще великие мужи изрекли: «Если жена верна и правдива, да притом и хороша собой, то мужу, если он благороден, следует осыпать свои глаза прахом из-под ее ног и взирать лишь на ее лик». Никакие сады Ирема не сравнятся с цветником единения с женой, никакая весна не затмит розовый куст ее привязанности.

Слава о красоте и целомудрии Мах-Пейкар, о ее прелести и добродетели распространилась по городу, все простые люди наслышались о ее похвальных качествах.

В том городе жил также некий юноша, весьма далекий от ума и разума, знаменитый распутством и скверной. Он услышал о красоте и совершенстве жены Мансура, и любовь возобладала над ним, страсть покорила его. И днем и ночью виделся ему ее облик, он мечтал о свидании с ней. Ведь говорят: «Иногда уши влюбляются раньше глаз».[\[257\]](#) То он разрывал ворот от скорби, уподобляясь утру или бутону розы,[\[258\]](#) то сухую землю окроплял влагой очей, изливавшейся как из тучи или из горного родника; то из-за огненного жара, который исходил из его груди, занимались пламенем сердечные муки; то фонтаны слез, бившие из глаз, смывали пыль терпения и выносливости. И он стал таким:

Потоки слез и лохмотья его сердца
Не поддавались описанию.

Но сколько ни нанимал старых сводниц этот злонравный юноша, сколько ни расточал он денег и даров, чтобы соблазнить и совратить луноликую красавицу, чтобы завлечь в тенета обладательницу мускусных кос, добродетельная жена не поддавалась. Напротив, она отвергала его с презрением, говоря:

Жена, которая покажет постороннему мужчине свое лицо,
Не уважает себя и не стыдится мужа.

– Мне не в чем упрекнуть своего мужа, незачем отдавать своего сердца другому, – говорила она. – Зачем мне поступать предосудительно? К чему мне помышлять о грехе? Ведь мудрецы сказали: «Если бы мужчина мог обойтись без супруги, то разум велел бы всем людям избегать поступков, которые выходят за пределы воли и самообладания, никто не совершал бы их, ибо ведь ни один мудрец не уподобляется безумцам». Но ради упрочения порядка в мире и ради продолжения рода человеческого жене надлежит

удовлетворять мужа и довольствоваться при этом одним супругом.

Когда ожидания того молодого развратника не оправдались, когда его страсть и любовная одержимость потерпели поражение, он не смог сопротивляться рати любви и полкам скорби. Ему ничего не оставалось, как открыть книгу путешествия и скрижаль странствий, и он стал лечить недуг любви лекарством поездки, как сказали об этом:

Для любви нужны или деньги, или терпение, или путешествие,
Если же денег нет и терпеть невозможно, нет выхода, кроме
путешествия.

Он прибыл в далекую пустыню и увидел в келье монаха, который вот уже сто лет совершал поклонение богу, стоя на одной ноге. Юноша остался в келье, пробыл там пять лет, днем и ночью верно служа монаху, и между ними завязалась дружба. Когда монаху пришла пора умирать, а ему, надо сказать, было ведомо сокровенное имя божье из, он перед смертью научил этому имени юношу, а затем вручил душу творцу.

Неразумный юноша запомнил сокровенное имя божье и, совершив обряд погребения и выдержав христианский срок траура, направился в город Фармал. В голове у него все еще витала мечта о Мах-Пейкар, он всякий день сеял в сердце семена любви, старая мука обновлялась, прежняя скорбь каждый миг становилась сильнее.

И вот однажды ночью он произнес сокровенное имя божье и попросил даровать ему облик владельца корабля. Всевышний и всеславный бог ради благостыни и величия имени превратил его лицом и телом в Мансура, так что его ничем невозможно было отличить от купца. Тем самым хитрец открыл себе двери греха и путь к обольщению, повязался поясом коварства и, не медля без всякого стеснения, двинулся к дому Мансура.

Мансур же за несколько дней до этого отправился по торговым делам, уплыл на судне странствий по морям испытаний. При виде, пришельца семья и слуги были удивлены и поражены. Хозяйка тоже пребывала в изумлении: отчего это муж так скоро вернулся без слуг и рабов. Потом она сказала:

– Добро пожаловать. Уж не случилось ли чего, что господин мой вернулся один?

Лжекупец был весьма хитер и ловок, скор на язык, поэтому он ответил:

– Да, случилось. На нас напали разбойники, разграбили весь товар, ткани и имущество, поубивали одних слуг и рабов, других же взяли в плен. Я дал обет поститься и молиться, раздать обильную милостыню и тем спас свою жизнь из губельной пропасти и невредимым добрался сюда.

Мах-Пейкар воздала хвалу богу за то, что он остался жив и здоров, и сказала:

– Слава Аллаху, что мой господин вернулся живым!

Что возвратился живым – это полдела,
А главная удача в том, что ты здравствуешь.

Ведь суть всякого счастья и основа любой удачи – это здоровье моего господина, поскольку вся моя жизнь зависит лишь от тебя.

Коли ты есть, все остальное не имеет значения.

Весь дом наш, все состояние, жизни наши мы готовы пожертвовать ради бесценного и несравненного господина. Так не омрачай же свои благословенные помыслы этой потерей, считай ее удачей и находкой, как сказал всевышний Аллах: «Может быть, вам не нравится что-либо, а оно для вас – благо, и может быть,

вы любите что-либо, а оно для вас – зло».[\[259\]](#) И мудрецы говорили:

В любом добре и зле, что существует,
Если присмотреться, в них благо.

Лжекупец, видя сострадание и сочувствие Мах-Пейкар, из коварства и хитрости притворился огорченным и расстроенным, стал выказывать горе и досаду из-за потери богатства, которого он на самом деле не терял, стал сожалеть о содеянном. Потом он повернулся к жене Мансура и сказал:

– То, что ты сказала, истинная правда. Но надо ведь соблюдать приличия. Недаром существует пословица «Кто обеднел, потерял уважение людское».[\[260\]](#) По этому поводу также сказано:

О господин! Если твой дворец не украшен золотыми изображениями.
То даже родной брат не придет в гости к тебе.
Будь то жена, дочь или сын,
О дервиш, если нет золота, то никто не повинуется тебе.

Богач, покровитель неимущих,[\[261\]](#) который гордился своей бедностью, счел позором бедность общины. Сказал пророк – да приветствует его Аллах: «Бедность – унижение в обоих мирах». Может ли быть человек более ничтожным и презираемым, чем нищий, жалкий в глазах собственной жены. Человека без золота даже родные презирают и унижают. Если даже он будет вести умные речи, над ним станут глумиться, если он заговорит о вещах сокровенных, его поднимут на смех.

И лжекупец продолжал в том же духе, а добродетельная жена Мансура отвечала:

– Ради бога, не смей говорить так, не предавайся подобным мыслям, ибо только неверные и низкие женщины поступают так с достойным мужем и не оказывают почета и уважения хозяину дома и своему благодетелю, когда он попадает в трудное положение. А ведь у тебя в запасе богатство в десять раз больше потерянного. Стоит тебе совершить одно путешествие, как ты наживешь еще больше. Так что не следует тосковать и горевать, ибо, если в этом суетном мире не будет смуты золота, если в этой обители праха не найдется дорогой утвари, ничего страшного не произойдет.

Если пуст кошелек, то не тужи,
Пусть не будет в мире этих ничтожных побрякушек.
Зачем человеку стенать из-за погремушек?
Ведь они – игрушки детей.

Лжекупец обрадовался подобным речам и без всякого стеснения и зазрения совести стал расточать чужое добро. Он стал, не жалея, тратиться на домашнее хозяйство, отдавать сто динаров тому, кому Мансур должен двадцать, открывать замки сокровищ купца ключами мотовства и беспечности.

Прошло какое-то время, и он вознамерился завлечь Мах-Пейкар в постель мерзости, на ложе прелюбодеяния, запятнать полу ее целомудрия прахом скверны. Однако в соответствии с обычаями и правилами, которые существуют между мужем и женой, он не мог поступить так, не знал он и привычек и обыкновений Макссура.

Сама же Мах-Пейкар из-за расточительства и безрассудств мнимого мужа была в сильном сомнении. В силу ее нравственной чистоты и твердой добродетели в ее сердце закрались недоверие и подозрения. Хотя у нее не было никаких сомнений насчет внешнего сходства, однако в поведении и повадках она находила различие и раздумывала о чудесах и превращениях этого мира. Она перестала угождать и льстить ему, размышляя: «Если этот человек – мой муж Мансур, куда же девались его прекрасные нравственные качества и добродетели? А если это другой человек, то откуда столь полное сходство? Ведь наша религия не признает переселения душ...[\[262\]](#) Если же это не Мансур, если настолько изменился

характер, который выражает истинную сущность человека, то видно случились какие-то великие перемены. Как бы то ни было, мне надлежит сторониться и избегать его, уповая на милость творца, и ждать, когда тайное выйдет из-за завесы истины».

Чем больше усердствовал мнимый муж в лести и уговорах, тем большим сомнением проникалась Мах-Пейкар, она прибегала к отговоркам вроде «может быть», «возможно» и ссылалась на всякого рода болезни. Днем и ночью она склоняла луноподобный лик во прах перед чертогом Судии и была челом страданий о землю скорби.

Затем красавица отказалась от пищи и питья, принимала только то, что ослабляет тело и дух. Хозяин же вкушал все блага земные, кроме обладания красавицей. А она в тоске и печали не смыкала глаз.

И вот, наконец, Мансур вернулся из поездки. Оставив слуг и служителей, он один, как бы влекомый безумием, вечером пришел к своему дому. Привратник сказал ему:

– Господин мой, ты ведь только что благополучно восседал во дворце!.. Может быть, ты вышел через черный ход? Я ведь ни на минуту не отлучался от входа.

Купец поразился, но не поверил его словам, и горделиво вступил в свой дом. Он нашел Мах-Пейкар на ложе болезни, а на хозяйском месте увидел человека, похожего на себя, словно двойник, который ухаживал за хозяйкой. Тут они и сцепились друг с другом.

Один кричал:

– Кто ты такой? Это мой дом!

Другой вторил ему:

– Сам ты кто? Это мой дом!

Всю ночь горел светильник вражды и светилась свеча распри, а искры той драки испепеляли сердце купца и душу Мах-Пейкар. И никто не мог докопаться до истины, конь рассудка не мог выйти на ристалище мысли ввиду потрясения ума.

Наконец настала пора, когда кормчий утра поднял на небе светлый парус, а купец солнца стал осыпать обитателей мира золотыми опилками в качестве гостинцев из дальних стран. Дом Мансура наполнился людьми, явились близкие и друзья, но никто не мог отличить подлинного купца от мнимого. Один, прикладываясь к Мансуру, другой падал в ноги двойнику, этот пожимал пальцы одному, тот склонялся во прах перед другим. И ссора и тяжба меж ними все разгоралась.

И вот об этом сообщили судьям города, и обоих тяжущихся повели в присутственное место. Люди дивились и поражались такому сходству, и никто не решался вынести решение и настоять на своем. И, наконец, все согласилось на том, что надо расспросить жену о тайнах и секретах мужа, об отце, матери и всяких других посторонних вещах, о первой брачной ночи, о том, что произошло в день свадьбы, о размерах выкупа и приданого и записать все это на бумаге, затем задать те же вопросы каждому из споривших и занести ответы их в тетрадь, а потом сравнить записанное. И тот, чьи показания совпадут со словами жены, будет объявлен мужем.

С этой целью вызвали прекрасную хозяйку и, как это было решено мудрыми и учеными судьями, все показания ее были записаны и закреплены на бумаге. Потом со знанием дела они принялись сравнивать и отличили истину от лжи, преступника от невиновного.

Слова Мах-Пейкар полностью совпали с тем, что говорил Мансур, и он повел свою добродетельную супругу в целости и сохранности домой. Ему стали ясны причины ее болезни, он оценил по достоинству ум и сообразительность жены, воздал ей хвалу.

А мнимый купец был подвергнут допросу с пристрастием, у него выпытали все, что было, применив угрозы. От страха он во всем признался. После наказаний и истязаний его заточили в темницу, лишили хлеба и воды, так что он сдох от голода и жажды в яме. А для других это послужило поучительным уроком: вот что постигает обманщиков и негодяев за их козни и коварство.

И попугай закончил так:

– О Мах-Шакар! Ты слышала историю о мнимом купце и его коварстве, о его печальном конце, о каре, которая его постигла, о бедствиях и несчастьях, которые он снискал в обоих мирах. Если я, верный раб, не споспешествую тебе душой и сердцем, если во всем не помогаю тебе, то клянусь верой и заповедной птичьей клятвой, что меня ждут такие же страдания и позор, как того ложного купца.

Мах-Шакар от этого рассказа, в котором было много назиданий, похвал добрым людям и осуждение грешным, а также серьезное предостережение, на время забыла о псах властного зова. Хотя еще добрая половина ночи была впереди, она не захотела пойти к возлюбленному и занимала себя беседой и разговором с попугаем,

Пока на окраинах ночного неба не покажется утро,
Подобное сверкающей капле росы на траве.[\[263\]](#)

ПОВЕСТЬ о сыне царя Забулистана, [\[264\]](#) о том, как он купил у брахмана добрый сон, как явились к нему женщина, змея и лягушка, как сын эмира освободил лягушку из пасти змеи, и как они воздали за то царскому сыну

На семнадцатую ночь, когда златоглавый властелин-солнце отправился из дворца неба в шатер запада, когда облаченный в серебряный кафтан шах луны перебрался из дворца востока в замок небес, Мах-Шакар твердо вознамерилась пойти к возлюбленному, пришла к попугаю и вновь попросила у него разрешения на это. Чудесный попугай раскрыл свои сахарные уста и произнес такую речь:

– Если госпожа медлит и мешкает с тем, чтобы пойти к возлюбленному, если она сомневается и колеблется по какой-либо причине, то мне такая причина неизвестна. Воистину, никто не посвящен в тайны и сокровенные мысли другого человека! Я непрестанно советую тебе и увещаю без раздумья и промедления идти к любимому, не мешкая ни на миг. Тревожит меня только одно: когда моя госпожа удостоится счастья свидания, когда окрепнут ваши дружба и любовь, какие же обязанности ты на себя возложишь и как освободишь шею от этого ярма?

Мах-Шакар, убедившись в искренности и доброжелательности попугая, всячески расхвалила его, а потом сказала стихами:

Куда бы я ни повернулась и о чем бы ни подумала,
Тверда моя рука, покуда ты помощник мне,
И я ни на шаг не сойду с указанного тобой пути.

– Мое желание состоит в том, – сказал попугай, – чтобы ты, если это в твоих силах, служила любви верно, подобно тому как служили забульскому царевичу женщина по имени Никфал, змея и лягушка, которые исполнили свой долг и были преданны ему насколько это было возможно.

– А как это было? – спросила Мах-Шакар.

Рассказ 33

– В сборниках сказаний говорится, – отвечал попугай, – что у царя Забулистана было два сына и после его смерти царский трон достался старшему сыну, в правление которого все сословия подданных жили в благополучии и безопасности.

Прошло какое-то время, и злые подстрекатели посеяли между братьями раздор и смуту, так что старший брат разгневался на младшего, стал недолго любить его и решил причинить ему страдания и мучения.

Бедняга младший брат прослышал об этом. Хоть и против воли, но решил он покинуть родные края и в одежде странника тайком двинулся в путь. Пройдя долгий путь, он прибыл в пустыню, полную ужасов и страхов, и увидел там брахмана, который плясал в полном упоении, по индийскому обычаю, хлопая руками и топая ногами, без сопровождения бубна или флейты. Сын эмира удивился, подошел к брахману и воскликнул:

– Эй, невежа! Что заставляет тебя плясать столь безрадостно и невесело в этой ужасной пустыне и страшной степи, где ничего не слышно, кроме криков шакалов, волчьего воя и рева диких онагров, а ведь сказано: «Воистину, самый противный голос у ревущего осла»,^[265] где вместо звучного бубна царит раскаленный солнечный диск, где взамен звона медиатра о лютью раздаются лишь удары когтей львов и тигров, где вместо лесных кущ лишь заросли осоки, где ширь земная изрезана буграми и оврагами, наполнена камнями и колючками? Какие чувства и побуждения вызвали сей безрадостный и неказистый танец? И чего ты добиваешься таким нелепым поведением? Рассудительные и мудрые прекрасно сказали по этому поводу:

Красоваться без чанга в степи и на берегу реки —
Все равно что плясать без мелодии.

– О знатный юноша! – отвечал брахман. – Оставь меня в покое, пусть тебя не тревожит, почему я пляшу без флейты и без звуков музыки.

Но царевич настаивал, продолжая донимать его расспросами, и брахман, наконец, ответил:

– Мне передали благословенную весть, царственная птица прочитала мне на ухо письма счастья. От этой доброй вести радость всколыхнулась в моей груди, от великого счастья я стал плясать помимо воли, словно упоительная мелодия и чудесный напев, музыкант счастья и певец дружбы играют и поют моей душе. Поэтому мои руки и ноги сами пришли в движение.

Царевич, выслушав эти слова, показал брахману перстень с драгоценными камнями и предложил:

– Не продашь ли ты в обмен за этот перстень частицу той благой вести, которую сообщили тебе, чтобы тем самым облечь меня в одежды твоего благожелательства?

Для брахмана такой перстень и был счастливым предзнаменованием и благословенной вестью, побег предзнаменования без промедления принес ему плод счастья, на пальце у него оказалось кольцо удачи. Он продал за земное богатство часть своего предзнаменования, сочтя его залогом на будущее и запасом на черный день. Царевич заключил с ним соглашение о купле и продаже, двинулся своей дорогой и, пройдя немного, встретил красивую женщину, приветливую, прекрасной наружности, тонкой натуры. Цепи ее кос и волны аромата из ее уст были бутоном прелестей, распускаясь во время улыбки, а свежие нарциссы вяли от зависти к ее глазам, подобным миндалям.

Ее чело – знамя рати света,

Ее волосы – зимняя ночь.
Извивы ее локонов посрамили небо.
Перед ее ликом померкло солнце.
Ее локоны источают чистый мускус,
Ее лицо – солнце, восходящее в вышине.

Дева подошла к нему, и царевич воздал ей подобающие почести, проявив великую скромность и почтительность, а потом стал расспрашивать о ее жизни. А дева, в свою очередь, стала расспрашивать, кто он и откуда.

– Я – служанка и набожная женщина, – объяснила дева. Зовут меня Никфал.[\[266\]](#) Где бы я ни встретила благородного мудрого человека, я начинаю служить ему, проявляя покорность и смирение. На твоём лице я вижу приметы величия и достоинства, читаю на твоём челе черты добродетели и похвальных качеств. Вот я и пришла, чтобы быть твоей рабой, повиноваться тебе, чтобы следовать за твоим счастьем, куда бы ты ни направился.

Царевич давно страдал от одиночества и искал спутника. Что и говорить, увидев такую красотку, он возликовал и молвил этой усладе душ такие стихи:

О радость! Что мне спрашивать, откуда прибыла ты, поспешая?
Во имя Аллаха! Это сошествие души, ведь ты прибыла из обители
духа.
Клянусь счастьем сердца, ради тебя я очистил душу от скверны,
Хоть и явилась ты ко мне без предупреждения.

Царевич очень обрадовался, оказал ей всяческие милости, и они вдвоем двинулись в путь и прибыли к реке, на берегу которой в тот момент лежала лягушка. Тут подползла змея и, словно цапля, схватила лягушку. Бедная лягушка издала писк, и царевичу стало жаль ее; поняв, что она просит о помощи, он закричал на змею. Та от страха выпустила лягушку и поспешила в нору, разочарованная и раздосадованная.

Царевич был человек великодушный и милосердный, он подумал, что поступил несправедливо, поскольку лягушка для змеи – средство пропитания, ее удел в этом мире. Всевышний и всеславный господь назначил каждой твари свою участь, так что гибель одного создания служит основой поддержания жизни другого. И нет в этом никакого насилия и жестокости, ибо решения божьи принимаются согласно его мудрости. «Насилие проявил как раз я, – продолжал рассуждать царевич, – ибо бедная змея осталась сегодня без пищи». Он, не медля, обнажил нож, отрезал кусок мяса от своего бедра и бросил перед змеиной норой, она же утащила его внутрь. Когда змееныши стали заглатывать то мясо, они приговаривали:

– Ты еще никогда не приносила такого вкусного и нежного мяса. Прежде мы всегда ели лягушек, мышей и всяких насекомых. А это чье мясо?

И змея рассказала своим детенышам историю с куском мяса. Они перестали есть, сильно удивились и сказали:

– Разве человек может проявить такое снисхождение и сострадание? Ведь люди жестоки по природе. Недаром, когда был сотворен пращур людей Адам – да приветствует его Аллах, – ангелы сказали творцу: «Неужели ты поселишь на земле того, кто будет грешить на ней и проливать кровь, в то время как мы возносим тебе хвалу и святим тебя?»[\[267\]](#)

– Так оно и есть, как вы говорите, – отвечала змея, – но люди неодинаковы. Даже пять пальцев на руке человеческой и те разные. А сами люди различаются и по наружности и по нраву.

Да, моя красавица, разные бывают головы.

Хотя многие люди корысти ради способны проливать кровь, но есть среди них и такие, которые готовы пожертвовать своей кровью ради пользы другого. И потому-то некоторые из людей выше ангелов, и они отмечены изречением: «Мы почтили уже сынов Адама».[\[268\]](#) А в стихах сказано так:

Все тростники в зарослях одинаковы видом.

Но из одного тростника получается сахар, из другого – только циновка.

Об этом же говорит притча о Мусе – да приветствует его Аллах – и горе Синае. Он не пожалел отрезать частицу своего тела, дабы доказать величие души.

– Сделай милость, расскажи нам об этом, – попросили змееныши.

Рассказ 34

– В сказаниях говорится, – начала змея, – что в один прекрасный день посланец из небесного чертога от всевышнего господина прибыл к Мусе сыну Имрана[269] и передал ему повеление Творца, которое гласило: «Завтра утром выйди из дому. Первое, что встретится тебе на пути, положи в рот. А потом одень то, на что падет твой взгляд. Дай убежище тому, кто у тебя попросит, и уважь просьбу просителя».

На другой день Муса, как велел ему вечный и милосердный господь, вышел из дому и первым делом увидел огромную высокую гору, которая казалась грознее и величественнее Синая. И он подумал: «Хотя поедать камни – дело безумцев, но надо повиноваться велению верховного владыки и съесть частицу этой горы. И тогда прояснится, какая тайна кроется за этим повелением». Чем ближе Муса подходил к горе, чтобы отломить кусочек, тем меньше она становилась, превращаясь в обломок и осколок, пока не оказалась малым кусочком на один глоток. Муса немедленно проглотил его, и тот показался ему столь сладким, что вкуснее и приятнее он за всю жизнь не едал.

Муса прошел еще немного и набрел на таз, полный золотых монет, который блестел, словно солнце. И он подумал: «Воистину, одеть означает прикрыть, а золото есть соблазн. Сказал всевышний Аллах: „Знайте, что ваши богатства и ваши дети – испытание“, [270] а соблазн, чем глубже он спрятан, тем лучше. А еще следует скрывать золото потому, что женщины стараются украшать свое тело золотыми украшениями. А благородство мужчин в том, чтобы прикрывать тело золота землей, прахом, кирпичами и камнями».

Но сколько Муса ни пытался укрыть золото, ему это не удавалось: он зарывал его, а оно выступало наружу, закапывал, словно сокровища Каруна, [271] а оно, словно посох и «белая рука», [272] выступало наружу. Отсюда и происходит изречение великих мужей: «Богатство ни за что не утаить».

Мускус, золотые монеты и любовь не утаить.

Пока Муса возился с золотом, тщетно пытаясь спрятать его, ему пришло божественное откровение: «О сын Имрана! Оставь сие золото и позабудь о нем. Ты нисколько не пренебрег тем, что было велено тебе. А тайна этого ведома только нам».

Муса двинулся дальше, прошел еще немного. Вдруг подлетела птичка, а за ней гнался орел. Птичка спряталась в рукаве пророка, а орел в поисках ее сел на его благословенное плечо. Муса удивился, разгневался, а потом подумал: «Если я отдам птичку хищнику, то нарушу третью заповедь, согласно которой следует дать убежище, кто бы его ни попросил. А если отгоню орла от желаемой цели, то нарушу четвертую заповедь, согласно которой не следует отказывать просителю в просьбе».

Так он пребывал в недоумении. А между тем пичужка билась в его рукаве, а орел не покидал плеча. Муса собрался было отрезать кусок собственного мяса для орла, чтобы таким образом соблюсти обе заповеди, дабы и ищущий убежища обрел безопасность, и просящий не отчаялся бы. Но едва он обнажил нож, орел и воробей обернулись ангелами господними и сказали:

– Мы прибыли к тебе в таком обличье по велению всеславного и всевышнего бога, чтобы показать земным обитателям твое великодушие и благородство, чтобы представить людям в истинном свете твое мужество и величие души.

Властитель горы Синай[273] сказал:

– Сокровенный смысл истории с орлом и воробьем мне понятен. Но я должен уяснить себе также сокровенный смысл случая с горой и таза с золотыми монетами. Когда я съел гору, то она обернулась лакомым куском. А таз с золотом я так и не смог закопать, и поневоле мне пришлось отказаться от этой

затеи.

Ангелы ответили на это:

– Превращение горы в лакомый кусок следует понимать как усмирение гнева. То есть, когда пламя гнева возгорается в человеке, то усмирить его столь же трудно, как проглотить гору. Но если взвалить седло воздержания на горб характера, если проглотить этот гнев, как глотает верблюд жесткую колючку, то по прошествии времени это даст плоды, слаще которых нет на свете, и, ни одно яблоко, ни один фрукт не будет сладостней и вкуснее. А таз с золотыми монетами – это воплощение добрых деяний благих мужей, ибо сколь бы муж ни скрывал свои добрые поступки, всевышний творец своим могуществом обнаруживает их. Великие мужи сказали:

Ступай, сверши добро и хоть в воду брось, —
Доброе деяние вернется к тебе назад.

Доброе деяние никогда не останется в неизвестности, если даже кто-то и будет стремиться скрыть его. Доброе деяние все равно, что капля воды, которую таит в своей раковине весенняя туча. Водолаз судьбы своим могуществом и величием души превращает ее в царственный жемчуг [\[274\]](#) и помещает в водные просторы.

Когда змея закончила повествование и завершила изложение мыслей, змееныши сказали:

– Тому, кто проявил по отношению к тебе столько милосердия и жалости, следует оказать услугу, согласно изречению: «Есть ли воздаяние за добро, кроме добра?». [\[275\]](#) Тебе следует по мере сил проявить к нему благосклонность, чтобы нам при помощи благих намерений и благодарности добрым людям также обрести свою долю в райском краю, хоть мы и изгнаны из него.

Змее-матери понравились слова змеенышей. Надо сказать, что она владела даром перевоплощения. И вот она обернулась обходительным мужем и стала служить царевичу, как и та женщина, назвавшись Мухлисом. Что царевич ни скажет, она тотчас сделает, любую его прихоть исполняет.

А лягушка меж тем, как и змея, вернулась к себе домой и стала рассказывать о том, как она спаслась от врага, и ей захотелось отблагодарить царевича за оказанную милость. Лягушка также обладала способностью перевоплощения, мигом обернулась она пригожим мужем, поступила так, как до этого поступили Никфал и Мухлис, и нарекла себя Халасом. Что царевич ни велит, Халас тут же исполняет, соглашается со всем, чего тот пожелает.

И вот четверо товарищей двинулись в путь, добрая женщина и двое мужчин верой и правдой служили царевичу. И вот, наконец, они прибыли в какой-то город, обширный и огромный. Там правил падишах, любивший мудрецов и покровительствовавший чужестранцам. Царевич пришел к воротам дворца падишаха, и хаджибы доставили его к трону. Царевич не стал объяснять, какого он рода, а только сказал:

– Я забулистанский воин и прибыл, чтобы служить во дворце падишаха, чтобы жизнь положить ради шахского повеления, чтобы на голове стоять, на бровях ходить.

Падишах приказал положить ему потребное жалованье.

– Если всеславный падишах повелит выдавать сему верному и покорному рабу в день тысячу динаров, то это будет великой поддержкой, – молвил царевич. – Зато какое бы трудное и тяжелое поручение мне ни дали, я один все исполню.

Падишах удивился столь дерзким притязаниям и гордости духа и сказал везиру:

– Если притязания этого чужестранца имеют основания, то ему и пяти тысяч в день не жалко.

И он велел ежедневно выписывать ему из казны тысячу динаров. С тех пор царевич каждый день

получал от послушного шахского казначея названное жалованье. Сто динаров он тратил на повседневные нужды, триста отдавал своим трем спутникам, а шестьсот раздавал в виде милостыни и подаяния.

Время шло. И вот однажды падишах, которому были подвластны и суша и море, выехал на рыбную ловлю. Согревая деревянный корабль жгучим ветром, он гнал его по водным просторам, взявши рыб за жабры и выхватывая их из моря. Морских тварей, словно обитателей земли, он достигал десницей смерти и сетями небытия. Его великое рвение повергало во прах жителей морских глубин. То морские чудища, могучие, как воины, нарывались на крючки, то черепахи-щитоносцы пытались укрыться в страхе перед копьями, пронзающими сердца.

И вдруг с пальца падишаха упал в воду перстень с камнем, сверкающим, словно пламя. Сколько ни искали потерянный перстень, сколько ни ныряли водолазы, словно утки, в воду, сколько ни просеивали песок на дне, от огнеподобного перстня не осталось и следа. Искать тот перстень было все равно, что мерить ветер: они только глотали прах разочарования.

Царь же очень любил это кольцо и ценил его не меньше перстня Сулеймана. Он был огорчен и расстроен. Тут он вспомнил о чужеземном воине и сказал стихами:

О сердце, коли хочешь свершить подвиг – пора настала.

– Настала пора твоего высокого взлета и больших притязаний. Если ты не найдешь перстня, то выдача жалованья тебе будет прекращена, ибо все милости и блага были оказаны именно в ожидании такого случая.

Царевичу не было смысла спорить или возражать, и он волей-неволей согласился, попросил отсрочку в один день, поклонился и вернулся к себе. Он пришел домой в раздумье и, встревоженный, сел с друзьями, рассказал им обо всем, что произошло, и закончил так:

– Вот какое поручение дал мне падишах. Если бы он приказал мне совершить подвиг на земле, то я тотчас развеял бы прах его врага. Но в морских и подводных делах я не мастер и ничего в этом не смыслю. Как мне быть?

И тогда Халас сказал ему:

– Мой господин, не стоит из-за этого тревожиться! Я, твой нижайший раб, запросто справлюсь с этой задачей.

С этими словами он нырнул в воду, как лягушка, и вернулся с перстнем. Царевич отнес кольцо падишаху, чем заслужил похвалу и славословие, а также пятьсот динаров прибавки к жалованью.

Прошло еще несколько дней, как вдруг змея укусила дочь падишаха. Все заклинатели и знахари пытались вылечить ее, но тщетно. И снова падишах обратился к царевичу со словами:

– Снова настала тебе пора действовать.

Лови, не то ускользнет и из твоих рук.

* * *

Такое дело свершить можешь только ты,
Ты сверши, ибо никто другой не в состоянии.

Царевич растерялся, поник головой и сказал своим друзьям:

– Падишах приказывает мне такое, что не входит в мои обязанности. Если бы он направил меня куда-нибудь во главе войска или приказал бы разрушить любую крепость, то я положил бы сердце и душу, превратил бы землю в заросли кровавых тюльпанов, полил бы ее вражьей кровью. Но заклинания и заговоры змей мне не под силу. Как же теперь быть?

Мухлис ответил ему:

– Да продлится жизнь господина! Не тревожься и не печалься из-за этого поручения. Я, твой ничтожный слуга, беру это на себя. Когда настанет ночь, отведи меня в покои дочери падишаха. Там погаси свечу и не зажигай, пока добродетельная дева не оживет.

Царский сын так и поступил. Мухлис приложил уста к ране девы, высосал весь яд, который распространился по телу. Девушка тут же поправилась, душа вновь вернулась в ее тело.

Падишах осыпал похвалами знания и ум царевича. Видя на его челе приметы величия и великодушия, черты высоких добродетелей и похвальных качеств, он стал расспрашивать о его роде и происхождении, допытываться о семье.

Царевичу ничего не оставалось, как рассказать правду, и он поведал всю свою историю от начала до конца. Как раз в это время там были купцы из Забулистана. Они узнали царского отпрыска и подтвердили падишаху величие и славу его рода. Когда падишах убедился и удостоверился, что перед ним сын шаха Забулистана, он весьма обрадовался, стал всячески извиняться за прошлое. Он счел прибытие царевича в его страну счастливым предзнаменованием, облачил его в одежды зятя и назначил своим преемником в делах державы.

Когда царевич от глубины скорби пребывания на чужбине вознесся к зениту близости к падишаху и высоким просторам могущества, все три товарища вместе явились к нему и попросили разрешения вернуться по домам. Царевич ответил на это:

– Теперь, когда основы моего счастья укрепились, когда утвердились опоры величия, чего ради вы покидаете меня? Ведь сейчас настала пора наслаждаться и собирать плоды, восстановить все, что было разбито.

В ответ они сначала поцеловали прах перед ним, а потом каждый в свой черед рассказали о том, что произошло с ними.

Никфал сказала:

– В переносном смысле я и есть то самое доброе предзнаменование, которое царевич купил у брахмана. Теперь же долг мой исполнен.

– Я – тот змей, который схватил лягушку, и я убедился в твоём великодушии и благородстве. Я пришел служить тебе и сделал все, что велит доброе сердце, – сказал Мухлис.

Халас сказал:

– Я – та несчастная лягушка, которая благодаря твоему заступничеству спаслась от змеи. И вот я оказала тебе небольшую услугу.

С этими словами все трое покинули его. И попугай закончил так:

– О Мах-Шакар! Моя цель и мое желание таковы, чтобы ты, как они, была искренне предана своему возлюбленному, чтобы ты ни на миг не пренебрегала службой и дружбой.

Не успел попугай завершить свой рассказ, как белый сокол утра вылетел из гнезда ночи, а златокрылый Симург неба взлетел на востоке.

ПОВЕСТЬ о павлине падишаха и о том, как жена брахмана убила павлина

На восемнадцатую ночь, когда золотой павлин с зеленой лужайки неба перешел в гнездо птицы Анка[276] на западе, когда серебряный сокол луны взлетел из гнезда на востоке, Мах-Шакар пораньше пришла к клетке и попросила у попугая дозволения пойти к возлюбленному.

Сладкоустый, словно соловей, и звонкоголосый, как певчая птица, попугай сначала воздал ей хвалу и выказал покорность, многократно восславил ее, а потом сказал:

– Твой покорный слуга всецело одобряет твоё желание пойти к возлюбленному. Я готов душой и сердцем помогать тебе в этом деле. Да не наступит тот день, когда я стал бы мешать тебе или препятствовать! Да не сменится днем та ночь, когда мое сердце не радовалось бы твоему свиданию. Но мне кажется, думается мне, что в любви немало опасностей, а вреда просто не счесть! Здесь врата безопасности и благополучия заперты, а путь к страху и укорам широко открыт, как об этом сказано стихами:

Любовь и благополучие
Разве уживаются рядом?

– Так оно и есть, как ты сказал, – отвечала Мах-Шакар, – мне и самой это стало очевидно. Однако же скажи мне, ради чего ты произносишь эти речи? Во имя чего ты изрекаешь эти тонкие мысли? Может быть, ты опасешься чего-нибудь? Или страшишься кого-то? Ведь великие мужи изрекли: «Тот, кто в любви боится за свою жизнь, не обретет возлюбленной. Тот, кто не способен сносить жар пламени, воистину, умрет в тоске и мечтах». Покуда светлоликий шах дня по собственному желанию не омрачит для себя светлый мир, он не прикоснется к черным локонам девы ночи. Пока черноволосая дева ночи в полном нетерпении не отрежет ножницами утра мускусные косы и не сгорит в солнечных лучах, она не увидит подобного солнцу лика дня, как сказано об этом в стихах:

Не называй влюбленным того, кто боится страданий,
Разве сорвет розу тот, кто страшится шипов?
Тот, кто ищет жемчуг в море,
Сначала должен позабыть о жемчужине жизни.

Хотя с точки зрения влюбленных и по обычаям любви это совершенно правильно, такие взгляды почитаются верными и достойными, однако не следует пренебрегать и мнением тех, кто предпочитает безопасность и не одобряет такого поведения. Существует известная пословица: «Прибыль от поездки не

стоит тягот пути, а наслаждение любовью не стоит упреков друга». Опытный мудрец предвосхищает в деяниях их последствия и думает об исходе поступков, чтобы обезопасить себя от напастей судьбы и не пострадать от бед дня и ночи, как об этом сказал пророк – да приветствует его Аллах: «Тот, кто предвидит последствия, тот в безопасности от бед». А теперь самое разумное для госпожи – это благополучно отправиться, выступая изящно и величаво. И если, упаси Аллах, по пути обнаружится какая-нибудь опасность или риск, если враг измыслит дурное или окажется в засаде, то следует поступить так, как поступила жена брахмана, которая съела павлина падишаха, а когда это стало известным, ответила столь остроумно, что спаслась из губительной пропасти благодаря красноречию. Подобно ей, употребив хитрость и приложив ум, заготовь убедительные доводы и при помощи мастерства слова спаси себя из затруднительного положения.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар. И попугай начал так.

Рассказ 35

В краю Мадаин[277] в одном городе жил брахман. А у него была жена, красивая лицом, добрая нравом, с большими глазами, маленьким ротиком, полными икрами, тонким станом. Ее мускусные косы были черны и кудрявы, как зуннар[278] брахманов и письма еретиков, щеки, похожие на цветок граната, красой и прелестью превосходили солнце и луну, более того, звезды не блистали так, как ее лицо, темная ночь уступала черноте ее кос.

Ее лицо сотворено из луны или луна из ее лица?
Ночь сотворена из ее локона или локон из ночи?

Любовь к жене столь укрепилась в душе брахмана, а султан привязанности так прочно воссел на престоле его сердца, что, поклоняясь кумирам в храме, он видел перед собой ее лицо, вознося по утрам молитвы солнцу, также представлял себе жену. Но прекрасная и сладостная красавица была бесплодна, опрокинутая чаша ее лона, словно желудок больных лихорадкой и нутро пьяниц, которые не переносят еды и питья, не могла принять в себя каплю плоти, так что без любимого чада жизнь была для брахмана мрачной и неприятной. В мыслях о том, как обрести сына, он не знал покоя и радости нигде. Оба супруга долгие годы, в урочный час и в неурочный, днем и ночью били челом всевышнему богу в смирении, смятении и унижении, моля о сыне, который был бы им утехой на старости лет.

Наконец, в один прекрасный день прибыл из Сарандиба[279] ученый лекарь, который обладал глубокими познаниями в разных науках, был опытен и искусен в исцелении и обладал дыханием, словно дуновение Исы. Все неизлечимо больные и страждущие в том городе и той округе пришли лечиться к чужеземному мудрецу. Люди благодаря его способности врачевать и исцелять стали облачаться в одежды выздоровления. Благодаря его похвальным стараниям они испили бальзам здоровья из чаши покоя и всячески усердствовали в уважении и почитании мудреца, выслушивая ухом души его наставления и назидания. Да ведь сам разум велит чтить и уважать людей науки и мужей, обладающих прозорливыми сердцами, в особенности если можно обрести долю, толику и удел от их полезных деяний и знаний. Ведь мудрые мужи сказали:

Воистину, учитель и лекарь
Не станут давать советов, если их не уважают.

Слава об искусном лекаре и ученом мудреце распространилась по городу, о нем заговорили повсюду, дошла молва и до жены брахмана. Поскольку она жаждала ребенка и сказано стихами:

Тот, кто домогается чего-либо,
Если постарается, то обретет.
Тот, кто стучит в ворота,
Если настойчив, то войдет,

– то она подумала: «Вполне возможно, что врата к желанной цели откроются мне через порог этого шейха и мое лоно получит исцеление благодаря ему, хотя «во времена ночи и среди дня»[280] я прошу у великого творца ребенка, однако ученые мужи сказали, что древо молений принесет плоды удовлетворения желаний тогда, когда это будет угодно судьбе. Мудрецы сказали, что пускать стрелу мольбы, дабы достичь невозможного, все равно, что пытаться пронзить наковальню стрелой с восковым наконечником. И как бы ревностно люди ни молились, вымаливая дождь, мать-туча никогда не положит ребенка-каплю в объятия няни-земли, пока счастливая звезда в созвездиях Зодиака, покровительствующая воде, не окажет соответствующего влияния, пока воздействие отцов – караванов небесных туч на земных

матерей не станет постоянным. Тому, кто молит о дожде, следует также изучить гороскоп своего времени и рассмотреть положение подвижных и неподвижных небесных светил. И уж только после этого надо громко возгласить молитву с мольбой, чтобы она была удовлетворена без промедления. Значит, сначала мне следует поправить свое тело и вылечить лоно, а уж после этого воздымать руки в молитве».

Решив так, она тайком отправилась к лекарю и не скрыла ничего от ученого мужа, рассказала ему все подробно. Ведь говорят:

Если хочешь обрести лекарство,
То не скрывай от своего врачевателя болезни.

Лекарь, изучив ее природу и установив пути исцеления, сказал:

– Недуг твоего лона невелик, а лечение нетрудно. Но снадобье для твоего исцеления включает желчь редкой породы павлинов. А в вашей стране такие павлины вовсе не встречаются.

Жена брахмана стала жалобно просить его:

– Да продлит Аллах твою жизнь, о мудрец! Напиши мне состав этого зелья, укажи, когда и в каком количестве его употреблять. Быть может, я отправлюсь в дальние страны, где обитает этот павлин.

Искусный лекарь на это отвечал:

– В урочный день и час ты собери все остальные части снадобья, потом нарежь павлина названной мною породы, смешай его желчь с этим лекарством, промой желудок и выпей зелье, а потом, не откладывая, соединишься с мужем. Согласно науке врачевания бутон твоего лона отяжелеет от цветка его плоти, и на ниве твоего бытия произрастут семена человека.

Жена брахмана похвалила и поблагодарила лекаря за сострадание и вернулась к себе домой.

А у падишаха той страны был павлин как раз той породы, которую назвал лекарь. Падишах очень любил его, души в нем не чаял. Тот павлин постоянно летал по разным крышам, садился на арки домов жителей столицы, на стены и карнизы.

Жена брахмана начала охотиться за павлином. Ни одной ночи она не знала покою в попытках изловить его, но никому не смела доверить своей тайны, так как страшилась и падишаха, и ревнителей религии, – ведь по их законам есть мясо было запрещено.

И вот однажды ночью, когда бирюзовый павлин небес украсил себе крылья и грудь луной и звездами, увенчал себя сверкающими украшениями, жена брахмана в точно указанное мудрецом время собрала все составные части зелья и благодаря счастливой случайности схватила шахского павлина на крыше своего дома, зарезала тайком и смешала желчь с составом. А остатки павлина она зарыла в яме, следуя поговорке: «Безголовая птица и отданный на заклятие воробей не станут чирикать».

Затем она съела снадобье, словно сахар и в ту же ночь, как было предписано, соединилась с мужем. Всевышний господь сотворил так, что стройная красавица понесла плод, словно орошенное дерево. И поскольку предопределение начертало на вечной скрижали, что основа кельи того брахмана будет опираться на столб стана сына, что глаза его будут озарены красотой любимого дитяти, то, несомненно, именно ради осуществления этого предначертания и появился мудрец из Сарандиба, а павлин падишаха сел на крышу брахмана. Ведь мудрецы просверлили жемчужины словес именно в этом смысле: «Когда Аллах захочет совершить доброе деяние, то приготовит и пути осуществления его».[\[281\]](#)

Когда настает пора явиться счастью,
То желанное приходит с крыши и счастье – через дверь.

Итак, когда настала пора рассвету исцелить животворным дуновением утреннего ветерка больных, когда лекарь солнца снял с лика мира черную горечь ночи, падишах велел принести своего павлина. Но его нигде не оказалось. Сколько ни искали его, как ни старались найти, он исчез, словно тень Анки. Тогда пошли по городу глашатаи, обещая десять тысяч дирхемов тому, кто доставит павлина живым или мертвым. Но никто ничего не мог сообщить, никто не приносил никаких вестей. Так прошло девять месяцев, и у брахмана родился сын. Казалось, он был павлином в саду прелести, который вышел из гнезда материнского лона покрасоваться на лужайке мира, или же был попугаем в саду изящества, который прибыл из Хиндустана темного чрева в светлый цветник мира. Брахман же ничего не знал об этом и пребывал в неведении.

Однако жена брахмана из-за того, что никому не открыла своей тайны, с каждым днем все больше страдала, молчание изнуряло ее, она слабела, бледнела, худела. Ведь говорят же мудрецы: «На сердце человека нет более тяжкого бремени, чем доверенная ему тайна, ибо, пока он не откроет ее кому-нибудь, она тяготит его дух. Если же откроет, то повредит собственной жизни». Хотя жене брахмана порой хотелось, оставшись наедине с близким человеком, выложить ему все без утайки, но вместе с тем она помнила содержание стихов:

Вчера мой разум дал мне совет о жизни,
Шепнул тайком в уши сердца:
«Никому неверяй сердечной тоски, ибо не осталось
Друга, которому можно доверить боль сердца».

И вот случилось так, что она помимо собственной воли проявила неосторожность в сохранении тайны, кольцо сдержанности упало у нее с руки и она открылась одной из своих названных сестер, которую считала душевной подругой и в руки советов которой отдавала в трудные минуты, ключи важных дел. Она заклонила ту хранить ее тайну. Названная сестра тут же обещала, но жажда получить десять тысяч дирхемов возобладала над дружбой, алчность и стремление завладеть золотом сорвали с ее лица покров верности и завесу благородства. Она тотчас закуталась в покрывало предательства, облачилась в чадру коварства, побежала во дворец падишаха и рассказала там обо всем, что слышала. На это царь сказал:

– Без очевидных доказательств, без приведения убедительных доводов, на основании одних только твоих показаний нельзя поднять на человека руку вынесения приговора и меч наказания, ибо за нынешним днем последует завтрашний, за каждым преступлением – наказание. Может быть, ты затаила на ту женщину злобу, ненависть, питаешь к ней зависть. Если ты хочешь доказать обвинение, то возьми с собой двух справедливых мужей, на письменную запись и устные показания которых можно полностью положиться, и вновь попроси ту женщину повторить то, что она поведала тебе, дабы тем самым истина отделилась от лжи, правда от кривды.

Названная сестра посадила в сундук двух доверенных мужей падишаха, заперла накрепко запоры, принесла сундук в дом брахмана и сказала:

– О сестра! Окажи мне милость, я отплачу тебе великой благодарностью. Сохрани у себя в доме в надежном месте мои вещи, так как мне надо на месяц уехать из города, а дома у меня нет верных людей.

Жена брахмана приняла сундук и обязалась сохранить его. А потом они обе стали болтать о том, о сем. Наконец, названная сестра попросила жену брахмана повторить вчерашний рассказ. А жена брахмана меж тем уже раскаивалась в том, что доверила ей свою сокровенную тайну, только и думала, как бы исправить свою оплошность, от этой просьбы ее сомнения еще больше усилились. Опасения и страхи овладели ею, она тотчас вскочила с места, по наитию, ведомая своим счастьем, начала, как и накануне, свой рассказ, а, завершив его, сказала так:

– Я смешала желчь павлина с зельем и съела. – А потом добавила: – Тут я и проснулась. А уже настало утро, и муж ушел поклоняться солнцу. От страха перед тем, что я во сне съела мясо, я целых две дневных стражи не могла прийти в себя от стыда!

Названная сестра разинула рот и сказала, потрясенная:

– О сестра! Так то, что ты рассказываешь, правда или же мечтания и сновидения?

– Ну и глупая же ты женщина! – отвечала жена брахмана. – Да я и муху не смогла бы убить. Как же я осмелюсь убить шахского павлина? К тому же по вере брахманов строго запрещено есть мясо, в особенности мясо павлина, ведь он является одним из перевоплощений души, оттого и другие религии не велят есть его. Зачем же ты говоришь такой вздор и так оскорбляешь меня?

Названная сестра, слыша такие речи, свернула листы коварства, произнесла тысячу извинений, устыдилась, велела унести сундук и сказала:

– Я передумала.

Жена брахмана догадалась о подоплеке событий, взяла себя в руки и после того ни с кем не стала делиться своими сокровенными тайнами. А названую сестру призвали в царский дворец и за клевету и наговор на ближайшую подругу сделали ей строгое внушение и ославили на всю страну.

– О Мах-Шакар! – закончил попугай. – Я поведал этот рассказ ради того, чтобы ты знала: тайну сердца не следует доверять даже другу. Не следует откровенничать с врагом.

– Вывод из повествования таков, – продолжал попугай, – что теперь моей госпоже, как и положено женщинам, следует отправиться к своему возлюбленному. А если случится что-нибудь опасное, то надо отважно противостоять ему, как подобает мужчинам – по примеру жены брахмана, которая съела желчь павлина падишаха как женщина, но когда оказалась в трудном положении, повела себя достойно, словно мужчина.

Во время рассказа попугая Мах-Шакар сморил сон. Только соберется она пойти к возлюбленному, как тюремщик сна удерживает ее. То она, сев на коня любви, бросалась на сонливость и одолевала ее, то многочисленная рать сна нападала на стан ее любви и побеждала.

Мах-Шакар все еще колебалась и сомневалась, когда султан утра показался под бирюзовым шатром неба и мечом-солнцем разогнал чернокожее войско ночи.

ПОВЕСТЬ о дочери отшельника, о том, как к ней сватались трое мужчин и как она безмолвствовала в первую брачную ночь

На девятнадцатую ночь, когда луноликий отшельник солнца, словно друзья пещеры,[\[282\]](#) заснул в пещере запада, а солнцеподобный суфий луны, словно Полярная звезда, вступил на лиловый молитвенный коврик неба, Мах-Шакар пришла к попугаю, чтобы посоветоваться о своих делах. Он в эту ночь раскрыл свиток речи на другой лад и стал листать страницы мыслей иным образом. Похвалив и восславив госпожу, он сказал:

– Моя госпожа – да продлится ее жизнь – очень милосердна и благосклонна к слугам и рабам, своим благоволением она каждую ночь проявляет чрезмерную милость ко мне, внимательными расспросами снимает ржавчину с зеркала моей груди, моя душа и сердце благоденствуют благодаря твоим милостям. Однако я вижу, что госпожа пренебрегает свиданием с возлюбленным, и встревожен и обеспокоен задержкой и промедлением в этом, в мое сердце закрадываются всякие мысли и опасения.

– Я не виновата и на мне нет греха из-за того, что я не встретила с возлюбленным, – отвечала Мах-Шакар. – Я непременно и во что бы то ни стало навещу его. Но все же поведай мне свои опасения и сомнения, мне надо знать это.

– Мои подозрения касаются только того, что госпожа каждый день мешкает и пренебрегает свиданием с возлюбленным и я не вижу в ней стремления к этому. Как бы тебе не пришлось лишиться и любви любимого, и привязанности мужа, как это случилось с дочерью аскета, которая трижды выходила замуж, умерла, потом воскресла, отвернулась от всех трех мужей и стала коротать дни вместе с отцом в келье, предаваясь аскетизму и поклонению богу. Быть может, и ты, как и она, обретешь покой в других делах? Таковы мои сомнения и волнения.

Мах-Шакар поразились, как это человек может умереть и ожить, а женщина – выйти за трех мужей, и спросила:

– А как это случилось?

Попугай ответил:

Рассказ 36

Рассказчики преданий поведали, что в городе Хинд, лучшем из городов той части света, жил в келье набожный отшельник. Он отринул от себя блага этого мира и возложил на главу шапку отказа от мирского. Рукав вождения и пола мирских наслаждений у него были коротки, словно локон красавиц и волосы негров, а путь тариката и плащ подвижничества его были длинны, словно ночь влюбленных и косы пленительных красавиц. У него была малая дочь, которая, несмотря на нежный возраст, своей прелестью, негой и красотой отвращала с истинного пути взрослых мужей религии и тех, кто ступил на стезю истины. Кто бы ни взглянул на ее прекрасный лик и несравненную прелесть, тотчас становился жертвой ее жестокого кокетства.

Из-за этой луноликой, соблазняющей аскетов, красивой, как ангел, подобной паве, от единого взгляда на нее не останется терпения у набожных мужей.

Однажды отшельник вместе с другими паломниками собрался в Мекку и взял в руки посох пути к святыне Каабы. Когда он прощался с родными, то наказал жене и сыну:

– На этом пути меня поджидают много опасностей, бесчисленное множество бед и напастей. Кто знает, быть может, мое тело и душа станут жертвой на этом пути, словно ягненок на заклании. Быть может, птица моей души с возгласом «я готова» взлетит в небо. Наша дочь, жизнь которой грозит несчастьем роду людскому, согласно выражению: «Когда же кого-либо из них обрадуют вестью о дочери, его лицо темнеет», [283] близка к совершеннолетию. А всякому живому существу, в особенности человеку, не избежать супружества и не отделаться от родни. Если кто-нибудь зашлет к ней сватов, то без промедления сочтайте их узами брака, соедините платье ее целомудрия и рубище его добродетели.

Отшельник, дав наставления и заветы своей семье, взял в руки походную флягу, надел дорожную обувь и пустился по степям странствий.

Сын отшельника спустя несколько дней после этого также отправился в путь ради подвижничества и телесных испытаний. Каждый миг он вкушал молоко мудрости и чистую воду познания из родника сада путешествия и ключа на горе испытаний.

Отшельник тем временем прибыл в Долину безопасности и Обитель покоя и стал обходить вокруг горы Арафат. [284] Там он встретил добронравного и красивого юношу и избрал его в качестве зятя. Аскет, пользуясь отцовским правом, отдал за юношу свою дочь в ее отсутствие и определил для нее день проводов в дом супруга.

Сын отшельника меж тем приехал в какой-то город, и там ему понравился один юноша. Он, как велел ему отец, выдал за него свою сестру и назначил время вручения невесты на тот же день, что и отец.

Оставшаяся дома мать, которая также помнила завет мужа, нашла жениха, заключила с ним брачный союз дочери и указала, чтобы наряжать и провожать невесту, тот же день, что и отец и брат.

И вот, наконец, аскет, завершив все обряды хаджа, [285] вернулся домой. Сын также возвратился из поездки. Когда муж, жена и сын собрались вместе и поведали друг другу о своих решениях, они удивились и растерялись, пораженные совпадением случайностей и превратностями судьбы, стали винить себя за это и искать выход из столь запутанного положения.

Когда настала пора наряжать невесту и вести ее в дом жениха, все три жениха с дарами стали цитировать стихи, подобающие данному обстоятельству:

Ты сказала: когда роза и соловей станут влюбленной парой.
То я усну на твоей груди, словно букет роз.

Соловей стал рыдать, зацвели розы,
Я тебе напомнил о себе, более говорить не смею.

Отец девушки не знал, как ему быть. А трое женихов стали препираться и спорить из-за возлюбленной. Каждый считал себя правым и сверлил алмазом ресниц жемчужины слез. Один из них приводил ясные доказательства в свою пользу, другой возражал противнику убедительными свидетельствами, третий выступал против них с разящими доводами и пускал на ветер их притязания. А великие мужи по такому поводу сказали: «Источник со свежей водой привлекает толпы».

Как красавице укрыться от поклонников?
Как отвадить от лужайки разных птиц?

По городу распространился слух об этой распри, и народ стал собираться, чтобы поглазеть на спорщиков. Каждый, по мере своих знаний и ума, сообразно со своим рассудком и ученостью, приводил довод и высказывал мнение.

И вот, пока шел этот спор, по воле быстротечного времени, по волшебству круговорота месяцев и лет, девушку поразил удар, дыхание в груди у нее сперло, кровь замерла в жилах. И никто не ведал, что же с ней приключилось. Все решили, что ее постигла скоропостижная смерть или что ее укусила змея. Так что пир в доме аскета обернулся трауром. А отшельник, который выказывал большое горе, про себя был доволен, поскольку с него свалилось бремя распри и позора.

Деву поместили на похоронные носилки, вырыли ей могилу на кладбище. Вместе со всеми в погребальном шествии шли и женихи, скорбя и тоскуя. Они ни на миг не переставали рыдать и стенать, оплакивая покойную красавицу.

Благородные мужи посыпали головы прахом,
Девы разорвали рукава.
Из глаз лились кровавые слезы,
Раздавались жаркие стоны.

Когда то солнце красоты покрыли прахом, когда Юсуфа прелести опустили в могилу, когда куропатку сделали парой Анки небытия, все родные и друзья вернулись с кладбища, попросив извинения у женихов.

Настала пора миру, словно могиле грешников, потемнеть, как смола, а небу осветиться звездами, словно райский сад добродеющих. И тогда все трое юношей в тоске и скорби пришли к могиле девы, их стенания и рыдания поднялись до самых небес, они изнывали от тоски по луне, которую зарыли в яму, горевали и печалились из-за разлуки с любимой, каждый миг и каждый час сгорали в пламени отчаяния и умирали заживо.

У одного из женихов, чья любовь была сильнее, а страдания больше, не осталось сил терпеть разлуку, и он, чтобы хоть ненадолго утолить душевную тоску, вырыл драгоценную жемчужину из могилы, словно рубин из рудника, извлек ее из скорбной ямы, словно жемчужину из раковины, желая хоть на миг увидеть ее лицо.

Трое отчаявшихся юношей в скорби и горести взирали на деву, вздымая до самых небес рыдания, стенания и горестные клики. Один орошал саван кровавыми слезами, словно розовой водой, другой в тоске по ней глотал кровь сердца, словно шербет, у третьего от разлуки с ней душа горела, словно алоэ в кадьнице. Один из женихов был врачом. Когда он внимательно посмотрел в лицо сей смертной, то узрел в нем приметы и знаки жизни. Он коснулся пульса, проверил жилы и сообщил своим приятелям радостную весть:

– Эта луноликая красавица не умерла, просто у нее столбняк. Есть надежда, что она облачится в одеяния жизни. Но для лечения этого недуга требуется много труда и усилий, а само исцеление сопряжено с опасностью, ибо способ врачевания этой болезни далек от разума и не всякого живого можно вылечить.

– Что же это за лечение? – воскликнули его друзья. – Как его осуществить? Мы видели невесту мертвой. Быть может, она оживет ради нашего счастья.

– У того, кто болен этой болезнью, – ответил лекарь, – из-за чрезмерной влажности и холода, которые распространяются в верхних и нижних членах тела, возникает запыривание влаги, суставы и поры закупориваются, а от этого и природная теплота тела идет на убыль. Дыхание же, служащее первым признаком жизни, происходит так слабо, что его почти невозможно уловить. Короче говоря, лечат эту болезнь так: что есть силы бьют больного палками и плетями, пока в теле его не возникнет жар и не рассосутся закупорки. Если даже удастся одолеть недуг, то больной может умереть от ударов и побоев, нанесенных ему.

Тот юноша, который разрыл могилу, сказал:

– Я ни за что не могу согласиться на это, пусть лучше мне нанесут побои. Не позволю я бить ее нежное тело. Ведь недаром сказано:

Как назвать ту руку, что наносит палкой удар по лицу,
Которого боится коснуться даже лепесток розы?

– Хотя подобное лечение и предписано в медицинских книгах, – согласился лекарь, – однако и мне трудно выполнить такое предписание. Я ни за что не решусь на такое.

Третий юноша сказал:

– Раз есть надежда на жизнь, значит, можно согласиться и на лечение. Я берусь исполнить его.

С этими словами он взял в руки палку и ремень и стал хлестать по ее телу, подобному розовым лепесткам. Поскольку тело ее было нежным и мягким, от ударов грозного ремня оно вспухло как облако, стало небесно-голубого цвета. Под жгучими ударами стан ее источал капли крови, словно тучи в месяце нейсан. Хотя палка и ремень били по телу девушки, но боль отзывалась в сердцах и душах юношей. И каждый считал, что именно к нему относятся эти стихи:

Моя душа слилась с твоей душой воедино,
И все то, что причиняет тебе боль, больно и мне.

Мудрость Всеведающего определила так, что красавица пошевелилась, а спустя час пришла в себя, потеряла глаза и почувствовала, что вся она с головы до пят изранена и избита. Она стала расспрашивать о том, что с ней приключилось, выслушала то, что они поведали ей. Наконец на горизонте неба заблестала и засверкала белизна утра, словно свет из могилы святых мужей, а отражающая мир чаша солнца блеснула в пещере востока, словно Юнус из чрева кита.

Отец, мать и все родственники пришли на кладбище, узнали, что произошло, и были потрясены тем, что их дочь ожила. И тут снова разгорелся раздор между тремя юношами, вновь началась старая распря.

Тот, кто разрыл могилу, говорил:

– Она должна быть моей, ибо я вытащил ее, словно драгоценный камень из скалы, словно рубин из рудника. А лекарь и костоправ – только помощники, стараниями которых она ожила.

Лекарь заявил:

– Эта дева должна принадлежать мне, ибо я определил, что она не мертва, а жива, положил на это

немало труда. А этот, который вырыл ее, вовсе не думал оживить ее. Он ее извлек из могилы ради прихоти, вопреки предписаниям шариата. Костоправ же просто жестокий и бессердечный человек, который решился на избиение. Он ни в коей мере не может быть достоин красавицы.

Рассекающее орудие не годится для соединения.

Костоправ сказал:

– Красавицу следует отдать мне, ибо она ожила благодаря усилиям моих рук. Лекарь только определил болезнь, а другой вскрыл могилу, они лишь показали мне путь.

Все трое кричали и спорили, скребли ржавчину скорби напильником домогательств. Отец девушки, подавленный горем и невзгодами, читал в тоске и печали эти стихи:

Возлюбленная прекрасна, претендентов много.
О боже! Кому поведать эту повесть? Куда мне идти?

Когда спор и распря затянулись и дело дошло до того, что они готовы были сцепиться в драке, девушка подумала: «Мне не избавиться от них ни живой, ни мертвой. И никому из них невозможно отдать предпочтение. Но в мире у женщины бывает лишь один муж, так велит рассудок и разум, а иметь трех мужей мерзостно и гадко. И нет для меня лучшего исхода, как покончить с этой распрей, вовсе отказавшись от супружества, избрав себе уделом нишу михраба в келье отца, и таким образом красоваться на троне уединения, престоле одиночества вместе с духовными лицами. Супруг же у меня будет в ином мире».

Она решила так и отправилась в келью к отцу служить богу, скрыв прекрасный лик от мира и мирян. Полу своей добродетели она подобрала от скверны мирских вождений и стала спутницей отца в его отшельничестве и подвижничестве.

Юноши, видя, что девушка поступила не так, как они желали, что она избрала другой путь, волей-неволей покинули город и отправились по разным странам, тоскуя в разлуке с целомудренной девой.

Она же до последних дней жизни пребывала за завесой добродетели и целомудрия, уподобилась Рабие и Зубейде [\[286\]](#) своего времени.

Попугай закончил рассказ так:

– О Мах-Шакар! Мои опасения и тревоги как раз из-за того, чтобы не пришлось и тебе, как той праведной девице, оставить возлюбленного и предаться другому занятию.

Как только Мах-Шакар дослушала рассказ попугая, настало утро и заблестало солнце.

ПОВЕСТЬ о льве и его четырех везирах: павлине, куропатке, вороне и шакале

На двадцатую ночь, когда рыжий лев солнца, словно ворон, возвращающийся к ночи в гнездо, уполз с небес в чашу запада, когда из гнезда на востоке показались одеяния изящной куропаточки луны, похожие на хвост павлина, Мах-Шакар, облачившись, словно павлин, выступая, как куропатка, подошла к клетке сладкоречивого попугая, остановилась перед ней и стала спрашивать совета и разрешения пойти к возлюбленному.

Попугай наговорил много любезных слов и лести, рассыпал перлы красноречия, поцеловал прах в знак покорности, приложился челом повиновения к земле, а потом соловей его уст молвил так:

– На этот раз моя госпожа непременно должна пойти на свидание, чтобы узреть красоту любимого и лик утешителя, чтобы обрести свидание с ним и посеять в своей груди семена дружбы к нему. Ведь сказано:

Как прекрасно узреть лицо возлюбленной,
Взглянуть на жемчужину без изъянов, на розу без шипов.
Хотя ожидание – великое испытание,
Но коли за ним следует свидание, его легко перенести.
Хотя разлука с любимой длится долго,
Но коли за ней следует свидание, она утешает.

Но я, твой верный раб, хочу наказать тебе: возвращайся домой поскорее и не задерживайся, ибо чем больше ты будешь откладывать и затягивать, тем сильнее овладеет любовь твоим другом, тем более зрелой она будет. Если же ты проявишь поспешность в уговоре насчет новой встречи, если ты будешь приходить и уходить с той же легкостью, как ветер, то воистину любовь не будет серьезной, чувство не будет крепким. В любви, как в делах, следует соблюдать меру, придерживаться золотой середины, не надо притязать на чрезмерное, в особенности в таком важном деле, как любовь и свидание с возлюбленным, где нужно довольствоваться малым, и не мечтать о ежедневных свиданиях. А то как бы с тобой не приключилась беда, как с тем брахманом, у которого все было, а он погнался за большим и вверг себя в пучину бед и на ристалище гибели.

Мах-Шакар попросила попугая рассказать о том брахмане.

И попугай начал так:

Рассказ 37

В книгах народов Индии рассказывается, что в краю Гуджарат некий брахман сносил смиренно, как это положено с давних пор, лишения и произвол судьбы, небо не баловало его дарами и не проявляло милосердия. Когда десница бедствий обрушилась на брахмана, когда устремились к нему со всех сторон нищета и бедность, то бурный поток горестей, словно морские волны, подступил к его сердцу, твердому, как скала. Друзья, с которыми он занимался делами и коротал досуг, прежде окружавшие его, словно Плеяды, рассеялись, будто звезды Медведицы. А ведь недаром великие мужи сказали:

Ржавчину отчаяния отскабливают золотом.

А разговоры о ключах к дружбе и счастью, коли у человека нет золота и дара слова, нет денег и искренних друзей, это всего-навсего болтовня, суетловие и вздор.

Итак, когда дела брахмана обернулись подобным образом, он подумал: «Таковы дела в этом мире, такова природа неба: сначала дарует питье, а потом похмелье. Кому даровало голубое небо желаемое, чтобы не отобрать затем назад с оплеухой? Какому кипарису подарило оно высоту. Чтобы не послать вслед за тем погибель? И ведь существует поговорка: «Отстой достанется тому же, кто выпил чистое вино». Надо приучить сердце к невзгодам, а суму с припасами, которая завязана в этом краю, придется развязать в другой твердыне. Ведь собственное достоинство не позволит терпеть бедность и унижения, вкушая яд злорадства врагов, там, где прежде жилось в достатке и довольстве».

Бедный брахман поневоле распростился с семьей и родными и избрал судьбу странника по городам и весям. Днем и ночью устремлялся он вперед, двигаясь от одной стоянки к другой, минуя переход за переходом.

И вот однажды брахман оказался перед дремучим лесом и увидел там свирепого и грозного льва, который лежал у родника. Куропатка и павлин служили повелителю зверей везирами и выполняли любое его повеление. Брахман, увидев льва, сильно испугался и подумал: «Если повернуть назад, то лев погонится за мной. А если двинуться вперед, то это равносильно тому, чтобы добровольно броситься в пасть дракона или в лапы к беде». Бедняга от страха и боязни не смел ни вперед двинуться, ни назад отступить. И тут куропатка и павлин увидели брахмана и подумали: «Откуда взялся этот благородный муж? Было бы жаль, если бы сегодня, когда наш черед служить, пролилась кровь невинного человека. Поскольку мы служим повелителю как везиры и советники, нам не следует допускать, чтобы без причины лилась кровь, особенно кровь человека, который является украшением других живых существ и обладает жемчужиной мудрости. Если мы проявим небрежение и беспечность и не сумеем спасти его, то, воистину, нам будет стыдно в Судный день, нас постигнет за то возмездие». Не успел еще взор льва коснуться брахмана, не успела кровь бедняги кинуться ему в голову, как куропатка и павлин раскрыли, словно крылья, уста в славословии, превознесли до небес, как это свойственно птицам, его добродетели, говоря:

— Слава о совершенной справедливости царя распространилась по всем уголкам царства зверей и птиц, все они живут в благоденствии, благополучии и процветают. Слава о твоем милосердии и доброте достигла таких дальних краев, что даже род человеческий, облеченный даром творить чудеса, также препоясавшись на служение и повиновение нашему царю и пребывает в безопасности под сенью дворца твоего величия. Одно из многочисленных доказательств тому — этот брахман, который с великими надеждами и чаяниями прибыл к твоему высокому чертогу, дабы возжечь светильник вознесения молитв за твою державу. Он хочет также поднять в твоем присутствии знамя восхвалений и стяг славословий, однако от страха и боязни не смеет и не дерзает поцеловать прах у твоего престола и потому пребывает на

ногах. Не диво, если повелитель зверей озарит его благосклонностью, дарует безопасность и разрешит облобызать свои благословенные когти, – ведь величие владыки несравненно. Благодаря оказанной тобой милости и другие люди сделают твой дворец средоточием своих упований и надежд, все обитатели земли будут гордиться перед иными существами этой честью.

Лев был поражен красноречием своих везиров. Когда он увидел брахмана, в нем заговорила его звериная природа и хищная натура, однако речи и мысли везиров, рассчитанные на его милосердие, так укоренились в его уме, что он отринул от себя дурные мысли, отказался от намерения пролить кровь и приказал подвести к нему брахмана.

Павлин и куропатка подошли к тому словно благой вестник, который наставляет покойника перед тем, как к нему явятся Мункар и Накир,[\[287\]](#) обрадовали его доброй вестью и подвели к повелителю зверей. Брахман поцеловал перед львом землю, как это принято, дрожа и трепеща, возгласил назидания и наставления, отступил в сторону и остановился почтительно. Поскольку куропатка и павлин были добрыми и сведущими советниками, они не захотели, чтобы брахман вернулся от льва с пустыми руками, и доложили своему государю:

– Если пресветлый царь сочтет нужным, то можно было бы дать что-нибудь из царских сокровищ этому просителю.

Лев разрешил, и брахману указали на развалины, где содержались сокровища льва. Там были драгоценные ткани, кошель с монетами тех людей, которых лев сокрушил ударами лапы. Приказ был таков: «Возьми столько, сколько сможешь поднять. А потом ступай».

Брахман от обилия сокровищ растерялся, от радости руки и ноги перестали повиноваться ему. То он улыбался, словно роза, радуясь шафранному золоту, то, ликуя при виде жемчуга, проливал слезы, словно весенняя туча. То он, подобно нищим, прикрывал свою наготу различными одеяниями, то раскрывал, словно пасть льва, шкатулку с драгоценностями и застывал пред таким богатством в изумлении, словно горная куропатка. А от восторга, вызванного динарами и дирхемами, весь искрился, словно павлиний хвост.

Наконец брахман убедился, что больше того, что поднимет, не унесет, взял, сколько смог, драгоценных камней и вернулся к себе домой. За каждый проданный самоцвет он приносил домой кучу динаров и дирхемов и тем самым обеспечивал расходы по дому.

Таким образом, дела у брахмана пошли лучше, чем прежде, его семья и родные зажили спокойно благодаря его богатству. Брахман же перестал поклоняться идолам, отрекся от других заблуждений и постоянно повторял о себе эти стихи:

О ты, в чертоге которого осуществляются желания сердец!
Прах на голову тому, кто потерял надежду на тебя.

Так проходили дни. Но поскольку людьми повелевают жадность и алчность, семья стала понуждать его вновь отправиться ко льву и привезти оставшееся там золото и драгоценные камни.

Брахман по наущению глупой жены подверг свою жизнь губительной опасности и, хотя дома у него были несметные богатства, решил на новую поездку. Ведь передают же со слов Посланника – да благословит его Аллах, да приветствует – что «если бы у человека было два оврага, полных золота, то он возжелал бы третий. Ничто не насытит утробы сынов Адама, одна лишь земля».[\[288\]](#) Если бы эти слова не были истинны, то как бы он мог, будучи смертным, получить соизволение властелина разума вторично бросить себя в лапы беды и когти гибели после того, как в первый раз спасся от льва только благодаря похвальным качествам и доброму нраву сердобольных везиров, которые находились в те дни при царе

зверей?

Короче говоря, чрезмерная алчность и корыстолюбие застлали прахом око разума брахмана, закрыли бурьяном взор его знаний: «Твоя любовь к вещам делает тебя слепым и глухим».

И вот брахман помчался, словно неудержимый поток, в поисках богатства, подобного огню, любить которое все равно, что мерить ветер. Когда он явился ко льву, то оказалось, что в тот день службу везиров несли ворон и шакал, а куропатка и павлин отлучились куда-то. Как только везиры увидели брахмана, они, будучи злобными и коварными по натуре, находя удовольствие в том, чтобы губить людей, подползли ко льву и стали подстрекать его, говоря:

– До чего же дерзок и безрассуден этот человек! Ни страх, ни уважение перед царем не удержали его от прихода сюда. Как он мог проявить такую храбрость и беспечность и явиться на ковер повелителя? Несомненно, он пришел с каким-либо коварным замыслом, хотя он слабая и немощная тварь: «Человек сотворен слабым».[\[289\]](#) Во всяком случае, надо остерегаться его козней, надо проявить предупредительность и предосторожность, ибо орел обмана людей летает выше небесного льва, а дракон их ярости достигает до земных глубин.

От таких подстрекательских и злонамеренных речей, от ветра, который раздул их замыслы, пламя гнева льва разгорелось. Есть поговорка: «Волка надо шить учить, рвать-то он сам умеет».

К чему учить льва кровопролитию?
Острые когти – его лучший наставник.

Лев зарычал и собрался было прыгнуть на брахмана. Но тот догадался о его намерениях, прежде чем лев успел наброситься на него. Не видя при нем своих прежних покровителей, брахман проникся страхом и ужасом, держа жизнь свою на ладони, взобрался на дерево, которое росло поблизости, и оказался под защитой его ветвей. Лев уселся под деревом, а шакал стоял с ним рядом, ожидая, когда бедняга свалится с дерева. Ворон же вился вокруг него и клевал его в голову и руки. И шакал, и ворон проявили свою подлую природу, побуждая льва убить и растерзать брахмана. А бедный брахман втащил свои пожитки на дерево и прочно уселся на развилке. Ворон, словно облако дыма, летал вокруг дерева и передавал ему угрожающие приказы льва.

В это время прибыли добрые везиры, увидели брахмана в таком жалком положении, и павлин сказал куропатке:

– Посмотри, брат, алчность и страсть к приобретению сора мирского повергли этого человека в гибельную пропасть. Вдобавок к тому при царе сейчас эти подлые мерзавцы. Как бы мы ни усердствовали ради милосердия и снисхождения, они будут ухищряться в кознях и обмане. Мы покажем ему в зеркале справедливости красоту прощения и милости, а они, в свою очередь, представят лик коварства и кары.

– Да, все так и есть, как говорит мой брат, – согласилась куропатка. – Но, тем не менее, мы должны исполнить свой долг и стремиться утвердить правду добрыми советами и искренними пожеланиями.

Вдвоем они пришли ко льву с такими намерениями и поклонились до самой земли. Они наговорили много речей, восхваляя льва и вознося ему благодарности, а потом, между прочим, сказали:

– Да будет царь жить вечно! Как прекрасно, что этот брахман оказался благородным и честным рабом твоим. За те малые дары, которые получил от тебя, он наполнил весь мир славословиями о тебе. Он распространил по всем краям и пределам рассказы о твоей справедливости. А ныне он прибыл, чтобы о твоих похвальных деяниях и достославных качествах известить и птиц, сел на высокое дерево, свив себе гнездо, слагая там оды и вознося хвалы царю зверей.

Когда павлин и куропатка закончили речи, призывавшие к милости и добросердечию, душа льва

смягчилась и он отказался от намерения пролить кровь. Хотя шакал и ворон, согласно выражению «Каждый дарит то, что имеет», раздували крылом ссоры пламя гнева льва, но добронравные куропатка и павлин гасили его водой выражения «Воистину, добрые деяния уносят дела злые».[\[290\]](#) А ведь мудрецы сказали: «Мудрый везир своими добрыми советами и находчивостью оберегает от бесславия коварства и пороков хитрости честь повелителя и предотвращает пролитие крови невинного». А глупого советника отличает обратное. Дела многих царей приходили в упадок из-за слабости ума их везиров, тогда как дела других государей процветали благодаря наставлениям добрых советников, как говорят:

Если везир у шаха сострадательн.
То он будет разумным правителем и полководцем.
Если же везир не сведущ в науках,
То державе от него будет лишь урон.

Лев склонился к советам везиров-наставников, шакал и ворон, утраченные и посрамленные, с воплями отступили на свои места, а брахман здоровым и невредимым возвратился домой.

Окончив рассказ, попугай сказал:

– О Мах-Шакар! Все эти страхи и ужасы, которые пережил брахман, были из-за того, что он не удовлетворился богатствами, которые получил в первый раз, а отправился за большими. А суть моих наставлений и советов та, чтобы моя госпожа, осененная безопасностью, решилась отправиться в дом к возлюбленному и вовремя вернуться. Но она не должна стремиться к излишеству и не должна позволить недолговечной страсти возобладать над разумом. И нет более убедительного подтверждения о вреде стремления к излишеству, чем рассказ, который я поведал.

Мах-Шакар, хотя сначала слушала рассказ с живым вниманием, к концу, однако, заснула. Она еще дремала, когда белое яйцо утра появилось из-под черного крыла ворона ночи, а павлин солнца поднялся с востока. А Аллаху ведомо лучше всех!

ПОВЕСТЬ о зрении лугового нарцисса, о смехе откормленной птицы и о том, как надим Гольхандан смеялся в темнице

На двадцать первую ночь, когда золотые нарциссы солнца наполнили бутон уст запада золотыми опилками, когда серебряная птица луны прошествовала из гнезда востока в цветник неба, Мах-Шакар, словно весенняя роза или соловей на лужайке, полной тюльпанов, пришла к речистому попугаю и, как свежий цветок, возобновила просьбы о том, чтобы пойти к любимому, рассказала о своей тоске.

Попугай, видя, что ее причитания жалобны, что ее сердечные муки безжалостны, сильно испугался и огорчился, выказал покорность, поцеловал прах перед ней, стал усердствовать в поощрении ее, а затем сказал:

– Сейчас как раз самая подходящая пора и благословенное время. Если ты в этот момент, когда ворота к наслаждению открыты и обстоятельства благоприятствуют тебе, не обретишь долю свидания с возлюбленным и удел в наслаждении любимым, считай, что вся твоя драгоценная жизнь пройдет втуне, а пожнешь ты, в конце концов, лишь сожаление и раскаяние.

Мах-Шакар радовалась и ликовала таким речам и решила немедленно двинуться в путь. И тут попугай проявил озабоченность, стал тревожиться, беспокоиться и приступил к делу:

– Вот так, с добрым напутствием и следует тебе идти, выступая изящно и томно. Но, поскольку моя госпожа удостоила меня чести быть ее советником, оказав мне этим великую милость, ей следовало бы выслушать одно наставление и поступать согласно ему.

– Что бы ты ни велел и ни посоветовал, – отвечала Мах-Шакар, – я во всем буду следовать твоим заветам.

– Мой совет и наставление вот каковы, – сказал попугай. – Когда госпожа уединится с возлюбленным, когда вы наглядитесь друг на друга вдоволь, то тебе не следует проявлять пренебрежения в угождении и услужении. Если тебе придет что-нибудь на ум, сначала обдумай хорошенько, потом уж говори. Если любимый прибегнет к шутке или остроте, если он вздумает загадать тебе загадку, то отнесись к этому доброжелательно и со вниманием, выкажи искренний интерес. Не давай возлюбленному повода смеяться над тобой, как посмеялась жирная жареная птица над словами жены раджи.

Мах-Шакар удивилась такой диковине: ведь и живая птица не умеет смеяться, как же может смеяться жареная? Она стала расспрашивать попугая:

– А как это случилось?

И попугай ответил так.

Рассказ 38

В рассказах о чудесах повествуют, что в краю Сумнат^[291] царствовал мудрый и грозный раджа. Его государство было прочно, словно гора. Махараджи и раджи соседних стран прибывали в его дворец на поклон. Он благоденствовал, попирая врагов, в битвах сражался с неприятелем, на пирах веселился с друзьями. У раджи была жена по имени Наз-Чехр, с очами, как нарциссы, с ликом, подобным цветку жасмина, с подбородком, словно слиток серебра, с телом нежным, как лепестки розы. Бутон розы, завидуя ее крошечному ротуку, пытался свернуть лепестки туже, зерна граната напоминали о блеске ее зубов. В сердце красной розы колело острым шипом зависти, когда она видела ее щеки, а луна спешила по небу от одной стоянки к другой, возжаждал полюбоваться ее красотой.

Луна на небе отвешивала поклоны ее красоте,
Солнце изнывало, когда смотрело на нее.

Раджа любил жену всей душой. Он не мог прожить без нее ни минуты, а она была не в состоянии разлучиться с мужем хоть на миг.

У раджи был надим по имени Гольхандан, обладавший многими превосходными качествами. Садовник-творец так посадил побег его природы, что, когда это древо знания раскрывало бутон уст, чтобы засмеяться, изо рта вместо словес сыпались розы. Потому-то его и прозвали Гольхандан, что значит «смеющийся Цветами». Поговорка «Воистину, имена ниспосылаются небом» полностью относилась к нему. За свою службу у раджи он получил небольшую усадьбу с повелением жить там в свое удовольствие, но являться ко двору на празднества и приемы гостей, чтобы по высочайшему повелению украшать розами пиршественное собрание, чтобы розы его уст устилали пол в дворцовом зале.

Надим Гольхандан пребывал в своем домике с садом, словно роза в саду и соловей на склоне горы. Дни и ночи его проходили в покое, он играл на чанге наслаждения, скакал на коне страсти и играл в шахматы любви с красавицами, благоухающими розами, с локонами, как фиалки, с жасминоликими подругами, украшенными гиацинтами кудрей.

И вот в один прекрасный день ко двору прибыли красноречивые и сладкоустые послы от шаха Тамгаджа. Они привезли столько даров и подарков, что целомудренная земля забеременела от сей тяжести, а глаза вечно вращающегося неба повернули вспять.

Раджа велел устроить в честь послов прием, продолжавшийся семь дней по всем правилам пиршества, приказал вызвать надима Гольхандана, чтобы он осыпал гостей розами.

Когда приказ раджи дошел до Гольхандана, тот немедленно, прихватив сменного коня, поскакал в столицу для несения службы. По пути ему повстречался негр-дровосек, который, сбросив со спины вязанку хвороста, в упоении плясал, хлопал невпопад ладонями, напевая вороньим голосом. Надим удивился поведению негра, с любопытством приблизился к нему и воскликнул:

– Эй, пугало воронье! Что тебе вздумалось, такому черному с головы до пят, словно одетому в траур, подражать изящным танцам павлина и куропатки? Ведь здесь не слышно никакой музыки, от звуков которой ты мог бы так возликовать. А опытные мужи сказали: «Плясать без звуков флейты и тара,^[292] танцевать без мелодии мусикара^[293] такая же безвкусица, как ласки после соития или же питье воды после того, как съедены огурец или дыня». Негр, услышав насмешки и колкости надима, с которым не был знаком, ответил:

– О ходжа! Не вступай со мной в споры и пререкания, не укоряй меня за мои телодвижения, ибо сегодня у меня хорошо на душе и радостно на сердце и от избытка веселья я невольно приплясываю и

притоптываю.

Надим стал доискиваться причины его радости, и негр сказал в ответ:

– Между мной и женой Гольхандана, любимого надима раджи, существует любовная связь и сладостная близость. А надима вызвали во дворец, так что для меня выдался удачный случай. Сегодня ночью я отправлюсь к возлюбленной и утолю желание с тем кипарисом, подобным телом розе, прильну к ее груди, словно ожерелье.

Гольхандан выслушал от мерзкого негра эти горькие слова, совладал со своими чувствами и собрался с мыслями. Он решил тотчас вернуться домой, чтобы своими глазами удостовериться во всем.

Когда лик дня почернел, словно лицо негра или косы красавицы, когда заблистали на небе звезды, подобные зубам чернокожих и глазам красавиц, Гольхандан спрятался в укромном местечке. Негр меж тем улучил время и смешал черный вар с молоком и пепел с амброй. То, что видел надим, – тяжестью ложилось ему на сердце, но он не спешил наказывать и карать, а только повторял стих:

Если мир превратился в развалины,
То надо довольствоваться развалинами.

Но он решил дать им отсрочку, скрываясь в укрытии.

И вот на лице чернокожей ночи засверкали белые зубы утра, словно молния из-за туч, цветы жасмина в цветнике от утреннего ветерка засмеялись, словно утро. Надим, пораженный, огорченный и расстроенный, отправился во дворец раджи. Когда он прибыл, послы шаха Тамгаджа уже собрались, выложили привезенные диковинные подарки. А раджа показывал им все свои чудеса и редкости. Наконец он приказал Гольхандану рассыпать перед гостями розы. Надим пытался усилием воли исторгнуть из рта розы. Но, поскольку он был сильно огорчен и его сердце, словно оболочка розового бутона, разрывалось на части, он не смог даже улыбнуться. Не розы из уст он источал, а кровавые слезы из глаз:

Смех, который звучит не к месту,
Хуже тысячи рыданий.

Мудрецы изрекли немало слов насчет смеха, и вот некоторые из них, подтвержденные жизнью. Когда в душе человека бывает излишек радостных чувств, так что она переполняется ими и они ищут выхода наружу, а поры не могут выпустить их, то они прорываются через отверстие рта. Если веселых чувств немного, то их испарения вырываются в виде улыбки. Если их больше, то получается смех. А если этих чувств совсем много, то возникает хохот. А нередко случается и так, что веселье распространяется по членам и органам тела, так что в движение приходят руки и ноги и в результате происходит пляска и танец. Из всех живых существ смеяться способен лишь человек, это означает, что прочим тварям недоступно веселье. Прыжки и пляски негра были вызваны радостью по поводу предстоящего свидания.

Раджа был озадачен и смущен тем, что надим не выполнил его приказания в присутствии послов шаха Тамгаджа. Гнев раджи вспыхнул ярким пламенем, и он тотчас приказал бросить Гольхандана в подземелье.

Когда негр ночи показал свое лицо, когда звезды появились на небе, словно розы в саду, все люди разошлись по домам. Вот тут-то некий погонщик слонов подъехал на своем животном и, как было условлено заранее, остановился прямо под дворцовым балконом. Прошло немного времени, и жена раджи, разукрашенная и разнаряженная, вылезла через балкон, спустилась к нему. И погонщик прямо на спине слона овладел этой царской супругой, настиг добычу, словно гепард.

А Гольхандан из темницы под дворцовой стеной своими глазами видел этот блуд и разврат царицы и

погонщика, и ему стало легче на душе. Он сказал своему горестному сердцу:

Нет, ты не одиноко в несчастье!
Куда ни глянь, повсюду та же беда!..

Когда надим таким образом утешился немного и развеселился, он засмеялся, и темница оказалась засыпанной розами. Стражи немедленно доложили радже, что надим смеется. Раджа опять рассердился, но и удивился тоже. Он сказал присутствующим:

– Что за несчастное создание этот надим! То ли им овладело безумие, то ли счастье совсем отвернулось от него... Отчего иначе на пиршестве, где следовало смеяться, он стал плакать, а в темнице, где надо плакать, он стал смеяться?.. Это можно объяснить лишь тем, что он сошел с ума или же счастье оставило его. Ведь говорят же:

Плач в тысячу раз лучше
Смеха, который раздается некстати.

И раджа, решив, что надим одержим бесами, велел заковать его в кандалы, а на шею ему надеть цепь. Наилучшее одеяние для безумца – цепи. Надим пребывал в темнице, но никому не поведал своей тайны.

И вот однажды раджа пребывал в кругу семьи, старший стольник велел подавать всевозможные яства. В это время жена садовника, мерзавка, которая и свела Наз-Чехр с погонщиком слона, внесла в царские покои нарциссы. Наз-Чехр тотчас отвернулась, не желая смотреть на цветы. Раджа удивился такому поведению и стал спрашивать причину выказываемой женой неприязни к нарциссам. Наз-Чехр на это ответила:

– «Воистину, они похожи на око глазеющего», и я сразу смутилась. Они похожи на глаза мужчины, а ведь никто, кроме раджи, не должен видеть меня!

Как только жена раджи произнесла эти слова, жареная курица, что лежала на блюде, разразилась хохотом. Присутствующие были поражены этим и стали громко высказывать свое удивление, поскольку смеяться могут лишь те, кто наделен разумом, или же люди в помрачении ума. Однако если курица, к тому же жареная, смеется, то это великое чудо и диковина.

Наз-Чехр перестала есть и пить вино, тем самым давая понять, что, пока не выяснится причина смеха курицы, она не прикоснется к еде и питью. Раджа последовал ее примеру и созвал мудрецов и жрецов, расспрашивая одного за другим, что означает это явление, почему смеялась жареная курица. Весть об этом распространилась повсюду, всем стало известно о том странном смехе, но никто не мог разгадать его причины.

А у одного брахмана была малая дочь. Годами-то она была вроде совсем несмышлениш, но умом-разумом со взрослым тягаться могла. Мудрецы ведь сказали: «Сила и мощь разума таковы, что одним взглядом он может объять небеса до Луны, а другим – проникнуть в толщу Земли до самой Рыбы». Разум – это драгоценный камень, украшающий венец шахов. Так и зрачок, самый малый орган человека, на самом деле обеспечивает зрение!

И девочка сказала отцу:

– Отведи меня к радже, я объясню, почему курица смеялась.

Отец-брахман подивился высокому полету мысли дочери, ее сообразительности, но сказал:

– О малютка! Тебе впору еще о материнском молоке вспоминать, откуда тебе знать, почему смеялась

курица? Решить эту загадку так же трудно, как раздобыть птичье молоко.

У тебя еще молоко на губах не обсохло,
Откуда тебе знать, что такое живая вода?

Девочка на это ответила:

– О отец! Не суди по возрасту, а суди по такому назиданию: «Суть поучения – в значении его». Вспомни о муравье царя Сулеймана. Хоть пророк был велик и могуществен, ничтожный муравей дал ему столько советов и назиданий, что и не описать. Сулейман смиренно выслушал их и поступал в соответствии с ними. Да что тут распространяться, это ведь стало притчей во языцех.

Брахман, видя, что девочка говорит по всем правилам мудрости и красноречия, поцеловал ее в лоб и отправился вместе с ней к радже и его жене.

Во дворце девочка сначала поклонилась до земли и оказала государю и его супруге должные почести, а потом сказала:

– Объяснить, почему смеялась курица, – дело не простое, разглашение этой тайны приведет к неприятным последствиям. Хотя твоя ничтожная раба постигла эту тайну, осведомлена о сокровенном, но, тем не менее, было бы лучше тебе повернуть повод расспросов в другую сторону. Ведь постижение сокровенной сути событий и знание их конечного смысла влечет за собой пагубные последствия и приносит горькие плоды.

Наз-Чехр стала настаивать, объявила, что не успокоится, пока не узнает этой тайны, а девочка на это сказала:

– Я раскрою сокровенную причину того, почему смеялась курица. Но тебе не следует потом раскаиваться, лишившись всего, как это случилось с женой некоего брахмана.

– А как это произошло? – спросила Наз-Чехр.

Девочка ответила.

Рассказ 39

Рассказывают, что в одном городе жила жена брахмана. Ее красоте завидовали красавицы Чигиля, чарами она могла затмить вавилонских чародеев, ее лицо сверкало, как лампада кельи аскетов, ее брови были изогнуты, словно михраб в мечети правоверных. Она влюбилась всем сердцем в сына правителя, и его сердце тоже пленили ее локоны, подобные зуннару, птица его души попала в тенета ее кос.

И вот однажды брахман взял еды на дорогу и отправился в соседнюю деревню. Жена брахмана воспользовалась этим и назначила сыну эмира свидание на ту же ночь. Но по воле случая брахману в той местности было дурное предсказание. Жители тех мест называют это предзнаменованием, считают, что от доброго или дурного предзнаменования вся жизнь зависит. Конечно, для людей истинной веры, то есть ислама, это все пустое, не имеет никакого значения. А если иногда предсказание и оправдывается, то да будет тебе известно, что крики птиц и диких зверей тут ни при чем, это всего-навсего результат воображения, которое существует у человека. О воображении много написано в книгах, здесь не место пересказывать все это, поэтому я не стану этого делать. Итак, когда светлый мир стал темным, словно мускус, словно локоны и сердце жены брахмана, все вокруг омрачилось, словно помыслы индусов, брахман вернулся домой. Он рассказал о предзнаменовании, которое ему было в той деревне, а жена призадумалась над тем, что она не сумеет сдержать обещания, данного сыну эмира. Спустя некоторое время страсть возобладала над ней, запорошила прахом глаза ее совести, и она подожгла дом и вышла из дому как бы по воду. А возлюбленный ее уже явился на свидание. Он прождал некоторое время и, поскольку она запаздывала, вернулся в свой дом.

Бедная женщина, не найдя никого в условленном месте, наполнила кувшин водой и вернулась домой. А дом меж тем запылал, без хозяйки все добро сгорело и ничего не осталось, кроме пепла. Брахман только диву давался. Когда утро, подобно тому пожару, осветило темный мир, а светоч востока словно засверкал ярким пламенем, дом бедняги брахмана сгорел дотла.

Жена брахмана после этого раскаялась и стала корить себя за глупый поступок, так как она и свидания с любимым не достигла и всего добра лишилась.

Тут девочка обратилась к Наз-Чехр:

– Смотри же, не пожалей, подобно жене брахмана, когда раскроется тайна смеющейся курицы.

Наз-Чехр и все присутствующие удивились взрослым речам маленькой девочки и ее рассказу. Но Наз-Чехр, конечно, ни в чем не призналась и стояла на своем, раджа также приказал объяснить, в чем дело. И девочка продолжала:

– Пусть мне, низжайшей рабе, после того как я объясню, почему смеялась курица, будет даровано прощение. А еще пусть раджа прикажет освободить надима Гольхандана. ибо он лучше всех осведомлен о том, что случилось. Ведь Пророк велел: «Просите помощи в деле у тех, кто сведущ в нем». И раджа узнает, почему тот плакал на пиршестве и смеялся в темнице.

Раджа на это возразил:

– Надим с ума сошел. Какое имеет значение, где он плакал и где смеялся?

– Воистину, раджа прав, – отвечала девочка, – однако всем известна поговорка: «Душа моя, правде внимай даже от безумца».

По приказу раджи надима тотчас доставили в тронный зал и спросили, почему смеялась курица и почему он сам смеялся в темнице. Гольхандан отдал земной поклон, а потом сказал в стихах:

Выслушай мою историю, она удивительна:
Она вызовет у тебя и слезы, и смех.

И он сначала рассказал о своей жене и нечестивом негре, о том, как он зарыдал там, где следовало смеяться. А потом стал описывать, что произошло между Наз-Чехр и погонщиком слонов, и закончил так:

– Курица смеялась именно поэтому. Ведь коли дивно то, что смеется курица, да еще жареная, то куда удивительнее, что Наз-Чехр стесняется показать свой лик нарциссам, тогда как творила такое с погонщиком.

Когда раджа выслушал о тайнах обеих жен, он пораскинул умом и понял, что это все правда и объяснение смеха курицы именно таково. Он велел прежде всего выкрасить лицо жены надима в черный цвет, чтобы оно уподобилось лицу негра, выжечь ей на теле клеймо, а потом и негра и его любовницу сжечь на костре. Затем Наз-Чехр и погонщика скрутили вместе, словно вязанку дров, и бросили под ноги слону, избавив мир от их мерзости и скверны. А раджа с тех пор никогда не раскрывал уст в улыбке. Он и везиру запретил смеяться и сказал:

– Поскольку всевышний господь велел: «Пусть смеются мало и плачут много»,^[294] – зачем же людям поступать вопреки этому завету и смеяться чрезмерно? Ведь наказание за смех – только плач.

Смеялся ли день человек, не проплакав затем целый год?

Поэтому лучше воздерживаться от беспричинного смеха, отказаться от легкомысленного хохота. Ученые мужи сказали по этому поводу: «Пагубных последствий смеха много». ^[295] Приведу здесь вкратце четыре из них: во-первых, смех заставляет человека забыть о боге; во-вторых, он превращает живую душу в мертвое тело, как об этом сказал Пророк – да будет мир над ним: «Изобилие смеха убивает душу»; в-третьих, отцы шариата называют хохот великим грехом; в-четвертых, в чистых членах появляется нагноение. И что может быть мерзостнее того, что заставляет раба божьего ради одного смеха забыть бога, убивает его сердце, заставляет совершать великий грех и пречистое тело превращает в нечистое? Мужья истины сказали: «Тот, кто, подобно безумцам, много смеется, обретет больше камней отчаяния». Лицо утра, которое улыбается каждый день, в результате получает за это удар кинжалом от солнца и лишается возможности видеть красоту небесных дев. Бутон не успеет раскрыть уст в улыбке,^[296] как его превращают в розовую воду, и соловей поет ему на ухо повесть о скоротечности его жизни. Смех не к месту подобает лишь одержимым, их за это награждают темницей, кандалами, цепями, а дети забрасывают их камнями. За смехом молнии следуют тучи, а смеющийся лев просто болен лихорадкой.

Затем попугай закончил свой рассказ так:

– О Мах-Шакар! Цель моего рассказа такова: любимому надо служить так, чтобы никто не мог указать на тебя пальцем и посмеяться над тобой, как та курица.

Попугай не успел завершить свои речи, как уста утра от его слов раскрылись, словно роза на лужайке от утреннего ветерка, а лик солнца засверкал, словно лицо Мах-Шакар.

ПОВЕСТЬ о радже Бикрмакире и его жене Камджуй, о том, как рыбы засмеялись в ее присутствии, как мальчик Машалла, родившийся без отца, раскрыл тайну их смеха и как казнили восемьдесят четыре человека

На двадцать вторую ночь, когда стан мира сбросил с себя желтый халат блистающего солнца, когда лик неба, словно рыбьей чешуей, украсился дирхемами и динарами светил, Мах-Шакар нарядилась, точно золотая рыбка, приготовилась к свиданию с любимым, подошла к клетке, словно луна, плывущая по небу, и завела разговор с попугаем. Тот сначала оказал должные знаки внимания и почтения, воздал подобающую похвалу, а потом молвил:

– Ты так прекрасна, что луна годится тебе только в рабыни! Он расхвалил ее красоту и совершенство, а потом продолжал: – Госпожа моя так прелестна и нежна, стройна и красива, она сильно влюблена и страстно жаждет свидания. Но я не уверен, сможет ли возлюбленный оценить по достоинству такой дар божий. Представить себе не могу, каким образом он станет благодарить тебя за благословенный приход к нему.

Мах-Шакар, услышав такие речи попугая, еще больше захотела пойти на свидание, ее томление росло. Ведь говорят же: «Достаточно дуновения ветерка, чтобы распустился поутру бутон и в то же самое время от искры в степи занялся губительный пожар». И она вознамерилась отправиться туда немедленно и быстро, как бурный поток.

Попугай пожалел, что наговорил лишнего, и он повел иные речи:

– Хозяйка, конечно, должна на этот раз пойти к любимому, поведать другу свои сердечные терзания. Но сначала надо выслушать мой наказ и непременно следовать ему!

На это Мах-Шакар отвечала:

– Я ни за что не поступлюсь твоими заповедями.

– Совет мой таков, – продолжал попугай, – госпоже следует во что бы то ни стало скрывать свою любовь. Никто не должен видеть тебя, когда ты уходишь на свидание и когда возвращаешься. Бойся, чтобы тайна не раскрылась, как это было со смехом рыб. Ведь иначе она также станет притчей во языцех! Упаси

боже, если народ станет насмехаться, а недруги – злословить.

Мах-Шакар была поражена, слыша такие речи, она вся превратилась в слух, словно раковина, желая разузнать о том, как смеялись рыбы, и спросила:

– А как это случилось?

И попугай ответил.

Рассказ 40

В исторических сочинениях рассказывается, что в одном городе неподалеку от Тебриза жил на свете богатый купец. Его дом был полон всякого добра. Однажды купец шел куда-то под этим небосводом, похожим на чоуган, как вдруг увидел череп, который катился по земле словно мяч, а на челе его было начертано рукой судьбы: «Эта голова еще при жизни своей убьет восемьдесят четыре человека, а после смерти отправит следом за собою столько же».

Купцу запали в душу эти слова, и он призадумался: «Не диво, коли эта голова убила восемьдесят четыре человека при жизни. Может быть, ее обладатель был бесстрашным воином, уничтожившим на поле брани столько противников. Или, может, он был палачом, который по приказу правителя казнил столько людей. Но сейчас, когда это всего лишь истлевшие кости, как он может убивать людей?»

По наущению шайтана такая блажь втемяшилась в голову купцу, и он решил удостовериться в правдивости тех слов и увидеть воочию свершение написанного. Он принес череп домой, бросил в огонь, потом просеял его пепел, положил в шкатулку, а шкатулку – в небольшой сундучок, вручил его жене, наказав беречь и ни в коем случае не открывать сундучка.

Спустя несколько дней купец отправился в поездку по делам. Время шло. А у купца была двенадцатилетняя дочь. И вот однажды, увидев, что чулан отца остался без присмотра матери и слуг, она отомкнула сундук, любопытствуя, почему отец запретил прикасаться к нему. Но она ничего не нашла там, кроме пепла, взяла шепотку, пососала ее, словно соль, а потом снова закрыла сундук на замок. И в тот же миг она зачала, как в свое время зачала Ису Марьям. [\[297\]](#) Спустя некоторое время появились все приметы беременности, и мать стала расспрашивать ее. Дочери ничего не оставалось, как рассказать матери всю правду.

Спустя девять месяцев у нее родился сын, красивый лицом, со светлым челом. Его нарекли Машаллой. Мальчик рос и набирался сил, а кормилица судьбы поила его молоком благоволения.

Хотя мать и дочь скрывали от людей тайну рождения ребенка и называли его господским сыном, тем не менее, о том пошла молва, распространились слухи. Один говорил другому, тот передавал третьему, этот скрывал, другой распространял, ведь есть же поговорка «Добро и зло в тайне не остаются».

Спустя семь лет вернулся домой купец, и вся родня, дальняя и близкая, собралась повидаться с ним. Был там и ребенок. Купец стал расспрашивать каждого, не делая различия между взрослыми и малолетними. Когда дошла очередь до ребенка, все смешались, стали переглядываться, не отвечая внятно. Купец разгневался и стал настаивать, и ему сказали так:

– Об этом ребенке поведает тебе жена с глазу на глаз. Тут кроется какая-то тайна, и сейчас не время разъяснять ее.

Купец был сообразительный человек, он не стал настаивать и вскоре удалился в свои покои. И первыми его словами к жене был вопрос о ребенке. Она рассказала ему все в подробностях. Купец поник головой и постиг тайну, расстроился и огорчился, подумав: «Тот, кто не отверз сердце и душу для божественной мудрости, не окунулся в родник признания ее, кто любопытства ради стал противоречить божественной воле, тот, воистину, отринул веру и повиновение, и в Судный день ему предстоит сгорать от жажды на адском огне. А наказание его в миру будет таково: я опозорен среди людей из-за этого ребенка. Разве этого мало? Да еще придется взять на свою шею кровь восьмидесяти четырех человек!..»

Стали ребенка растить и воспитывать. Купец видел на его челе приметы благородства и величия души, замечал, что уже в юном возрасте он совершает подвиги.

И вот вскорости в тот город прибыли морем заморские купцы с тканями и другими товарами. Привезли они и множество драгоценностей. Купец купил у них девять драгоценных жемчужин и уплатил девять тысяч динаров. Он принес их домой и стал показывать знатокам. Как раз в этот момент к деду вошел Машалла и, как только увидел в руках у него жемчуга, сказал:

– Две из девяти поддельные! Лучше бы тебе вернуть их.

Купец закричал на него:

– Откуда ты знаешь? Столько знатоков смотрели их, признали настоящими и драгоценными, оценили по достоинству. Ты же ребенок, тебе не следует вмешиваться в дела взрослых. Ведь говорят:

Бутыль, хоть в ней и бурлит воздух,
Не может изречь драгоценного слова.

Разве ты не слышал притчу о лягушке и жемчужине? Машалла ответил:

– Пусть мой господин соблаговолит отвести меня к этим купцам, и я докажу делом свои слова, приведу нужные доводы и закрою им путь отступления доказательствами и примерами.

Купец и раньше убеждался в уме и сообразительности внука, он понимал, что бог, который исторг младенца из чрева матери, не прибегая к помощи чресел отца, сможет одарить семилетнего ребенка способностью распознавать драгоценные камни и различать подлинные от поддельных.

Он повел мальчика к торговцам и вернул им обе поддельные жемчужины. Те пришли в сильный гнев и воскликнули:

– Эй, купец! Не поступай так и не порочь своего имени среди купцов! В этом году еще не добывали таких отменных жемчугов.

Купец сослался на мнение мальчика, и купцы разошлись пуще прежнего. Но Машалла попросил нож и отделил искусно наложенную эмаль, под которой была киноварь, которая светится изнутри, оттого и жемчужины эти казались лучше других. В результате вместо двух жемчужин стало четыре, а все торговцы и купцы прикусили пальцы, выражая удивление сообразительностью и сметливостью мальчика. Они стали расспрашивать о нем купца, и тот ответил:

– Это сын моего раба.

Купцы возжелали заполучить этого мальчика, они стали предлагать за него деду все, что он захочет. А сами промеж себя говорили в стихах:

Все доброе, какое есть, надо продать,
Чтобы купить такой ясный месяц!

Но купец отказывался. И тогда Машалла тайком сказал на ухо деду:

– Тебе лучше продать меня. Я приобрету опыт странствий, а ты избавишься от попреков насчет незаконнорожденного. Ведь каждый раз, когда люди видят меня в твоём доме, они злословят, впадая в грех.

Купцу слова его любимца показались мудрыми. Он взял с иноземцев невысокую плату согласно выражению «Продали за малые деньги, за несколько дирхемов», а вырученные деньги отдал внуку.

Купцы очень обрадовались ребенку, так как обрели бесценный дар, и вернулись в родную страну. Когда они прибыли домой, то сказали родным и близким:

– Приятная весть![\[298\]](#) Этого мальчика приобрели в качестве товара. Быть может, он будет полезен

нам, или же мы усыновим его.

И они стали воспитывать Машаллу, холить и лелеять, словно своего сына. Во всех важных делах они прибегали к помощи его ума и сообразительности. А Машалла с каждым днем становился мудрее и умнее, красноречивее и учтивее.

И вот в один прекрасный день Бикрмакир, который был правителем той страны, пожелал уединиться со своей женой Камджуй. У раджи было еще восемьдесят три жены, но Камджуй он любил больше прочих. Бикрмакир был охоч до радостей жизни, он велел воздвигнуть в четырех различных местностях дворцы и обители отдохновения. Весенней порой он уединялся в Садовом дворце, а в летние месяцы он поселялся в Островном дворце. В период дождей он жил в Горном дворце. А когда сыпал снег в месяце дей, он отправлялся в Подземный дворец. В этих дворцах он наслаждался с Камджуй, дни и ночи пребывая в веселье и радости.

В один прекрасный день, когда в мире были открыты врата наслаждения и неги, а двери бед и напастей заперты, Бикрмакир уединился с Камджуй и восседал в шатрах величия. Какой-то рыбак принес в дар ему несколько диковин с рыбьим телом и человеческой головой. Бикрмакир подивился странным рыбам. Наполнили водой таз, бросили рыб туда, и раджа настолько отдался лицемерию, что совсем позабыл о забавах с Камджуй. А Камджуй меж тем отвернулась и повелела повесить между ней и рыбами завесу. Раджа удивился такому поступку и спросил, чем он вызван. Она ответила:

– Ведь рыбы живые! Возможно, среди них есть и самцы. А если самец взглянет на меня, случится грех. Ведь женщина должна показывать лицо только мужу.

Не успела Камджуй произнести эти слова, как все рыбы разинули рты, захохотали и снова умолкли. Бикрмакир вскочил, а Камджуй так изумилась, что перестала есть и спать, пока не выяснится, почему смеялись рыбы. Бикрмакир сказал:

– Смех рыб – это настоящее чудо, ведь они – бессловесные твари, лишенные даже способности реветь или свистеть, как другие животные. Как же они могут смеяться? К тому же смех – это признак радости или удивления. Чему радоваться рыбе, у которой в утробе столько шипов? Да и у нас здесь ничего смешного не произошло, чтобы можно было смеяться.

Камджуй онемела, словно рыба, а Бикрмакир приказал провозгласить в городе, что тому, кто разгадает, почему смеялись рыбы, будет выдано большое вознаграждение.

Семь дней глашатай возвещал этот призыв, но никто не дерзал выступить и разрешить сей вопрос. Когда все мудрецы, ученые, брахманы и жрецы отступились от решения загадки, то Машалла, тоже прослышавший об этом, отправился к радже. Он поцеловал землю перед тронem и пообещал дать подробный ответ. Но не пожелал делать это во всеуслышание и намекнул радже, чтобы тот выслушал его наедине, ведь недаром великие мужи сложили поговорку «Мудрому достаточно и намек». Потом он заговорил:

– Да продлится жизнь раджи столько лет, сколько рыб в море! Да будет тебе известно, что не без причины рыбы смеялись, ибо смех рыб – все равно, что цветение роз. Ведь бутон, который носит в сердце муки от шипа и сносит гнет ветра, только по своему добронравию скрывает, смеясь, страдания от людей и таит их в сердце. Рыба, грудь которой томят муки игл, а тело подвергается ударам волн, также скрывает боль и смеется, словно роза. И если роза распускается от утреннего ветерка, то не диво, что и рыба, подобно розе, раскроет уста в улыбке от благоухания пленительных кос. Следовательно, смех и розы и рыбы – не такое уж большое чудо. И поскольку роза носит в своих объятиях золото, а рыба – серебро, то и та и другая ликуют. И если кто-либо будет смеяться от чрезмерной радости из-за обилия золота, богатства и серебра, динаров и дирхемов, то в этом нет ничего удивительного.

Машалла рассыпал множество подобных присказок и примеров, но раджа и его жена не могли постичь смысла его слов, понять сокровенного значения его речей. И Камджуй сказала:

– Все, что ты молвил, суесловие и болтовня, и я не вижу смысла в твоих словах. Объясни-ка подробно и обстоятельно, почему же смеялись рыбы.

Машалла, видя, что Камджуй не обладает сообразительностью и находчивостью, что она не приемлет назиданий, стал излагать мысли чуточку яснее и сказал:

– Что ж, я объясню, почему они смеялись, но лучше бы госпоже не просить меня об этом, подавить любопытство, дабы не раскаться и не пожалеть, как это случилось с женой бакалейщика.

– А как это вышло? – спросила Камджуй, и Машалла начал рассказывать.

Рассказ 41

Однажды некий бакалейщик разорился, на весах его счастья чаша невзгод перевесила чашу удачи, в кармане у него не осталось ни гроша. Ведь говорят: «Кроме всевышнего и всевеликого бога никто не пребудет неизменным, никакое счастье не может быть вечным».

Мир полон чередующихся превратностей,
Которые обитают среди людей словно беглые тени.

* * *

Невозможно всегда есть один только сахар.
Порой пьешь чистое вино, порой – осадок.
В этом черном, как эбен, сандаловом дворце
То траур случается, то свадьба.

И если бы дела в мире шли по-иному, то вообще не было бы миропорядка. Господь – да возвысится его величие, да умножатся его дары – как и надлежит, своей совершенной мудростью содержит мир именно на этой основе, а невежды и ограниченные мужи не могут постичь этого.

Итак, бедный бакалейщик из-за нужды и лишений стал дровосеком, так как у него не было другого ремесла, чтобы прокормить свою семью.

И вот в один прекрасный день он ударил острым топором по дереву, чтобы заработать на хлеб насущный. А в том дереве обитал джинн, он заговорил с бакалейщиком.

– Что за радость тебе валить это дерево? – сказал джинн. – Если ты избрал такое ремесло от нужды, то приходи каждый день сюда и забирай из-под дерева двадцать динаров. Но никому не говори об этом ни слова, а то не видать тебе более этих денег.

Дровосек бросил свое новое ремесло, ежедневно ходил к дереву и уносил эту малую толику, обеспечивая тем расходы по дому. В скором времени у него накопился капиталец, дела его пошли на лад.

И вот в один прекрасный день жена пристала к нему, откуда, мол, у тебя деньги. Хотя бакалейщик и знал, что стоит ему разгласить тайну, и он тут же лишится денег, он не смог устоять перед женой и рассказал ей все, чтобы угодить.

Когда на другой день бывший бакалейщик пришел к дереву, то не нашел ни динаров, ни дирхемов. Он вернулся домой опечаленный и грустный и поведал жене обо всем, а она сильно раскаялась.

Затем Машалла сказал:

– О Камджуй! Как бы и тебе не пришлось раскаяться!

Но Камджуй не постигла смысла и этой притчи, по-прежнему продолжала стоять на своем и настойчиво требовала объяснить, почему смеялись рыбы, не ведая о грозящем позоре и о том, что она станет притчей во языцех. А Машалла отвечал ей:

– Еще есть время. Если ты откажешься от неуместного любопытства, будет лучше. Ведь говорят же: «Все, что раскрыто, уже не прикрыть». Вспомни о розе: когда с ее лика снимают покров, то прикрыть его ничем невозможно. Точно так же, когда раскрываются уста утра, то их уже невозможно смежить. Откажись от своего вопроса, не спрашивай меня. Как бы тебе не пришлось пожалеть, как сожалела мать распутной

женщины. Да только поздно будет.

– Расскажи-ка мне, как это случилось, – велела Камджуй, и Машалла стал рассказывать.

Рассказ 42

Был в одном городе брахман. Сын его достиг совершеннолетия, но жил на средства отца. И вот однажды ночью он подумал: «Доколь перебиваться на заработки отца? Доколь довольствоваться малым и малодушествовать? Ведь говорят же:

Довольство малым считай низостью.
Кто осмелился назвать алчностью твои высокие помыслы?»

Когда настал день, эти мысли уже укоренились в его сердце, и он попросил у отца дозволения отправиться в странствие. Он миновал деревни и крепости, селения и города. И вот в один прекрасный день пришел он к развалинам и увидел там келью отшельника. Он вошел в келью и стал служить отшельнику. Надо отметить, что бог исполнял любые просьбы отшельника, и путешественник зажил припеваючи. Отшельник же знал, о чем он думает, и вознес богу мольбу, чтобы пришелец разбогател. Отшельник вручил ему кошелек с монетами. Сколько бы ни тратили из того кошелька, деньги в нем не убывали. Отшельник только взял с него слово, что он никому не откроет этой тайны, не похвастается ни перед кем, не то кошелек опустеет, и он лишится этого блага.

Сын брахмана, ликуя и с набитым монетами кошельком, вернулся домой. Он закрыл врата скорби и отчаяния и ступил на путь радости и беспечности. Прежние враги стали друзьями, а друзья превратились в неразлучных спутников. Одним словом, вокруг него стали виться дурные товарищи и корыстные приятели. И вот дружба с недостойными завершилась тем, что сын брахмана влюбился в распутную девку. Любовь его разгоралась с каждым днем, соблазн не утихал, а разрастался и усиливался с каждым мигмом. Ведь ученые мужи сказали: «Хотя золото в некоторых случаях служит средством достижения благ и желаемого, однако по большей части оно приводит к пагубным последствиям, так что некоторые великие мужи нарекли его «матерью мерзостей», ибо от него происходит множество дурного, оно порождает великое зло, как об этом сказал поэт:

Если бы не было его, то не отрубали бы руку вору,
То не творил бы произвола разбойник,
И не стал бы жаться скупец перед расточителем,
И не стал бы жадный жаловаться на вора».

Одним словом, кошелек его совсем не закрывался, он не ограничивал себя в расходах, предавался расточительству и пустым тратам. Ведь говорят же: «Все, что наполнено сверх меры, лопается».

И вот однажды мать распутной девки, с которой связался сын брахмана, посоветовала дочери разузнать источник широких трат любовника. И та среди ночи, пьяная, не владея собой, во время лобзаний и объятий, когда человек теряет повод самообладания, стала спрашивать его. Сын брахмана по неведению открылся. Вскоре мать и дочь, сговорившись, коварно похитили у него кошелек.

Настал день, но у сына брахмана уже не было кошелька, хотя и коварным женщинам он тоже не достался. Бедняга, встревоженный и смущенный, побежал к келье, но отшельника и след простыл. А распутная девка, которая каждый день черпала серебряные монеты пригоршнями, лишилась всего и впала в отчаяние, сожалея и раскаиваясь, проклиная себя за свои вопросы.

Машалла так закончил свое повествование:

– Как бы и тебе не пришлось раскаяться, как той распутной девке!

Но Камджуй и эту притчу не приняла на свой счет и сказала:

– Нет, клянусь Аллахом! Расскажи мне скорей, почему смеялись рыбы.

Машалле ничего не оставалось, как возвестить истину, и он начал говорить:

– Радже следует отправиться в свой гарем и по очереди раздеть всех жен, и тогда ему станет ясна причина этого смеха.

Раджа отправился к женам и заставил всех их раздеться. И оказался среди них прекрасный восемнадцатилетний юноша в женском платье! Все они грешили с ним. Раджа приказал утопить, словно рыб, Камджуй вместе с восьмьюдесятью тремя другими женами, так что предсказание на черепахе о том, что он погубит восемьдесят четыре человека, осуществилось, а история об этом пошла гулять по всему свету. Тогда раджа обратился к Машалле и спросил:

– Как ты разузнал об этом и как догадался?

– Все дело в том, – отвечал Машалла, – что Камджуй отвратила взор от рыб, а они засмеялись, поскольку тот, кто истинно добродетелен и чист, не станет так лицемерить и скрываться от рыб и птиц.

– О Мах-Шакар! – закончил свои речи попугай, – цель моего рассказа, чтобы твоя любовь не стала притчей во языцах, не раскрылась, как причина смеха тех рыб, и не стала бы всеобщей молвой.

Когда попугай завершил рассказ о том, как смеялись рыбы, на востоке заблестало рыбьей чешуей солнце.

ПОВЕСТЬ о шахе Джамаспе и его жене Махнуш, о том, как попугай и его самка вели речи в их присутствии в похвалу мужей и жен и в порицание их

На двадцать третью ночь, когда золотой меч солнца вложили в ножны запада, когда серебряный щит луны вынули из чехла востока, Мах-Шакар украсила лицо, словно солнце, а брови, как полумесяц, румянами и басмой, облачилась в пленительные одежды, испила чашу неги и пришла к попугаю, чтобы испросить дозволения отправиться к возлюбленному. Она, как и в прошлые ночи, стала повествовать о своей любви и страсти. Попугай исполнил обряд уважения, стал утешать ее, выказал искреннее расположение, проявил дружелюбие, почтительность и преданность, а потом сказал:

– О госпожа моя! Твой любимый уже давно дожидается тебя, а твои обещания уже зашли за предел. На этот раз тебе надлежит идти к любимому без всяких отговорок, дабы повиноваться ему и обрести без промедления и отсрочки счастье свидания с ним. Но, к сожалению, у твоего нижайшего раба сегодня приключилась беда, меня огорчает одно обстоятельство. Если госпожа моя – да продлится ее жизнь, да увеличится ее краса – по своему великодушию развяжет в моем сердце этот тугой узел, это будет милосердием по отношению к верному слуге. Ведь твой преданный раб наделен умом и сообразительностью, отличается разумностью и толковостью.

– В чем же твоя беда и каково твое затруднение? – спросила Мах-Шакар. – Говори же, чтобы я помогла тебе, насколько это в моих силах и возможностях.

– Я слышал такую историю от друга, который дышал верностью и шагал по стезе дружбы, – отвечал попугай.

Рассказ 43

Однажды между попугаем и его самкой случился спор. Попугай превозносил мужей и поносил жен, а самка восхваляла женщин и хулила мужей. Но так и не выяснилось, кто же из них был прав, и кто ошибался, кто говорил правду и кто уклонялся от нее.

– А как проходил спор между ними? – спросила Мах-Шакар. – Расскажи мне.

– От своего доброго друга я слышал, – начал попугай, – что в окрестностях Мадаина жил падишах по имени Джамасп. Он владел огромным царством и обширным государством. Умом он был стар, а счастьем юн, его дворец был полон красавицами-рабынями и пленительными невольницами. Однако он ни с кем не сочетался законным браком, новобрачная еще ни разу не взошла на ложе его счастья. Он хотел ввести в свои царственные покои дочь властителя, который был бы равен ему властью и владениями, чтобы тем самым нанизать на нить бракосочетания царственную жемчужину, вдеть ее в ожерелье супружества.

В таких мыслях шах Джамасп коротал дни и ночи. А во дворце у него был говорящий попугай, доставшийся ему от покойного отца. Он был очень искусен и умел в беседах и разговорах. Падишах однажды спросил его:

– Ты многие годы летал в странах и областях Индостана, пребывал во дворцах, домах и эйванах тамошних царей. Видал ли ты где-нибудь невесту, достойную меня? Или, может быть, слышал от собратьев описание красавицы, подходящей мне в супруги, дабы служить украшением моих покоев?

Попугай после подобающих славословий и приличествующих извинений сказал:

– Равного тебе падишаха не было и нет во всей вселенной, подобного тебе властелина не будет в роде людском, если только не говорить о царе страны Шам. Его владения не менее обширны, чем твои, и слуг и сокровищ у него не меньше. А уж справедливость и милосердие его описать невозможно – так и кажется, что он позаимствовал этот обычай у тебя. Стремление к насилию и угнетению, как и кинжал, нацеленный против твоего счастья, он стер со скрижалей своей страны:

Так благоденствует страна благодаря шаху,
Что даже на дорогах не увидишь колючек.
От вечера и до утра наш властелин вкушает
Лишь радость пиршеств и веселье охоты.

У этого царя есть дочь по имени Махнуш. Она стройна, как кипарис, щеки ее – жасмин, ротик – бутон розы, подбородок – слиток серебра. Она подобна зарослям сахарного тростника, весеннему саду, в котором гранаты изнывают от стыда перед ее щеками, где родниковая вода от смущения перед ее свежестью скрылась на самое дно источника. То сердце земли покрывалось прахом зависти к ее кротости, то ветер, стремясь вкусить ее благоухание, странствовал по горизонтам запада и востока.

Лицо ее – словно деяния добрых мужей,
Волосы – словно черная книга грешников.
Взоры ее – надежда Хизра на живую воду,
Которой он мечтает помочь страждущим.

Если царю нужна служанка для его внутренних покоев, то нет красавицы прелестнее ее. Если властелин жаждет ту, чьи сладостны уста, то нет чаровницы пленительней той Азры.^[299] Ведь она и красива, и совершенна, и томна, и кокетлива, и лицо у нее, словно луна, и брови – словно молодой месяц.

Она – пальма, плоды которой

Достойны только шахского дворца.
Если Сулейман поставил тенета для Билкис, [300]
То этот перстень будет уместен на твоей руке.

Той царевне служит, как и я твоему величеству, самка попугая, наделенная искусством вести беседы и рассыпать сахар слов. Она помнит несметное количество рассказов и преданий и постоянно пребывает в покоех кумира в качестве собеседника и надима. Долгие годы самка и я проводили время вместе в садах Ирема, [301] на прекрасных лужайках, напевая мелодии и песни. Но из-за превратностей судьбы и произвола времени мы разлучились, и невзгоды забросили ее в ту страну, а меня – в твои владения.

Мы были парой голубок в чаще,
Наслаждаясь радостями и молодостью.
Настигла нас судьба и разлучила.
Воистину, судьба – разлучительница влюбленных.

Хотя мы долгое время были вместе и я очень привязался к ней, однако я еще не успел ухватиться за полу любовной близости с ней, соловей моей природы еще не вдохнул аромата единения. Быть может, рука судьбы предначертала на скрижали событий, что, когда та царевна удостоится чести поцеловать твой благословенный порог, будет озарена твоим счастливым взором, будет нанизана на нить прочих твоих служанок и вдета в ожерелье других наложниц, то и твой верный раб также удостоится счастья свидания с возлюбленной и навсегда поселится с ней в одной клетке.

Падишаху слова попугая безмерно понравились, и он одобрил его просьбу. Затем он немедленно отправил красноречивых мудрецов и искусных посланников, вручив меч просьбы, со словами: «Падишахи считают меч своим заместителем». Иными словами, хотя падишах и раздает в качестве даров царские жемчуга, меч в любом случае обладает жемчужным блеском. Если падишах в пылу гнева лишает жизни храбрецов, то меч во время битвы и сечи рубит головы насильников. Если падишах мощью своей десницы и мечом сражается с врагами, то этот меч в его руках проливает кровь противника. Если падишах смеется на пиру, то рассыпает золото, словно владеющее кинжалом солнце и весенняя роза. Если меч рыдает в сражении, то он, словно дождевая туча и глаза плачущего, сыплет лалами и яхонтами. Если падишах своими велениями различает правду от неправды, то мудрец зовет меч средством вынесения решений.

Одним словом, посланцы с языками, как мечи, двинулись в путь, вооружившись мечами, острыми, как язык. После долгого пути, на котором было много стоянок и переходов, они прибыли к падишаху Шама. Они вручили дары, предназначенные невесте, и исполнили все обряды, полагающиеся при сватовстве. Царь обрадовался всей душой посланию шаха Джамаспа, стал с гордостью рассказывать своим приближенным и родным о сватовстве. Он счел, что устои его державы и законы его власти укрепятся благодаря союзу. Затем он отправил к Джамаспу дочь с огромным приданым, с сокровищами и богатствами, с блестящим мечом.

По первому приказу сочетались счастье и трон,
Целый мир сокровищ и богатств.
Я вел сто верблюдов с грузом рубинов и жемчугов,
Сто верблюдов, навьюченных драгоценными ларцами.
Золота, серебра и всяких драгоценностей – сто караванов,
А тюков разноцветных тканей – и того больше.
Вот так в новом блеске и красе
Явился на свадьбу царскую весь мир.

А самка попугая неотлучно пребывала при царевне, та очень любила ее, заснуть без нее не могла. Когда невеста вскорости прибыла к падишаху, когда Солнце вступило в знак Луны, [302] то все жители

страны, ликуя, облачились в одеяния радости, подданные полной чашей испили благую весть. Базар духа вновь пришел в оживление, дела его пошли на лад, а рать горя и скорби потерпела поражение и обратилась в бегство. Приготовили все, что нужно для счастья и веселья, судьба стала взирать на властелина благоговейно и благосклонно.

Затем прекрасную невесту сочетали узами брака с добродетельным шахом. После того как их осыпали золотыми монетами и драгоценными камнями, оба счастливица воссели на трон соединения, перебирая жемчужины этих стихов:

О господи! Кому на свете выпало такое счастье, как у нас?
О господи! Кто в мире вкушал покой, как у нас?

Когда прошло несколько дней и истекло несколько кругов взаимного наслаждения, попугай улучил момент, выбрал подходящее время и напомнил об обещании, данном ему шахом. А падишах, чтобы исполнить клятву и сдержать слово, согласно хадису: «Великодушный муж, если – обещает, то верен обещанию», рассказал Махнуш о том, что попугай указал ему путь к ней, сочетал попугая с самкой, которая была в давние времена его другом и спутницей, и поселил их в одной клетке, которую поместили во внутренних покоях падишаха, так что попугай и самка благодаря счастью падишаха и Махнуш также обрели собственное счастье и увидели в зеркале красы лик исполненной надежды. Птицы стали петь эту песнь:

Нет в мире для нас мига счастливее этого,
Ибо не думаем о добре и зле и не страшимся никого.

Падишах и новобрачная меж тем покоились на ложе неги и в покоях уединения, а попугай и самка в обществе друг друга снимали с зеркала сердца ржавчину старой печали.

В один прекрасный день две мудрые птицы затеяли спор о верности мужчин и коварстве женщин, о легкомыслии мужчин и добродетели женщин. Попугай превозносил мужчин и поносил женщин в красноречивых цветистых выражениях, а самка хвалила жен и хулила мужчин. Весь этот спор слышали шах Джамасп и его супруга Махнуш, они с любопытством и удивлением внимали их словам. Наконец самка сказала:

– Мужчины состоят сплошь из коварства и неверности, им неведомы жалость и снисхождение, они очень глупы и ничуть не великодушны. Об этом существует много рассказов, хотя бы рассказ о купеческом сыне Манучехре из Камру и его жене Фарангис, о том, как он скверно обошелся с бедной женой, хотя она и лелеяла жестокого мужа.

– Как это случилось? – спросил попугай, и самка начала.

Рассказ 44

Рассказывают, что в городе Камру у одного купца был сын по имени Манучехр. Характера он был необузданного, предавался расточительству и мотовству, а больше всего на свете любил азартные игры. И дни и ночи он вел разгульный образ жизни и прилагал все старания, чтобы пустить на ветер деньги отца. У купца были несметные богатства, однако он всё беспокоился из-за сына и прилагал все усилия, чтобы дать ему хорошее воспитание и направить на путь истины.

Наконец, в один прекрасный день отец сосватал сыну Фарангис, дочь богатого купца из отдаленного города. Но не успел еще купец ввести в дом невестку, как собрал свои пожитки в этом мире тлена и отправился в царство вечности.

А дурной сын только и ждал этого дня, иными словами, он с нетерпением дожидался смерти отца, стал разбазаривать доставшееся в наследство имущество и под звуки флейты и пьяные возгласы пустил по ветру все, что осталось от родителя. Он растратил все деньги в азартных играх и увеселительных заведениях, так что в скором времени от огромного богатства у него не осталось и дирхема. Все советы друзей отца нисколько не влияли на него. Ведь сказали же: «Когда нет у тебя дохода, расходуй понемногу, Ибо ведь существует поговорка моряков: «Если в горах не выпадет дождь. То Тигр за год пересохнет».

Когда он разорился, стал нищим и нагим, то направил свои стопы в город тестя и спустя несколько дней прибыл туда. Он был принят как почетный гость и вскоре вернулся назад вместе с женой, с огромным приданым и богатствами. В пути они остановились для водопоя у колодца. Див коварства налетел на душу злокозненного мужа, и он, не мешкая, сбросил Фарангис в колодец, забрал все добро и отправился в родной город.

Но через короткое время он промотал и это богатство. Тяготы, которые он пережил в дни бедности, нисколько не помешали ему размотать новые сокровища. Ведь говорят же:

Никогда неудачники не станут счастливыми.
Трудно обрести счастье неудачнику!

А меж тем к тому колодцу, куда муж бросил Фарангис, прибыл караван. «Он опустил свое ведро и сказал: «О благая весть!».[\[303\]](#) Караванщик извлек ее из колодца и доставил в отчий дом. Фарангис же скрыла от людей коварство мужа и сказала:

– На нас напали разбойники, отняли у нас все золото и драгоценности. Меня сбросили в колодец, а мужа увели с собой. Я даже не знаю, убит он или жив.

Отец Фарангис возблагодарил бога за то, что дочь осталась жива, роздал много милостыни и вновь дал ей большое приданое. А несчастный Манучехр тем временем разорился, впал в нищенство и опять отправился к тестю, надеясь всякими уловками и коварством вновь выманить чего-нибудь у него. При этом он полагал, что Фарангис погибла в колодце, и намеревался сказать тестю, что твоя дочь, мол, жива и передает привет. Манучехр прибыл в город тестя и остановился при святой гробнице, чтобы разузнать обо всем. Случилось так, что Фарангис как раз пришла в тот мазар на паломничество и встретилась с мужем лицом к лицу. Муж притворился, что раскаялся в содеянном, стал приводить всякие оправдания и выражать сожаление. Фарангис не таила в сердце ненависти и зла, была добра, она поверила его притворству и лживым словам и сказала:

– Не горюй и не печалься. Я скрыла от родных все, что случилось тогда, провела все это время, служа отцу, и никому ни о чем не говорила, смотри же, сделай вид, что ты будто ни в чем не виновен.

Манучехр принял ее совет, пришел в дом тестя и рассказал о происшедшем, как они условились. Их вторично одарили богатством и отправили назад. Но поскольку зять был человек низкой и мерзкой природы, увещевания и доброта жены не повлияли на него. И он вторично предал ее и проявил коварство, покинув Фарангис в бесплодной пустыне, а богатство и драгоценности унес с собой, как и в первый раз. Ведь говорят же: «Куда бы ни пошел и где бы ни объявился коварный муж и гнусный подлец, его мерзкая натура и подлые качества черны, как воронье крыло, которое никогда не меняет цвета. Общение с таким человеком – все равно, что общение со змеей и скорпионом: если даже сто лет кормить их молоком и медом, все равно змея покажет зубы, а скорпион – жало». Так же сказал об этом поэт:

Если ты великодушен к великодушному, он будет в твоей власти,
Если же ты великодушен к подлецу, то он возгордится.»

* * *

Если даже змею кормить сахаром,
Все равно яд ее останется губительным.
Хоть сто лет пестуй скорпиона,
Все равно наградой тебе будет укол жала.

– Ну вот, попугай, – закончила самка, – таковы коварство и вероломство мужей.

Попугай разозлился от рассказа самки, пришел в ярость, а потом сказал:

– Ничего подобного, это вовсе не так! Среди тысяч мужей можно встретить лишь одного такого, о каком ты говорила. Но среди тысячи жен девятьсот девяносто девять именно таковы, о каких поведаю я, о коварстве которых я нанижу жемчуга словес.

Самка ответила на это:

– Если у тебя есть что рассказать о коварстве, вероломстве и неблагодарности жен, начинай.

И попугай повел речь:

– Подлость их природы описать невозможно: «Если бы все растущие на земле деревья были каламами, и если бы море стало помогать в этом, даже семь морей...». [304] Поэтому-то мудрые мужи сказали: Если бы по велению времени не были бы смертными люди, то за убийство женщины гнилая редька была бы виной.

Подтверждением этим словам служит рассказ о Хазарназ, жене купца Бехзада, о том, как он поступил с женой.

– А как это произошло? – спросила самка, и попугай ответил.

Рассказ 45

Жил на Сарандибе купец по имени Бехзад. Он решил жениться на целомудренной и добродетельной девушке по имени Хазарназ. Но не успел Бехзад сочетаться с ней браком, как ему пришлось отправиться в путешествие, и он поневоле двинулся в путь. Не прошло и нескольких дней, как в дело вмешался нежный поклонник и страстный любовник, и Хазарназ воспылала к нему, сочтя отсутствие мужа удобным случаем. И вот каждый раз, когда в доме не было соглядатаев и тех, кто мог оказаться помехой, приходил любовник хозяйки и уединялся с ней. И так продолжалось непрестанно.

Но вот, наконец, купец Бехзад вернулся из поездки, и муж стал помехой для Хазарназ, так как ее сердце было отдано другому. На словах она выказывала радость и ликование, но чашу любви пила с другим.

Однажды ночью, когда светлый мир потемнел, словно мускус и амбра, словно косы пленительных красавиц и локоны возлюбленных, когда изумрудное небо, точно шея и уши красавиц, груди и плечи темноволосых дев, украсилось жемчугами планет и цветами звезд, Хазарназ назначила свидание с другом. Ради удовлетворения страсти она не захотела отменить его и потому подсыпала мужу в вино опиум и прочие снотворные зелья.

Муж погрузился в сон, а неподалеку в засаде затаился вор, намеревавшийся украсть драгоценности и ткани. Хазарназ отправилась на свидание с возлюбленным, а вор забыл о своем намерении и последовал за ней из любопытства, куда, мол, она спешит, когда вернулся ее муж, отсутствовавший в течение нескольких лет?

Когда Хазарназ явилась в условленное место, любовник стал упрекать ее за опоздание и жаловаться. Как раз в этот момент проходил мимо начальник ночной стражи со своими подчиненными и помощниками и застал их вместе. А приказ правителя города был такой: если женщину находили в обществе постороннего мужчины, то ее отпускали, а мужчину тут же вздергивали на виселицу. Так они и поступили. Вор наблюдал за всем этим. Когда стражники ушли, Хазарназ снова вернулась и нашла любовника уже на веревке. Она осыпала его ласками и молвила:

– Раз всему конец, давай в последний раз обнимемся, не станем терять времени.

Как это похоже на тот случай, над которым смеялся поэт:

Старик готовился встретить смерть,
А старуха умащала его благовониями.

Бедный любовник прощался с жизнью, а Хазарназ похоть одолевала, и вот она от избытка страсти обняла его и прижалась лицом к его лицу. Любовник в смертной муке вцепился ей в нос и откусил кончик, и в тот же миг его душа достигла носа, птица души вылетела из гнезда тела, когти смерти разорвали рубашку его жизни.

Хазарназ вернулась домой подавленная, разбитая и огорченная, думая о том, как бы выпутаться из беды. А вор меж тем все следовал за ней. Поскольку коварство, неверность и лживость лежит в природе жен, как об этом сказано: Стоит только женщине оглянуться. Как она мигом соблазнит даже Иблиса,[\[305\]](#).[\[306\]](#)

Хазарназ окропила кровью одежду мужа, положила рядом с ним нож, а потом завопила:

– Нос! Нос!

Тут же сбежались люди и стали порицать на все лады мужа и допытываться, за что он отрезал нос

жене. Бедняга Бехзад был удивлен и озадачен уловками жены и не мог ничего толком ответить, так и стоял столбом. А Хазарназ – будь она проклята тысячу раз – сказала:

– Он возводит на меня напраслину, будто я без него тут распутничала, вела себя развратно. Как я ни клялась и ни божилась, как ни убеждала его аятом: «Воистину, некоторые подозрения – грех», он ни за что не захотел верить мне и, наконец, отрезал мне нос.

Люди спорили и шумели, родственники жены готовы были лезть в драку, пока фокусник дня не отрезал мечом солнца нос у негритенка ночи, а владыка дня не поднял знамя света, чтобы разоблачить тайны любовников. Родственники Хазарназ, упорствуя в своем заблуждении, угрозами и силой привели Бехзада к судье и попросили его рассудить их, предъявив иск за отрезанный нос. Тот вынес решение: «Нос – за нос, а за раны – возмездие».[\[307\]](#)

Но когда собрались уже отрезать нос купцу, у вора лопнуло терпение, в нем заговорила совесть, он не захотел, чтобы пострадал безвинный, попросил палача помедлить и побежал к судье. Сначала он покаялся в своем ремесле, затем подробно рассказал о том, что он видел ночью, и закончил так:

– Если вы хотите веские доказательства, то потребуйте у этой распутницы нос. А коли она не сможет предъявить его – ищите во рту мертвеца, что на виселице.

Судья и все присутствовавшие на суде, а также родные жены, пораженные его словами, стали искать отрезанный нос в комнате, но не нашли. Тогда отправились к покойнику и извлекли откушенный нос у него изо рта. Хазарназ примерно наказали, объявили лгуньей и опозорили, а купец прогнал ее из дома в бесчестье и унижении.

– Вот таковы жены, да и то эта история описывает лишь ничтожную частицу их коварства, хитрости и неверности.

Когда самка услышала рассказ попугая в порицание жен, она опустила в смущении голову и умолкла. Шах Джамасп и Махнуш также подивились, похвалили обеих птиц, но не отдали предпочтения словам ни одной из них.

– О Мах-Шакар! – закончил попугай свои речи. – Я, твой низжайший раб, сомневаюсь в оценке их слов. Если – моя госпожа может вынести суждение, то пусть она скажет мне, чьи слова предпочтительнее и основательнее и чьи лишены основания и ущербны.

Мах-Шакар, услышав рассказ о Хазарназ, была так пристыжена, что не смогла ничего ответить попугаю, цель которого как раз состояла в том, чтобы Мах-Шакар отвлеклась, слушая рассказ, чтобы через повествование высказать ей назидание. Мах-Шакар, немного очнувшись от рассказа попугая, решила остаться у себя дома, и тут птица утра запела, словно соловей на лужайке, а золотой попугай солнца выпорхнул из гнезда на востоке.

ПОВЕСТЬ о диве пустыни, о том, как каждый муж превозносил свою жену над другими женами и как вор решил их спор

На двадцать четвертую ночь, когда Сулейман солнца устроил себе ложе сна на троне запада, когда мир потемнел, словно лица разбойников и лики дивов, Мах-Шакар, как и прошедшей ночью, украсилась и нарядилась, словно ее стан был кипарисом на лужайке изящества, а тело – можжевелевым деревом в саду неги, пришла к попугаю и попросила его разрешения отправиться к возлюбленному и уединиться с ним.

Попугай начал восхвалять и превозносить ее, проявил уважение и восхищение, не забыл правил служения и покорности, а потом сказал:

– Я вовсе не думаю удерживать госпожу от свидания с любимым. Нет запрета тебе в твоем желании идти к нему. Напротив, желание и цель твоего покорного раба направлены лишь на то, чтобы госпожа как можно быстрее соединилась с возлюбленным, отринув от себя слова «быть может», «возможно». Мои опасения и сомнения порождены только тем, что любовь – тяжкое испытание и удивительное чудо, а море страсти непомерно глубоко. За те семь тысяч лет, что прошли со дня сотворения мира, за то время, что дни сменяются ночами, путники долины любовной неги, ныряльщики пучин влюбленности, те, кто лелеет страсти на этом пути и ищет подобные жемчуга, еще ни разу не достигали совершенства любви и не лицезрели жемчужины ее красоты.

Если бы не было любви и любовной тоски, Кто стал бы слушать прекрасные слова, которые ты молвил?

А поскольку известно, что на пути любви – свои особенности и свои невзгоды, что влюбленные не ведают о сладости розы и вина, о вреде шипов и похмелья, то, следовательно, надо обладать сильным характером, здоровым духом, верным чувством, чтобы, руководствуясь ими, пойти на свидание с любимым, чтобы прекрасными словами ответить на каждый вопрос. И если, упаси боже, в том укромном местечке случится беда или же нападет дружина скорби из-за дурного глаза судьбы или ее превратностей, то, конечно, у любого дрогнет сердце и не выдержит характер. Так случилось с вором, который спас свою жизнь в обители четырех дивов в ужасной пустыне благодаря острому уму и умелым словам, тогда как его недальновидный друг погиб.

– А как это было? – спросила Мах-Шакар, и попугай ответил.

Рассказ 46

В занимательных рассказах повествуют, что в стране Йемен в угрюмой пустыне и суровых степях, где росли только колючки, а трава выгорала дотла, где камни были тверже скал гранитных, где горы вздымались до седьмого неба, где растительность заменяли ядовитые травы, цвет деревьев составляли колючие кустарники, где вместо нежного ветерка был ураган самум, вместо утреннего зефира – буря, где вместо соловьев пели совы, вместо жаворонков – сычи, где вода была миражем, а земля – отравой, див, оказавшись там, расставался с головой, Птица, прилетев туда, теряла перья.

В этой ужасной пустыне, в этой страшной степи, где из диких зверей жили лишь гули,[\[308\]](#) где вместо змей обитали драконы, поселились два дива, и у каждого из них было по десять голов и по пять ног. В своей гордыне они вздымали головы до самых светил. Днем они кружили над землей, словно смерч, попирая людей ногами, по ночам, словно караванщики, зажигали ложные огни и сбивали с пути странников. Хотя они были сотворены из огня, однако порой они, будто дети или капли воды, прыгали по земле, порой же, подобно птицам, пускались наперегонки с ветром. Они не знали забот о сне и о еде, не ведали ни о подстилках, ни о постели. У дивов были жены, безобразие которых даже невозможно описать, а мерзость не с чем сравнить. Каждая из них была так некрасива лицом и так отвратительна нравом, что, казалось, до самого Судного дня безобразие воплотилось в ней, как в Юсуфе – красота.

На голове у них волосы выпали, на ногах и плечах выросли, глаза на темени вращались, брови до колен спускались, руки были как ноги, а ноги – как лапы. А уж о зубах и говорить нечего – один клык крупнее другого.

Густые волосы сбились войлоком.
Веки красные, щеки желтые, глаза синие.
Зубы выступают, словно у вепря.
Живот огромный, ноги тонкие, когти длинные.

Оба дива считали своих жен писаными красавицами, взгляда от них не могли оторвать. Сказано ведь в поговорках великих мужей: «Нет на свете такого безобразного, которое не было бы красивым по отношению к другому. Нет в мире такого зла, которое не было бы добром в сравнении с худшим злом». Выражение «Скверные слова подобают мерзким мужам, мерзкие мужи – для скверных слов»[\[309\]](#) относится именно к таким супругам. По этому поводу сказали поэты:

Падаль – собакам, собакам – падаль.

* * *

Если кто-либо красив или безобразен.
Он непременно стремится к себе подобным.
Каждому подобает то, что достойно его:
Безобразный безобразного не чурается.

В один прекрасный день между двумя гулями пустыни разгорелся спор о том, чья жена прекраснее. Один див считал свою супругу более красивой, чем жену другого гуля. Второй находил свою жену более стройной и, говоря об этом, расцвел, словно роза. Первый гуль полагал, что лицо его жены привлекательнее, второй заявлял, что лик его супруги свежее. Одним словом, каждый лелеял в душе ложную мысль и неверное представление, и они долго спорили и препирались.

Так они проспорили целый месяц и не могли найти человека, который решил бы их спор и завершил бесполезные препирательства. Тем временем какой-то разбойник, разграбив караван, скрывался от людей и избегал больших дорог. Путь привел его в ту ужасную и бесприютную пустыню. Когда дивы увидели разбойника, они порешили между собой избрать его судьей для решения спора, ни в коем случае не обижать и не трогать его и вышли навстречу ему с такими намерениями. Они уверили его, что бояться нечего, и не стали причинять ему никакого вреда.

Разбойник, как только узрел их ужасающий вид, побледнел, испугался за свою жизнь и подумал: «За день купи то, что продашь за год».

Прошло некоторое время, пока он убедился, что дивы обращаются с ним не так, как это у них в обычае, немного успокоился, пришел в себя. А дивы поведали ему о своей распре и попросили развязать проницательным умом тугой узел их тяжбы. Жены их меж тем стояли в сторонке, и каждая из них знаками пугала и страшила его, чтобы он похвалил ее, а соперницу похулил.

Разбойник, слыша речи мужей и видя, каковы собой их жены, был подавлен, смущен и растерян. Ведь если не сказать ничего, дивы убьют его. А если же отдать предпочтение одной, поскольку между ними все-таки была разница, то другая, отвергнутая, постарается погубить его. И голова бедняги была меж двух мечей. Из глаз он проливал кровь вместо слез. И он думал: «Да будут прокляты они обе! Ведь ни одна из них не достойна ни малейшей похвалы. Ведь существует же поговорка "Ни палка и ни плеть"». Подумав, он повернулся к ним и сказал:

– Хотя ваши жены – нежные гурии и добродетельные красавицы, но ни одной из них нельзя отдать предпочтения перед другой, нельзя превознести красоту и изящество одной перед другой, невозможно их как-то различить. Ведь известно, что полная луна, с которой сравнивают по белизне и красоте лики красавиц мира, тем не менее отмечена черным пятном на челе и переходит из одного состояния в другое. А солнце на небе, с которым сравнивают красоток, по сиянию и блеску, бывает временами тусклым, да к тому же иногда подвержено затмению. Так что советник разума и повелитель ума не позволяют мне отдать предпочтение на весах суждения Зухре перед Муштари или превознести Бурджис перед Нахид. Я расскажу вам о царевиче Бадахшана и о том, как он влюбился в глаза лягушки. Эта история поможет разрешить ваш трудный вопрос.

– А какая это история? – спросили дивы, и разбойник стал рассказывать.

Рассказ 47

В сборниках рассказов говорится, что в давние времена царевич Бадахшана, который был чудом красоты и пределом совершенства, усердно ловил однажды рыбу в водоеме, как вдруг из-за козней слепого небосвода взгляд его упал на глаза лягушки и он безумно влюбился. Он уставился ей в глаза, не в состоянии ни на единый миг оторвать от них взора. Он лишился из-за этих глаз покоя и наслаждения, отказался от всех благ царства. Великие мужи по такому случаю говорят: «Все, что проникает в сердце, мило для глаза». Любящий не смотрит на частности, не обращает внимания на красивое или безобразное, не видит приятного или неприятного, ставит шатер повсюду, где захочет.

Знаешь, что такое любовь? Это султан, который разбивает палатку там, где захочет. Царство земное покоряется ему без сопротивления.

Итак, кто бы ни пришел к царевичу, он задавал всем один и тот же вопрос: «Что самое красивое, прекрасное и приятное в этом мире?» Но никто не мог ответить на его вопрос и раскрыть тайну. Одни хвалили прекрасные черты женщин, другие говорили об их нежных речах и походке. Третьи превозносили животных, четвертые восхищались джиннами и прекрасными пери. Одним словом, каждый хвалил то, что он любил, чем восторгался, чему поклонялся, но царевичу эти слова казались докучными и досадными, и он безжалостным мечом сносил чаши их голов со скатерти тела и опускал их на подстилку земли, так что пустил по волнам небытия более сорока голов.

Слуги и приближенные покинули царевича, а он из-за любви продолжал лить собственную кровь. Но был у него один мудрый и сообразительный надим, постигший сокровенные тайны, прозорливый и пронзительный. Своим великим умом он превзошел все трудности мира и превратности судьбы. Вот он и решил пожертвовать своей жизнью, положил голову на ристалище риска и явился служить своему господину. Царевич задал и ему свой постоянный вопрос, спросил надима о том, о чем спрашивал других. Мудрый надим, воздав подобающие почести и возвеличив царевича, сказал:

– Пусть царевич долго живет в величии и славе! Да не коснется помыслы его желаний нежеланное! Мудрецы всех времен и ученые мужи всего мира, властители трудных обстоятельств и судьбы неразрешимых вопросов, соизволили сказать: «Бесконечно прекрасно и безмерно великолепно то, что понравилось сердцу и поселилось в груди». Красота – это не великолепие красок и аромата. То, что любо сердцу, прекрасно.

Царевичу очень понравились слова надима, он счел их подходящими и соответствующими законам мудрости, тотчас отложил безжалостный меч и вместе с надимом отправился во дворец.

Разбойник завершил свой рассказ о царевиче Бадахшана так:

– Ответ на ваш вопрос тот же самый. Жена того прекрасна, чье сердце она радует.

Дивы согласились с этими словами и сильно обрадовались.

– Моя жена очень нравится моему сердцу. Воистину, она прекраснее других, – сказал один.

А второй див подумал точно таким образом. Жены их также обрадовались этим речам и оставили разбойника целым и невредимым. В уплату за мудрое решение они наградили его сокровищами, которые хранились под развалинами в пустыне. А разбойник, разбогатевший, успокоившийся, довольный, смеясь, вернулся домой и в благодарность за то, что спасся от дивов, перестал заниматься разбоем, раскаялся в содеянном.

– О Мах-Шакар! – закончил свой рассказ попугай. – Цель этого рассказа, смысл этой притчи тот, что

если у человека не будет совершенного разума, как у разбойника и надима, то он в трудных обстоятельствах не сможет сохранить свою жизнь, не сумеет остаться в живых в такой губительной ситуации.

Попугай все еще продолжал смешивать краски повествования и разглагольствовать, когда див ночи, точно ночной вор, собрал пожитки планет, а родник солнца заблистал, словно лал.

ПОВЕСТЬ о Шапуре, эмире лягушек, о том, как он стал названным братом змеи, как родные Шапура захватили его и как он отомстил им с помощью змеи

На двадцать пятую ночь, когда желтая лягушка солнца окунулась в яму на западе, точно рыба в морские глубины, когда серебряный дракон луны выполз из пещеры на востоке, будто змея из своей шкуры, Мах-Шакар, с прежними повадками и наряженная, как и в предыдущую ночь, облачившись с головы до пят в яркие платья и драгоценные наряды, изящно и томно, кокетливо и величаво пришла к попугаю, вспомнила вчерашний разговор, стала советоваться и попросила разрешения пойти на свидание.

Попугай, который в первые ночи расстилал ковер словес с предосторожностью, с каждой ночью становился смелее в своих стараниях удержать Мах-Шакар, убедился в ее слабости и податливости, стал высказывать напрямик свои советы и наставления, которые сначала преподносил в иносказательной форме, иначе направлять корабль языка и по-иному гнать коня изложения. Сначала выказав покорность и воздав славословия, он сказал:

– Поскольку моя госпожа хочет благополучно пойти на свидание с возлюбленным, чтобы напитком посещения ослабить жар страсти и погасить пламя разлуки, то я, твой нижайший раб, хотя на словах и не согласен с гобой и не могу похвалить за это, но в душе я тебя одобряю и про себя – разрешаю.

– А в чем причина того, – спросила Мах-Шакар, – что ты по виду не согласен и удерживаешь словами?

– Я опасюсь, что по неосмотрительности и небрежности молва о том распространится повсюду. Тогда твой муж, когда вернется, узнает о случившемся. И твоя радость обернется горем и плачем, а все мои старания и усердие пропадут даром. Поэтому тут надо действовать умеючи, об этом надо позаботиться так, чтобы и желанной цели достигнуть, и упреков и укоров не заслужить, чтобы и возлюбленный достался тебе, и никакого осуждения и порицания не было бы. А то не случилось бы с тобой, как с Шапуром, повелителем лягушек, который колдовством и хитростью победил своих врагов, но потерял дорогих и любимых детей и погубил собственной рукой самых дорогих ему существ.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай стал рассказывать.

Рассказ 48

В занимательных повествованиях и рассказах о чудесах говорится, что в Аравии был колодец, глубокий и бездонный, словно ямочка на подбородке красавиц. Вода в нем была сладка и пленительна, словно живая вода. Родники, питавшие его, будто глаза влюбленных, источали влагу каждый миг. Ключи, снабжавшие его, словно ручьи из глаз сирот, не пересыхали ни на мгновение. Воды его были чище слез из глаз страстно влюбленных, вкус его был слаще и упоительнее лобзаний нежных дев.

В том колодце обитали лягушки, а правителем у них была лягушка по имени Шапур. Этот Шапур отличался большим умом и похвальной сообразительностью. Все прочие обитатели колодца, то есть насекомые, признавали его власть и владычество, никто без его разрешения не смел и глотка воды испить. Прошло какое-то время, и все подданные и слуги стали изнемогать под гнетом Шапура. Его подчиненные разделились на две группы, говоря: «Шапур уже долго пробыл среди нас, а каждый новый правитель чем-нибудь хорош». Среди них был один молодой воин. Он устроил коварный заговор, лягушки объединились и вручили ему бразды правления, выбрав его своим повелителем и предводителем. А бедного Шапура, хотя он не совершил особого проступка, отстранили от власти. Он поневоле покинул колодец, где ему не стало приюта, и стал обдумывать, как отомстить. Он размышлял и дни и ночи, не зная покоя от мыслей и повторяя стихи:

Если враг – пламя, то я стану водой,
Если он станет птицей, то сделаюсь силком.
Если он будет разумом, я обращусь в чистое вино,
Усыплю глаз намерения врага.

Шапур думал: «Ведь опытные мужи изрекли: «Жизнь того, кто не хранит верность друзьям и не делает им добра, кто не расправляется жестоко с врагами, будет ненужной и бесполезной, и в мире он пожнет только ветер». Мне не остается иного средства, как объединиться с более могучим врагом, примириться с ним, признав свою слабость и бессилие. Тогда я хитростью, с его помощью и содействием смогу отомстить своим обидчикам и увидеть в зеркале покоя лицо своей цели. Ведь сказали же мудрецы: «Змею надо ловить руками врага, льва – убивать руками соперника, чтобы из двух целей достичь хотя бы одной: если погиб враг, то цель достигнута, а если же падет его противник – тоже пригодится». Колючку, которая впиалась в ногу, извлекают иголкой, похожей на колючку. На врага, который одолел тебя, надо натравить того, кто сильнее его, чтобы достичь победы, чтобы удача и счастье явили свой лик».

Шапур все еще продолжал рассуждать так, когда вдали показалась гюрза, подобная морскому чудищу, и вползла в нору. Шапур счел это добрым предзнаменованием и решил, что при содействии змеи откроет врата к своей цели. Поскольку Шапур лишился всего состояния и семьи, он нисколько не дорожил своей жизнью, ибо говорят: «Лучше умереть, чем жить под гнетом врага». И Шапур пошел вперед, подошел к норе и стал потихоньку кликать змею. Та подумала: «Этот голос не принадлежит змеиному роду, а мне не следует иметь дело и водиться с чужаками. Очевидно, этот зверь – враг посильней, чем я. Он хочет выманить меня из норы уловками и хитростью, лицемерием и притворством, чтобы расправиться со мной. Ни в коем случае не следует пренебрегать обычаями осторожности и безопасности, законами охраны и предусмотрительности. Ведь мудрые мужи сказали: «Держаться спесиво и заносчиво, заговаривать с тем, кого ты не знаешь, свидетельствует о невежестве и слабости рассудка и далеко от величия ума и доблести».

Змея некоторое время размышляла и думала, но так ничего и не ответила. Однако Шапур продолжал настаивать, униженно просить и причитать, и змея высунулась из норы и спросила:

– Кто ты? Откуда прибыл?

– Я – правитель лягушек, – отвечал Шапур, – разбитый превратностями судьбы и пораженный ударами рока. Хотя вражда между змеями и лягушками исконная и будет продолжаться до самого Судного дня, но не следует все же отказываться от мира и примирения между ними. Я пришел к тебе за помощью, поскольку нуждаюсь в поддержке.

– Что за чудеса, что за диво? – ответила змея. – Даже если вражда, которая царила столько поколений, и обернется показной любовью, дело не может завершиться миром, как это и случилось, когда подружались ласка, голубь, кошка, мышь, волк, овца, змея и лягушка, которым дружить – все равно, что соединить вместе ветер, землю, огонь и воду. И конечно, в их союзе и близости не может быть верности, и они непременно должны предать друг друга. Как бы они ни мирились, ни договаривались, все равно ни к чему это не приведет, и они когда-нибудь сцепятся друг с другом насмерть. Я подозреваю, что ты – какой-то сильный зверь, обернувшийся лягушкой и пришедший обмануть меня, ведь иначе тот, кто служит добычей и пищей для другого, даже во сне не станет показываться ему. Разве лягушка могла бы так дерзко явиться ко мне?

– Твои слова – чистая правда, – отвечал Шапур. – Их надо начертать серебряным каламом, на золотой скрижали или же пером Утарида на поверхности Луны. Но я прибегаю к тебе под гнетом бедствий, когда смерть охотится за мной. К тому же, по законам дружбы, на пути истины, на стезе благородства не станут обижать и попирают того, кто просит о помощи в нужде и унижении. Я лишился владений, всего имущества, а враги одолели меня, так что жизнь мне стала немила, как об этом сказали мудрецы: «Благородный муж предпочитает смерть жизни при торжествующем враге». Если ты убьешь меня, то я освобожусь от груза страданий и приму сан мученический. Если же ты сжалишься и смилуешься надо мной, в колодце прольешь ручьем кровь моих врагов, то это будет величайшим благодеянием. И за эту помощь ты удостоишься награды. Да и собственную пользу при этом соблюдешь – ведь ты найдешь себе добычу. Если ты не поможешь мне, кто поможет? Кто утешит мое израненное сердце? Если ты не хочешь снизойти к моей просьбе, Где найти мне покровителя, который снизойдет?

Змее стало жаль Шапура, она выползла быстро из норы и стала расспрашивать о силе, могуществе, дерзости и храбрости врагов Шапура. Тот рассказал обо всем и закончил так:

– Все эти беды и несчастья постигли меня из-за злобы моих родных и зависти родственников. Ведь сказано в хадисе Пророка: «Родные – все равно, что скорпионы».

Насилие родича для человека горше
Ударов индийского меча.

Змея ободрила Шапура, обняла и дала слово твердо соблюдать дружбу и братство, говоря:

– Любое дело, что будет для тебя трудным, Препоручи мне и не беспокойся более.

После этого змея вместе с Шапуром отправилась к колодцу и за несколько дней очистила те места от засилья лягушек и их кваканья, так что отомстила за Шапура его врагам. Хотя в этом для змеи и была корысть, так как она поедала лягушек, однако и желание Шапура также исполнилось: в том колодце никого не осталось, кроме супруги и чад правителя лягушек, так как всех прочих змея поочередно предала кровавой гибели.

Прошло два-три дня, и аппетит змеи в колодце разгорелся, словно пламя, окреп ветер ее алчности. Тогда змея обратилась к смиренному Шапуру и сказала:

– Ветер голода раздул пламя в моем животе, а гумно моего терпения сгорело дотла. Но здесь, кроме воды и глины, нет другой пищи! Займись-ка этим и не оставляй своего гостя без еды.

Шапур сразу догадался, каков истинный смысл слов змеи. Он воздал ей хвалу и сказал:

– Ты не пожалела для меня милости и сочувствия, ни на минуту не забыла о дружбе и братстве и не оставила даже следа от моих врагов в этих местах. Тем самым ты посадила в колодце побег великой благодарности, а в саду моей груди – дерево милости. А теперь, пожалуй, надо бы повернуть повод в сторону твоего постоянного местопребывания, поспешить туда, где ты раньше обитала, вползти в свою нору, словно сороконожка.

Змее такие речи вовсе не понравились, и она ответила:

– Нет! Как же я уйду из этих мест, где у меня такой друг, как ты, утешитель, подобный тебе? Раз мне не в чем упрекнуть такого уважаемого друга, такого достойного собеседника, как ты, зачем же мне отпавляться в другие места, расставаться с тобой и искать другого брата?

Если я оторву от тебя сердце, откажусь от любви к тебе,
Кого же мне полюбить, к кому стремиться душой?

Да к тому же, пока я была здесь, мою нору, наверное, захватила другая змея и заползла в нее. Мне нет смысла покидать эти места и расставаться с этими краями. Если я оставлю твои края, куда же мне деваться? Торопись же, позаботься о моем пропитании, ибо от сильного голода я не могу ни шевельнуться, ни вздохнуть.

Бедный Шапур, огорченный и озабоченный, растерянный и смущенный, не видел выхода, он подумал: «Того, кто заведет дружбу с сильным врагом, полагаясь на его верность, кто пустит в свои покои чужака, поверив в его искренность, ожидает такое наказание и подобное возмездие. Ведь издревле говорят: он сам накликал на свою голову беду».

После этого Шапур каждый день стал приносить змее одну-две лягушки из числа своих родных и потомков, своих приближенных и подданных, а сам жестоко страдал, скорбел и горевал. В течение нескольких дней змея покончила с ними, так что не осталось ни одной лягушки, кроме самого Шапура, с которым у змеи был заключен союз, и которому она поклялась в верности. Глаза Шапура, словно родник, источали слезы скорби по чадам и домочадцам, а дыхание его от тоски в разлуке с ними стало прерывистым, словно редкая капель. От обилия пролитых кровавых слез вода в том колодце побагровела, а на сердце бедняги легла тяжесть, будто колода у колодца. Шапур скорбно повторял стих:

Мое сердце от разлуки с родными испытало то,
Что изведал старец, [310] из Ханаана [311] когда расстался с сыном.

Шапур стонал и плакал не столько от горя по детям, сколько из-за опасений за свою жизнь. Змея стала допытываться причины его слез. Шапур испугался за свою жизнь, переменял разговор, направил мысль в другую сторону и ответил:

– Взгляни на кровь у порога и не спрашивай. Я плачу и стенаю потому, что ты осталась без еды и пропитания, ибо в этом колодце нет более ни одной лягушки. Ты так старательно перебила их в отместку за меня, что не оставила в живых ни одной, дабы продолжить род лягушачий и тем самым послужить тебе пропитанием. И теперь мне неизвестно, как проживет мой брат и покровитель без хлеба насущного и без еды. Вот потому-то я и плачу.

А потом, чтобы избавиться самому от змеи и уйти от нее живым, Шапур добавил:

– Неподалеку здесь есть водоем, в котором много лягушек. Если мне будет дозволено, я пойду туда на разведку, чтобы обеспечить тебе покой и довольство, благоденствие и благополучие.

Змея разрешила, и Шапур поскакал туда, крича и вопя, с шумом и гамом, и поселился в большом

водоеме, который был поблизости, обретя спасение от колодца гибели. Он стал обитать там, жить себе припеваючи, довольный жизнью, согласно выражению: «Кто спас свою голову, тот уже получил выгоду»,^[312] распевая гимны радости и веселья.

Змея меж тем ждала с нетерпением возвращения друга и, наконец, отправила за Шапуром посланца – ящерицу, которая обитала в том колодце; Шапур только рассмеялся, подивившись глупости и невежеству ящерицы. Он остерегся приблизиться к ней и держался в отдалении.

– Я – посланник, – убеждала его ящерица. – Мое дело только сообщить порученное мне, довести это до твоего сведения. «Посланник обязан только передать весть».^[313] Какой смысл избегать меня и сторониться?

– Оно, конечно, так, – отвечал Шапур, – однако я остерегаюсь тебя потому, что и ты носишь змеиную шкуру. Я столько натерпелся от змеи и так боюсь ее, что видеть не хочу ничего подобного. Ведь разумные мужи сказали: «Если ты лишился осла, то спали и вьюк».

Ящерица вернулась назад и рассказала обо всем своей дальней родственнице. Змея погоревала немного и вскоре вернулась в свою старую нору.

– О Мах-Шакар! – закончил попугай повествование. – Смысл этой притчи таков: каждого, кто не предвидит конечного результата дела, кто заранее не предусмотрит поломки, постигнет то же самое, что Шапура, правителя лягушек. Хотя сначала он и одержал победу над своими недругами, но в конечном итоге лишился жены, детей и всех родных.

Как раз, когда попугай завершил свой рассказ, настало утро.

ПОВЕСТЬ о Зарире-ткаче, о том, как он отправился в Нишапур за богатством и вернулся в родной город, не достигнув цели

На двадцать шестую ночь, когда небесный ткач в мастерской неба снял с солнца желтое покрывало и убрал его в лавку запада, когда хозяин ткацкой небес натянул шелк луны на барабан востока, когда семицветный кафтан украсил бирюзу выси, Мах-Шакар облачилась в свои нарядные одеяния, испила чашу изящества и стройности, пришла к попугаю радостная, цветущая и благоухающая и попросила у него разрешения пойти к любимому на свидание в качестве гостьи, не встречая противодействия стражей и сопротивления привратников.

Попугай сначала оказал подобающие почести, проявил должное уважение, а сам тем временем посмеивался и ухмылялся. Мах-Шакар сначала удивилась и изумилась его поведению, потом рассердилась и спросила, почему он смеется.

– Мне смешно потому, – отвечал попугай, – что каждую ночь ты говоришь о том, чтобы пойти навестить любимого, но спешишь на свидание лишь на словах, однако не отправляешься к нему и не предпринимаешь ничего, чтобы ускорить дело. Как бы с тобой не случилось то, что приключилось с иракским ткачом, который погнался за большим богатством, не жалел своих сил, но когда дела его завершились и он стал подводить итоги, то прибыли совсем не оказалось. Вот и ты столько старалась и усердствовала, уже настала пора свидания. Так почему же ты медлишь и чего ради мешкаешь?

– Ну-ка расскажи мне про этого ткача! – приказала Мах-Шакар, и попугай начал речь.

Рассказ 49

Я слышал от ученых мужей и мудрецов мира, что в стране Ирак жил ткач по имени Зарир. Он был большой искусник и ткал одежды только царям. Но ремеслом своим он еле зарабатывал на каждодневные расходы, ничего не мог отложить, ни гроша накопить на черный день, несмотря на все свое мастерство, так как не было у него счастья и удачи. Уста судьбы именно о нем сложили эти стихи:

Пусть каждый твой волосок хранит сто мудростей,
Если судьба не благоволит к тебе, то и они не помогут.

В один прекрасный день Зарир пошел в гости к простому ткачу, который изготавливал дешевые ткани. И видит он дом, полный всякого добра, достаток и изобилие. Было там множество всякой утвари, тканей и прочего, несметное число убранства и припасов. Когда он вернулся после богатого и щедрого угощения домой, им овладело беспокойство, ему захотелось заполнить такие же блага, и он сказал жене:

– Я покину наши края, незачем мне здесь оставаться, меня тут не ценят. Иначе отчего бы мне терпеть нужду и бедность, будучи таким искусным мастером, в то время как мой названный брат так разбогател и преуспевает. Я поеду в какой-нибудь другой город, быть может, там я сколочу богатство и достаток на жизнь. Ведь прозорливые мужи сказали:

Люди в родном городе не пользуются большим почетом,
Драгоценный камень в руднике не ценится.

А жена отвечала ему так:

– Откажись от этих намерений, оставь такие мысли, ибо удел каждого человека предопределен навсегда и остается неизменным и в собственном доме, и на чужбине. И Пророк – да будет мир ему – соблаговолил сказать: «Доля каждого предопределена. Она не увеличится благодаря благочестию благочестивого, не уменьшится из-за греха грешника». Где бы ни был человек, дома ли, или в странствиях, всегда при нем четыре субстанции, словно четыре первоэлемента. Во-первых, это его счастье, которое, точно вода, течет за ним. Во-вторых, несчастье, которое пылает рядом с ним пламенем. В-третьих, смерть, которая погоняет его, словно ветер. В-четвертых, доля, которая всегда готова к его услугам, словно земля.

Так же и у птиц: они летают по небу, рассекая крыльями воздух, но доля-то их – зерно на земле, из-за этого они и опускаются на землю. И никому не дано вкушать чужую долю, подобно тому как газеленок не приемлет молока никакой газели, кроме своей матери, находит ее среди тысячи газелей. Доля человека подвержена такому же закону:

Коли усердием не добьешься доли,
К чему же бежать за ней?

Напротив, удвой рвение в своем ремесле, работай, не покладая рук. И быть может, благодаря твоим усилиям ты обретешь большой покой и лучшее состояние. Если заработаешь один дирхем, то он может обернуться двумя динарами, ибо богатство обретают трудом и ремеслом, состояния составляют усердием и старанием. Покуда ты не отщипнешь кусочек, он сам не полезет к тебе в рот, спящий лев никогда не поймает газели. Яви же свое старание и усердие! Если ты и тогда не обретешь желаемого, то тебя не в чем будет упрекнуть, значит, все дело в выпавшем тебе жребии.

– Все, что ты говорила, верно, – ответил ткач. – И разум подсказывает тот же путь, который ты указываешь. Однако мое ремесло – это изготавливать ткани для эмиров и падишахов, а здешний правитель и

жители не оценивают меня по достоинству и не могут воздать должное моему мастерству. Талант сокрыт, словно вещая птица Анка, так как нет того, кто отличил бы вещую птицу Хумай от ворона. В Ираке нет большего порока, чем талант. Не спрашивай меня о том, как я оказался в таком положении. Мне надо отправиться в путешествие, послужить другому правителю, чтобы проявить свое мастерство и благодаря этому нажить большое богатство.

И ткач направился в город Нишапур, где и решил показать себя. Эмиру Нишапура его искусство пришлось по вкусу. Ткач пробыл там три года и собрал неплохое состояние. В один прекрасный день он подумал: «Деньги и богатство на чужбине, почет и уважение на чужой стороне ни к чему, так как если достаток становится лучше, а друзья его не видят и недруги не завидуют, то он лишен всякого смысла и для мудрого человека не имеет значения. Ведь по законам разума золото и богатство нужны, чтобы помогать друзьям в беде и чтобы властвовать. А иначе зачем оно: ведь ни один человек не может съесть более двух лепешек. Если бы не таковы были правила жизни, то не было бы смысла в хранителях казны и стражах и люди понапрасну не усердствовали бы, охраняя сокровища».

Так размышлял Зарир, потом, обратив все богатство в легкую наличность, он спрятал его в кошелек и двинулся в родной город, минуя стоянки и переходы.

Однажды, когда настала пора положить в кошелек запада золотой диск солнца, словно золотой динар магрибинской чеканки, когда мир стал черным и мрачным, как мешочек для серебра, когда небо благодаря узору звезд стало нарядным, словно парча, а небеса благодаря сиянию луны и светил заблистали, точно шелк, Зарира одолел в пути разбойник-сон, отнимая у него зрение. От страха перед дикими зверьми он улегся спать на дереве. В полночь возникли в воздухе два прекрасных мужа и стали перекатываться друг с другом. Один говорил:

– На скрижалях рока начертано, что этому ткачу не положено большого достатка и богатства, а лишь только для расходов на жизнь. Зачем же ты даровал ему столько богатств?

Другой муж отвечал на это:

– Я – плоды его стараний и усердия. Каждый, кто трудится и прилагает усилия, непременно получает от меня воздаяние, и я обязан служить ему. Но за тобой право оставить ему этот достаток или нет, так как ты – его счастье.

С этими словами они исчезли.

Когда белый шелк утра раскинули на просторах небес, когда динар магрибинского золота вытащили из кошелька востока, Зарир не нашел в своем кошельке и следа от динаров и дирхемов. Удивленный и пораженный, горестный и пристыженный, он, не долго думая, повернул назад и возвратился в Нишапур.

Там он вновь пробыл два или три года, снова нажил состояние, не жалея сил. И снова он спрятал деньги в кошелек и двинулся из Нишапура в Ирак. И опять в пути явились ему те два мужа, и опять они повели прежний спор и внезапно исчезли. Зарир стал искать свои деньги, но кошелек его оказался легче и тоньше, чем в прошлый раз. Он принялся стенать и горевать, а потом подумал: «Если я бедняком вернусь в родной город, то враги станут надо мной издеваться, а жена насмехаться». Он решил повеситься на суку, чтобы разом покончить счеты с жизнью. Хотя Зарир считался таким искусником и мастером, на самом деле он как был простым ткачом, так им и остался. Ведь ни один разумный человек не полез бы в петлю. Да и все его деяния – разве не результат невежества и глупости?

Дело кончилось тем, что явились те самые двое, не допустили его до самоубийства и молвили:

– Поскольку по предопределению свыше тебе суждено иметь достаток только на ежедневные расходы, чего ради ты так мучаешься, пьешь из чаши трудностей? Если даже мы оставим тебе это

богатство, ты не сможешь пользоваться им, тратить его, и тебе только и останется сторожить его. Так какая же тебе в нем польза? Ведь ученые и образованные мужи сказали: «Золото надо использовать, словно музыкантшу и блудницу, чтобы от него было наслаждение для людей. Его не следует беречь, словно законную супругу, на которую не смеет взглянуть глаз постороннего».

Богатый муж должен поступать так,
Чтобы благодаря его деньгам кто-то благоденствовал.
Деньги, которые никому не приносят даров,
Все равно что черепки.

– Так оно и есть, – отвечал им Зарир, – в этом нет никакого сомнения. Однако же повидавшие свет мужи сказали: «Если богатый муж низкого происхождения, если даже он был прежде ткачом и хлопкочесом, однако в глазах людей он будет благородным, достойным и талантливым, если даже никому не подарит ни гроша и не принесет никакой пользы. Все равно среди чужих и родных, близких и далеких людей он будет пользоваться большим уважением, почетом и честью. Люди станут его последователями, будут слушаться его в надежде, что туча его богатства прольет хотя бы капельку на их долю, сочтут своим долгом повиноваться ему и оказывать услуги, подобно тому, как шакал в надежде поживиться брюшиной осла пятнадцать лет следовал за ним по пятам и от всего сердца служил ему».

– А как это случилось? – спросили вестники судьбы, и Зарир начал рассказывать.

Рассказ 50

Бывалые люди рассказывают, что один старый осел заболел грыжей, его одолели и другие недуги, так что хозяин прогнал его прочь из города. Осел, оказавшись на прекрасных лужайках и привольных степях, стал пастись, щипать свежую траву и сочную листву, так что отдохнул, поправился и раздобрел. Однако кишка его, оттого что он надорвал жилу, выпадала и свисала из живота, словно ослиное ухо, раскачиваясь из стороны в сторону.

Тут шакал, подстерегавший в засаде сусликов, вдруг заметил этого несчастного. В шакале заговорила алчность, и он подумал, что рано или поздно осел сдохнет, и стал ждать этого случая. Он решил неотступно следовать за ослом, чтобы не упустить лакомый кусок, и сказал шакалихе:

– Ты видишь, под брюхом осла целый шматок мяса болтается из стороны в сторону? В скором времени совсем отвалится. Давай поспешим за ним и наедемся вволю.

Самка ответила шакалу:

– Неразумно покидать насиженные места в надежде на то, что оторвется ослиная грыжа. Ведь она может и не оторваться, возможно, что становая жила еще крепко держит ее. А мы упустим своих сусликов! Да еще, не дай бог, явится другой зверь и захватит наши уголья. Тогда и дармового мяса нам не достанется, и своих охотничьих мест мы лишимся. Надо довольствоваться малым и не покидать своего места.

Но шакал стал возражать в таких выражениях:

– Довольствуются малым только низменные существа и глупцы, лентяи и несчастные твари, только собаку удовлетворяют две лепешки, а лев охотится на живую дичь!

С этими словами шакал двинулся за ослом, стал заискивать перед ним и служить ему. В таких надеждах он провел пятнадцать лет, лелея мечту пожить.

Пятнадцать лет миновало с тех пор, как шакал неотступно следовал за ослом, словно хвост за собакой, но ему достались в удел лишь огорчения и разочарования, и он вернулся назад, стыдясь своей супруги. Вместо жирной требухи пищей ему были лишь горе, отчаяние и разочарование.

– Смысл этой басни таков, – закончил Зарир, – если даже богатые люди, как осел из рассказа, не раскошелятся ни на грош, люди, словно тот шакал, станут чтить и уважать их, будут подчиняться им и считать себя обязанными им.

Тот, кто богат, будь даже он гебр,[\[314\]](#)

В глазах народа очень уважаем.

Если же у правоверного и набожного мужа

Нет золота, то его не ценят.

И моя мечта в мире – только богатство, моя цель – только золото.

– Коли ты хотел, – сказали ему те двое, – только из-за богатства покончить с собой, то не делай этого. Живут в одном городе два брата. Старший из них богат, но он не может даже динара потратить, не может дать никому ни гроша. Младший же беден и нищ, и нет у него ни одного дирхема про запас. Все, что заработает, он тратит в тот же день. Отправляйся в тот город и посмотри, как они живут. Выбери себе такой образ жизни, который тебе понравится, впрямь ты будешь жить точно так же.

Зарир, словно ветер, поспешил в город, который указывали двое мужей, и спустя несколько дней прибыл туда. Сначала он направил свои стопы в дом старшего брата. Он увидел человека в рубище, руки которого почернели от того, что он непрерывно пересчитывал монеты. Он развязывал один кошелек,

завязывал другой, одному давал в долг, у другого принимал данное взаймы.

Ткач целый день наблюдал за ним. А купец в суете дел мирских не сумел даже чашку воды испить, из-за непрерывных трудов не съел даже кусочка хлеба. Когда приблизились отряды ночи, когда небо от блеска динаров и дирхемов звезд уподобилось лавке менялы, от блистания жемчужин-планет стало словно дом ювелира, гостю расстелили постель, а хозяину дома принесли ячменную лепешку. Хозяин велел жене подать гостю угощение, и та сварила горсть риса, из которого и хозяину досталось несколько ложек в честь пришельца.

Когда Зарир погрузился в сон, к нему явились те самые два мужа, и один из них сказал другому:

– Чего ради купец позволил себе лишнее?

И в тот же миг у купца заболел живот, и его вырвало тем рисом, что он проглотил вместе с кусками ячменной лепешки.

Когда появился светлый полк дня, когда завеса утра, словно сердце благородных мужей и роза в саду, раскрылась, то купец из-за ночного приступа весь день отказывался от еды, а расходы, которые он прошлой ночью сделал на рис, он вычел из довольствия следующего дня.

Зарир, видя все это, подумал: «Воистину, этот муж – лишь страж своих сокровищ, и ничего более. Он только наживает лишнюю заботу, охраняя богатство. Когда же ему пользоваться им?»

И он отправился в дом младшего брата. Это был человек с улыбающимся лицом, ясным челом. Он был щедр на угощение, велик в раздаче даров и милостей. В доме у него – сладкоголосые певцы, в объятиях – прекрасные девы, словом, полное блаженство и ликование. Врата отдохновения были открыты, средства веселья приготовлены. Зарир целый день наблюдал за всем этим и пил с хозяином чашу радостей.

Когда локоны ночи стали ниспадать на лицо дня, когда зубы планет в улыбке открылись, словно десница щедрых мужей, когда Млечный Путь протянулся, будто рука дающего, для Зарира после столь обильного угощения и приема расстелили постель. Когда все в доме погрузились в сон, жена сказала мужу:

– Господин мой! У нас не осталось ни гроша. Все, что было у нас, кончилось. Как нам жить завтра?

Муж на это ответил:

– Не тужи. Господь, даровавший нам жизнь, дарует и хлеб насущный, как об этом сказал Пророк – да будет мир над ним: «Тот, кто разверз мне рот, дарует мне и пропитание». А в народе говорят: «Будет день – будет и пища». Или: «Вода, михраб и хлеб насущный – от Аллаха».

Не тужи сегодня о завтрашнем дне, —
Быть может, ты не доживешь до завтра.
Трать то, что у тебя есть сегодня,
Ибо завтра тебе достанется новая доля.
Когда ешь свое дневное пропитание, не загадывай на завтра,
Ибо это непочтение к богу.
Если есть у тебя достаток, почему ты мало тратишь?
Если есть кого одарить, о чем тужить?

Когда белизна утра появилась из-за лиловой завесы ночи, когда небо, словно лавка разорившегося, опустело от наличности звезд, когда мир от золотых опилок солнца наполнился динарами и дирхемами, словно кошелек богачей, всевышний бог в воздаяние за чистые помыслы и праведность купца, за его истинную веру и преданность даровал ему еще больше, и он по-прежнему угощал людей чашей сладостного вина и бряцал цепью наслаждения. Он продолжал вести тот же образ жизни, не оставлял в

кармане ни одного дирхема про запас и непрестанно чертил на страницах сердца письмена веселья.

Зариру понравились повадки и образ жизни младшего брата, и он избрал себе этот самый путь, которому следуют мудрые и разумные мужи.[\[315\]](#)

– Я, твой низжайший раб, – говорил попугай, – весьма доволен тем, что ты уходишь, благодаря твоему снисхождению и доброжелательству, в силу моей искренности и преданности, и я ни в коей мере не стану препятствовать и перечить этому. Однако, памятуя о моей верной службе и добром отношении к тебе, я хотел бы наказать, что покуда открыты глаза неба и закрыты врата безопасности, если случится какая-нибудь беда по воле низменной судьбы или же по произволу коварного мира возникнет какая-нибудь трудность, то, коли сможешь, пусти в ход хитрость, как рысь, которая уловками и изворотливостью уберегла себя и своих детенышей от льва, или же как женщина, которая ласковым обращением спасла себя и детей от барса, и прибегни ко мне, твоему верному другу, дабы я помог тебе советами и указаниями. Ступай же и будь гостем красоты своего возлюбленного.

Мах-Шакар стала расспрашивать попугая об этих рассказах, а потом завершила просьбы так:

– Сначала услади мой слух рассказом о рыси, а потом уж расскажи о женщине и барсе.

Попугай некоторое время водил поводьями рассказа направо и налево, чтобы вызвать у Мах-Шакар больший интерес к повести, так что прошла треть ночи, а потом он начал.

Рассказ 51

В книгах преданий рассказывается, что в стране Йемен была долина, а в ней множество всяких зверей, несметное количество птиц, словно звезд на небе. Были там и заросли тростника, густые, словно толпы верующих, была роща, полная деревьев, словно писчий пенал – перьев. В том краю обитал свирепый лев под высоким и ветвистым, могучим деревом. «Корни его – в земле, а ветви – на небе».[\[316\]](#) Ветви дерева вздымались выше созвездия Девы, его корни впивались в спину Быку земли. Было в том краю и много свежих родников, изобилие плодовых деревьев. На одном дереве жила обезьяна, которая была льву названным братом и искренним другом. Узы дружбы и основы братства у них были крепки и прочны, так что обезьяна по большей части спускалась с ветвей и под их сенью вела со львом дружеские беседы, улыбаясь его словам. А лев отдавал ей объедки со своего стола. Завидев обезьяну, лев расплывался в улыбке.

Так коротали они жизнь и проводили время в мирских радостях и горестях. В любой трудности они приходили друг другу на помощь и во всем поддерживали друг друга. То лев жаловался на жало забот, то обезьяна сетовала на сеть невзгод, то лев повествовал о коварстве людей и о том, что они завладели всем на свете, то обезьяна рассказывала, что дети бросают в нее камнями. Иногда лев просил у обезьяны зелья против дурного запаха из пасти, иногда обезьяна спрашивала у льва лекарства против запора.

И они так подружились, что ни один другой зверь не мог приблизиться ко льву, ни одна божья тварь не могла даже близко подойти к той лужайке.

Если два несчастливца объединятся и сблизятся,
То в доме, вне сомнения, поселится несчастье.

Все животные от зависти к обезьяне покинули те места и отправились на другие луга, так что льву не удавалось поймать ни газель, ни иную добычу. И вот однажды сильно изголодавшийся лев говорит обезьяне:

– О любезный брат! О сострадательный друг! В этой степи не осталось ни одного животного, чтобы мне утолить голод, а ведь я только и делаю, что рыскаю за добычей. От голода жизнь мне так опостылела, что я готов сожрать собственную шерсть и бросить последнюю кость на игровой доске смерти. Я пойду поохотиться в других краях и вскоре вернусь. А лужайку эту я поручаю тебе. Тебе надлежит как следует присматривать за всем, убирать и подметать.

Обезьяна покорно выслушала царя зверей, телом и душой восприняла его наказ. Когда они прощались, обезьяна пролила море слез, а дым от ее вздохов затмил все небо. А лев, прощаясь со своим другом, лил слезы скорби, выжимал кровь сердца, так что уста судьбы сложили о них такие стихи:

Если бы не было слез и не лились они,
То жар сердца спалил бы землю, где они прощаются.

Они простились, и лев направился в новые уголья, а обезьяна осталась там сторожем дома льва, привратником его дворца и всем своим существованием выполняла наказ любезного друга.

Но вот в один прекрасный день из других краев прибыла рысь со всем своим семейством. Она увидела, что логово льва пусто, и выбрала лужайку для себя, превратив ее в свою усадьбу. Как обезьяна ни старалась прогнать их, как ни увещевала и ни твердила: «Это логово льва, обитель храбрости», – рысь и ухом не вела и продолжала стоять на своем, приговаривая:

– Этот уголок принадлежит мне, он достался мне от отцов и дедов. А если выразаться яснее, то довод

в пользу владения – сила когтей.

Тогда обезьяна решила прибегнуть к хитрости, козням и уловкам. Поскольку ей никак не удавалось прогнать рысь, она поневоле умолкла и стала терпеливо дожидаться возвращения льва, наблюдать за восхождением звезды царя зверей. Рысь-самец нашел место приятным, безопасным и сказал самке:

– Мы набрали на прекрасные охотничьи уголья. Возможно, что они не принадлежат льву. Или может случиться, что лев не вернется. Но если все же вернется, то ведь умом и хитростью можно уберечь себя от смертельной опасности и вернуть льву его имение.

На это самка отвечала:

– Оставь эти речи и не хвастай, ибо такие дела не решаются хитростью и коварством. У тебя нет могущества и силы, чтобы противостоять льву. Великие мужи сказали: «Много есть хитростей, которые оборачиваются против самого хитреца, много коварных уловок, которые оборачиваются против применившего их». Так и было, когда волк захватил нору шакала, но коварство обернулось против него самого. Поэты по этому случаю просверлили жемчужины мыслей и сложили такие стихи:

Будь добрым и не помышляй о зле,
Не твори зла, а не то пожнешь зло.

– А как это было? – спросил самец, и самка стала рассказывать.

Рассказ 52

Рассказчики историй и преданий сообщают, что однажды волк поселился в норе шакала, дабы прибегнуть к коварству и хитрости. Он рассчитывал хватать каждое животное, которое входило туда, чтобы тем самым обеспечить себе дневное пропитание.

Шакал пришел к своей норе и увидел следы зверя, ведущие в его жилище. Он остановился у входа с бьющимся сердцем и подумал: «Конечно, в нору проник опасный зверь и сидит в засаде. Безусловно, глупо лезть в нору без проверки и предосторожности».

Шакал решил схитрить, повернуть коварство волка против него самого и подал громкий голос. Волк безмолвствовал и ждал, когда шакал войдет в нору. Не услышав ответа, шакал сказал громко:

– О нора моя! Ведь ты всегда отвечала на мой зов. Не услышав отклика, я никогда не входил внутрь. Что же случилось сегодня, что мне нет ответа? Ведь ты создана из камней и скал. Разве не долг твой отвечать вопрошающему и давать ответ зывающему? Ведь сказали:

Гора, что состоит из камней, говорит мало,
Но если приветствовать ее, даже она ответит.
Тот, кто не отвечает на привет,
Хуже камня на пути истины.

Быть может, сегодня кто-нибудь забрался внутрь и ты из-за этого наложила на уста печать молчания? Быть может, ты боишься и потому безмолвствуешь? Что ж, я покину тебя и поселюсь в другой норе.

Волк подумал, что, вероятно, нора обладает свойством отвечать голосом на призыв, но теперь молчит от страха. Опасаясь, как бы шакал не ушел совсем и он не лишился бы своей добычи, волк закричал:

– Служу тебе, о, шакал!

Он произнес это таким голосом, что по всей степи прокатился отзвук. Ведь говорят: «Лай собаки звучит только миг. Волчий же рык отдается воем».

Шакалу все стало ясно, он побежал назад и встретил пастуха, с которым водил дружбу. Шакал рассказал ему обо всем. А пастух уже давно был зол на волка и решил не терять такой удобный случай. Он взял большой камень и завалил им вход в нору. Спустя несколько дней волк околел там от голода и жажды. Выражение «Каждая душа – заложник того, что сотворила» подтвердилось этой притчей.

– Цель этой притчи такова, чтобы тебе не оказаться в таком же положении, – заключила самка.

Самец-рысь в ответ рассмеялся и сказал:

– Это ведь рассказ о волке. А мы с ним различаемся во всем, с головы до пят, от ушей до хвоста. Ведь известно, сколько ума в голове волка. Если бы он был умен, то знал бы, что камни и комья земли не могут разговаривать.

Самец и самка продолжали еще пререкаться, когда возшла звезда появления царя зверей и над степью поднялась пыль. Обезьяна, веселая и радостная, вышла навстречу и рассказала о том, как рысь захватила его логово. Лев струсил и сказал:

– У рыси не может быть столько храбрости и дерзости. Быть может, это какой-нибудь зверь посмелее и пострашнее меня, который дерзнул на такой поступок и подобное безрассудство. Ведь и в Коране сказано: «Над каждым знающим есть более знающий».^[317] Среди тварей на каждого слабого приходится сильный, на каждую мягкую лапку – могучий коготь. И мудрецы по этому поводу сказали: «Хотя камень и

кажется очень твердым, сталь дробит его на части. Хоть сталь и крепка, но огонь размягчает ее, словно воск. Если огонь вознесется слишком высоко, то вода гасит его. Если вода станет слишком играть и важничать, то земля поглощает ее. Если же земля потеряет скромность, то ветер подымает ее в воздух, а потом низвергает вниз». Как бы то ни было, надо принять меры предосторожности.

И лев стал осматриваться. А самка-рысь тем временем сказала самцу:

– Нам надо поскорее удирать, ибо показался лев, он идет, словно ярый слон, мощный и грозный.

– Эй, самка, замолчи! – отвечал самец. – Что смыслишь ты в этом? Ведь нередко войско в страхе и ужасе терпит поражение и пускается в бегство, не обнажив даже меча, не притронувшись к сабле, не вытащив стрелы из колчана. Хотя на стороне льва – мощь и сила, грозность и устрашение, как об этом сказали: «Если у исполняющего дело сердце льва, то иголка творит то, что и меч [318]», – однако же, когда лев приблизится, заставь детенышей вопить и визжать, а сама скажи: «Эти детеныши привыкли к мясу льва и постоянно требуют его. Ни за что не желают отведать мяса других зверей, что у меня заготовлено».

Лев подошел к логову, оглядываясь по сторонам, в страхе и ужасе озираясь направо и налево. А рысь со всем семейством скрылись в логове и смотрели оттуда.

Самка, как ей было велено самцом, заставила детенышей поднять крик и визг. Тогда самец закричал на самку:

– Эй, подлая! У нас столько добра, такая власть и сила, так что же ты заставляешь детей плакать и жаловаться?

Самка отвечала:

– Эти паршивцы так избаловались, что ничего не желают. Подавай им мяса льва, да и только!

Самец опять заговорил:

– Только вчера я принес мясо льва, слона и пантеры. Должно же было что-нибудь остаться. Дай им, пусть насытятся и перестанут скулить.

– Благодаря твоему счастью и могуществу у нас много всякого мяса. Но они не хотят копченого или вяленого, просят свежего мяса с кровью. Мало того, они желают сами поохотиться, чтобы насладиться живой добычей.

– Потерпите немного, – проворчал самец, – и помолитесь богу, чтобы вернулся хозяин этого логова, которого я уже давно поджидаю. Быть может, на ваше счастье он скоро воротится. Во всяком случае, на первое время мяса хватит. А там и другие звери, которые верно служат нам, позаботятся.

Лев, слыша такие речи, сильно испугался, ему стало страшно, и он со всей поспешностью пустился наутек, не успев даже оглянуться. Он стал сильно упрекать обезьяну:

– О брат мой! Разве не говорил я тебе, что это опасный и грозный зверь. Потому-то он так осмелел и без страха решился разграбить мое логово. У меня нет другого выхода, как бежать прочь и оставить ему жилище.

– Пусть царь зверей не боится и не страшится, – сказала обезьяна. – Это всего-навсего слабый зверь. Тебя напугали его пустые речи и бахвальство. Из-за хвастливых слов не следует покидать насиженное место, из-за его наглости не следует бросать старинные уголья. Ведь говорят индусы: «Слону не следует покидать место от страха перед комаром, дервишу из-за вшей не следует выбрасывать свое рубище».

Короче говоря, обезьяна вселила в сердце льва смелость, и он вернулся, подавляя дрожь от страха.

Самка рыси увидела, что лев вернулся, и стала упрекать самца. Самец же понял, что лев повернул по

наущению обезьяны. Когда лев подошел ближе, самец велел самке повторить то, что она говорила в первый раз. Когда детеныши завизжали и завопили, самка молвила:

– Дети мои! Пусть терпение будет вашим украшением. Моя названная сестра, обезьяна, очень хитра и коварна. Я отправила ее, чтобы она во что бы то ни стало, чего бы это ни стоило, употребив все колдовские чары, вернула назад льва.

Лев, поверив словам рыси и убедившись в коварстве обезьяны, которая якобы нарочно заманила его к логову, не нашел лучшего выхода, как бежать, счел это своим спасением. Он посмотрел на обезьяну, осыпая ее упреками. Обезьяна не на шутку испугалась, стала божиться, клясться, так что она оправдалась и выгородила себя, снова повторила, что захватчик логова – всего-навсего рысь, которая не такой уж крупный зверь. Лев ответил на это:

– Конечно, ты не боишься его! Я стану биться с ним, ты влезешь на дерево, а он настигнет меня одним прыжком.

Обезьяна забралась льву на шею и сказала:

– Если, упаси боже, возникнет опасность, пусть я стану пленником беды и напасти, пусть то, что случится, в первую очередь постигнет меня.

Лев осмелел немного и опять вернулся к логову. Самка стала повторять те же слова, заставив детенышей пищать и визжать. Рыси изнутри видели льва и обезьяну, оставаясь невидимыми для них. И самка говорила:

– Детки мои! Потерпите еще один денек, как бы это вам ни было трудно. На этот раз моя сестра обезьяна вернется с победой. На случай, если лев будет мешкать с приходом или же испугается чего-нибудь, я велела ей повиснуть на его шее, чтобы ему стало тяжело и он забыл бы об опасениях.

Лев, слыша такие речи, перестал верить обезьяне, еще больше испугался и пустился бежать. Лев совершал такие прыжки, что побил обезьяну о камни. Как ни молила она его, как ни заклинала, подозрения льва все больше росли. Наконец обезьяна околела и вручила душу богу.

Итак, рысь-самец благодаря сообразительности и уму стал хозяином логова льва, спасся от его когтей.

Когда попугай закончил повесть о льве и рыси, Мах-Шакар попросила рассказать о женщине, ее детях и барсе. Попугай собрался приняться за эту повесть, но в тот же миг лев утра из клетки востока выскочил в степь запада, а дети-планеты от блистания солнца скрыли свои яркие лица под покрывалами.

ПОВЕСТЬ о женщине и ее детях, о том, как барс напал на нее и как она спаслась от него

На двадцать девятую ночь, когда барс с горы неба погрузился в пещеру запада, когда дети-звезды из свивальника востока вступили в колыбель неба, Мах-Шакар, это чудо красоты, эта беспредельная прелесть, украсила себя уборами и нарядами, а лицо и подбородок увенчала чоуганом локонов и шариком родинки. Как и вчера, она пришла к попугаю. И перед тем как вымолить разрешение на свидание с любимым, она попросила рассказать о барсе и женщине, как это ей было обещано накануне.

Попугай проявил преданность и верность слуги, облобызал землю и вознес пожелания добра, а потом сказал:

– Твой покорный слуга нисколько не станет мешкать с этим рассказом, ничто меня не удерживает. Я расскажу его без запинки и задержки, раскрою его тайный смысл. Но я опасаюсь, как бы этот рассказ не оказался таким же длинным, как и косы красавиц, а эта ночь – такой же короткой, как и челка темноволосых дев. Так что ночь кончится, а желание твое не исполнится.

Мах-Шакар настаивала:

– Эти жемчужины мыслей надо просверлить как можно скорее, повествование надо изложить в краткой форме.

Рассыпающий самоцветы извлек жемчужину слова из моря красноречия и сказал.

Рассказ 53

Жил в одном городе некий купец, была у него жена, очень злая, коварная и подлая. И днем и ночью, словно злая собака, она грызлась с мужем, от ярости он весь дрожал, словно от холода. Есть же такая пословица:

Если у мужа жена скоро на язык,
То он оказался в одном мешке с дикой собакой.
Домашняя газель, которая брыкается,
Подобна лютому волку, острящему клыки.
Сокращает жизнь своими препирательствами
Жена, которая груба и языкаста.

Муж, поскольку на ее попечении было двое малых детей, не говорил ей дурного слова, как бы она ни притесняла его, сносил все безропотно.

Когда же стало невмозмутно от ее скверного характера, когда дальше уже некуда было идти, муж, который до тех пор сносил бремя ее дурного нрава и своей тяжелой участи, влил ей затрещину, избрав в наставники, руководители и советники слова Пророка – да будет мир над ним: «Не отрывай палки твоей от твоих людей». А еще он пожаловался ее родным в таких выражениях:

Пожаловался я, хотя это и не в моих привычках.
Однако душа моя, когда переполняется, выходит из берегов.[\[319\]](#)

Жена в ярости и гневе подхватила детей и ушла в степь. В злобе и ненависти она брела по пустыне, шла долго и оказалась, наконец, в развалинах. Когда пламя ее гнева немного улеглось и огонь утих, она раскаялась в содеянном, пожалела о том, что так необдуманно поступила. Она страшилась гудей пустыни, боялась диких степных зверей. Хотя ей виделись в пустыне лики смерти, и она считала себя уже в числе покойников, она не растерялась и сохранила твердость духа, ибо такой уж был у нее жесткий нрав.

Как раз в этот момент навстречу ей вышел голодный барс, свирепый как лев. Он обрадовался, что обрел сразу три добычи, собрался было прыгнуть и одним ударом покончить с женщиной и двумя ее детьми. Женщина же, оказавшись беспомощной и беззащитной, только подумала: «Та, кто не подчиняется мужу, кто без его разрешения покидает дом, кто грубит ему и замышляет против него дурное, достойна именно такой участи!»

Она поклялась, что, если спасется из пучины гибели, будет во всем слушаться мужа, глазом не моргнет без его дозволения, и решила спастись во что бы то ни стало. «Если я спасусь, – думала она, – то цель достигнута. А если нет, то меня простят мудрецы». И она громко возопила, обращаясь к барсу:

– Не торопись, потерпи немного! Если ты жаждешь убить нас, то лишишься собственной жизни, не спеши. Я скажу о тебе похвальные и любезные слова, дам тебе наставления. Если ты их одобришь, то тем лучше. А если нет, то мне хуже не будет.

Барс удивился, что женщина стала изрекать назидания на краю гибели, и подумал: «Здесь кроется какая-то тайна, раз эта женщина так натянула поводья слова и так высоко подняла знамя речи». И он сказал:

– Что это за назидания и благопожелания? Торопись и говори, ибо пламя моего голода вздымается до самых небес и даже выше седьмого неба.

– Мне за тебя больно и обидно, – сказала женщина. – Ведь здесь неподалеку ходит свирепый

кровожадный лев. Он одним прыжком может сокрушить весь мир, одним ударом перевернет весь свет. Каждый день на завтрак он пожирает трех человек. Все люди и обитатели земли во имя общего блага приняли это условие, покорно и смиренно каждый день доставляют ему эти три жертвы. Остальные же пребывают в покое и благополучии, не зная забот и тревог, – ведь лев обещал не трогать других. Сегодня настала моя очередь, жребий пал на меня и моих детей. И вот я с детьми пришла, чтобы исполнить его прихоть. Случайно в этот момент лев увидел другую добычу, оставил нас здесь, а сам поскакал разить слонов. Мы его дожидаемся, вот-вот он вернется, словно дождевая туча. Если он увидит тебя рядом с нами, то он подумает, что ты напал на нас, и примерно накажет тебя. Так что если ты хочешь убить нас, чтобы утолить свое минутное желание, то мне это кажется неблагоразумным, ибо ведь Пророк – да будет мир над ним – сказал: «Часто страсть на один час влечет долгую скорбь». Ведь лев – страшный тиран и кровожадный насильник. А уж как он скор на расправу! Он тотчас нанесет тебе множество ран и уничтожит. А виной тому будем мы. Но из этого положения есть выход. Поскольку срок нашей жизни уже кончился, то съешь одного мальчика и половину моего тела, а другого мальчика и другую половину оставь для царя зверей. И ты утолишь свой голод, и лев не станет выходить из себя. А то ведь семь небесных сфер и семь поясов земли не вынесут груза его ярости! Ведь даже небесный Лев, сколь он ни велик, не смеет смотреть на этого льва.

Барс, как только выслушал от женщины веские и убедительные слова, сильно испугался, схватился за голову и ударил лапой по полю бегства, говоря: «Бежать от того, что не снесешь, – завет Пророка».

Вдруг показалась лиса, и барс рассказал о том, что случилось. Лиса стала укорять его и говорит:

– Воистину правду сказали: «Кто храбр, тот и глуп». В тебе только и есть что смелость и храбрость, но нет у тебя величия духа. Ум и знания, разум и сообразительность дарует только бог. Да будет тебе известно, что человек с головы до пят – сплошь козни и хитрость, со ступни до самой макушки – сплошь ложь и коварство. Даже мы, лисы, которые столь прославились своей хитростью и носим на спине шкуру притворства, и то не можем спастись от людей, избежать их насилия и неверности. То шкуру они с нас сдирают, то шубу шьют, то собак натравливают, то пускают в нас смертоносные стрелы. Одним словом, они столь коварны, что глаз небес изнемогает, когда смотрит на них, а родник солнца мутнеет, когда видит их. В особенности хитры их женщины, которые только и знают что уловки и плутни. Берегись же, вернись, не обольщайся ее словами и расправься с ней. Быть может, и нам достанется что-нибудь с твоего пиршественного стола, перепадет кусок по твоей милости.

– Твои слова имеют основание, – отвечал барс. – Так и есть, как ты говоришь. Но может и так стать, что слова женщины правдивы. Ведь если нагрянет лев, ты спрячешься в свою нору, а я угожу в лапы гибели!

– Если ты не веришь моей пронизательности, – сказала лиса, – и не ценишь мою находчивость, тогда привяжи меня к своей лапе и неси туда. Коли придет лев, то брось меня ему на закуску, а сам спасайся бегством.

Барсу слова лисы понравились, в его сердце вернулась толика храбрости, он перевел дух. Привязал он лису к ноге и вернулся назад. Как только женщина увидела их, она сообразила, что это проделки коварной, хитрой и жадной лисы. Она ничуть не растерялась, виду не показала им, что ей страшно, повысила голос и сказала приветливо:

– Добро пожаловать! Поспешай! Да будет тебе известно, о барс, что я – гиена, это правда, а не притворство. Вот уже третий день, как мои дети голодают. Пламя их жадности готово спалить колосья Плеяд и гумно Луны, морские волны и те могут сгореть в огне их голода. А когда я рассказала тебе, что готова принести в жертву себя и детей, это все было неправдой и ложью. Я хотела привести тебя в ярость, чтобы ты подошел поближе к моим детям, чтобы они могли схватить тебя. Когда же ты спасся бегством, я

очень горевала и безмерно раскаивалась. Теперь же, вернувшись, ты оказываешь милость и сочувствие моим детям. Но с собой ты привел какого-то слабого зверя. Может быть, ты хочешь принести его в жертву за себя и тем самым спастись самому? Так знай же, что он не утолит нашего голода. Чего можно ожидать от него? Что толку проглотить его? Кто им насытится? Коли уж ты пожалел нас и приносишь себя в жертву, тебе надо бы привести льва или слона, птицу Рух[320] или носорога, чтобы я и дети мои могли наесться.

Барс, услышав такие слова, ужаснулся и уstraшилcя, и они оба пустились наутек. Они пробежали три фарсанга, не оглянувшись назад. Когда барс скакал по скалам и горам, привязанная лиса поранилась о камни, но барс не выпускал ее, без конца упрекая, а потом сказал:

– Это из-за твоей алчности и жадности, из-за твоих подстрекательств я чуть было не угодил в лапы к колдунье! Из-за твоих наветов я был на краю гибели, рядом со смертной пропастью. Если я не воздам тебе по заслугам и не накажу как следует, мне нет места среди мужей, нельзя никому на глаза показаться!

Лиса видит, что дело плохо, что барс намерен свести с нею счеты, и стала придумывать, как бы спастись и поправить свое положение. Она тотчас засмеялась и заулыбалась. Барс удивился такому поведению и спросил с угрозами и гневом, почему она смеется.

– Я смеюсь над твоей глупостью и невежеством, – отвечала лиса. – Ты таскаешь меня на ноге, словно якорь, ты превратил меня в собственные оковы. Ведь может статься, что эта гиена-колдунья догонит нас – а на тебе висит такой тяжелый груз. Стоит ей увидеть двух зверей, связанных вместе, как тут же разгорится у нее аппетит.

Барс нашел слова лисы разумными и справедливыми и отвязал ее. Глянула она на него и говорит:

– Эй, дурак! Посмотри, колдунья идет.

Барс мигом пустился вскачь, и лиса спаслась от его когтей. А женщина вернулась к себе домой и после того во всем слушалась мужа.

Когда попугай завершил свое повествование, Мах-Шакар была утомлена, видения сна уже захватили ее взоры, и она направилась к коврам и улеглась на ложе покоя. И в тот же миг белый шатер утра пополз вверх по ртутному столбу небес, и тут же на зеленом троне небосвода утвердилась круглая подушечка солнца.

– Итак, Мах-Шакар, – закончил попугай, – смысл этой притчи в том, что если и ты, как та женщина, сумеешь прибегнуть к хитрости, то в этом нет ничего дурного. Ступай, тебе не нужно моего разрешения. Но если приключится беда, то действуй именно так и спасай себя.

ПОВЕСТЬ о синем шакале

На тридцатую ночь, когда фараон-меченосец солнца со спины серого коня небес сошел в реку Нил на западе, когда светлый Муса^[321] луны вступил на Синай небес из сундука востока, Мах-Шакар, ради свидания с любимым намереваясь отправиться в дом к возлюбленному, украсилась на все сто ладов, облачила стан, подобный кипарису, в одеяния прелести и наряды красоты и пришла к сладкоречивому попугаю, горя желанием встретиться с любовником. Она стала просить его разрешения уйти. Но не в пример прошлым ночам, на этот раз она не слишком настаивала.

Попугай, видя, что желание ее не столь велико, обрадовался, возликовал и заулыбался. Он приветствовал ее, облобызал прах, оказал подобающие почести, как раб, воздал ей множество похвал и славословий, а потом закончил так:

– Если госпожа не станет осуждать и наказывать меня, я хотел бы поведать ей мысль, которая озарила меня.

– Ни осуждения не будет, ни наказания, – сказала Мах-Шакар – Все будет хорошо. Говори, чтобы и мне узнать озарившую тебя мысль.

И попугай приступил к изложению так:

– Благодаря уму и сообразительности, благодаря разуму и прозорливости мне открылось, что этот человек, любовь к которому ты избрала, тот, кого ты полюбила, неблагодарен, плохого происхождения и дурно воспитан, что он просто негодяй и скряга. Если это действительно так, если мои мысли дозрели, то жаль, что такой драгоценный камень, как ты, достанется скупому человеку, что такая чистая основа будет осквернена мерзавцем. Великие мужи сказали:

Самоцвет, который украшает венец султана,
Никто не станет прикалывать к постромкам.

– Мне ничего не известно и я ничего не знаю о его происхождении или же о том, что он скуп, – отвечала Мах-Шакар. – Но если ты сумеешь объяснить мне, кто он по происхождению и каков по характеру, то это будет с твоей стороны проявлением преданности и доброжелательства.

– Это очень легко узнать, – отвечал попугай, – совсем просто постичь. Великие мужи по этому поводу сказали: «Чистота происхождения и низость рода всегда проявляются в человеке, ничем невозможно их скрыть. Пусть весь мир благоухает от его аромата или пусть его зловоние распространится на весь свет, тем не менее, за разговором или за едой, в беседе или манере слушать наследственные черты человека, каковы бы они ни были, хороши или плохи, непременно проявятся. И сколько бы благородный ни рядился

в одежду скряги или как бы ни хотел низкий выдать себя за благородного, в силу того, что их свойства основные, что их нравственные качества природны, их притязания перед внимательным взглядом никогда не подтвердятся, проявится их ложность и притворство, как это случилось с тем синим шакалом, который захотел быть царем зверей. Этому шакалу некоторое время удавалось сохранить тайну, пока, наконец, его лай и завывания не выдали подлинного его происхождения. И тогда его лишили царского сана. А мудрые мужи по этому поводу сказали:

Если в основе – подлинная драгоценность,
То воспитание дает свои плоды.
Но никто не сможет отполировать как следует
Железо, которое грубо по происхождению.
Собаку омой хоть в семи морях —
Намокнув, она станет еще отвратительней.
Осел Исы, если даже его привести к Каабе,
Вернувшись, останется ослом.

– А что это за синий шакал? – спросила Мах-Шакар, и попугай ответил.

Рассказ 54

От рассказчиков преданий я слышал, что в давние времена какой-то шакал завел привычку приходить в город и рыскать по чужим кухням. Каждую ночь шакал забирался в чей-нибудь дом, никак не мог отвыкнуть от этого.

Однажды ночью, когда небеса украсились, словно храм манихейцев^[322] или картинная галерея Артанг, когда небосвод стал подобен хамелеону, переливающемуся всеми цветами, шакал, по своему обычаю, отправился искать хлеб насущный, не зная ни минуты покоя. По воле чудесного случая он наткнулся на чан с краской индиго, с которого была снята крышка. Нарушив общепринятое правило брать еду рукой, он сунул в чан голову и свалился внутрь. С превеликим трудом, после долгих усилий, вылез он оттуда, окрашенный с головы до пят краской индиго в синий цвет, и пустился галопом в степь.

Так шакал превратился в странного зверя, чучело или пугало, ибо с первых дней творения до наших дней под синим куполом неба еще не было живого существа такой окраски и никто не видел ничего подобного.

Звери и животные, завидев такое чудище, испугались и устрашились. Все животные отвернулись от льва, перестали ему служить и порешили:

– Владычества и царского сана достоин именно этот страшный и грозный зверь. Стоит только взглянуть на него, как в сердце поселяется ужас и страх, в груди – испуг и боязнь. Под синим небосводом еще не было ни одного зверя, похожего на него, никто не видал ничего подобного.

Все они договорились и обязались повиноваться шакалу, и вот звери и животные стали собираться стаями и кланяться до земли в знак рабского повиновения. Они стекались к нему толпами и били челом во прах. Даже лев и тот признал его власть, тигр, леопард и слон оказались в кругу его свиты. Шакал только диву давался такому обороту событий, он чувствовал себя смущенным и немного боялся, так как не заслуживал таких почестей и подобного сана.

Чтобы не раскрылась его тайна, чтобы никто не догадался об истинном положении, шакал не подпускал близко сильных зверей и держал при себе только слабых животных. Большим зверям он приказывал садиться поодаль, а малых подзывал к себе. Много ли было животных или мало, он всегда требовал соблюдать порядок и вскоре стал возноситься в гордыне над другими животными.

В тот день, когда он устраивал приемы, перед ним выстраивалось пять рядов. В первом ряду находились лисы и шакалы, во втором – медведи и кабаны, в третьем ряду стояли волки и гепарды, в четвертом – тигры и леопарды, в пятом – львы и слоны. И ни одна тварь не смела не только нарушить этот порядок, но даже заикнуться об этом. Ведь великие мужи сказали: «Никто не смеет перечить воле падишахов. Они сами блюдут свою пользу и одного приближают, другого отдаляют, одному дают состояние, у другого отбирают жизнь, одного гонят прочь, другого вводят во дворец».

Если падишах властвует в своей стране,
Он то рубит головы, то награждает венцом.
Подобен туче могущественный властелин:
То молнию извергает, то влагу.

Когда же к нему приходили с воем и гиканьем шакалы, правитель зверей в силу своей природы вместе с ними затягивал пленительную и задушевную на свой вкус мелодию. Он проводил время в кругу равных себе, и никто даже не догадывался об этом. Так он продолжал обманывать всех некоторое время, животные и звери стали ему полностью повиноваться, и вся округа – подчиняться.

Но потом шакал возгордился, стал чураться шакалов и лис, даже прогнал их от себя, а приближенными сделал зверей, что были сильнее и могущественнее его. Им овладела уверенность и беспечность, он перестал думать о последствиях и о том, чем все это может кончиться. А лисы и шакалы меж тем стали совещаться и сказали:

– Воистину пора правления этого царя зверей уже кончилась, плечо его владычества и спина власти уже согнулись, так как он удалил от себя своих давних слуг и приблизил новых.

Если Аллах захочет отнять власть у какого-нибудь рода,
Тот совершает ошибки в управлении.
Коли омрачится судьба мужа,
То он начнет делать то, что не подобает.

Шакал каждому из животных оказывал какую-либо милость и продолжал править в тех краях над вольными зверями. Они же благодаря его милостям наступали пятой гордыни на шею Кейвану, ногой спеси попирали самого Мирриха. И вот однажды, когда настала ночь, когда мир переполнился натертым галие, звери и животные обрели покой, шакалы и лисы завели свои жалобы и причитания на все голоса. Синий правитель упустил из рук поводья власти, у него не осталось силы и самообладания, и он вместе со своими единоплеменниками затянул нескладную песню, стал завывать и скулить, как они.

Звери, что были поблизости, услышав его голос, тут же смекнули, что это воеет шакал. Им стало стыдно друг перед другом за свое легкоеверие и недалекость, за то, что они оказались посрамленными. Упрекая сами себя, они прогнали синего шакала с большим позором и великим стыдом, намяв ему как следует бока, надавав пощечин и тумачков. Бедняга был так изранен и избит, что к нему вполне применима стала пословица: «Утром был эмиром, вечером стал пленником».

Несчастный шакал, униженный и обиженный, бежал из тех мест и поселился в дальней степи. Подружившись со стаей шакалов, он поведал им свою повесть от начала до конца. Они сказали:

– Видишь, брат, ты по неведению совершил большую ошибку. Ты взвалил на себя бремя великого сана, но проявил пренебрежение в сохранении его. Ты взялся за дело, которое было тебе по плечу, но проявил легкомыслие в осуществлении его. Ведь великие мужи сказали: «Каждого, кому счастье покажет свой лик и кто не может оценить по достоинству это благо, каждого, кто достигнет великого сана и высокого положения, но преступит свой предел, кто отгонит от себя нас, старых рабов и верных слуг своих, и приблизит к себе чужаков и дурных людей, кто способен лишь на мелкие и ничтожные делишки, но притязает на великие и важные деяния, кто не посвящает своих близких и родных в тайны и секреты, но доверяет сокровенное чужакам и посторонним, несомненно ожидает то же самое, он кончит так же». И мудрецы также сказали: «Мудр и учен тот, кто не хвастает неуместно, кто не кичится попусту, кто предстает пред людьми таким, какой он есть на самом деле, чтобы не осрамиться и не опозориться, не быть униженным среди людей», как это случилось с тобой.

В той стае был шакал, умный и сообразительный, бывалый и опытный. Он молвил синему шакалу:

– Причина того, что случилось с тобой, из-за чего ты лишился столь высокого сана, что пал с такого высокого престола, в том, что ты не держал язык за зубами, что не вовремя и некстати поднял вой и крик.

Если бы язык твой хранил тайну,
То мечу не было бы дела до твоей головы.
Меч выковали ради того, чтобы он отнимал жизни,—
Потому-то и сделали его похожим на язык.

С тобой случилось то же самое, что с ослом купца, который притязал на то, что он лев, но рев его

засвидетельствовал обратное. – А как это было? – спросил синий шакал, и бывалый собрат стал рассказывать так.

Рассказ 55

Повествуют, что некий купец в стране Хорасан по воле превратностей судьбы и несчастий мира перешел от утра благосостояния к вечеру бедности. От всего мирского богатства, от всех сокровищ и денег у него остался лишь один осел. Купец полностью разорился, дела его так расстроились, что поправить их было невозможно. Он только и мог, что взваливать тяжкие вьюки на своего осла, нисколько не заботясь о нем.

И вот осел от голода и лишений дошел до такого состояния, что он и днем и ночью воздевал морду к лугам небес, устремлял взоры к долинам небосвода.

То он просил ячменя у созвездия Девы,
То на Млечном Пути выпрашивал молока.

Хозяин так страдал оттого, что нечем накормить осла, что сам исхудал и отощал. Но у купца была львиная шкура, которую ему подарил друг. Нужно заметить, что купец тот был шутником и человеком веселого нрава. Он прикрыл морду и уши, хвост и копыта.

Некоторое время осел привольно пасся на нивах и в садах, пока не отъелся и не окреп. Сторожа садов и полей принимали его за льва и, завидев, взбирались на деревья или прятались в пещерах. Так он блаженствовал на тучных нивах и в садах в благоденствии и покое, раздобрел и разжирел. Однажды ночью этот осел пасся в саду, пощипывая траву, и вдруг поблизости услышал рев себе подобного, глас другого осла. И он заревел во всю ослиную глотку, оправдывая выражение: «Воистину, самый мерзкий голос у ревающего осла».[\[323\]](#) Хотя хозяин строго наказывал ослу ни в коем случае не подавать голоса, однако его гордость и мужское достоинство не позволяли ему уступить ревом другим ослам. Он издал зов пронзительный и душераздирающий и долго не мог угомониться.

Осел, если уж начнет реветь,
Продолжает долго, не иначе.
Ведь и трубач, настроившись на нужный лад,
Потом заводит длинную мелодию.

Осел все еще продолжал реветь, когда к нему сбежались со всех сторон сторожа, отлупили и отколотили его как следует. Они сорвали с него, словно кожу с вора, львиную шкуру, привязали к дереву и стали колотить, словно били в литавры падишахов или барабаны газиев. Они хотели рассчитаться с ним за пережитый страх и не переставали учить его уму-разуму до самого утра. Наконец цветы планет и огни звезд исчезли с лужайки неба и нивы небосвода, а петух старушки, словно соловей в саду, затянул свою мелодию. Купец пришел к тому дереву, попросил прощения у садовников, отвязал полуживого осла и стал наставлять на путь истины. Но уже было поздно, ведь великие мужи сказали: «Какой смысл подвешивать жемчужины назидания к ушам осла? Какая польза надевать собаке золотой ошейник?»

Когда бывалый шакал кончил свой рассказ, синий не проронил ни слова. Подавленный и огорченный, он повесил голову.

– А теперь узнай, о Мах-Шакар, – сказал попугай, – смысл этой притчи в том, что, как бы человек низкого происхождения и низменных наклонностей ни пытался скрыть свою природу и род, его поступки и повадки, его слог и слова будут свидетельствовать о том, кто он на самом деле, и произойдет это очень скоро.

Когда Мах-Шакар постигла сокровенный смысл этой притчи, она подумала, что ночь уже кончилась и

скоро настанет утро, что уже нет времени на то, чтобы узнать характер любимого и понять, что он собой представляет, что лучше вернуться к себе в покои и почивать на ложе неги. Она размышляла так, когда просторы мира озарились утренними лучами солнца, как ее лицо, а лик неба очистился от блесков звезд.

ПОВЕСТЬ о Хуршид, жене купца Сайда, чрезмерная красота которой стала причиной ее несчастья

На тридцать первую ночь, когда златоликая госпожа солнца из-под семицветного покрывала неба ушла за завесу запада, когда солнцеликий тюрк луны перешел с востока на свод небес, Мах-Шакар, от смущения перед лицом которой блистательное солнце прикрывает свой лик завесой из туч, а луна, столь лучезарная и светлая, от страсти сгибается, словно чоуган, пришла к попугаю, приготовившись к свиданию с любимым. Как и прошлой ночью и другими ночами, она завела с ним разговор, стала вновь рассказывать о своем безумии, любовном недуге, страсти.

Попугай сначала выказывал подобающие почести, показал искренность своих помыслов, а потом сказал:

– На этот раз госпожа пусть идет в здравии и счастье, спокойно и благополучно, да побыстрей возвращается. Но прежде прошу смириться и ответить мне на один вопрос. А потом уж торопись.

– Что это за вопрос? – спросила Мах-Шакар. – Говори. Какова твоя цель? Быть может, я смогу помочь тебе.

– Знаешь ли ты, – спросил попугай, – откуда берутся у влюбленных тяготы и трудности, переживания и страдания? Из-за чего у влюбленных горести и скорби, томление и грусть?

Мах-Шакар, хотя все это ей было хорошо известно, и она могла дать ответ на его вопрос, тем не менее, притворилась, что не знает и ведать не ведает, и молвила так:

– Это мне совсем неизвестно. Но если ты знаешь что-нибудь об этом, то скажи мне.

– Да будет тебе ведомо, – сказал попугай, – что все беды, которым подвергаются влюбленные, все несчастья, которые обрушиваются на тех, кто страстно любит, происходят из-за красоты и прелести возлюбленной, из-за совершенства и изящества красавиц. Ведь говорят:

Среброгрудые красавицы, что кажутся тебе луной,
В душе таят скорпионов черных локонов.
Их кудри – разбойники из страны жен.
Их глаза – газели, поражающие львов.
Они – основа любви, но приверженцы злобы,
Они – враги души, но друзья лица,
Их уста – гибель для благочестия,
Над их ушами вьется локон бедствий.

И часто случается, что красота порождает несчастье красавицы, краса губит тех, кто обладает совершенством: подобно тому, как лису губит мех, а павлина – перья. Подобное приключилось и с женой купца, прелесть которой стала врагом ее жизни, а красота – причиной страданий и мук.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай стал рассказывать.

Рассказ 56

В книгах преданий повествуют, что в стране Ливан жил купец. У него было два сына. Старшего звали Сайд. Он был рожден от свободной женщины. А младший сын родился от музыкантши-наложницы и звали его Зубейр. У Сайда была жена по имени Хуршид, пред лицом которой красота неба казалась ничтожной, сама луна побиралась на току ее красоты. Она обладала совершенной прелестью и изяществом, была привлекательна и великолепна, обладала неизмеримой красотой и похвальным совершенством, была пленительна и соразмерна, целомудренна и добродетельна.

Творец создал ее из совершенства,
Клянусь господом, прекрасна божья милость.

Но вот в один прекрасный день купец оседлал коня путешествия и послал вперед проводника по торговым делам, жене передал право распоряжаться состоянием, а все дела по дому и хозяйству поручил Зубейру, младшему брату.

Не прошло и нескольких дней после отъезда Сайда, как Зубейр увидел, что ристалище свободно, и погнался чоуганом оболъщения меч прелюбодеяния. Еще задолго до того чоуган локонов Хуршид похитил мяч сердца Зубейра, и он ждал именно этого дня, мечтал о столь удобном случае.

Но сколько ни отправлял он к Хуршид посланий, как ни пытался осквернить чистый родник грязью греха, не ведая, что солнце запятнать невозможно, красавица не поддавалась его уговорам. Она поступала только по правилам целомудрия и добродетели, стремилась только к чистоте и безгрешности.

Зубейр испугался, как бы жена брата не рассказала ему обо всем после возвращения и не опозорила его. И он решил, что надо разделаться с Хуршид до того, дабы она не разоблачила его и не вывела его на чистую воду. Ведь говорят же: «Птица с перерезанным горлом никогда не закричит».

И он пошел во дворец эмира и принес ложную клятву, оклеветав жену брата. Эмир был правитель, скорый на наказания, он не любил вникать в суть дела и приказал побить Хуршид камнями, подвергнуть розовые лепестки ее тела терзаниям и истязаниям. Говорят же в пословице: «Плодоносной ветви суждено сносить камни подлещов».

После того как ее побили камнями, Хуршид осталась жива, но невзгоды ее были еще впереди. Когда настала ночь, она, еле волоча ноги, пошла в дом купца, который был ее приемным отцом. Купец радушно встретил ее и проявил похвальное усердие, чтобы исцелить ее и вылечить. Он ухаживал за ней, как за любимой дочерью.

Прошло несколько дней, и тело Хуршид, которое посинело от побоев, как фиалка, стало подобным тюльпану и свежему жасмину. Кое-где еще остались рубцы, но, по счастью, они были в незаметных местах. Красота ее увеличилась, а прелесть удвоилась.

Если растолочь жемчуг, он не пропадет,
Он станет сурьмой для глаз и радостью для сердца.

Когда она поправилась телом и краса ее вернулась, сын того купца по имени Латиф влюбился в ее прекрасную внешность и потерял разум от совершенства ее речей. Он отправил послание, приложил бесконечные усилия и старания, чтобы добиться свидания с ней. Но Хуршид, как и прежде, блюла свою добродетель и целомудрие и ни за что не соглашалась на такие дела.

Когда Латиф отчаялся и потерял всякую надежду на свидание, он предался скорби и решился на

коварство. У его брата была маленькая дочь, которая привязалась к Хуршид и по ночам спала с ней в одной постели. И вот однажды ночью он, чтобы обвинить Хуршид и наказать ее, перерезал горло девочке, обагрив одежды Хуршид ее кровью, а нож, которым убил ребенка, бросил возле нее.

Люди проснулись, увидели девочку с перерезанным горлом и стали поносить Хуршид. Каждый выкрикивал всякие оскорбления, бил ее по лицу, подобному луне, рвал на ней волосы. Однако купец не верил подозрениям, твердо был убежден в ее невинности и прекратил этот произвол, не разрешив людям обижать ее. Но сына своего он заподозрил в дурном умысле против невинной женщины и велел поскорее выпроводить ее из дома.

Красавица, пораженная и огорченная, плача и стная, покинула дом купца. И по дороге она увидела, что собираются повесить какого-то юношу за неуплату долгов. Хуршид стало жаль его, она смилостивилась над ним, так как сама испытала горе и изведала страдания. Сказали же:

Тот понимает состояние сердца бедняков,
Кто носит шапку из того же войлока.

Хуршид сняла все свои драгоценности и отдала, чтобы расплатиться за того юношу. Люди были удивлены ее благородным поступком и воздали хвалу ее великодушию. А юноша, полагая, что красавица выкупила его, отдав столько золота, и спасла из пучины гибели только за красоту, пошел за Хуршид с греховными мыслями и вместе с караваном двинулся в Хиджаз, в Мекку. Они прошли несколько переходов, но намерениям юноши не суждено было осуществиться, он стал злиться, прибегнул к коварству и подлости и тайно продал Хуршид одному купцу, утверждая, что она его невольница, а сам вернулся назад.

Прошло некоторое время, и Хуршид узнала о том, что она продана. Она была поражена, впала в отчаяние и скорбь, стная и жалуюсь на судьбу.

И вот однажды ее спутники сидели на палубе корабля. Ее стоны и причитания разбудили людское сочувствие, народ пришел в волнение, шум и крики поднялись повсюду. Казалось, что слезы из глаз Хуршид питают всемирный потоп времен Нуха, [\[324\]](#) что пламя в ее груди иссушит всю воду морей.

Ее вздохи – молния, ее стоны – гром.
Ее глаза – туча, ее слезы – дождь.

Когда корабль стал тонуть, тот, кто купил Хуршид, а он был корабельщиком, обратил внимание на ее плач и причитания. Он понял, что все бедствия – результат молитв этой невинной женщины. Не сходя с места, он дал богу обет и поклялся творцу отпустить на волю и удочерить целомудренную невольницу, если его корабль не пойдет ко дну, выплывет из морских пучин.

Внезапно по велению всеславного творца буря перестала бушевать, морские волны улеглись, и корабль целый и невредимый благополучно прибыл к берегу.

Купец согласно обету и зароку, данному в столь трудный час, попросил прощения, отпустил Хуршид на волю и снабдил ее одеждой. Тут Хуршид подумала: «Пока я буду носить такие платья, пока буду ходить в женских нарядах, мне не знать покоя, мужчины проходу мне не дадут. Ведь говорят же: «Красота – это мучение и напрасные хлопоты».

Не долго думая, она облачилась в монашескую рясу, поселилась в келье, будто отшельник, и стала служить творцу, ступила на путь истины. Она постоянно повторяла с болью в сердце эти стихи:

Дворец людской полон лицемерия, обмана и вожделения,
Полагаться надо лишь на чертог владыки вселенной.
Любая слава исходит из того чертога.

О брат! Будь божьим человеком и не думай о другом.
Будь рабом владыки, ибо, если ты клеймен его иуенем,
Тебе днем не страшен шихне, а ночью – ночная стража.

Она так усердствовала в подвижничестве и воздержании, служении богу и отшельничестве, что прославилась, сповно мужи религии, стала знаменитой, словно ступившие на путь истины. Ее нога стала столь же благословенной, как у Хизра,[\[325\]](#) ее дыхание исцеляло, как дыхание Исы. Она добела омыла руки от страстей и вожделений, убила пса похоти мечом подвижничества. Ее святость была столь велика, что если она обращала взор на слепца, то он прозревал, если возлагала руку на больного, то он выздоравливал.

Слава об этом распространилась по всему свету, о ней заговорили во всех уголках мира. К Хуршид стали приходиться больные и калеки, и благодаря ее животворному дыханию им открывался в зеркале желаний лик исцеления. С каждым днем ее положение в мире все возвышалось, согласно выражению: «Кто совершил добро, то для себя, кто содеял зло, то против себя».[\[326\]](#) А что же с теми юношами?

Зубейр, брат мужа Хуршид, вскоре ослеп. У Латифа, который убил девочку, отсохли руки. А тот юноша, что продал Хуршид, заболел проказой. Когда до них дошла весть о монахе-чудотворце, все трое направились к той келье. А Сайд, муж Хуршид, вернувшись домой, нашел брата слепым и услышал рассказ о жене. Тогда он сам как поводырь повел своего брата к монаху.

Когда они прибыли к келье, то вознесли мольбу к чертогу бога через молитвы того, кто обитал в келье. Хуршид узнала их, обласкала всех и сказала:

– Да будет вам известно, что все события в этом мире бытия и тлена, все добро и зло, что происходит в разных концах света, целиком зависят от божественного предопределения и воли господней. Однако человек должен избрать своим постоянным спутником истину – возможно, что именно благодаря этому он ступит на путь спасения или ему откроются врата радости. Если вы хотите избавиться от своих бед и спастись от несчастья, то вам следует, как и тем трем юношам, оказавшимся в пещере, взять ходатаем правду, дабы она вызволила вас из ужасной пучины, спасла от напасти. Чтобы выздороветь и избавиться от недугов, вам надлежит следовать истине и поведать мне о грехе, который за вами числится.

– А что было с теми юношами? Открой нам, – попросили они, и Хуршид стала рассказывать.

Рассказ 57

В книгах сказаний повествуют, что однажды три друга вышли из города и в поисках сокровищ направились к пещере, спеша, словно дракон скакал за ними по пятам. То они находили клад и убивали змею,[\[327\]](#) то забирали золото и оставляли змею в живых. Но однажды случилось так, что вход в пещеру внезапно завалил упавший обюмок скалы, и они оказались запертыми в тесноте и темноте. Им стало невмоготу, и они то и дело взывали к всеславно-му господу, били челом о землю перед чертогом всевышнего. Они тыкались в разные стороны, искали повсюду, но нигде не было выхода и средства к спасению. И вдруг в теснине пещеры прозвучало: «И раздался глас в темноте, что нет бога, кроме тебя, слава тебе, воистину, я был из числа насильников». Один из них пытался снять тяжесть со скорбной груди чтением суры «Йа Син»,[\[328\]](#) другой вручал сердце и душу предопределению словами: «Мы довольны решением Аллаха»,[\[329\]](#) когда из дальнего уголка пещеры раздался голос: «Если хотите спастись, то поведайте друг другу правдиво грехи, которые есть за вами».

Они затрепетали от страха и ужаса, а потом каждый из них согласно хадису «Правдивость спасает» извлек из сокровищницы груди, словно динары и дирхемы, свой грех, выволоч из норы сердца, словно змею в степи, свои прегрешения.

Первый из них сказал:

– Когда-то я влюбился в наложницу отца и долго томился в разлуке с ней. Наконец, однажды ночью я добился свидания и возлюбленная оказалась в моих объятиях. Но божье целомудрие закричало на меня и надрало уши страсти, так что я отказался от мерзкого деяния и подал себе благую весть об отречении от тех намерений согласно выражению: «Удержал себя от страсти. Воистину, рай – убежище».[\[330\]](#)

Не успел он еще закончить эти слова, как вход в пещеру немного приоткрылся.

Второй из них молвил:

– Однажды я проник в дом сановника в намерении обокрасть его и собрал уже много добра. Однако Аллах – да будет славен он и велик – своим могуществом внушил мне страх, так что я отказался от своего ремесла и раскаялся в содеянном.

Не успел он договорить, как вход в пещеру приоткрылся еще. Третий стал рассказывать так:

– Однажды я одолел врага и готовился убить его, дабы навсегда избавить себя от помыслов о нем. Однако во имя Аллаха я устрасился Дня возмездия и убоился аята: «Если кто-либо убьет умышленно верующего мусульманина, то возмездие ему – ад навеки»,[\[331\]](#) отказался от своего намерения и предался богу.

Когда третий юноша завершил рассказ, вход в пещеру открылся совсем, и правдивые друзья вышли наружу. Они спаслись от такой напасти благодаря искренности и правдивости.

– Если за вами числится какое-либо преступление, – продолжала Хуршид, – то расскажите о нем, не откладывая.

Все трое стояли пораженные, не зная, как быть. Ведь скрыть правду означало остаться при своих болезнях, а рассказать ее значило опозорить себя. Но поневоле каждому из них пришлось поведать о своих поступках.

Когда Хуршид убедилась в искренности их слов, она простила их, приняла во внимание стыд и срам, которые они пережили, и воздела руки к небу в молитве. Всеславный творец в благодарность за подвижничество и добродетель Хуршид даровал им полное исцеление. А Хуршид, в свою очередь,

открылась им со словами: «Нет нынче вам укора».[\[332\]](#) Они же стыдились не столько друг друга, сколько самой Хуршид. Затем они все впятером остались в той келье, предпочтя подвижничество и отшельничество всем благам мира, до последних дней своих поклонялись богу, а когда настала пора умереть, то сложили пожитки и со спокойным сердцем покинули этот мир.

– Знай же, о Мах-Шакар, – заключил попугай свое повествование, – смысл этого рассказа в том, что в большинстве случаев красота подвергает красавицу опасности гибели, как об этом я рассказал в повести о Хуршид. И рассказ этот – поучительная притча.

Попугай все еще продолжал рассуждать, когда караван утра пришел в движение, а отшельник небес высунул голову из кельи востока.

ПОВЕСТЬ о трех везирах раджи Махлара, о Хамидуне, сыне великого везира, о Сайяре, дочери второго везира, о том, как они полюбили друг друга

На тридцать вторую ночь, когда золотой шатер царя планет свернули и убрали в сокровищницу запада, когда серебряный трон луны установили на лазоревом ковре неба, Мах-Шакар пришла к попугаю, стала спрашивать разрешения, советоваться с ним, следует ли ей пойти к возлюбленному, чтобы обрести свою судьбу в саду свидания с ним. Попугай сначала вознес молитвы за нее и воздал ей хвалу, а потом сказал:

– С моей стороны нет никаких возражений тому, чтобы глаза моей госпожи озарились несравненной красотой любимого, чтобы соловей стал гостем розы. Напротив, твой верный слуга всем существом жаждет и желает этого, мечтает и думает об этом. По своей верности я всегда молил об этом, по своей преданности испрашивал это. Точно так же, как сын везира Хамидун и сын брахмана достигли своего желания и цели, пусть исполнится и желание моей госпожи, пусть осуществится ее мечта.

Мах-Шакар спросила его:

– А у какого раджи был везиром отец Хамидуна? Кто такой сын брахмана? Как осуществились их мечтания? Расскажи-ка об этом.

– Ради счастья госпожи, – отвечив попугай, – я поведаю эту историю о любви, но при условии, что, когда я закончу ее, госпожа не станет мешкать и тотчас отправится к любимому.

– Так и будет, – пообещала Мах-Шакар, – а ты расскажи эту повесть.

Рассказ 58

– Я слышал от хранителей сказаний, – начал попугай, – что в одном из городов Индии жил раджа по имени Махлар, великодушный и ученый. У него было три везира, и каждый из них обладал совершенством ума, обширными знаниями, мудростью и сообразительностью. Хотя третий везир возрастом и умом во многом уступал другим везирам, был ниже их по происхождению, тем не менее, он был доверенным лицом раджи, который по большей части советовался именно с ним, и раджа повсюду расхваливал его решения и поступки.

В один прекрасный день старший и второй везир вели беседу друг с другом. В силу взаимной приязни и дружбы они поклялись, что если у них будут дети и если по воле судьбы у одного родится сын, а у другого – дочь, то они сочетают браком эти две жемчужины власти. На том и порешили, заключили договор и скрепили его клятвой.

И вот счастливая судьба и ход времени свершили так, что в один и тот же день по благодатному стечению обстоятельств у старшего везира родился сын, и его нарекли Хамидун, а в доме второго везира родилась девочка, которую назвали Сайярой. Родители растили их самым лучшим образом, не могли нарадоваться на их красоту. Два плода на ветви владычества, две жемчужины из моря власти росли и процветали в светлицах милости их матерей и покоях воспитания отцов, словно кипарис и можжевельник, обретали крылья и оперялись. Они учились в одной школе, у одного и того же учителя. И еще прежде, чем два великих мужа, как они уже давно порешили, сочетали их законным браком и заключили брачный союз по закону, их сердца полюбили друг друга, словно Маджнун и Лейли,^[333] Вамик и Азра.^[334] О любви ведь сказано:

Страсть твою в пору юности
Считай огнем и водой.

То дева брала уроки привязанности у скрижали сердца шаха, то луна запечатлевала письмена страсти на страницах ума солнца, то красавица учила задачи влюбленности в школе удивления, то пленительница писала пером любви в книге смущения. А Хамидун непрестанно размышлял о ее достоинствах и преворачивал страницы с описанием ее совершенства.

Он вручил сердце ее красе.
Она унесла его сердце, но не унесла жизни.
Она лицезрела его лик,
Отдала ему сердце, но не удовлетворила его желания.

Так они продолжали любить друг друга и не могли глаз сомкнуть, не вспомнив один о другом. Когда они достигли совершеннолетия, когда стали смотреть на мир оком ума, их отцы решили сочетать солнце и луну счастливым союзом на небе брака, положить лал и яхонт вместе в ларец брачного союза. Так они и сделали. По расчетам мудрецов определили день бракосочетания и первой брачной ночи и отвели несколько дней на подготовку торжества.

Но у третьего везира, который был более близким к радже и более доверенным, накануне умерла жена, и он стал просить раджу в таких выражениях:

– Мой дом украсится и будет благоустроен лишь тогда, когда второй везир выдаст за меня свою дочь и соизволит назвать меня своим зятем. Ибо нет никого равного мне или превосходящего меня происхождением. К тому же я – верный и преданный слуга своего раджи.

Поскольку раджа премного благоволил и был благосклонен к третьему везиру, он одобрил его выбор, дал согласие на его просьбу. И тотчас отдал приказ второму везиру, строго-настрого повелел ему отменить первое решение и выдать дочь за третьего везира.

Отец девушки не мог противиться приказу своего повелителя или же возразить хотя бы слово. Ведь мудрецы молвили: «Спорить с приказами повелителей или противоречить их воле – чистейшая глупость и полная дурость».

Рабу остается только повиноваться приказу,
Мячу остается только подчиняться чоугану.

И он поневоле, вовсе не желая того, подчинился, скрепя сердце дал согласие назвать его зятем, а первоначальное намерение потеряло силу, уговор был расторгнут.

Был назначен уже день свадьбы, определили час и день. Бедняга Хамидун ходил с разбитым сердцем, был так огорчен и поражен, что удалился в степь. У него был названный брат, сын брахмана. То был его преданный и искренний друг, и Хамидун увлек его с собой. Несчастный влюбленный разжег огромный костер и хотел от горя сжечь себя, сгореть, подобно мотыльку, из-за разлуки с огнеподобным лицом Сайяры.

– Берегись, не делай этого, – сказал ему сын брахмана, – и не произноси более таких речей. Ведь влюбленный в разлуке с возлюбленной каждый час горит пламенем, страждущий любви каждый миг плавится словно золото.

В сердце влюбленного – огонь страсти,
По сравнению с которым адское пламя – прохлада.

Только руки кузнецов жгут непрерывно, только золото ювелиров расплавляют десятки раз. А тебе нет надобности сжигать себя, так как самосожжение – это обычай вдов. Потерпи, впереди еще несколько дней. Быть может, из-за завесы сокровенного покажется какое-нибудь чудо, или же для тебя откроют врата целей и желаний. Если же, упаси боже, получится по-иному и твоя возлюбленная достанется другому, тебе тоже нет смысла сжигать себя, умирать и погибать. А пока ступай в кумирню, туда придет и Сайяра.

А обычай той страны был таков, что девушки за несколько дней до замужества приходили в храм и поклонялись там идолам.

– Я тоже отправлюсь с тобой, – продолжал сын брахмана. – Придем туда и спрячемся. Полюбуйся на Сайяру, побудь с ней некоторое время. Поскольку приближается пора расставания и разлуки, то тебе надо хотя бы в последний раз взглянуть на нее.

Хамидун и его названный брат, сын брахмана, отправились в храм и уселись тайком в уголке. Пришла Сайяра, увидела Хамидуна и очень обрадовалась. Но когда настало время уходить, она сильно огорчилась. Она смотрела в его лицо, а он падал во прах у ее ног, он взирал на ее красоту, а она склонялась челом к его стопам. Он ухватился за ее полу, она – за его рукав, она склонилась над его головой, он упал к ее ногам.

Сын брахмана обратился к ним:

– Это ничему не поможет, – сказал он, – ваши нежности ни к чему не приведут. Нам надо придумать что-нибудь, найти выход. Быть может, звезда счастья взойдет над нами, светила примут нашу сторону.

Сказав это, сын брахмана пустил в ход колдовские чары, облачился в одеяния Сайяры, умастил лицо и тело сандалом, натер его киноварью и шафраном, как это делала Сайяра, набросил на себя покрывало, скромно потупил голову, вышел из кумирни и вместе с прочими прихожанами направился домой.

А сын брахмана был красавец и хорош собою, ему уже давно приглянулась дочь третьего везира, который сватался к Сайяре, и они поклялись друг другу в любви.

На другой день собрался народ, пришли и знать, и простолюдины, и Сайяру вопреки ее желанию сочетали браком с везиром: невесту вручили жениху, устроили роскошный пир по законам и обычаям той страны.

Муж повел жену к себе и вручил ей бразды правления в доме. И вот, наконец, когда заоблачная машшате распустила по куполу неба локоны невесты-ночи, а украшатель небесного свода словно в подарок лику шаха наполнил жемчужинами звезд изумрудный поднос-луну небосвода, везир решил, как это записано в правилах женитьбы, уставе владычества и бракосочетания, увести новобрачную, укрыться с супругой в уединении, дабы вкусить наслаждения ею. И тут-то сын брахмана изо всех сил лягнул везира ногой в живот, так что тот лишился чувств и долго не мог прийти в себя от ужасной боли. Когда же он очнулся, то от стыда не решился никому рассказать об этом. Он скрыл ото всех происшедшее, стал остерегаться близости к новобрачной и оставил ее в покое, сказав себе: «Ясно, что она боится и опасается меня. Потому-то и ведет себя так».

Потом везир послал к новобрачной свою дочь, красоте которой завидовали все красавицы мира – а у дочери давно были любовные дела с сыном брахмана, – и попросил ее побыть несколько дней с невестой, чтобы та приободрилась. А дочери везира и сыну брахмана только этого и надо было.

Сын брахмана снял с лица покрывало и открылся ей. Дочь везира только диву давалась от такого оборота событий, была поражена такими обстоятельствами. В ту же ночь они покинули дом везира и присоединились в храме к Хамидуну и Сайяре, а затем вчетвером бежали из столицы и поселились в другом городе. И Хамидун и сын брахмана по законам предков сочетались узами брака со своими любимыми и достигли цели. А третий везир остался в беде и страданиях, горюя и тоскуя, так как и дочери лишился, и жены не получил.

– А смысл этого рассказа таков, – закончил попугай, – что мое желание и моя цель состоят в том, чтобы ты, как Сайяра и дочь везира, достигла своей цели, чтобы твои мечты и желания осуществились.

Попугай заканчивал речи, когда светлый румийский полк дня сокрушил передовые линии негров ночи и на востоке высоко поднялось знамя истинного утра, а Мах-Шакар вернулась в свои покои.

ПОВЕСТЬ о дочери кабульского купца, о трех юношах, которые сватались к ней, о том, как джинн увел у них эту девушку

На тридцать третью ночь, когда солнце-меченосец закатилось, словно улегшаяся в благие дни смута, а щитоносная луна взошла, словно царский стяг, Мах-Шакар пришла к попугаю, горя страстью и желанием, блистательная, как луна, с красиво разубранными косами, с лицом, как весна, с глазами, полными томления и неги, и стала советоваться с ним, пойти ли ей к своему другу, чтобы испить хоть глоток из чаши свидания.

Попугай, видя, что она ни в чем не подозревает его, нисколько не сомневается в его искренности, тотчас преподнес дары служения, предложил услуги преданного раба и сказал:

– Этой ночью моей госпоже надо во что бы то ни стало пойти к другу, непременно посетить его обитель. Однако, если это будет возможно и окажется тебе по силам, нужно хоть немного испытать его познания и разум, хоть частично проверить его находчивость. Вот что надо сделать, чтобы тебе не жаль было жертвовать собой ради такого человека, чтобы не напрасной оказалась твоя преданность ему.

– Научи меня, как это сделать, – сказала Мах-Шакар, – открой мне способ, каким можно установить степень его ума и сообразительности, посоветуй, как мне постичь его свойства и способности.

Попугай ответил ей так:

– Когда моя госпожа пойдет на свидание и изведает счастье лицезрения возлюбленного, надо задать ему вопрос из рассказа об одной девушке и трех женихах, которые спасли ее от джинна. Надо спросить, кому из тех трех юношей по справедливости должна была достаться спасенная девушка, кто из них достойнее ее. Если он даст правильный ответ, если его решение будет соответствовать истине, тогда задай ему вопрос о жене сына раджи, который собственноручно отрубил себе голову, а потом супруга приложила голову мужа к телу покойника-слуги, а голову слуги к телу своего мужа, и оба они по воле Аллаха ожили. Пусть твой любимый скажет, кому должна достаться жена: голове своего мужа или его телу. Если же он ответит на оба вопроса и разрешит сомнения, то пусть моя госпожа – да продлится ее жизнь – уступит его ласкам и сочтет это долгом души и сердца, пусть погасит пламя разлуки с ним, которую она терпела все это время, напитком его объятий, поскольку выяснится, что нет в мире человека бла городней и возвышенней его.

– В таком случае, – попросила Мах-Шакар, – раскрой мне сокровенный смысл этих рассказов. Но будь

справедливым и сначала расскажи о девушке, а потом уж поведай о жене сына раджи.

И попугай начал.

Рассказ 59

Хранители преданий, пересказывая удивительные истории, сообщают, что в городе Кабуле жил очень богатый купец. В сокровищнице его было несметное множество динаров и дирхемов. И была у него дочь по имени Джауза. Глаза небесного Тельца и очи Овна на небе не видывали такой красивой газели. Доблестные мужи всего мира отступали пред жаром ее пылающих щек. На току красоты колосья прелести принадлежали только ей, чаша ее весов перевешивала чаши всех обладательниц изогнутых бровей. В глаза ее недоброжелателей впивалось жало небесного Скорпиона, словно шип в сердце рыбы, а ямочку ее подбородка непрестанно орошала влага неги. Козерог небосвода устремлял рога в грудь ее завистников, а лунный свет, желая заглянуть ей в лицо, падал с высот на землю. Утарид только и делал, что восхвалял ее красоту и возносил славословия ее совершенству, Зухра непрестанно исполняла мелодии во славу ее красоты. Солнце восходило ежедневно лишь затем, чтобы увидеть ее лицо, Миррих от любовных страданий каждый день глотал собственную кровь, Бурджис от избытка любовного пыла светился ярче, Зухал в страсти по ее локонам, черным как уголь, мерк, синий небосвод от зависти к ее бровям каждое утро и каждый вечер обагрался кровью.

Наконец дочь купца выросла, и сваты и женихи толпами стали стекаться к дому отца. Каждый жених отправлял послания, дарил красивые слова, являл совершенные помыслы, перечислял свои достоинства. Ведь великие мужи сказали:

Где бы ни был сладостный источник.
Люди, птицы и насекомые стекаются к нему.

Отец представлял дочери всех женихов, но она не соглашалась ни за кого выйти замуж, не отдавала своего сердца ни одному из притязавших на него, а лишь твердила:

– Моим мужем станет тот, кто превосходит других способностями и добродетелями, кому нет в этом равных.

Весть о том разнеслась по свету, слава пошла гулять по всему миру. В Кабуле жило трое юношей, сообразительных, пригожих собой и достойных. Они явились к отцу девушки и стали рассказывать о своих преимуществах.

Первый сказал:

– У меня много познаний в сокровенных науках, я могу разъяснить любое явление, доподлинно знаю, что происходит сейчас и что происходило ранее в любом уголке мира.

Второй юноша сказал:

– Я искусен в мастерстве резьбы. Я вырезаю из дерева коня, сажусь на него и лечу на нем, словно Сулейман на троне – да будет мир над ним, – согласно выражению: «Утром проходит путь месяца, вечером проходит путь месяца».[\[335\]](#)

Третий юноша сказал:

– Я такой меткий стрелок, что могу пустить стрелу темной ночью и она попадет прямо в цель.

Поскольку все трое претендовали на совершенство и величие и доказывали свою правоту доводами и доказательствами, Джауза пребывала в изумлении, а купец растерялся и вручил поводья выбора и узду событий в руки дочери. Она уже решила было выбрать для себя одного из юношей путем жребия, как вдруг ворон ночи простер над миром крылья мрака, а пасть запада, словно дервиш-фокусник проглотила диск солнца. А в полночь из-за великой красоты девушки возжелал ее джинн, он выкрал Джаузу из дома и

унес в чужие края. Отец и мать принялись плакать и рыдать, родные и близкие начали причитать и вздыхать. А три доблестных жениха горевали, печалились и винили себя в том, что упустили деву. Наконец кто-то из присутствующих сказал им:

– Вы обладаете сокровенными знаниями, каждый из вас в своем деле превосходит всех на свете. Постарайтесь же найти пропавшую девушку, не жалейте для этого сокровища усердий. Быть может, благодаря вашим усилиям клад красоты будет обнаружен.

Они немного призадумались, повесили было головы, а потом один из них молвил:

– Моя наука открыла мне, что девушку похитил джинн и заточил ее в замке на горе.

Второй предложил:

– Я сотворю коня. А третий друг пусть сядет на коня и поразит джинна стрелой.

На том они и порешили. Люди еще не разошлись, как второй юноша в ту же ночь вырезал из дерева коня, как он обещал, оживил его и подвел к товарищу-лучнику. Тот вскочил на коня, поскакал к той горе, на которую указал первый товарищ, поразил джинна стрелой, обогрив весь склон горы кровавыми тюльпанами. Потом он посадил девушку на коня и доставил в дом отца.

Отец и мать очень обрадовались, родные и близкие возликовали, поблагодарили юношей за спасение, воздали хвалу за доброту.

А между тремя приятелями из-за Джаузы возник спор. Каждый из них приводил убедительные доводы в пользу того, что именно ему она обязана спасением. Джауза была в сомнении и колебалась, не зная, кого из них избрать и кому отдать свое сердце, ибо каждый превосходил другого умением и своей долей в ее освобождении, ни один не уступал другому. И она повторяла стихи, соответствующие ее состоянию:

Куда ни гляну, всюду – тысячи красавиц.

Кому же отдать свое окровавленное сердце и кому не отдавать?

Попугай довел свой рассказ до этого места и заключил так:

– Если твой любимый сможет разгадать, кому же из этих трех должна достаться Джауза, то нет сомнения, что он сможет ответить и на второй вопрос о том, кому, телу или голове, должна достаться жена сына раджи.

– Так расскажи и о ней, – приказала Мах-Шакар, попугай начал.

Рассказ 60

В занимательных рассказах говорится, что в Северной стране жил храбрый раджа. Но род его не был увенчан сыном, круг его семьи не озарял светоч милого сердцу дитяти. Он непрестанно стремился оправдать выражение: «Богатство и сыновья – украшение в этом мире»,^[336] ни на миг ему не давали покоя слова: «Воистину, ваши богатства и ваши дети – испытание для вас».^[337]

Но вот по воле судьбы, когда раджа уже был стар, капля его плоти соединилась с другой в лоне супруги, так что ветвь бытия дала плод. Однажды ночью он увидел во сне шайтана в облике старца и услышал от него такие слова:

– Если ты хочешь, чтобы у тебя родился сын, то построй кумирню в том месте, которое я укажу тебе, и предоставь жрецам все необходимое для жизни там.

Раджа проснулся и рассказал о сновидении толкователям. В том месте, где они указали, он велел воздвигнуть храм идолов. Вскоре его жена разрешилась от бремени и родила красивого мальчика. А ученые мужи сказали: «Если кто-либо даст обет во имя осуществления недостойного или мерзкого дела, или пообещает совершить неподобающий поступок, как, например, пренебрегать намазом, разрушить мечеть, или поможет воздвигнуть языческий храм и тому подобное, и по воле случая его мечты и желания вслед за этим претворятся и осуществляются, то да будет тебе известно, что это осуществилось по воле бога, совершилось по решению Аллаха, и, конечно, клятва и обет не имели на то никакого влияния и ни к какому результату не привели». Однако у недалководных и ограниченных людей такие явления порождают заблуждение, вследствие чего возникают сотни всякого рода неприятностей.

Тем временем дни возрастания сына раджи повеяли ветерком совершеннолетия. А тот храм стал сборищем неверных со всего света и святилищем идолопоклонников всех стран, толкая их на ложный путь. В один прекрасный день сыну раджи приглянулась дочь другого раджи. Своей красотой она способна была затмить кумиров Азара, своей прелестью могла посрамить рисунки Мани. Молодые люди страстно влюбились друг в друга. Он смотрел на нее, и в его груди гнездилась любовь к ней. Она смотрела на него, и ее охватывала страсть.

По воле судьбы и счастливого случая
Оказались вместе луна и солнце.
От любовного жара сердец
Загорелись их взгляды, в сердцах зажглось пламя.
Он смотрел и терял сознание при виде ее,
Она же, потрясенная, молчала.
Они долго пытались заговорить,
Но от силы чувств ни один не мог вымолвить слова.

Прошло некоторое время, и роза удалилась в цветник, а соловей полетел на лужайку. Сын раджи, когда расстался с любимой и был обречен на разлуку, поклялся себе: «Если эта куропатка станет супругой сокола, если эта жемчужина будет нанизана на мою нить, то я в знак благодарности принесу своего сына в жертву кумирам, чтобы обагрить идолов вместо киновари кровью своей души». Сын раджи дал такую клятву и пришел домой. Он уговорил отца в тот же день отправить посланцев и сватов, мудрецов и ученых мужей к отцу девушки и посватать ее. Дело было улажено, сын раджи отправился в дом невесты. После того как были соблюдены обычаи празднества и бракосочетания, он привел жену к себе домой и стал охотиться на серну в лугах наслаждения, гнаться за блаженством на ристалище уединения. Ему пришлось по душе любовные забавы, так что он стал злоупотреблять ими, как говорят:

Однажды ночью исполнитель его наслаждений захромал,
– Неудивительно, ведь он проскакал не менее тридцати фарсангов!

Долгое время проводил он с такою приятностью, за удовольствиями забыв о клятве, которую дал в храме, и не помышлял о ее выполнении. И вот однажды сын раджи решил отправиться в гости к тестю и поехал в те края, а красавица-супруга сопровождала его. С ними был также брахман, числившийся надимом и приближенным. По воле случая их путь пролегал через тот самый храм. Тут-то сын раджи вспомнил о своем обете и в смертельной досаде подумал: «Выполнение обета – похвальный поступок, об этом говорят даже стихами:

Если муж выполнит свою клятву,
То он справится со всем, что только можно вообразить.

Нарушение же клятвы – постыдный поступок, как об этом сказал всевышний: «Не нарушайте клятв, после того как они даны».[338]

Сын раджи оставил спутников и вошел в храм, сел перед идолами и собственной рукой отрубил себе голову беспощадным мечом.

Брахман, видя, что сын раджи замешкался с возвращением, побежал к месту, где свершилось кровопролитие, и нашел своего господина в таком состоянии. И он подумал: «Зачем мне жизнь после этого? Без моего покровителя какой смысл в жизни? Он ушел, а я остался здесь, о позор! Он умер, а я жив, о бесчестие! А еще, не дай бог, подумают, что это я убил своего господина, позарившись на его красивую жену, на ее совершенную красоту!» И брахман отрубил себе голову и принес себя в жертву, отправил свою грешную душу в адскую пропасть, как и сын раджи.

Дочь раджи ждала долгое время, а потом пошла в храм. Видит, что мужа нет в живых, а рядом лежит труп брахмана. Ее сердце загорелось болью, грудь зажглась скорбью, и она подумала: «Я присоединюсь к своему мужу, коли он горит и сгорает в геенне огненной, пребуду с ним. Верность в том и состоит, чтобы я следовала за ним повсюду, сопровождала его и в смерти».

Она собралась перерезать горло кинжалом и вонзить в грудь дротик, когда с неба раздался глас, слышался крик с высоты небес:

– Берегись, не прикасайся рукой к кинжалу! Не обагрят меч и дротик своей кровью! Лучше приставь головы умерших к их телам, чтобы удостовериться во всемогуществе творца и воле создателя – да славится его величие, да возвеличатся его речи.

Красавица задрожала от страха и ужаса перед голосом, от испуга она едва могла отличить головы от тела и приложила голову мужа к телу брахмана, а голову брахмана – к телу мужа. По воле творца, сказавшего: «"Будь" – и оно возникает. Милости его велики, дары постоянны», [339] оба ожили и вскочили на ноги, и тотчас заспорили из-за красавицы, стали препираться и ссориться.

Голова говорила:

– Я имею больше прав на нее!

Тело отвечало:

– Нет, моего права больше.

И попугай завершил рассказ так:

– О Мах-Шакар! Если твой возлюбленный даст правильный ответ на эти вопросы, если он смоет водой ума пыль сомнений, то знай, что нет человека умнее, нет существа мудрее его. И тебе надо будет служить

ему и во всем ему повиноваться.

– До того как я пойду туда и стану задавать ему эти вопросы, – сказала Мах-Шакар, – окажи мне милость и открой, кому же должны достаться красавицы в обоих рассказах?

– В первом рассказе, – отвечал попугай, – девушка Джауза достанется тому юноше, который убил джинна, так как именно он рисковал своей жизнью. А двое других юношей не испытали такой губительной опасности, они только проявили свои способности и мастерство, показали их людям. Во втором же рассказе дочь раджи должна достаться голове мужа, так как она – средоточие ума и речи. По решениям шариата голова объемлет все другие части тела, все чувства сосредоточены в голове, а разница между человеком и остальными животными заключается как раз в уме и даре речи. Они же помещаются в голове. А тело вовсе не имеет значения. Все животные имеют конечности, тело целиком и полностью подчинено голове.

Попугай все еще продолжал разглагольствовать, когда отсеки от тела голову ночи, а тело неба приставили к голове солнца.

ПОВЕСТЬ о том, как брахман влюбился в дочь раджи Бабила, о том, как осуществились их желания благодаря усилиям чародея

На тридцать четвертую ночь, когда фокусник запада чудом проглотил золотой меч солнца, когда чародей неба выставил, словно колдуны Фараона, [\[340\]](#) подкову новолуния и кольца Млечного Пути, Мах-Шакар поднялась в неге и упоении, украсила себя тысячами чар и ухищрений, дабы посетить дом любимого, пришла к попугаю и попросила дозволения пойти к возлюбленному и повидать его лик.

Попугай склонил во прах голову повиновения, проявил в изобилии скромность и покорность, а затем сказал:

– Моя госпожа тщетно просит у меня указаний и напрасно советуется со своим покорным рабом, так как мои слова не доходят до слуха ее разума, она не следует моим наставлениям и наказам. Уж лучше более ни о чем меня не спрашивать, прислушиваться к собственному голосу и самой решать, следует ли идти или не следует, не причиняя мне хлопот.

– Клянусь Аллахом, это не так! – воскликнула Мах-Шакар. – Я всегда самым почтительным образом слушалась тебя и впредь буду поступать так, как ты велишь.

– Моя просьба, надежда, совет и указание состоят в том, – отвечал попугай, – чтобы моя госпожа благополучно и как можно быстрее отправилась в покой возлюбленного и ухватила рукой за ворот любви и полу единения. Но при этом надо действовать умело, следовать таким путем, чтобы и друг любил бы тебя постоянно и вечно, и муж был бы верен и не покинул тебя, как это случилось с брахманом, который благодаря чарам и возлюбленную обрел, и нашел огромные и несметные богатства.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай начал рассказывать.

Рассказ 61

Рассказывают, что однажды брахману пришлось выехать из родного города в Бабил[341] – это обиталище искусных чародеев и лживых кудесников. Брахман был юноша пригожий, с красивой походкой и приятной речью. Время было весеннее, кругом цвели цветы, облака разбрасывали в воздухе жемчуг, ветерок разносил благоухание, небеса украшали ложе цветников разноцветными коврами и вышитыми покрывалами. Ветер завивал локоны дев лужайки щипцами красоты и руками прелести.

Цветы украшали ветви,
Жасмин прикрывал своей полрой розу.
Утренний ветерок так благоухал ароматами,
Что казалось: разорвали тысячи мешочков с мускусом.

И конечно, в такую пору сердца живых существ тянутся к садам, души веселых мужей стремятся к цветникам. Поэтому брахман, чтобы поразвлечься, пошел в сад раджи. Он бродил по цветникам и лужайкам, прозорливыми глазами рассматривал цветы. Сад раджи был прекрасен, райские сады от стыда перед его розами, жасминами, базиликами и нарциссами стыдились показываться людям, это был Ирем, перед которым сады Шаддада казались палисадом.

Это был сад с прохладной водой в ручьях,
С пленительными мелодиями птиц на деревьях.[342]

* * *

Этот сад полон разноцветных тюльпанов,
Тот сад полон всевозможных плодов.
Ветер под сенью деревьев
Раскинул переливающийся ковер.

Как раз в это время в сад пришла погулять дочь раджи. Своей великой красотой она вызывала зависть у красавиц лужайки, прелестью толкала на ревность гурий рая. Лицом, подобным весне, она превратила сад в картинную галерею, красотой и совершенством она ниспровергла всех прекрасных дев сада, похитила свежесть всех роз на склонах холмов. Кипарис, который состязался с небесным Лотосом,[343] лишился своего величия, язык жасмина, бывший хатибом[344] у царя лужайки, потерял дар речи, очи нарцисса, который был соглядатаем цветника, ослепли, а у яркой чаши тюльпана вовсе не осталось аромата. Роза, которая украшала собой просторы, просыпала лепестки. Глаза миндального дерева, которое умные мужи считают часовым садовой рати, закрылись, а очи дочери лозы, этой невесты виноградника, стали проливать кровавые слезы. Уста вселенной стали читать красавице с телом из розовых лепестков такие стихи: Не выходи некоторое время из дому, Не то розы упадут в цене!

Дочь раджи бродила по саду, и вдруг брахман увидел нарциссы глаз и миндаль очей сей прекрасной девы. А красавица в силу природной склонности живых существ стремиться друг к другу отдала под залог его сердца наличность любви, полируя взоры гостя в саду своей красоты. Так они долго пребывали там, читая про себя аяты душевного волнения.

Когда настала пора уходить и раздалась голоса стражников, красавица со скорбным сердцем направилась в свои покои, схоронила клад сердца брахмана в сокровищнице своей груди и унесла, взамен одарив брахмана образом своей красоты. Брахман от любви к ней брел, исхудавший и печальный, потеряв

покой. Дочь раджи в любовном томлении лишилась сна.

И случилось так, что страдающий, скорбный и горестный брахман подружился с чародеем, который обладал познаниями в алхимии, колдовстве и разных премудростях. Основы дружбы и товарищества, устои братства и искренности между ними росли и крепились. Брахман проявил чрезвычайное усердие в службе и смирении, ни в чем не отклоняясь от законов повиновения и пути верности. А мудрец проникся к нему доверием и доброжелательством, стал его искренним другом. Спустя несколько дней чародей знал все его сокровенные мечты, ведал обо всех тайниках его души, и сам рассказал брахману кое-что о себе. Брахман не видел смысла скрывать от искусного лекаря сердечную боль и сказал:

– О снисходительный друг и любезный товарищ! Да будет тебе известно, что прекрасная перси похитила мой ум, в моих глазах поселился ее образ.

А потом он рассказал ему всю историю о встрече в саду. Мудрецу стало жаль его, он смилостивился над ним, вложил ему в рот волшебный шарик, так что брахман тут же стал красивой женщиной. То есть, чародей, пустив в ход все свои чары и колдовское искусство, превратил брахмана в женщину, а сам обратился в брахмана. Он повесил на шею зуннар, [\[345\]](#) взял в руки бурдюк для воды и пошел к радже, ведя рядом с собой красавицу. Придя во дворец, чародей провозгласил в честь раджи славословие, как это подобает, и сказал:

– Мы – странники, путешествующие по миру. И днем и ночью, словно месяц, мы бредем по дорогам, непрестанно, точно ветер, кружимся по свету. Одним словом, из-за коварного, как див, мира, от смены дней и ночей, моего сына, который был прохладой моих очей и плодом моего сердца, охватило безумие и помрачение ума, и ночью он исчез. Мы не знаем, то ли зверь его сожрал, то ли он утонул в колодце или пучине вод. Быть может, он решился бродить сейчас по свету, словно одержимый. Я же, твой покорный раб в поисках его буду странствовать по свету, в надежде, что достигну своей цели. Но мне стало тяжело держать при себе эту женщину, мою невестку. Возможно, что это дерзко и невежливо с моей стороны, но, поскольку раджа проявляет такую доброту к чужестранцам и снисходительность к брахманам, я осмелился просить тебя распорядиться, чтобы мою невестку назначили служительницей твоей супруги, поручили ей быть рабой госпожи. Если на то будет воля Аллаха, я обрету своего потерянного сына и вскорости вернусь с ним, чтобы быть слугой великого государя.

Когда раджа выслушал брахмана, ему стало жаль его, и он приказал отвести в гарем невестку и приставить ее к своей дочери. Брахману же дал немало денег, а суму его велел набить дорожными припасами. Затем раджа наказал дочери проявлять заботу о невестке брахмана и жалеть ее, стараться не обижать.

Дочь раджи, согласно наказу отца, выказала к пришельнице сочувствие и участие, стала утешать в ее обществе любовную тоску по брахману, так что между ними установилась большая дружба и приязнь.

В один прекрасный день невестка брахмана улучила минуту, попросила дочь раджи побыть с ней наедине и стала расспрашивать, почему она так похудела и отошала. Девушка хотела скрыть свои тайные мысли, не желала поведать ей свои сокровенные мечтания, стала говорить о том о сем, желая уйти от ответа. А невестка брахмана сказала:

– Хорошо, оставим этот разговор, но выслушай стихи:

Ты хочешь скрыть тайну любви к нему от всех людей?
Разве можно скрыть простор степей, воду и пламя?

Ведь великие мужи сказали: «Бледность и морщины на лице влюбленного – вот доносчики и хулители. Как бы он ни старался скрыть и спрятать любовь, покрывало влюбленных рвется, словно ворот

розы и пола утра, а глаза их уподобляются очам туч и полноводному горному роднику».

Тайна влюбленных сердец не останется сокрытой,
Так как бледные лица – примета их скорби.

Неразумно и бессмысленно скрывать тайные помыслы, таить секрет в груди от такого доверенного лица и такого искреннего друга, как я. Быть может, этому пути найдется исход, этой боли отыщется лекарство.

Когда дочь раджи услышала такие слова, она уверовала, что подруга исцелит ее сердечный недуг. Сначала она засмеялась, а потом рассказала ей свою историю, не видя более смысла в сокрытии тайны. А невестка брахмана тотчас вытащила изо рта волшебный шарик и явилась пред нею в облике молодого брахмана, говоря:

– Здесь нет чужих, ты – это я, а я – это ты.

Девушка порадовалась свиданию с возлюбленным, немного насмотрелась на него, а затем спросила, как он сумел изменить свой облик. И тот рассказал ей свою историю от начала до конца. Девушка похвалила его, воздала хвалу и чародею.

После этого они проводили время в уединении и любви и никого не посвящали в свою тайну. Соблазн рос с каждым днем, грех увеличивался с каждым мигом.

И вот однажды невестка брахмана купалась в бане, она стала украшать лицо мушками и родинками, как невесты, а волосы расчесывала, словно красавицы, гребешком. Неожиданно сын раджи узрел ее красоту, и его сердце оказалось в плену ее кос. Но он не знал о скрытой сущности брахмана и полюбил его ложный внешний облик. Он подступился к красавице со всевозможными обольщениями, уловками и лестью. Когда же ничего у него не получилось, когда дева желания не пришла к нему в объятия, сын раджи притворился больным и отказался принимать воду и пищу. В скором времени он стал худым и тонким, словно талия красавицы, согнулся и истомился, уподобившись завитым локонам и томным очам прекрасных дев.

Радже доложили о состоянии сына, о его тяжелой болезни. Собрались лекари и знахари, но сколько они ни ворожили, сколько ни лечили, ничего не помогло; он продолжал страдать от любви к невестке брахмана, ему становилось все хуже. Когда раджа узнал о том, что его сын влюбился в невестку брахмана, что его ум и сердце всецело поглощены ею, он сказал:

– Если я отдам невестку брахмана своему сыну, то ославлю себя как коварного и неверного человека. Если же я буду блюсти законы религии и веры, то лишусь сына.

Он долго размышлял и много думал над этим, и, наконец, отцовское чувство возобладало над долгом, и он отправил доверенного человека к невестке брахмана со словами:

– Тебе следует убоготворить душу моего сына и пойти навстречу его желаниям, дабы он не расстался с жизнью, ибо он умирает от любви к тебе и издает уже предсмертный вопль.

Невестка брахмана после долгих раздумий ответила:

– О великий раджа! По нашей вере строго-настрога запрещено и никак не дозволено сочетаться браком с другим, покуда жив супруг. Прошу тебя дать мне небольшую отсрочку, чтобы я могла оплакать мужа и раздать в виде милостыни дирхемы и динары, коней и мулов, ткани и сандал в память о моем прежнем муже. После этого я сделаю все, что сочтет нужным раджа, все, что прикажут сокровенные помыслы государя.

Раджа одобрил ее решение и послал сказать сыну, что, мол, у меня благие вести для тебя. Сын

обрадовался известию, его охватил восторг и ликование, и он стал поджидать исполнения обещания красавицы.

А брахман и дочь раджи ждали удобного случая для спасения. И вот, наконец, настало время, и они вместе выбрались тайком из дворца и отправились к чародею. Он вытащил волшебный шарик изо рта брахмана и вложил в рот дочери раджи, и тогда и невестка и дочь раджи стали мужчинами.

К ним приходили люди раджи и те, кто искал девушку, и возвращались ни с чем. Никто не знал, кто они такие. Раджа долго вел поиски и розыски, однако беглецов не нашли, не обнаружили ни следа, ни примет. Стал он горевать, сильно тосковать, и все время повторял себе: «Того, кто обманул доверие, кто забыл о великодушии ради страсти, по словам ученых мужей, ожидает участь согласно изречению: «Кто роет яму для брата своего, упадет в нее».

Спустя несколько дней чародей вместе с брахманом, как и в первый раз, отправился к радже, воздал подобающие почести и сказал:

– Благодаря счастью государя я нашел своего сына исцелившимся и в здравом уме и тотчас поспешил на поклон к тебе. Прошу теперь вернуть мне отданное на хранение, то есть жену моего дорогого сына, чтобы она возвратилась к законному супругу.

Раджа был очень пристыжен, ему ничего не оставалось, кроме как сказать об исчезновении дочери и невестки брахмана. Чародей не желал принять его объяснений, поднял крик и шум и вознамерился распороть себе живот кинжалом, как это принято у брахманов.

Раджа совсем растерялся, признался в своем прегрешении и проступке, отдал чародею в возмещение за его невестку целый лак [\[346\]](#) дирхемов, тем и кончилась тяжба. Чародей после того собрал свои пожитки и оставил все деньги в подарок брахману, который благодаря чародею обрел возлюбленную и заполучил много золота.

– Моя цель, о Мах-Шакар, – закончил рассказ попугай, – состоит в том, чтобы ты, подобно тому, как брахман заполучил золото и соединился с возлюбленной, тоже обрела бы возлюбленного, но сохранила при этом любовь супруга.

Когда попугай завершил рассказ, уже забрезжило утро и солнце собралось воссиять.

ПОВЕСТЬ о царе Кашгара и кашгарском купце, о том, как купец выдал свою дочь за кутвала, как царь влюбился в дочь купца и о добродетели царя

На тридцать пятую ночь, когда синекрылая Анка небес снесла в гнездо запада золотое яйцо солнца, когда серебряный Хумай луны вылетел из гнезда востока, раскинув крылья по просторам неба, Мах-Шакар вновь, словно величавая пава, украсила себя по всем правилам изящества и остановилась перед попугаем, чтобы испросить разрешения.

Попугай оказал подобающие почести и выказал преданность, облобызал прах и довел до совершенства обязанности службы. Потом он опустил голову долу и задумался.

– В чем причина твоих раздумий? – спросила Мах-Шакар, и попугай ответил:

– Я вижу, что моя госпожа мешкает и медлит с этим делом, она не спешит и не торопится пойти к любимому. Я опасаюсь, что с госпожой может случиться то же самое, что с кашгарским царем, который влюбился в жену кутвала. Но он так медлил и оберегал добродетель, соблюдал такие предосторожности, что в конечном итоге скончался от страсти, погубил сам себя из-за любви.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай начал рассказывать.

Рассказ 62

На страницах сказаний начертано, что в стране Кашгар жил купец, а у него была дочь по имени Аджаб-нуш, сладостный напиток уст которой был чище родниковой воды, а кокетливый взгляд острым жалом пронзал души страждущих любви. Она была стройна, бесконечно прекрасна и пленительна. Ее красоте не было предела, а ее совершенству – преграды. Чистый мускус в тоске по этой газели обливался кровью, а серая амбра чернела от любви к ее косам, живая вода от стыда перед ее устами скрылась за завесой мрака,[\[347\]](#) блистательное солнце, помня о ее щеках, каждую ночь пряталось за небосклоном. Веселые пиры омрачала жажда опьяняющего напитка ее губ, глаза влюбленных при виде ее сладостных уст обливались кровавыми слезами.

Сжигающая мир, превосходящая блеском луну,
Сжигающая мир, озаряющая ярче солнца.
Одним локоном она сокрушает сто городов,
Одним взглядом расправляется с целым миром.

Тысячи царей бросали под ноги красавице венцы сватовства, величая и прославляя ее на сотни ладов. Сотни влюбленных с мольбами и лестью притязали на красавицу, но купец никого из них не счел достойным своей дочери и отослал всех назад.

И вот однажды ночью, когда облачившийся в золотой кафтан шах солнца величаво направился с просторов неба в покои запада, когда невеста луны из озера востока вступила на золотой трон неба, купцу пришла на ум такая мысль: «Если моя дочь благодаря стройному стану и бесконечной красоте окажется в тенетах шаха, то на мою долю выпадет счастье, сама же она будет нежиться в царских покоях вместе с другими избранницами. Бракосочетание по учению ханафитов будет великим счастьем, породит здоровое потомство и заложит основу продолжения рода. А моя дочь, конечно, достойна обитать во дворце, который основан на устоях царской власти и вздымается до престола Кейвана».

Так купец лелеял среди ночи эти мечты, не чаял их исполнения. Когда же машшате утра принялась наряжать на голубом троне неба невесту-солнце, когда жемчужины и самоцветы, динары и дирхемы светил посыпались нисаром на лазоревый поднос, купец изложил на бумаге все, что придумал ночью, и отправил во дворец шаха Кашгара.

Царь очень обрадовался письму, возликовал, благожелательно принял нежданное предложение и сказал себе:

Счастье само поджидает счастливец:
Если он не ищет счастья, то оно найдет его.

У падишаха были везиры, совершенные разумом, мудрые, высоких помыслов, опытные и находчивые. Он не принимал никакого решения, не посоветовавшись с ними, основы всех дел государства и подданных он закладывал только по их указанию.

Шах позвал четырех старых везиров, вручил им послание купца.

– Обладает ли Аджаб-Нуш, дочь купца, описанными в письме достоинствами и добродетелями? – спросил он.

– Да, обладает, – ответили они.

У падишаха разгорелось желание, и он приказал без промедления нанизать непросверленную жемчужину на царскую нить и препроводить ее в свои покои со всем почетом и уважением. Мудрые

старцы по велению царя направились к дому купца. И что же они увидели?

У нее – мудрость Лукмана,[\[348\]](#) лицо Юсуфа,
Красноречие Давуда и целомудрие Марьям.[\[349\]](#)

Увидев ее, они убедились, что лицезреть в тысячу раз важнее, чем слышать. Мудрецы готовы были ума лишиться, повесить на шею зуннар любви к ней и принять позор. Однако они подумали: «Если мы сочетаем браком эту деву с падишахом, мудрым как Сулейман, то он воистину потеряет из-за нее голову, будет думать только о любви к ней, перестанет заниматься делами державы и предаст забвению нужды подданных. А укорять за это в конечном итоге будут нас, возможно даже обвинят в преступлении. Вполне вероятно, что из-за этой женщины возникнут затруднения в делах государства, так что враг сочтет время удобным для нашествия и нападения. Ведь великие мужи сказали: «Локоны красавиц – это путы напастей и сети бедствий. Игривые взгляды возлюбленных – это стрелы смуты и дротики горестей».

Они решили действовать, руководствуясь этими рассуждениями, вернулись к царю и сказали:

– Да будет падишах жить вечно! Во имя твоего счастья мы поглядели на девушку. Она не так красива, как об этом пишет купец. Она не столь прекрасна, чтобы ее стоило вводить в гарем, к тем, у которых в ушах продеты серьги служения тебе. Даже напротив, самая последняя служанка из твоего дворца в тысячу раз красивее и приятнее ее. К тому же ни разум, ни сочетание светил не благоприятствуют бракосочетанию с ней, ее звезда не соответствует гороскопу счастья царя.

Царь отказался от своего намерения и отменил решение. Бедняга купец, потеряв надежду выдать дочь за царя, обратил взоры к кутвалу, который давно уже домогался его дочери, и заключил с ним брачный договор. Поскольку это счастье не было уделом правителя, оно выпало на долю кутвалу, который счел красоту девы дверью к наслаждению, склонил голову к ее ногам, холил ее и лелеял. Ведь мудрецы сказали:

Кусок, который ты не надкусил,
Как сбережешь от тех, кто домогается своей доли?
Только благодаря счастливой доле можно напиток воды из той чаши,
Которую искал Искандар, но испил лишь Хизр.
Искандар ведет поиски во мраке,
А Хизр находит к живой воде светлый путь.

Дом кутвала находился неподалеку от дворца царя. И поскольку женщины ущербны умом и глупы, однажды Аждаб-Нуш подумала: «Я так прекрасна и красива, так стройна и прелестна. Почему же царь отверг меня? Во имя чего он не женился на мне?» И она всеми правдами и неправдами добилась того, что падишах увидел ее. В тот же миг она похитила его ум и разум, первой же стрелой из лука игривого взгляда она пронзила душу и сердце царя, словно бумажную мишень. Сердце и дух правителя, словно птица, запутались в тенетах локонов цветника ее красоты. Величавый и могущественный падишах стал пленником кос, поражающих бедой, стал одержим безумием из-за бровей, похожих на молодой месяц. Он сильно разгневался на везиров за то, что они скрыли от него красоту кумира, утаили ее прелесть и свежесть, но потом подумал: «Они правы, так как пеклись о благе державы и последствиях, опасались, что я буду посвящать красавице все свое время».

Надо сказать, что падишах был человеком верующим, благочестивым и добродетельным, он страшился гнева божьего, был целомудрен и чист в помыслах. Он не смел силой отобрать у кутвала Аждаб-Нуш, но не в силах был и совладать с любовью к ней. Каждый день он все больше страдал от страсти к ней, каждый миг тосковал и испытывал любовные муки, так что в скором времени исхудал и отощал, захирел и заболел. Дела государства из-за этого пришли в упадок, процветание страны пошло на убыль. Хотя надимы

и приближенные побуждали его к насилию и несправедливости, хотя они подстрекали его убить кутвала или же силой заставить его развестись с Аджаб-Нуш, царь ни за что не соглашался на такой поступок, не желая творить беззакония. Каждый, как это свойственно негодяям и злокозненным людям, говорил ему льстивые слова и подавал ему какой-либо совет. Один твердил:

– Только благодаря тому, что живет государь, существуют на свете подданные, их жены и дети, обеспечиваются их покой. Если кто-нибудь будет принесен в жертву ради блага государства и общины верующих, то вины царя в этом нет.

Другой вторил ему:

– Всякая жизнь, что существует в мире, кроме жизни правителя, может быть заменена тысячью других созданий. И если в этом случае, когда дело дошло до крайности, а нож достал до кости, совершить поступок, который не одобряется шариатом, то все же можно будет найти послабление при помощи толкования.

Голове не следует спотыкаться, словно ноге,
Ибо охватит волнение все царство.
Если даже мои и твои ноги ослабеют.
Тело шаха непременно должно оставаться здоровым.

Так нашептывали падишаху с разных сторон, уговаривая его свершить насилие и несправедливость. Однако он не обращал внимания на подобные слова, терпеливо сносил свою участь, изнывая от тоски по Аджаб-Нуш. В конце концов он совсем изнемог и скончался от скорби. И в награду за терпение, за целомудрие в любви он удостоился счастья умереть мучеником и подвижником. «Тот, кто умер от любви, умер шахидом». [\[350\]](#)

Тот, кому бог даровал силу духа,
Лучше расстанется с головой, чем предастся блуду.

Аджаб-Нуш, видя, что творится с падишахом, подумала: «Мне следует отправиться вслед за тем, кто угодил в аркан моих кос, в сеть моих локонов, кто был ранен луком моих бровей и дротиком ресниц, кого поразили стрелы моих очей и меч моего взгляда, кого изранила сабля моих плеч, кто лишился сердца из-за любви ко мне, кто в страсти ко мне подставил душу жестоким стрелам смерти. Мне следует расстаться с жизнью, как это сделал он». И она покончила с собой.

Кутвал, увидев такой оборот событий, не смог вынести разлуку с Аджаб-Нуш и убил себя над их трупами. Их всех троих похоронили вместе на одном кладбище. И вот до наших дней мольбу, произнесенную на их гробнице, исполняет бог, просьбы и надежды людей осуществляются.

– А теперь, о Мах-Шакар, – закончил попугай рассказ, – знай, что цель моя в том, чтобы ты не проявляла небрежения. Тебе следует соблюсти целомудрие, но лучше бы тебе избежать участи того несчастного царя.

Попугай еще не завершил рассказа о погибших, как петух истинного утра провозгласил: «Торопитесь к добрым деяниям», [\[351\]](#) а владыка звезд раскрыл врата востока мечом лучей.

ПОВЕСТЬ о сыне правителя Систана, о белом слоне и гюрзе

На тридцать шестую ночь, когда рать звезд одолела всадника четвертой сферы небес,[\[352\]](#) а знамя луны поднялось на востоке, в комнату вошла Мах-Шакар, словно молодая луна, сияя, как солнце, и приблизилась к попугаю. Нежно и игриво она попросила разрешения пойти к любимому, посетить келью возлюбленного.

Попугай в знак покорности и повиновения поклонился до земли, раскрыл уста, расточая славословия и похвалу, и сказал:

– Я всегда об этом только и мечтал, мое давнее желание – именно таково. И сейчас мне только и нужно, чтобы моя госпожа счастливо и в добрый час как можно скорее отправилась к нему, приготовилась к служению другу, открыла врата повиновения ему, ни в чем не пренебрегала моим советом, ни на шаг не отступала от того, чего жаждет. Возлюбленный на ристалище любви – соперник мужу в скачках, супруг в школе любви – соученик возлюбленного. Я надеюсь, что подобно тому, как сын правителя Систана обрел добро, оказав услуги змее, ты пожнешь от покорности и повиновения возлюбленному добрые плоды.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай начал рассказывать.

Рассказ 63

Хранители сказаний и рассказчики преданий повествуют в индийских книгах, что в давние века в Систане правил эмир и у него было два сына. Оба брата непрестанно враждовали друг с другом, врата к миру и взаимной приязни никогда не были раскрыты между ними. Старший брат еще при жизни отца был провозглашен наследником, так что все дела державы и власть в государстве оказались в его руках. Пришлось младшему брату избрать себе жребий странствий. Он облачился в дорожное платье и покинул страну. Он миновал стоянки и переходы, проходил через пустыни и степи.

Наконец он прибыл в некий город и поселился там. Поскольку у него не было никакого ремесла или занятия, и он не обучен был зарабатывать на жизнь умением или знаниями, ему пришлось туго, его одолели жизненные заботы и невзгоды. Ведь сказали великие мужи:

Нищий, наделенный способностями,
Выше царского сына, лишённого способностей.

Когда он совсем изнемог от тягот жизни, когда готов был умереть голодной смертью, он вознамерился поступить к кому-нибудь слугой или подмастерьем. Он решил на другой же день, как только поднимется знамя счастливого утра, как только золотой венец солнца водрузят над бирюзовым тронем небес, выйти за город и наняться к первому встречному, будь то слабый муравей или ничтожная мышка, раскрыть уста в прославлении и славословиях, ибо мудрецы изрекли: «Если ты даже Искандер или Дара, [\[353\]](#) мирись с коловращением небес, каким бы оно ни было. Если даже небо повернет вспять, не отступай от своего пути. Если судьба не ладит с тобой, ты поладь с ней».

Одним словом, когда появились передовые отряды утра, когда царь страны полуденного солнца воссел на хутталянского [\[354\]](#) коня, сын эмира, как он задумал накануне, вышел из города и стал дожидаться, какой счастливцев встретится ему.

Первой навстречу ему показалась гюрза, которая как раз выползла из норы. Поскольку сын эмира дал себе клятву, то, поклонившись змее, он встал перед нею. Он воздал гюрзе хвалу, по обычаю заклинателей змей, а потом прислуживал ей в течение шести месяцев. Едва змея выползала из своей норы, она тотчас видела сына эмира, который, стоя на одной ноге, был готов служить ей душой и телом. Змея только диву давалась, глядя на такие чудеса.

Наконец, змею разобрал стыд, в ней проснулось сочувствие к юноше, она сжалилась над ним, заговорила с ним на сокровенном языке [\[355\]](#) и спросила, чем заслужила столь большой почет и уважение. Эмирский сын воздал ей хвалу, а потом сказал:

– Я – сын эмира Систана. По воле превратностей судьбы я оказался в этих местах. Я неоднократно пытался ради жизненного благополучия уцепиться за тороки мужа избранного, уклониться от искателей чинов и обратиться к счастливому мужу, так как говорят: «Словно стрела, убегай от несчастных людей, Селись на той улице, где живут счастливыцы», – величие души и благородство никак не позволяли мне пойти к равному себе и служить ему. Ведь существует такая пословица: «Богатство само голодает, не соси его грудь». К тому же люди не столь уж милосердны и верны клятве, чтобы можно было собрать припас благополучия, служа им, чтобы можно было наполнить кошелек покоя, оказывая им услуги. Тогда я пришел к тебе и оставался здесь все это время. Надеюсь, что и остаток моих дней пройдет в службе тебе, ибо, хоть у тебя и ядовитое жало, но зато охраняет оно клад. [\[356\]](#) Есть у тебя также много других похвальных качеств. Во-первых, ты никогда первой не причиняешь никому вреда. Пока кто-нибудь сам не обидит тебя, ты не пускаешь в ход свои ядовитые зубы. Во-вторых, ты являешь образец скромности и

смирения, поскольку никогда не поднимаешься с земли, постоянно склоняешься ниц. В-третьих, в зимние дни ты удаляешься в глубь земли, сторонясь мирского, и избираешь уделом уединение. В-четвертых, своих детенышей, которые, как ты сама знаешь, могут своим ядом повредить людям, ты же и пожираешь, устраняя зло, которое они могут принести. В-пятых, и это самое главное, ты – властительница кладов.

Ради этих твоих качеств я и стал служить тебе, проявлять к тебе искреннюю преданность. Ученые мужи сказали: «Если даже мудрец или ученый не может ничего дать, подарить хотя бы один динар, все равно душой и сердцем надо служить ему. И наоборот, если глупый невежда может сделать тебе много полезного и дать испить чашу благ, то и на миг не следует оставаться в его обществе, даже час не следует общаться с ним».

– Так оно и есть, как ты говоришь, и мне нечего возразить тебе, – отвечала змея. – Хотя я раньше ничем тебе не помогала, ты проявляешь по отношению ко мне внимание, оказываешь почет и усердно служишь, и потому по законам благородства, великодушия и из чувства благодарности мне не подобает оставлять без вознаграждения твои труды. Однако в данный момент у меня в наличии нет ни гроша, хотя меня и считают хранительницей кладов и каждый, кто разбогател, получил долю из моих сокровищ. Но вот уже давно я отказалась от мирских благ и отвернулась от мира, почивая на троне выражения: «Довольство тем, что есть, – это целая держава», оставив безумцам и детям горсть камней и черепков, предоставив трупы собакам. «Я оставила мир тем, кто любит его, я уступила падаль собакам».

Я довольствуюсь травами и землей. Однако ты долго и преданно служил мне, тебе полагается награда, твои старания не должны остаться втуне, негоже вернуть тебя с пустыми руками. Поспешите же и отправляйтесь в город, который я тебе укажу, а я буду следовать за тобой. Правитель того города держит в цепях тысячу слонов, и каждый из них – олицетворение ужаса. Среди них есть один белый слон, царь его очень любит, никогда с ним не расстается. Когда слон придет пить воду из водоема, я заползу в его хобот, и он станет безумным и ярым. Хотя ярые слоны и славятся, но безумных не любят. И даже мудрецы сказали по этому поводу так: «Безумие и ярость не сочетаются».

Я не вылезу из хобота, пока ты не попросишь, так что на этом ты можешь заработать большие деньги и обрести благополучие. Вот и все, чем я сейчас могу вознаградить тебя за службу.

Царскому сыну понравились слова змеи, и он направился в названный змеей город, а она поползла за ним. Добравшись туда, они отдохнули от тягот пути, а потом змея проникла в водоем. Слон пришел туда, чтобы напиться, опустил в воду хобот – змея тут же вползла в этот хобот, подобный дракону, стала причинять слону такое ужасное беспокойство, что он разорвал цепи и бежал, а служители погнались за ним.

Доложили царю. Он очень удивился, огорчился и расстроился, сел на коня и вместе со всеми вельможами, сановниками и приближенными погнал остальных слонов. Те окружили белого слона и с помощью всяких уловок загнали его в стойло. При этом под ногами слонов много людей погибло, а еще больше было ранено. Как ни усердствовали лекари и знахари, каких только снадобий ни давали они слону, тот только больше свирепел, безумие одолевало его все сильнее. Казалось, что льют масло в огонь или же в горло пьяному вливают вино. Даже дивы убегали от ярого слона, все безумцы от страха перед ним разорвали свои цепи, небесный Лев страшился его бивней, Телец в небе боялся его ударов. Временами он пронзал бивнем скалу, словно шелк иголкой, от возбуждения с его тела лился пот, словно били горные родники. Никто не понимал, отчего он стал таким бешеным, никому не дано было постичь этой тайны.

Тогда царь приказал глашатаю возвестить народу в городе свою волю, пообещать награду тому, кто успокоит слона, кто усмирит его безумие и ярость.

Семь дней подряд возглашали это повеление, но никто не взялся погасить это пламя, никто не

дерзнул излечить безумие слона. И тогда царский сын решил, что настал его час, и взялся за эту трудную задачу. Он попросил день сроку, чтобы усмирить слона, а потом стал действовать так, как научила змея. Змея по слову сына эмира выползла из хобота, попросила у него извинения и вернулась восвояси. А слон проспал несколько суток.

Когда же проснулся, стал, как и прежде, питаться травой и пить воду. А злобу и бешенство как рукой сняло, он стал таким же здоровым, как и раньше.

Царь воздал хвалу знаниям и умению сына эмира, одарил его несметными дарами и приблизил к себе, назначив главным надзирателем над слонами. В скором времени тот стал заправлять всеми делами государства. Затем кончилась пора царствования того падишаха, а у венца его трона не было наследника. И вот все царство перешло к младшему сыну эмира, все края и области стали его владениями. Прошло уже много веков, как мудрецы изрекли:

Один ушел – на его место грядет другой,
Мир не останется без хозяина.

– Итак, о Мах-Шакар, – закончил попугай, – смысл этой притчи и цель моего рассказа состоит в том, что служба и покорность даже змее, этому врагу рода человеческого, может принести благие плоды. Подумай же о том, какой урожай взрастит служение другу и любовь к нему.

Попугай все еще рассказывал, когда золотой паланкин солнца подняли на слона неба и воздушные сферы, словно чело слона, окрасились киноварью.

ПОВЕСТЬ о цапле, воробье, пчеле и слоне, о том, как слон разбил яйцо воробья, а воробей отомстил ему с помощью друзей

На тридцать седьмую ночь, когда златокрылая птица солнца сошла с просторов неба в гнездо запада, а мир, словно лик соловья и голова ворона, почернел и потемнел, Мах-Шакар, покачиваясь, словно горная куропатка, пошла к сладкоречивому попугаю, вступила с ним в разговор, стала советоваться о том, пойти ли к любимому, и попросила на то разрешения, как и накануне.

Попугай воздал ей хвалы и подобающие почести, проявил преданность, а затем сказал:

– Я, твой верный раб, так усердно стараюсь ради вашего свидания, я трачу столько усилий и трудов ради того, чтобы вы встретились, да и госпожа моя всем сердцем и душой стремится к тому, чтобы встретиться с другом. Как же так получается, что свидание все откладывается? По какой причине не открываются его врата? Ведь до сей поры всегда оправдывалось такое правило: если несколько душ объединятся, поскачут бок о бок, сойдутся вместе для свершения какого-нибудь важного дела, то оно, несомненно, осуществится, обязательно свершится. Ведь было же так, что цапля, воробей, пчела и лягушка, звери сами по себе слабые и немощные, объединившись, отомстили яростному слону за разбитые яйца бедного воробья и погубили могучего и великого зверя.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай начал свой рассказ.

Рассказ 64

Это длинная притча, но очень увлекательная. Вот только как бы мой рассказ не помешал тебе пойти к любимому... К тому же от долгих историй клонит ко сну, и я опасаясь, как бы госпожу не одолела лень, ведь тогда желание ее не осуществится и она не достигнет цели.

– Непременно расскажи, – велела Мах-Шакар, – начинай сверлить жемчужины этой повести, мне очень хочется послушать, меня разбирает нетерпение.

И вот попугай начал так:

Повествующие рассказывают, что в стране Мабар росло ветвистое дерево, а на нем – множество плодов, приносивших людям радость своей свежестью. Корни дерева проникали в спину Быка земли, до сердца его доходили, ветви простирались ввысь до Тельца на небе, превосходя даже его. Облюбовал это место воробей, свил себе гнездо и снес яйца. Воробей наполнил раковину гнезда жемчужинами яиц, словно шкатулку пристанища драгоценными камнями, стал прикрывать их своими крыльями и перьями, оберегать и жалеть, даже ветерку не позволял коснуться их.

Когда настала пора этим чудесным шарикам лопнуть и появиться птенцам, вдруг с морского берега пришел ярый и свирепый слон, перед которым гора Бу-Кубайс^[357] выглядела соломинкой, пред яростью которого Лев на небе казался ягненком. Он стал тереться своим гороподобным телом о дерево, подкапывать его корни бивнями, похожими на клыки вепря, а хоботом, подобным дракону, начал обрывать ветви. От силы слона ветви дерева пришли в движение, и два воробьиных яичка выпали и разбились. Содержимое их уподобилось разбегающимся каплям ртути, и воробей, поскольку яйца для него являются средством продолжения рода, сильно огорчился и закручинился, начал причитать и плакать. Он стал думать о мести слону, придумывать всякие хитрости, чтобы погубить его с помощью друзей и сотоварищей. Ибо, как бы ни был муж умен и находчив, хитер и проворен, для осуществления своих намерений он нуждается в помощи друзей и приятелей, ему потребно содействие товарищей и соратников. И мудрецы сказали об этом так:

Не замышляй ни одного дела без друга,
Ибо без друга не свершится оно.
Разве ты не видишь, что на мельнице
Нельзя молотить одним жерновом?

Воробей поразмыслил, а потом отправился на берег моря и поведал повесть о произволе слона цапле, с которой давно дружил и поддерживал братские отношения. Они всегда делили меж собой горе и радости, печаль и веселье, рука об руку шли по жизни в достатке и в лишениях, в невзгодах и в отдохновении. Цапля полностью разделила его скорбь, посочувствовала ему всей душой.

Поблизости от тех мест обитала пчела, которая дружила с цаплей, служила ей верой и правдой, единого мига без нее прожить не могла. Цапля и воробей отправились к пчеле и попросили ее помочь советом и делом. Воробей с горестным сердцем и очами, подобными горному роднику, сказал:

Столь велико мое горе, что если частица его падет
На вращающееся небо, остановится вращение небес.
Помоги! Если ты не поможешь,
То я сгину в этой пустыне.

Пчела, услышав печальную повесть, расстроилась, огорчилась, закручинилась, обрадовала их своим союзом, всем сердцем и душой присоединилась к ним и сказала:

– Я не пожалею сил и стараний, сделаю все, на что способна и что могу совершить. И хотя этот слон – просто царственный лев, я влечу ему в глаз. К тому же у меня есть друг и сторонник в стране водоемов, в озерной рати. Он живет рядом с раком, коротает время с морскими чудищами и зовется лягушкой. Он необычайно умен, истинно прозорлив и будет достойным другом и настоящим помощником в преодолении бедствий судьбы и напастей рока. Если на то будет ваша воля, мы двинемся к нему втроем и попросим помощи в этом серьезном деле, дабы удачным советом и благодатным союзом быстро и основательно разрешить наши затруднения и справиться со слоном. Ведь разумные мужи сказали:

Много дел, которые решаются только благодаря помощи друга.
Нужны друзья, чтобы вершились дела.
В любом деле тебе не избежать помощников,
Только у бога нет сотоварищей и равных ему.

И вот воробей, цапля и пчела втроем пошли к лягушке и рассказали о том, как несправедливо обошелся слон с яйцами воробья, попросили помощи и у нее. Лягушка встретила их приветливо, проявила предельное радушие, разделила горе и скорбь друзей, посочувствовала их беде и печали.

Посоветовавшись, четверо животных, поразмыслив и обсудив, как лучше погубить слона, порешили на том, что пчела станет жужжать ему в ухо, надоедать, пока возбуждение слона не перейдет в безумие и одержимость. Ведь мудрецы сказали: «Глоток вина пьянит влюбленного, а музыка доводит пьяного до бесчувствия». После этого цапле следовало подойти и выколоть длинным клювом глаза слону, чтобы светлый мир померк для него. Если же воробей не удовлетворится этим в своей мести и захочет совсем сжить слона со света и погубить насильника, то, после того как в сердце слона разгорится огонь жажды и языки пламени спалят побег его тела, выступит лягушка, поскачет перед ним, напевая песенку, и заведет слона в яму, из которой нет выхода и спасения. А тот слепец, полагая, что перед ним находится водоем, последует за лягушкой, свалится в яму, изранив жестоко тело, и погибнет спустя несколько дней от голода и жажды, вручив душу ангелу смерти. Благодаря такой хитрости он вкусит возмездие за разбитые яйца воробья, который при жизни своей увидит врага в жалком состоянии. Мудрецы приравнивают к ста годам один день жизни, проведенный после смерти врага, как об этом сказал поэт:

Воистину, жизнь мужа после смерти его врага,
Даже если длится хотя бы день, долговечна.
Один глоток шербета после смерти недруга
Лучше семидесятилетней жизни.

Все четыре друга одобрили этот уговор, так как никому из них он не сулил опасности для жизни. А великие мужи сказали: «Победа, которая добывается легко, успех, обретенный просто, надо считать ключом побед и чудом рода человеческого». Мудрецы также изрекли по этому поводу:

Так сражайся с врагами и недругами,
Чтобы ни меч, ни рать твои не пострадали.

Три зверя укрылись в засаде мщения, готовя погибель слону. Пчела, словно комар, затаила пленительную мелодию возле ушей слона, так что он пришел в экстаз и перестал владеть собой. Цапля улучила момент и вырвала ему глаза, и из глазниц покатались ручьи, заплясали, подобно дервишам. Тут пчела оставила свои песни и слон остановился, словно стена, вернее, словно гора.

Прошел день, и слону страшно захотелось пить, но он не видел ни дороги, ни пути, не мог найти водопоя или водоема. И тут пригодилась лягушка. Она стала шлепать лапками, чтобы обмануть слона, стала квакать перед ним, словно гуль пустыни. Слон подумал, что перед ним находится водоем или озеро, и пошел вслепую. Лягушка направляла этого слона голосом, подобно тому как араб-погонщик криками

ведет верблюда. Но только она своим кваканьем толкала его к смерти и вместо водопоя вела его к адскому пламени.

По пути находился глубокий колодец, вышедший из строя, как и глаза слона. Лягушка прыгнула в колодец, слон последовал за ней и сломал себе передние и задние ноги, а желание воробья исполнилось, его цель была достигнута благодаря помощи и содействию друзей. Именно о таких случаях сказали великие мужи:

Если врага не одолеть силой,
То утопи его в воде при помощи знания.
Не презирай ком земли, упавший на дорогу.
Ведь он может сбить с головы царский венец.

– Итак, о Мах-Шакар, – закончил попугай рассказ, – последствия – результат единодушия нескольких умов. Видишь, какое великое дело свершилось благодаря трем животным. Так почему же наши с тобой сердца и старания не могут ничего достичь? Почему ты с каждым днем все более отдаляешься от свидания с любимым? Дай бог, чтобы все это завершилось добром.

Попугай все еще продолжал говорить, когда погрузившееся в колодец запада, будто ослепший слон, солнце заблестало на востоке, словно око льва, мир, бывший малым и темным, точно слоновий глаз, засверкал, как его бивни.

ПОВЕСТЬ о нишапурском купце, его жене Шахр-Ара и о том, как купец застал жену с любовником

На тридцать восьмую ночь, когда светлый мир, подобно хатибам и Аббасидам, облачился в шелка цвета сурьмы и надел гугатье цвета мрака,[\[358\]](#) а плащ небес украсился знаменем новолуния и оторочкой Млечного Пути, Мах-Шакар поднялась со своего места. Поскольку разлука с другом совсем истомила ее, а свидание с ним с каждым днем все отдалялось, она пришла к попугаю, слабая и унылая, повторила те же речи, которые говорила раньше.

Попугай, проникнув прозорливым разумом в ее любовные муки и душевные страдания, сначала воздал подобающие почести, провозгласил соответствующие славословия, разжег ее желание пойти к любимому, стал усерднее, чем в предыдущие ночи, подстрекать ее к свиданию, высказал сочувствие и сострадание, а потом сказал:

– Причиной моего страха служит опасение, как бы муж, вернувшись, не узнал от кого-нибудь о случившемся, ничего не проведал. Я, твой покорный раб, говорю все это по искреннему доброжелательству и утверждаю, что тебе из-за этого не стоит тревожиться, нет нужды беспокоиться и страшиться, ибо, если твой муж вернется и застанет тебя в обществе любовника, то есть путь, как выйти из такого положения, как спастись и избежать беды, подобно тому, как это случилось с женой купца. Она возлежала на ложе с любовником, но вдруг явился муж, она, однако же, сумела оправдаться перед ним, выкрутилась и отвела беду, так что муж устыдился своих подозрений и поверил, что ее поступок вызван целомудрием и добродетелью.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай стал рассказывать.

Рассказ 65

В книгах сказаний повествуется, что в городе Нишапуре жил некий купец, который постоянно гордился своим богатством и похвалялся своими несметными сокровищами. У него было множество и динаров и дирхемов, самоцветов и жемчугов. Коней у него было столько, сколько у других людей овец, верблюдов столько, сколько у других мулов. Дом его ломился от всякого добра и товаров. К сожалению, он не снискал даров из сокровищницы разума и был вовсе лишен знаний. Ведь рассудок и мудрость говорят о необходимости ума и знаний, мудрец не станет привязываться сердцем к тленному и преходящему, на это способен разве что темный невежда, разумный же муж не станет усердствовать, собирая монеты, которые подобны камням и черепкам. И великие мужи сказали по этому поводу:

Тот, кто одарил нас земною судьбой,
Счел уделом мудреца знание.
Познания и деньги вместе достаются не каждому,
От Хамадана до Диремшана – долгий путь.

У глупого купца была жена по имени Шахр-Ара, прекрасная и стройная, красивая, как Азра, и очень сладкоречивая. Ее прелести были безграничны, словно сокровища мужа, ее достоинства не знали предела, как и невежество супруга. Джинны, завидуя ее красоте, прикрывали лица, гурии, мечтая взглянуть на нее, высовывались из-за зубцов райских стен, райские сады зеленели и расцветали, ибо на них падал отблеск ее лица. Ризван считал честью быть ее покорным рабом.

Она – кумир. Увидев походку и лицо ее.
Аскет на сто лет забудет веру.
Она своенравно разметала локоны,
Каждым завитком кудрей расстроила тысячи клятв.
Ее уста уступили первенство глазам:
Язык безмолвствует, но говорят ресницы.

И хотя купец любил жену всем сердцем, хотя приносил в жертву ей и тело и душу, Шахр-Ара в любовной игре с ним мошенничала и жульничала, поскольку она завела шашни с одним молодым человеком. Она сеяла семена любви и сажала побег влюбленности в его сердце. Поэтому в душе она чувствовала отвращение к мужу и только для виду подчинялась ему. Великие мужи сказали по этому поводу: «Любовь едина, она не может пребывать сразу в двух местах». Влюбленность – это такое достояние, в котором нет совладельцев.

Муж что-то проведал об этих делах, стал догадываться понемногу. И вот в один прекрасный день купец, чтобы удостовериться в правильности слухов, решил отправиться в поездку. Он взял коней и припасов на несколько дней и двинулся в путь, но ночью тайком вернулся и спрятался под ложем супруги. А любовник пришел пораньше и уселся на ложе, дожидаясь ее прихода. Спустя некоторое время, когда домочадцы разошлись, а слуги разбрелись, чтобы отойти ко сну, когда ложе было готово принять сияние возлюбленной, а посторонние удалились, явилась и Шахр-Ара, нежная и пленительная, изящная и величавая, улыбающаяся и прекрасная. Она уже собралась было взойти на ложе, чтобы заключить в объятия возлюбленного, как вдруг увидела торчащий из-под ложа край кафтана мужа. Она страшно перепугалась, почувствовала приближение беды и подумала: «Неприятная история! Скверный случай! Хоть мой муж и не облачен в платье мудрости и одеяния ума, но даже последний дурак не простит такого, никакой болван этого не спустит, ибо позволить подобное, позабыть о таком поступке могут только трусы. Однако не следует все же терять надежды, надо постараться найти выход. Если я выберусь невредимой на

берег спасения, то возблагодарю счастливый случай. Если же погибну, то меня нельзя будет винить в пренебрежении собственной жизнью».

Потом Шахр-Ара подала любовнику тайный знак и вскричала:

– О брат мой! О отец мой! Остерегись, не смотри на меня греховным взором! Не касайся моей полы десницей похоти, ибо в обоих мирах ты мне брат. Любой мужчина в этом мире, кроме моего мужа, для меня все равно что брат. Тебя же я затем позвала и потому побеспокоила, что в полдень, когда я легла спать, согласно хадису пророка: «Спите днем, ибо воистину днем шайтан не спит»,^[359] мне приснился сон. Снилось мне, что настал час светопреставления, что собрались все люди из прошлого и будущего. Мне же говорят, что-де дни твоего мужа уже кончились, его срок завершился, он скончается в течение нескольких дней и птица его души вылетит из гнезда тела. Мне стало страшно от этих слов, больно и печально, я стала беспокоиться и тревожиться. И там же на поле Страшного суда я спросила одного святого мужа: «Что надо сделать, чтобы сокол жизни моего мужа не улетел?» И этой святой ответил: «Он вернется только при одном условии, силой одного-единственного поступка. Тебе надо сегодня же ночью уединиться с посторонним мужчиной, всю ночь делить с ним ложе и постель, оказывая должное гостеприимство, но при этом сохранять целомудрие и добродетель и ни в чем не нарушить законов воздержания и предосторожности. Когда же взметнется знамя султана утра, а звезда эмира вечера обратится в бегство, ты должна встать и испросить прощения у гостя. Если поступишь так, то благодаря твоей набожности и целомудрию жизнь твоего мужа непременно продлится, побег его существования вырастет вновь».

Увидев такой сон, я проснулась от страха, и светлые дни стали для меня горькими и мрачными, а наслаждение обернулось позором и несчастьем. Ведь муж – мой благодетель и покровитель, долг совместной жизни с ним велик, а его любовь оставила глубокий след в моей душе. Тебя я позвала и усадила на ложе по велению толкования вещего сна. А иначе какая вера дозволит постороннему мужчине смотреть в лицо чужой жене или, более того, забраться на чужое ложе? Но поскольку в этом кроется надежда, я согласилась на такой проступок и смирила сердце с таким грехом. Но, смотри же, не притрагивайся ко мне и держись подальше. Опустит-ка взоры, меня же считай изображением на стене. Есть надежда, что твой приход и утренняя молитва помогут мне, и тогда я возложу на свою душу благодарность тебе. И если то, что было предписано мне во сне, окажет воздействие и мой муж вернется целым и невредимым, то он воистину будет благодарен тебе. Мне же ты теперь названный брат, я тебе обязана во веки веков.

Конечно, любовник сначала сильно перетрусил и перепугался. Но когда он увидел плутовство и коварные уловки Шахр-Ары, он воспрянул духом и стал хитрить. Он поцеловал ей руку и назвал сестрой. Разговаривая, он оказывал ей почет и уважение как близкой родственнице.

А глупый купец лежал под кроватью, слышал весь их разговор и был безмерно рад тому, что его жизнь вне опасности, что его жена целомудренна. И он подумал: «Бедняжка Шахр-Ара! На что только она не готова ради продления моей жизни! Ради моего благополучия она не останавливается ни перед чем. Если пожелает Аллах, впредь ее заслуги будут достойно вознаграждены, ей будет оказан великий почет».

Купец все еще лелеял эти несбыточные надежды и беспочвенные мечтания, когда утренний ветерок, словно тибетский мускус, стал разглашать тайны любовников, а меч солнца, словно дурная слава, стал разрывать завесу, прятанную секреты влюбленных. Любовник-гость встал со своего места и поспешил домой, а Шахр-Ара легла спать. Купец вылез из-под ложа, разбудил жену от сладкого сна, стал извиняться перед ней и сказал:

– О целомудренная жена! О добродетельная супруга! Чем могу я заслужить твое прощение? Какими словами мне возблагодарить тебя?

Шахр-Ара притворилась, что ничего не понимает, делала вид, что не знает, о чем речь, и только твердила:

– О муж мой! Как хорошо, что ты отменил свое путешествие и вернулся в тот же день.

Купец стал еще больше доверять жене, удвоил нежность и ласки, признался в подозрениях, которые были у него прежде, о том, зачем он покинул дом, как вернулся и спрятался под ложем, о том, как он видел воочию усердие жены, предотвратившей последствия дурного сновидения. Он еще раз попросил у Шахр-Ары прощения, его любовь возросла многократно, и он пал ей в ноги. А того любовника он ввел в свой дом как названного брата жены, разрешил ему приходить и утром, и вечером, и днем, и ночью. И уста мира говорили о нем стихи:

Если природа мужа далека от совершенства,
Нет дому безопасности от постороннего.
Едва хозяин вьюка слезет с него,
Товар собственными ногами пойдет к вору.

– Знай, о Мах-Шакар, – закончил попугай, – цель моего рассказа состоит в том, чтобы ты ни в коей мере не опасалась того, что вернется муж и догадается обо всем. Если муж увидит тебя даже в одной постели с любовником, то можно, подобно Шахр-Аре, жене нишапурского купца, придумать что-нибудь в оправдание и отвлечь беду.

Попугай все еще продолжал рассказывать, когда москательщик утра натер белилами и румянами лица владычицы дня и девы небес, а утренние птицы, словно влюбленные, затянули пленительную и приятную мелодию.

ПОВЕСТЬ о богдыхане Чина, о его сватовстве к царевне Рума [\[360\]](#) и о том, как везир нарисовал на стене портрет румской царевны

На тридцать девятую ночь, когда рать чернокожих ночи стала наносить удары по шлемам белолицых меченосцев солнца, когда небеса, словно китайские щиты, украсились звездами и планетами, Мах-Шакар, красоте которой завидовали кумиры Чина и красавицы Рума, которая своей безмерной прелестью и беспредельным совершенством похищала сердца влюбленных и страждущих, великолепно украсившись, роскошно нарядившись, встала со своего места и отправилась к попугаю, словно больная. Она не проронила ни слова о том, что хочет навестить возлюбленного, ничем не показала, что хочет пойти к нему.

Попугай, видя, что ей не так уж хочется пойти на свидание к любимому, что она не изъявляет на то большого желания, раскрыл уста, принося дары славословий и похвал, а потом заложил основы красноречия в таких словах:

– У моей госпожи уже нет того страстного желания и безмерного стремления, что было сначала, свидеться с возлюбленным и пойти на встречу с ним. Потому-то она мешкает и медлит, размышляет и рассуждает. Коли благословенные помыслы не понуждают тебя отправиться на свидание к возлюбленному, если ты опасешься или остерегаешься чего-нибудь, то у меня, твоего покорного раба, есть на этот счет свои предположения и даже дерзновенные мысли. Госпожа моя совершает большую ошибку, и ее замыслы противоречат разуму, так как ей никак не удастся, просто невозможно остаться без любимого. Как румская царевна ни сторонилась замужества, как ни отказывалась выйти замуж, однако это ей не удалось, она стала супругой падишаха Чина и разделила с ним жизнь.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай стал рассказывать.

Рассказ 66

Хранители преданий рассказывают, что в давние времена в стране Чин жил богдыхан, юный, как его счастье. У него было несметное, как его казна, число слуг и рабов. Страна его была обширна, владения бескрайни, а границы его земель словно мировой океан окружали серое поле земли и голубое море небес. Он обладал высоким разумом и совершенными знаниями, был бесконечно справедлив и безмерно щедр.

И дни и ночи он устраивал дела мира, то он водил рати, то украшал пиршественные собрания. Он был стражем страны, словно простые стражники, благодаря его прозорливости весь мир почивал в покое.

У царя был везир, уму которого позавидовал бы сам Асаф,[\[361\]](#) а Бузурджмехр[\[362\]](#) счел бы себя его последним слугой.

Богдыхан всецело доверял своему везиру, везир же всячески укреплял величие и власть своего повелителя.

И вот однажды ночью, когда всевластный владыка сна напал на страну глаз богдыхана Чина и поразил войско всех его чувств, шах увидел во сне, что в высоком дворце и просторном чертоге, подобных которым он никогда не видел наяву, описания которых он ни от кого не слышал, восседает дева, подобная гурии, с тонким станом, прекрасная, как пери, и сладкоречивая. Еще ни разу он не видел подобного изваяния, еще ни один живописец не сотворил такого изображения. Дева предавалась веселью, ее пурпурные уста улыбались, а вино ходило в кругу друзей. Луноликие музыканты играли пленительные напевы, солнцеликие певцы вели мелодию хусравани. Пока они наслаждались и предавались всевозможным удовольствиям, шах Чина разговаривал сам с собой и произносил стихи:

О господи! Сон ли это иль явь?
Радость ли это иль горе?

В то самое время, когда шах Чина нежился в сладком сне, когда фокусник сна выкидывал чудеса, к повелителю по важному делу пришел мудрый везир и, пользуясь своим высоким положением, пробудил шаха от благословенного сна. Когда тот проснулся, то не нашел ни своего сердца на своем месте, ни пленительной красавицы в объятиях. Он тотчас произнес: «Нет мощи, кроме как у Аллаха» – и, расстроенный, грозно крича, схватил меч индийской стали и погнался за везиром. Бедный везир пустился бежать, полуживой от страха. Он думал: «Господи! Еще ни разу падишах не обходился со мной так сурово, еще ни разу не подвергал своего верного слугу такой опасности. Что могло случиться, из-за чего он унижает такого человека, как я, и направляет величие своей души на гибельные дела?» И везир стал размышлять над причиной перемены в характере царя, приложив всю свою проницательность.

Шах же вернулся в гарем печальный, огорченный, со скорбным сердцем. Он рассказал обитателям гарема о сновидении, о красоте девушки, которую он видел во сне, пожаловался на то, что его разбудил везир и лишил такого счастья, признался, что расвирепел, а закончил свою речь так:

– Увижу ли когда-нибудь наяву ту, что видел во сне? Где я найду прекрасную утешительницу сердца? Кто еще увидит подобный сон? Быть может, в надежде снова увидеть ее мне заснуть, предаться дреме, лелея ее образ?

Нет надежды увидеть ее во сне.
Кто может всю жизнь любоваться видениями сна?

* * *

Если бы не было надежды на свидание, то я не стал бы жить.
Если бы не было надежды на сновидение, то я не уснул бы.

У везира был там один друг. Он рассказал ему об этом сновидении, о красавице, которую шах видел во сне. Сам же шах с тех пор хмурился, гневался и избегал везира.

А везир был зодчим и живописцем. Услышав о красоте и достоинствах красавицы, о ее лице и косах, глазах и бровях, о стане и щеках, он нарисовал ее на шелку, изобразил на тонком полотне, как сказано:

Этот безбожник – искусный живописец:
Он рисует Анку, не видел ее ни разу.

Везир показывал портрет путешественникам и странникам, спрашивал каждого, надеясь, что кто-нибудь из них видел в дальних странах и краях кумир, похожий на рисунок, или же прослышал о чем-либо подобном. Везир без устали продолжал свои поиски и расспросы, но никто не умел разрешить его затруднений, никто не мог помочь ему достигнуть цели.

Но вот, наконец, по воле вращения времен, благодаря движению месяцев и лет, в ту страну прибыл бывалый путешественник.

Он сказал:

– Во всем мире только румская царевна может сравняться с той, что изображена на портрете. Эту красоту и прелесть господь – слава ему – даровал только ей. По-видимому, живописец природы начертал сей портрет на скрижалях воображения художника или художник долгие годы изучал ее лицо, раз ему удалось нарисовать его столь точно, ничего не упустив. Однако, как бы царевна ни была хороша, совершенна, прекрасна, стройна, пленительна и красноречива, она не хочет выходить замуж, даже слышать не желает о мужчинах. Она избрала уделом одиночество, полюбила сердцем воинскую доблесть и поражение мужей в бою, предалась отваге и храбрости.

Хотя и нет равной ей по красоте,
С ней нельзя говорить о супруге.
Невозможно описать ее красоту,
Сам портрет – свидетель тому.

Везир обрадовался вести, возликовал благодаря новости. Он тотчас поспешил к своему властелину, попросил его о приеме. Перед собой он держал в качестве подношения тот портрет. Он рассказал падишаху о том, как нарисовал портрет, как показывал его всем, кто приезжал в город и выезжал из него, о том, как один путешественник признал его, о том, кто изображен на портрете.

Богдыхан был очень доволен таким известием, воздал много похвал сообразительности и способностям везира, оказал ему всевозможные милости.

Вскоре шах вручил бразды правления державы доверенному лицу, взял с собой везира и, положившись на поводья счастья и стремени удачи, двинулся в сторону Рума. Когда после многих испытаний и тягот пути, после бесчисленных трудностей и мучений они прибыли в Рум, когда они поселились в той стране, то убедились, что путешественник правдиво описал румскую царевну. Они стали расспрашивать жителей города, почему царевна не хочет выходить замуж и питает вражду к мужчинам, желая разузнать, в чем подоплека и причина ее поведения. Им ответили так:

– А причина та, что однажды, еще при жизни отца, царевна сидела на крыше дворца, к которому примыкал сад, где на ветвях одного дерева пара белых уток снесла яйца и вывела птенцов. И по воле судьбы случилось так, что в саду начался пожар и зеленые ветви вспыхнули, словно сухой хворост. Сердца тюльпанов от огня горели, языки лилий опаляли языки пламени, глаза нарциссов от злых искр осыпали лепестки, виноградные лозы плавилась от жара. Птицы от силы огня жарились без вертелов, соловьи от дыма почернели, словно вороны, повсюду животные сгорали в огне, словно мотыльки. Лишь саламандра в это время приплясывала, точно куропатка и павлин. Попугай при виде этого пожарища улетел в небеса, а бескрылый страус поневоле кормился угольями. Куропатки бежали прочь, и только саламандры резвились и ликовали на огненных просторах. Наконец пламя подобралось к тому дереву, на котором свили гнездо утки. Самец не смог устоять против пламени, бросил потомство и сбежал. Но самка, хотя было уже невозможно переносить жар, не покинула утят в силу материнского сострадания, осталась с ними, изжарилась и испеклась вместе с птенцами. Царевна, видя трусость самца и самоотверженность самки, тут же поклялась не выходить никогда замуж и стала слагать дастаны о неверности мужчин. Поэтому никто не смеет при ней говорить о мужчинах или же хвалить их.

Мудрый и прозорливый везир, когда услышал такую повесть о румской царевне, прикусил от удивления палец и всеми правдами и неправдами добился у нее приема под видом живописца-художника. Когда он представился как искусный художник, а царица любила искусство, то получил повеление устроить картинную галерею и украсить картинами стены дворца. Везир пустил в ход все свое умение и мастерство и написал дворец, а над аркой изобразил портрет своего властелина. Под дворцом были нарисованы лужайка, а на ней газель с газеленком. Лужайку затоплял бурный поток, и самка от страха утонуть бросила детеныша, а самец остался с ним, и поток унес обоих. Везир изобразил все это с таким мастерством, что никто, даже искусник утренний ветерок, не сумел бы сотворить ничего подобного. После этого везир сообщил царице, что завершил работу.

Когда владычица вошла в картинную галерею и осмотрела картины и изображения, подобные творениям Мани, она была поражена и стала на все лады расхваливать художника. И вдруг она увидела на картине лужайку, богдыхана Чина, гибельный поток и газелей. Она еще более удивилась и спросила живописца о сокровенном смысле изображения. Везир ответил:

– Я – живописец Чина. Я изобразил то, что видел в своей стране. Не может быть картины прекраснее этой, поскольку смысл ее – истинная правда. С того момента, как наш падишах увидел эту картину, он, убедившись в себялюбии самки газели, отказался от общения с женщинами, отрекся от красавиц Рума и Чина. Более того, он сочинил книги о жестокости женщин, написал сочинения о бессердечии их. Он оставил свою страну и владения и путешествует со мной по разным странам и краям в поисках верной и преданной жены. Он неустанно бродит в поисках такой супруги, надеясь когда-нибудь достигнуть цели и добиться своего. Он непрестанно вращается вокруг своей оси, словно циркуль, надеясь отыскать где-нибудь приметы желаемого.

Едва царица Рума, которая уже много лет искала приметы верности и хотела найти такого шаха в супруги себе, услышала о свойствах натуры шаха Чина, любовь возобладала над ее природой, она всей душой возжелала его и сказала живописцу:

– Я уже давным-давно жажду такого счастья, ревностно ищущую подобную удачу. Где же он? Покажи мне его, развяжи при помощи его красоты тугой узел страсти в моем сердце, чтобы я стала его рабой с серьгой в ухе, чтобы я препоясалась на служение ему.

Она тотчас села на коня и поехала к дому, где поселился богдыхан, и со всеми почестями и уважением пригласила его во дворец.

Они сочетались браком в благословенный час и устроили подобающее пиршество. Их друзья и

придворные облачились в праздничные одеяния, близкие испили чаши радости. Царица Рума благодаря этому бракосочетанию увенчала голову новым венцом, а шах Чина при помощи женитьбы украсил палец новым перстнем, так как обе страны и обе державы благодаря этому объединились, и ни один чужеземный правитель не мог вмешиваться в их дела. От врат Рума до рвов Чина, от крепостей Чина до городских стен Рума все страны стали процветать и благоденствовать, и ни одна пядь земли в этих странах не оставалась необработанной и незасеянной.

Оба властелина избавились от тревог в одной державе,
Сменили боевой меч на чашу пиров.
Благоденствует весь мир в покое —
От края до края, от города до города.
Меж двух стран благодаря двум зодчим
От одной страны до другой раскинулась ярмарка.
А оба властелина предавались веселью
Порой на пиру, порой на охоте в степи.

– Смысл этого рассказа в том, – закончил попугай, – что царица Рума, как ни избегала замужества, как ни сторонилась бракосочетания, тем не менее вышла замуж и обрела долю в своем молодом счастье.

Мах-Шакар, услышав повесть попугая, подумала: «Этот рассказ не имеет ко мне никакого отношения, он совсем не подходит к моему положению. Ведь она выходила замуж, а я собираюсь к любовнику. А между мужем и любовником – большая разница и огромное расстояние».

Она уже собралась довести это до сведения попугая, изложить ему свои мысли, когда пресветлый шлем утра появился из страны чернокожих, а желтоликое дитя солнца вышло из чрева негритянки востока и озарило мир.

ПОВЕСТЬ о том, как пел осел и как плясал дровосек

На сороковую ночь, когда золотую свечу солнца убрали в тайник запада, а серебряный светильник луны извлекли из ниши востока, Мах-Шакар, с лицом, сияющим, словно пламя, с косами, которые были темнее самой длинной зимней ночи, пришла к попугаю и остановилась, безмолвная и в глубоком раздумье.

Попугай, видя, что она не слишком жаждет свидания с любимым, что в ней нет истинного рвения, опять взялся за свои плутни и притворился простаком. Сначала он воздал почести и славословия, а потом сказал:

– Ты чересчур медлишь со свиданием, и мне кажется, что ты, наверное, бережешь целомудрие и добродетель, опасаясь последствий любви. Это очень похвально с твоей стороны. И нет большего счастья, чем избрать своим уделом чистоту нравов и отвержение духовной скверны. Но уже давным-давно сказали: «Каждой вещи – свое время, каждому делу – свое место». И вот ныне, когда ты пребываешь в поре юности и счастья, обрети долю в блаженстве, испытай радость любви.

Не упускай время радости,
Отвернись от мирских тягот и горестей.

Покуда мускус не стал камфарой, пока амбра не стала шафраном, пока полнолуние не стало новолунием, пока не настало солнечное и лунное затмение, вкуси сполна от молодости и выставь на стол угощение радости, ибо потом ни раскаяние, ни сожаление не помогут, от печали не будет проку. Ведь бывалые люди сказали: «Применяй каждую вещь вовремя, ибо бесполезно Давать Сохрабу целебное зелье после смерти».[\[363\]](#)

Ныне тебе следует хорошенько понять и запечатлеть в памяти, что твое стремление к целомудрию лишено всякого смысла, никчемно и напоминает поступки осла, который пострадал от того, что стал весенней порой распевать свои песни.

Мах-Шакар, услышав, что осел пел песни, сильно удивилась и спросила:

– А как это случилось?

И попугай стал рассказывать.

Рассказ 67

От мудрецов и даровитых мужей слышал я, что в давние времена осел прачки подружился с шакалом. Узы их дружбы крепили с каждым днем. Хозяин осла каждый день отправлялся к пруду стирать. Осел же тем временем убежал в степь и проводил время в приятной беседе с другом.

Однажды весенней ночью, когда соловьи и жаворонки напевали свои протяжные мелодии, осел и шакал, договорившись заранее, пошли за огурцами в огород, который охранялся круглые сутки. Они стали расхищать и пожирать огурцы. Случилось так, что ночь была лунная, яснее лиц румийцев, светлее плеч китайнок. Даже белый день от зависти перед ней отступает в сторону, а сиятельное солнце перед блеском той лунной ночи склоняло голову до земли. Одним словом, в такую ночь, когда землю, словно звезды небесные, освещали светочи цветов, когда воздух от дуновений весеннего ветерка уподоблялся ряду торговцев благовониями на базаре, осел сказал:

– О брат мой! В такую ночь, когда от края до края земли воцарился лунный свет, когда с востока на запад веет ароматный ветерок, когда мы наслаждаемся обществом друг друга, как сказано:

Когда у нас в разгаре пир без посторонних,
Да будет прославлена роза без шипов.

Если мы в этот час не затынем пленительный напев, радующую душу песню, то какой прок от нашего веселья? Какой смысл от нашей жизни? Ведь те, кто наслаждается жизнью, сказали: «Не приносит радости питье вина, Если его не сопровождают звуки тара».

– Друг мой любезный, мой добрый приятель, – отвечал шакал – и не вздумай осуществить это пагубное намерение, откажись от такой губительной мысли. Что у тебя общего с музыкой и песнями? Звуки флейты твоего горла раздирают уши людей, твой громкий рев стирает письмена разума со страниц сердца. Никто не станет тесать топором розы из гранита, а твой грубый голос разрывает сердце. Да и как тебе петь при твоем непотребном голосе и ужасном реве? К чему тебе музыка? Ведь мы пришли воровать огурцы у огородника, мы должны блюсти тишину. К тому же великие мудрецы сложили по такому случаю пословицу: «Трое страдают от трех вещей: влюбленный от чрезмерного пения, больной от неподходящей еды, вор от несвоевременного кашля».

Если вор станет рыть подкоп и кашляет,
Вместо лекарства он получит стрелу.

Да разве здесь уместно бить в барабан? С нами тогда может случиться то же самое, что в известном рассказе.

Рассказ 68

Однажды ночью шайка воров проникла в дом богача. Не успели еще они приступить к делу, как нашли сосуд с вином и сказали друг другу:

– Давайте сначала напьемся и попируем. Ведь имущество никуда не денется, потом вынесем все потихоньку. Надо только разговаривать вполголоса или шепотом.

Когда они опорожнили наполовину тот сосуд, воля их ослабела, они забыли о зароке, стали петь и громко говорить, никого не опасаясь. Хозяин дома проснулся от шума и подивился их дерзости и безрассудству. Он тотчас схватил толстенную дубину и как следует отколотил их. Хмель с них как рукой сняло, и они перестали петь некстати.

На этот рассказ осел ответил:

– Ты – деревенщина, житель степей. Откуда тебе знать, что такое музыка и песня? Как тебе постичь это? Я же – горожанин, всегда живу в людском обществе, мне свойственно наслаждаться музыкой и получать от нее удовольствие. В такую ночь, весенней порой сама природа велит напевать мелодии, не смыкать глаз без песни.

– Хорошо говоришь! – отвечал шакал. – Кто не желает такого счастья? Кому не хочется, чтобы бутон его сердца раскрылся от дуновения мелодий? Но помни, можно слушать и наслаждаться, если голос приятен, напев пленителен, песня хороша. Однако мне известен твой непотребный рев и отвратительный крик. Стоит только тебе подать голос, как хозяин огорода тут же проснется.

Осел, поскольку упрямство укоренилось в его природе уже испокон веков, заупрямился и не отступал от своего намерения.

– Брат мой, – увещевал шакал, – ты не прислушиваешься к словам советника, не приемлешь речи мудрецов. Как бы с тобой не приключилось то же самое, что с пляшущим дровосеком, которого погубила пляска. Как бы песня не обернулась для тебя горем.

– А как это случилось? – спросил осел, и шакал стал рассказывать.

Рассказ 69

В индийских книгах рассказывают, что однажды дровосек отправился из города в дальний лес за дровами. Он трудился в поте лица, как вдруг вдали показались четыре джинна. Дровосек испугался, однако они успокоили его и сказали:

– Не бойся, подойди и служи нам. Мы наградим тебя в должной мере, согласно нашему сану, обеспечим тебе жизненный достаток, исполним твои желания и предоставим все, что тебе будет нужно.

Дровосек, хоть и затаил в сердце страх, но благодаря их ласковому обращению осмелел и стал служить им. Вскоре они принесли кувшин и стали извлекать из него яства и кушанья, напитки и благовония, деньги, драгоценности и золото – в общем, все, что им было нужно в этом мире. Они ели и пили вволю и давали и дровосеку долю.

Живя в таком благоденствии, дровосек забыл о доме и семье, перестал вспоминать жену и детей.

Так прошло некоторое время. И вот в один прекрасный день джинны пребывали в веселом настроении, передавали друг другу чашу братства и, наконец, сказали дровосеку:

– Ты уже давно дружишь с нами, кормишься с нашего стола. Мы разрешаем тебе вернуться домой. Если же у тебя есть к нам просьба, то выскажи ее, если есть желание, то не скрывай. Мы исполним твою просьбу и не откажем в твоём желании. Проси то, что надобно тебе, мы дадим. Изложи то, что нужно тебе, мы исполним.

Дровосек, видя их доброе расположение, тут же попросил у них волшебный кувшин, этот бесценный дар. И они ответили ему:

– Ты не сможешь сохранить этот кувшин. Чрезмерное богатство приведет тебя к беспечности, и ты пустишь на ветер это бесценное сокровище. И мы его лишимся, и ты не приобретешь.

– Нет, клянусь Аллахом, – отвечал дровосек, – дайте мне его. Эту память о вас я буду стеречь как собственную жизнь, ни на миг не расставаясь с ним. Если уж вы так полюбили меня, то не огорчайте отказом!

Угощения не следует давать сколько угодно,
Но уж коли дал, то корми досыта.
Пьянице не следует давать вина,
Но если уж дал, наливай сполна, чтобы он опьянел.

И джинны отдали ему кувшин. Дровосек взвалил на спину вязанку хвороста и отправился домой. Спустя несколько дней простой дровосек превратился в богача, стал уважаемым человеком. От богатства и безмятежной жизни он зазнался и предался пороку, так что подтвердился аят: «Если бы Аллах дал своим рабам лучшую долю, то они возмутились бы на земле».[\[364\]](#)

Наконец, в один прекрасный день бывший дровосек созвал много гостей, устроил роскошное пиршество. Он рассказал гостям о волшебном кувшине. А все они были так пьяны от вина, что им показалось мало, и они попросили еще вина из кувшина. Когда кувшин наполнился до краев, они стали пить. С каждой чашей они издавали крики, словно вороны или грачи, приплясывали, словно куропатки и павлины. Одни склонялись к ногам других, другие целовали руки кому непопадая, те клялись этим в дружбе, эти падали ниц перед теми. Одни, словно безумно влюбленные, рвали на себе одежды, другие, словно страстно влюбленные, орошали слезами землю. Одни вопили, словно собаки и обезьяны, другие ворковали, словно голубки и вяхири. Одним словом, добрый человек пил в свое удовольствие, а дурной

творил непотребство. А ведь мудрецы о вине сказали так:

Указаниями разума дозволено ученому мужу,
Законами шариата запрещено глупцу.

Будучи в том состоянии, когда шайтан повелевает человеком и каждый показывает свою истинную сущность, дровосек также поддался воздействию матери мерзостей.[\[365\]](#) и упустил из рук власть над дочерью лозы[\[366\]](#) Он поставил волшебный кувшин на голову в знак уважения и стал плясать и танцевать вместе с друзьями, приговаривая:

– Слава нашего пиршества – от тебя, все счастье и радость наша – от тебя. Вино от тебя и кебаб – от тебя! Счастье от тебя и удача – от тебя! Изобилие в поварне от тебя! Сердца ликуют ради тебя! Дружба и братство от тебя, покой и безмятежность ведут происхождение от тебя. Не бывает без тебя радости на пиру. Без тебя не опрокидывается чаша, не открывается бутылка.

Дровосек все еще твердил эту чепуху, произносил славословия кувшину, как вдруг поскользнулся и упал. Кувшин разбился. В нем ничего не осталось, а от него остались лишь черепки. Дровосек стал бить себя по голове и лицу, веселье обернулось плачем, но проку от этого не было.

Дровосек побежал к джиннам, однако их и след простыл. Ведь издавна известна пословица: «Много есть людей, которые хотят повторить желаемое». А опытные люди говорят: «Если большое богатство окажется у человека, который недостойн его, он расточит его попусту, а потом станет горевать и печалиться».

И шакал закончил так:

– Смысл моего рассказа таков: как бы твое пение, подобно пляске дровосека, не привело к печальным последствиям.

Но осел ни за что не хотел слушаться советов своего названного й та и заревел во всю мочь. Шакал, видя упрямство друга, выбежал за ограду и спрятался в укромном местечке. А осел продолжал реветь, пока не разбудил хозяина огорода. Он, его помощники и подручные прибежали с толстыми палками. Осел же от пения пришел в такой восторг, что себя не помнил. Его схватили, поколотили и проучили как следует, а потом привязали неподалеку к коряге, дабы, когда серебряный цитрон утра появится на ниве неба, когда дыня солнца взойдет на бахче востока, взыскать вред, причиненный ослом, с его хозяина, чтобы тот возместил убытки, нанесенные ослом.

Когда люди ушли, пришел шакал, увидел, в каком тяжелом положении находится его названный брат, пролил ручьи слез, стал горевать и печалиться, скорбеть и тужить о нем, а потом сказал:

– О брат мой! Я не пожалел наставлений и советов для тебя, не упустил ничего из увещаний и пожеланий. Но все это тебе не понравилось, а желание петь укоренилось в твоём сердце. Каждого, кто стремится к незаконному и настаивает на недозволенном, ожидает та же участь. Ведь пение не одобряет ни одна вера, не признает ни одно учение. О запрете пения существуют прямые указания в Коране и ясные хадисы. Что же касается того, что подвижники настойчиво побуждают к пению с радением в степи, но без сопровождения флейты или тара, назначают для того время и место, то они дозволяют это согласно преданиям, хадисам и рассказам шейхов, которые сами совершали радение. И можно определить, какое значение имело пение и где оно не подходит. Ты не прислушался ни к одному моему совету, мое доброжелательство не нашло в тебе отклика, а пословица о том, что ослы режут, когда проходят по мосту, для меня стала очевидной. Подумай же, чем кончилось все это для тебя. Другие пением зарабатывают платье и деньги, а ты заслужил лишь путы и удары палками.

Осел, слыша сочувственные слова, не обратил на них никакого внимания и не признал их

справедливости, так как уже успел забыть о побоях. Наконец утром, на рассвете пришел его хозяин, попросил прощения у огородника и отвел осла домой. С тех пор он стал взваливать на него такой груз, что осел рад был с жизнью распротиться.

– Узнай же, о Мах-Шакар, – закончил попугай речь, – цель моего рассказа в том, чтобы показать, что тебе не идет притворяться целомудренной, как ослу не годилось петь.

Попугай не успел еще договорить, как госпожа утра с сияющим ликом показала свою красоту из-за завесы ночи и выставила перед собой золотое зеркало солнца.

ПОВЕСТЬ о купеческом сыне из Термеза, о том, как он посвящал все свое время жене и забросил дела

На сорок первую ночь, когда золотой меч солнца из-под стремени четвертой сферы неба вложили в ножны запада, когда серебряный лук луны из оружейной востока передали в руки воина неба, Мах-Шакар, которая рубила головы влюбленных мечом носа и похищала кольца душ копьепоподобным станом,[\[367\]](#) пришла к попугаю, блистая лицом, подобным луне, окутанная кудрями, словно черным мускусом. Но не успела лунолика звука произнести, единого слова проронить, как попугай оказал ей почести, проявил свою преданность и сказал:

– Вот уже давно я тебя побуждаю и поощряю пойти на свидание к любимому, чтобы уединиться с ним, я изо всех сил стараюсь, а ты все мешкаешь. А теперь, если ты последуешь моему совету и отправишься как можно скорее в дом возлюбленного, как например, тот купеческий сын из Термеза, который по совету попугая и его самки отправился в поездку и вернулся с многочисленными товарами, нажил много добра, то есть надежда, что пожнешь плоды общения с любимым и обретешь покой.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай стал рассказывать.

Рассказ 70

Хранители преданий повествуют, что жил в городе Термезе бездетный купец. Лоно жены купца было бесплодным, как солончак, так что семена его рода не давали ростков. А он целыми днями мечтал о сыне, не спал по ночам, раздавал много милостыни, приносил много жертв.

И вот, наконец, всевышний и всеславный господь мощью своею одарил его в преклонные годы красивым сыном по имени Убейд, как одарил в свое время Ибрахима – да будет мир над ним – вестью: «И возвестили мы ему весть об Исхаке-пророке».[\[368\]](#) Отец был безмерно рад и воздал в благодарность богу многочисленные славословия, прочитал много молитв. Он растил сына в ласке и холе, берег его словно зеницу ока.

Когда ребенку исполнилось одиннадцать лет, когда росток его стана вытянулся, купец отослал способного мальчика к учителю и не жалел денег на его обучение и воспитание. Его наставник всячески о нем заботился и пекся, проявил похвальное усердие, чтобы научить его наукам и знаниям. Отец каждый миг находил на челе сына приметы счастья, читал на его лице знаки благоденствия и приносил в жертву жемчужины и самоцветы этих стихов:

Отцу, у которого есть такой потомок, как ты,
Матери, у которой есть такой сын, как ты,
Солнце светит из ворота кафтана,
Лунный свет сияет с порога.

И вот, когда Убейд совсем подрос, выучился читать и себя держать, ему сосватали луноликую деву, справили все подобающие обряды, исполнили принятые обычаи. Новобрачные стали предаваться любовным утехам и утолять сердечную склонность. Убейд так привязался к жене, что ни на минуту не мог покинуть ее покоев, даже чтобы оказать должное почтение родителям. Он забросил и торговые дела, совсем забыл о правилах веры. Купец был очень обижен и уязвлен тем, что сын так отдалился от них, он глубоко страдал и даже раскаивался, что женил сына, упрекая его и увещевая. Но ничто не помогало и не действовало.

И вот однажды к купцу пришел его близкий друг, которого он знал с детских лет и которого очень любил, и стал расспрашивать его о делах. Купец отвечал:

– Что говорить о делах моего сердца тому, кто не может исцелить его.

Но друг возразил:

– Нет, надо обязательно поведать и раскрыть тайну, которая у тебя на сердце. Быть может, мне удастся развязать тугой узел твоих невзгод, найти лекарство твоему недугу.

Купец, слыша от друга такие речи, тотчас рассказал о том, как сын помешался на любви и полностью посвятил себя жене.

На это друг ответил:

– Разумеется. И никто в мире сейчас не может отвратить его от нее, ибо он еще молод, в объятиях его – красавица, кругом – все блага мира и под рукой – все желаемое. К тому же он еще не изведal жизни, не вкусил ни горячего, ни холодного. Удивительно было бы, если бы он отказался от такого наслаждения и бросил бы такую благодать. Ведь великие мужи сказали: «Если тот, кто достиг своих желаний, отвратится от них, – он дурак»!

Но у меня есть пара попугаев, очень умных, ученых, весьма красноречивых и речистых. Они могут

представить правду в обличье кривды, выдать грех за добро, рассказывают чудесные истории, повествуют долго и занимательно. Если ты разрешишь, то я велю поселить птиц в комнатах твоего сына. Будем надеяться, что своими удивительными притчами и увлекательными рассказами они отвратят его внимание от молодой жены, выведут его из состояния, в которое впал. Быть может, им удастся склонить его отправиться в поездку по торговым делам. Тогда благодаря их наставлениям наваждение пропадет.

– Вот самое подходящее решение, самый уместный выход! – воскликнул купец. – Но сначала расскажи мне подробнее о попугае и самке, о том, какие они творят чудеса, какова их история, откуда они попали к тебе.

Рассказ 71

Однажды я сидел на крыше своего дома, – начал друг, – и читал разные книги, поскольку говорят: «Лучший рассказчик – книга».[369] Также сказано: «Книга – лучший в мире собеседник».[370] Я отбирал тонкие мысли и выискивал удачные выражения. То я останавливал внимание на какой-то мысли, то запоминал какую-нибудь пословицу. И вдруг прилетели попугай и его самка и сели на карнизе дома. Они стали беседовать со мной и сказали:

– Сначала выслушай повесть о нашей сердечной боли, а потом прими нас на службу!

Я поразился словам птиц и ответил.

– Что ж, поскорей говорите, что у вас на душе. И они заговорили:

– В некоем городе, в некоей обители мы были людьми, мужем и женой, слугами хозяина обители. Мы в совершенстве владели искусством музыки, играли подобно Барбеду. От напевов наших флейт, от звуков струн в досаде ломала ногти Нахид, а Утарид, несмотря на свое совершенное владение каламом, лишился сознания от зависти. А монах, наш хозяин, за сорок дней и ночей лишь один раз выходил из своего храма и прислушивался к нашим песнопениям и обращал душу к нашим напевам. Наши песни заменяли ему наслаждение от мирских яств и напитков. Он радовался им всего лишь час, а потом снова удалялся в келью и порывал узы, связывавшие его с людьми. И вот однажды ночью отшельник вышел наружу и захотел послушать нас. Но нас не оказалось на месте, поскольку мы уединились ради любовных утех в другом уголке. За то, что мы пренебрегли своими обязанностями и не исполнили его желания, он проклял нас в молитве и отвратил от нас свое сердце. В тот же миг всеславный и всевышний творец лишил нас своей милости и изменил наш облик. Муж стал попугаем, а жена – попугаихой. Коль скоро судьба распорядилась так, и рок так решил, мы склонили головы перед волей Аллаха, приняли сердцем его приказание и сказали:

Судьба predetermined, чему быть, того не миновать. Разве помогут унижение и смятение? Предопределяет Аллах то, что хочет. Что толку беспокоиться? Ведь воля – у Аллаха.

Вот потому-то мы и говорим на людском языке. А иначе разве могли бы птицы разговаривать? Но хоть мы теперь обратились в такое состояние и оказались в таком обличье, однако мы не можем пребывать среди животных, наши сердца не могут раскрыться перед ними, наши души не находят покоя среди диких зверей. Нас всюду подстерегают когти сокола или орла. Мы боимся, как бы они не напали на нас и не причинили нам вреда. Все наши знания и наш ум не значат для хищных птиц ровным счетом ничего, наша сообразительность и прозорливость для них не стоят и гроша. Вот уже многие годы мы летаем по небу в поисках мудрого, разумного и ученого мужа, которому мы могли бы служить, а сами нашли бы свое счастье в общении с ним. Все наши знания и разум мы принесли бы в жертву такому мужу. Мы видим, что ты посвящаешь свое время изучению книг и чтению свитков, мы читаем на твоём челе приметы любознательности и твердой веры, потому-то мы и прилетели, чтобы служить тебе всем сердцем и душой, сочли это своей обязанностью. Мы надеемся, что остаток нашей жизни будет протекать подле тебя, что мы никогда не расстанемся с тобой. Ведь мудрецы сказали: «Пробыть один час с мудрым, но бедным мужем лучше, чем прожить целый год в обществе богатого невежды».

И вот когда я выслушал до конца их печальную историю, то счел своим долгом отнестись к ним с уважением и взял их к себе. Беседы с ними для меня – великая отрада во всех моих бедах и затруднениях. Когда на меня низвергаются бедствия и горести, то их мнение для меня – огромная помощь и содействие. Таковы птицы, о которых я говорил тебе.

Купец, услышав рассказ о попугаях, очень удивился, счел большим одолжением внимание и ласку друга, похвалил его за сочувствие.

Не теряя времени, птиц посадили в клетку, принесли в дом купца и поставили там, где были покои Убейда. А птицам уже сообщили о состоянии Убейда, и они знали, что он всецело посвятил себя новобрачной.

Попугай и самка стали разговаривать, произносить приятные и пленительные слова. Попугай повернулся к самке и повел назидательные речи, начал сверлить жемчужины наставлений.

Убейд, слыша разумные речи попугая, удивился так, что забыл об объятиях возлюбленной, подошел к птицам и заговорил с ними. А попугай был красноречивцем и златоустом. Сначала он оказал юноше подобающие почести и воздал славословия, потом повел речи на все лады и между прочим сказал:

– О юноша! Это благо, что ты постоянно пребываешь дома, словно жены, ступил ногой на полу скромности и застыл на месте, подобно горе.

– Да, – отвечал Убейд. – Стрела ресниц моего кумира скрепила, словно гвоздями, шатер моей природы, а бремя раздумий о разлуке с ней стало якорем для моего душевного состояния. Обвила мое сердце путами страсть к ней! Воистину, невозможно расстаться с местом, где обитают красавицы. Я не мыслю ни единый миг прожить без блага свидания с ней, без счастья ее красоты, я не в силах хотя бы на одно мгновение оторвать от нее взор. И потому-то я забросил все дела и перестал оказывать знаки внимания родителям.

– Да, все так и есть, – согласился попугай. – Сама природа велит поступать именно так, как ты говоришь. Однако уже давным-давно ученые мужи сказали: «Чрезмерное увлечение женщинами и злоупотребление общением с ними не приводит к добру». В природе жен заключены насилие, несправедливость, коварство и хитрость, они замешаны во многих грехах и прегрешениях. Тот, кто слишком усердствует в общении с женщинами, слишком предается близости с ними, кто ищет пути к спасению в женщинах, кто надеется на счастье благодаря женщинам, подобен тому, кто гоняет мяч по поверхности моря, забавляясь этим, кто задумает скакать на коне по воздуху, воображая себя искусным наездником. И, конечно, такой человек выставит себя на посмешище людям, сделается предметом глумления, так как подобные поступки весьма далеки от деяний мудрецов и свойств ученых мужей и близки к тому, что вершат безумцы и дети. Если ты разрешишь, то расскажу тебе притчу о неверности и коварстве, о зловредности и нескромности женщин.

Убейд выразил желание слушать, и попугай начал.

Рассказ 72

Рассказчики повествуют, что в стране Хинд жил раджа и у него родилась дочь с тремя грудями. Люди были поражены и удивлены. Мудрецы и звездочеты изучили ее гороскоп и сказали:

– Этот удивительный ребенок благословен для отца, покуда он не вырос. Но как только она достигнет совершеннолетия, то отца постигнет несчастье, если она останется дома. Если же ее выдадут замуж, то мужу следует остерегаться несчастья и бедствий.

Как бы то ни было, девочку стали растить. Когда же она достигла совершеннолетия, то раджа приказал объявить по городу через глашатая, что тому, кто женится на этой девушке и увезет ее из страны, будет дано большое богатство. Но никто не изъявлял желания притязать на эту невесту, так как брать за себя девочку в таком раннем возрасте, тем более ущербную, да еще и такую, которая приносит несчастье, охотников мало. Только крайний невежда мог бы решиться накликать на себя несчастье и беду ради мирских благ, подвергнуться из-за них напастям и страданиям.

После того как никто не захотел взять в жены дочь раджи, никто не пожелал сочетаться с ней браком, один бедный слепец, поводырем у которого был глухонемой, подумал: «Женитьба на этой девушке, быть может, окажется для меня удачей. Ведь и жизнь и смерть зависят только от воли Аллаха и никто не властен распоряжаться ими. И если меня постигнет после женитьбы какая-нибудь беда, ну и пусть. Уж лучше я вкушу свою долю в этом мире и стану зятем раджи». Слепой поразмыслил так, посоветовался с немым поводырем и женился на дочери раджи с согласия и одобрения немого, получив обещанное приданое.

Они втроем покинули город, отправились в другую страну, где и поделились. Они тратили динары и дирхемы, жили беспечно и безмятежно, не зная тревог.

Слепец думал о несчастье немого и возносил благодарственную молитву за то, что не лишен дара речи. Немой видел слепые глаза слепца и был доволен тем, что обладает даром зрения. Девушка же смотрела на обоих и скорбела о своей погубленной юности.

Но вот однажды, поддавшись внушению шайтана и подчинившись человеческим склонностям, она подумала: «Слова звездочетов о том, что я приношу несчастье, не подтвердились. К тому же телесный недостаток мой вовсе и не виден. Этот слепец не может оценить моей красоты, он и не ведает даже, красавица я или безобразна, как див. А немой, по крайней мере, видит мои достоинства, может оценить мою красоту. Мне следует сговориться с ним и бросить слепого мужа». И она поделилась своими мыслями с немым. Поскольку коварство и вождление присущи человеческой природе, немому это предложение понравилось, он обрел долю в грехе с женой слепца и стал сотоварищем своего благодетеля в постели. Великие мужи по этому поводу сказали: «Если ты обласкаешь и пригреешь мерзавца, то он согрешит против твоего счастья».

Они вдвоем решили погубить слепца и стали придумывать хитрость, как бы убить его. Наконец, по наказу коварной женщины, немой пошел и принес черную змею. Жена разрубила ее на части и бросила в котел. Слепцу она сказала, что варит свежую рыбу, а сама меж тем занялась любовными утехами с немым. Слепец в надежде полакомиться рыбой пришел к котлу, опустил в него шумовку и стал вдыхать запах варева. Но случилось так, что поднимающийся из котла пар растопил пелену, покрывавшую его глаза, и он понемногу прозрел. Посмотрел он в котел и распознал обрубки змеи, посмотрел на жену и увидел, что она милуется с немым. Тут слепец все понял, ему открылись их дела. От пламени ревности кровь его закипела, ветер горячности застлал прахом глаза его скромности, он подкрался к ним на цыпочках, потихоньку схватил немого за ноги, поднял и со всей силы швырнул на жену. А судьба определила так, что горб на спине немого пришелся на третью грудь жены. От удара этот горб ушел ему в брюхо, а ее третья грудь

вдавилась внутрь грудной клетки. Оба калеки исцелились, и подтвердился аят: «Может случиться так, что вы не любите чего-либо, а оно – благо для вас».[371] Прозревший слепец пошел к правителю города с жалобой на насилие. Эмир был человек скорый на расправу, он тотчас приказал немого повесить в наказание за содеянное, а скверную жену – утопить.

Да будет тебе известно, что таковы поступки женщин. Говорят, что полагаться сердцем на верность жен – чистейшая глупость, что привязываться душой к ним – полное невежество, как сказано: «Глуп тот, кто полагается на три вещи: благоволение царей, сень облака и верность жен».

Убейд, выслушав от попугая рассказ, немного опомнился, ему стало стыдно, что он так излишествовал в утехах любви. А самка попугая меж тем сказала:

– Если мне будет позволено, то и я скажу несколько слов, хотя, быть может, они недостойны внимания великих мужей.

– Рассказывай, – разрешил Убейд, и самка попугая начала:

– Отец и мать, воспитывая тебя, потратили много сил и приложили много стараний. Они хотят, чтобы ты был им поддержкой в преклонные годы, чтобы ты проявил к ним ласку и внимание. В Коране неоднократно говорится о необходимости заботиться о родителях и осуждается грубость по отношению к ним, как, например, сказано: «А к родителям – доброе отношение».[372] а также говорится: «Не говори им „фу“ и не кричи на них».[373] Ты же перестал почитать родителей, забросил свои дела, предаешься лишь любви к жене, и тем самым ранишь и душу, и сердце родителей. Да будет тебе известно, что человек может обрести рай только благодаря двум вещам: во-первых, в этом мире – плотская любовь, и ты вкусил ее сполна и получил полное удовлетворение; во-вторых, это блаженство загробной жизни, а оно достигается только покорностью родителям, как это случилось с Салихом, сыном подвижника из Балха.[374] Благодаря послушанию родителям, он обрел долю и в этом мире и в ином.

– А как это случилось? – спросил Убейд, и самка попугая начала повествовать.

Рассказ 73

Рассказывают, что в городе Балхе жил некий подвижник, а у него был сын по имени Салих, очень набожный и благочестивый. С юношеских лет он прославился. Однако он не вкусил от плода наук, не обладал познаниями и премудростью. И вот однажды ночью он подумал так: «Тот, кто действуем без помощи наук, подобен верблюду на мельнице. Сколько бы тот ни шел вперед, всегда крутится на одном месте».

Подвижничество без достатка скудно,
Все равно что мешочек без мускуса.
Если алоэ лишено аромата,
То на пиршестве от него один лишь дым.

А по шариату действие, не освященное знанием, совсем не пользуется уважением. Если кто-нибудь совершит деяние, но не ведает о законах и основах его, то с точки зрения вероучения такой поступок не одобряется. Ученые мужи сказали: «Тот, кто усердствует в деяниях, но не поднимает знамени знания, подобен небу без звезд или крепости без стен. Тот, кто облачается только в платье деяний, но не испивает чаши сути знаний, подобен мечу без закалки и падишаху без венца». Говорят же:

Знание – жемчуг, прекрасный и драгоценный,
Невежество же – неизлечимый недуг.
Душе от знания только счастье,
От невежества же одни лишь муки.

Салих поразмыслил об этом и, хотя мать не разрешала ему, тайком покинул дом, следуя хадису: «Стремитесь к знанию, если оно даже в Чине» и преданию «Стремление к знанию – это долг каждого мусульманина и мусульманки».^[375] Он направился в те края, где собрались выдающиеся ученые и глубокомысленные мудрецы. Он миновал одну за другой стоянки, покрывал один за другим переходы. Днем он пересекал пустыни, ночи проводил в степях. Наконец, после долгих странствий он пришел к высокому ветвистому дереву и присел там на время, чтобы передохнуть. Вдруг птичка с ветки сбросила на Салиха помет, который угодил ему прямо на голову. Он разозлился, так как был очень чистоплотен и разборчив и еще ни разу в жизни даже не взглянул на что-нибудь запретное, и быстро поднял глаза на птицу. Птица от силы его взгляда затрепетала, упала и тут же сдохла. Салих двинулся в путь, пришел в какой-то город, остановился перед хижинкой рыбака и стал просить подаяния. Хозяйка дома собралась было бросить в его суму кусок хлеба, но в этот момент пришел муж, она забыла о нищем, отвернулась от него и стала прислуживать мужу, как рабыня, ни минуты не оставляя своих обязанностей. Когда же хозяин дома уснул, целомудренная жена вспомнила о нищем и принесла ему немного еды. Из-за долгого ожидания Салих вышел из себя, поддался гневу и свирепо посмотрел на женщину, она же только улыбнулась и сказала:

– Эй, Салих из Балха! Ты, верно, приравнял меня к птичке, что бросаешь на меня столь яростные взгляды. Но то была всего-навсего птичка, я же – человек. Она была творением воздуха, а я сотворена богом, между нами великая разница, огромное различие. К тому же величие души состоит в том, чтобы дыханием или пятой воскрешать человека, освободить душу от страданий, а не в том, чтобы лишать жизни живое существо или птицу своим взором. «Если ты способен, уследи человеческие уста, Мужество не в том, чтобы ударить другого по зубам».

Салих, слыша такие речи, видя, что о нем все известно, удивился и сказал:

– Ведь это удел мужчин! Как могла познать скрытое ты, целомудренная женщина и добродетельная хозяйка? Откуда тебе ведомы тайны этих угодий? Откуда известно мое имя? Как ты догадалась о моем секрете?

– Я не открою своей тайны, – отвечала добродетельная женщина. – Не развяжу своей рукой заветного узла. В городе, который я укажу тебе, на улице, приметы которой назову, живет мой брат – охотник. Он и поведаст тебе истину.

Салих тотчас пустился в путь и прибыл в тот город. Расспрашивая, он пришел к названной ему улице и увидел там охотника. Тот вытаскивал птиц из силков и отрывал им головы. Как только он увидел Салиха, тут же сказал:

– Салам алейкум, о Салих! Тебя прислала жена рыбака, моя сестра, чтобы я рассказал тебе о том, что у нее на уме. Ты пришел кстати. Добро пожаловать. Побудь эту ночь моим гостем, чтобы устранить сомнения, терзающие тебя, чтобы избавиться от колебаний, которые тебя мучат.

– Послушай, господин! – отвечал Салих. – Ты – охотник, а та женщина – рыбачка. Вы оба занимаетесь жестоким делом, немилосердным ремеслом. При столь дурных занятиях откуда у вас такое величие души? Как вы достигли такой высокой степени совершенства?

И вот, когда настала ночь, когда златокрылая птица солнца опустилась в гнездо запада, когда серебряная рыба луны выплыла в реку небес, охотник повел Салиха к себе домой и вручил отцу и матери плоды своих дневных трудов. Он всячески привечал родителей и угождал им, оказывал уважение и почет. Всю ночь он на одной ноге вертелся, прислуживал им, всеми силами стараясь заслужить их расположение. Когда настала пора белизне утра взойти на просторы небес, когда сокол солнца простер над миром крылья света, охотник сказал Салиху:

– Этот высокий сан, эта глубина постижения, которые ты сам лицезрел, при всем том, что я проливаю кровь живых существ и лишаю их жизни, достались мне за почитание родителей. А к сестре величие духа ниспослано за то, что она верно служит мужу. Ты же бросил дом без родительского разрешения, покинул дома святыню и пустился на поиски излишних знаний.

Услышав такие речи, восприняв назидания охотника, Салих без промедления сел на верблюда возвращения и вскоре вернулся домой. С тех пор он стал усердно служить отцу и матери и заботиться о них. А всеславный и всевышний господь в благодарность за его доброе намерение открыл перед ним врата знаний и одарил его земными и загробными благами.

– Послушание родителям и забота о них, – закончила самка попугая, – влекут много благих последствий. А спасение в обоих мирах зависит от довольства родителей.

Когда Убейд выслушал эти речи от попугаихи, а до этого в душу ему уже запали слова самца, он оставил свои покои, поспешил к родителям, чтобы воздать им почет и уважение, бросился к их ногам, попросил прощения за все то, что произошло. Потом он собрался в торговое путешествие, отправился вместе с другими купцами морским путем и вернулся с богатыми товарами и несметной прибылью. После того он спокойно и безмятежно зажил в своей семье, не зная тревог и волнений.

Попугай так завершил рассказ:

– О Мах-Шакар! Если и ты по моему совету поспешишь к любимому, то воистину, как и тот купеческий сын, который послушался совета самки попугая, вернешься домой во здравии и благополучии, победоносной и ликующей.

Попугай как раз довел свой рассказ до этого места, когда черная ворона ночи снесла в гнезде мира волшебное яйцо утра, а петух солнца возложил на голову золотой венец и поднялся в воздух.

ПОВЕСТЬ о дружбе селезня с вороном, о том, как ворон стал домогаться супруги селезня, о том, как их рассудили четверо крестьян

На сорок вторую ночь, когда златоклювая утка солнца нырнула в родник запада, когда ворон ночного мрака распротер над миром свои крылья, Мах-Шакар, которая, тоскуя по цветнику любимого, словно птица с пестрыми крыльями сидела в гнезде страсти, украсила себя на все лады, раскрыла в улыбке сахарные уста, пришла к попугаю и попросила открыть ей стезю разрешения и указать дорогу соизволения. Попугай сначала улыбнулся, показывая, что ему смешно, а потом он оказал хозяйке почет, выказал преданность, воздал смиренно ей хвалу.

Мах-Шакар удивилась тому, что попугай смеется, спросила о причине.

– Сегодня я слышал удивительную сказку, – отвечал попугай, – и с тех пор не могу удержаться от смеха.

– От кого ты слышал? – спросила Мах-Шакар. – Что это за веселая история? Расскажи-ка мне!

– Нынче днем, – отвечал попугай, – когда владения полуденного жара достигли предела, глаза мои стали слипаться от сна, как вдруг подлетел и сел около моей клетки попугай, мой давний друг, с которым мы долгие годы провели в одном саду в дружбе и ладу. Между нами пошла беседа о том о сем. А попугай этот великий мастер рассказывать. Я попросил его поведать мне занимательную сказку. И вот в промежутке между нашими беседами он рассказал мне притчу о селезне и вороне, и меня с тех пор не оставляет смех, улыбка не покидает уст.

– А что это за притча? – спросила Мах-Шакар, и попугай стал рассказывать.

Рассказ 74

Я слышал от своего преданного и искреннего друга, что однажды селезень и ворон стали названными братьями, хотя между ними нет ничего общего. Узы братства между ними были крепки, основы привязанности и расположения – прочны. Ворон гостил у реки, где обитал селезень. Как и утки, он стал питаться речной живностью, прибрежными растениями и прочей снедью тех мест. По ночам он психивал в пленительных и прекрасных уголках. Хотя селезень старался изо всех сил выказать ворону гостеприимство, подносил ему все, что попадалось в реке, сердце ворона стало скучать по еде и напиткам, к которым он привык, его природа стала тосковать по падали и отбросам. Ведь великие мужи сказали: «Каждому существу – своя еда, каждой душе – своя пища, ибо верблюду колючка слаще, чем финик человеку, а павлину змея так же приятна, как сахар устам попугая».

Осел, который однажды понюхал колючки,
Если дать ему базиликов, будет искать плевелов.
Не всякая вещь по душе каждому —
Собака не ест фиников, кошка – траву.
Не всякое лакомство подходит любому языку,
Не всякий плод предназначен для любого рта.

Итак, ворон стал тосковать о родном доме, вспоминать свое прежнее жилище. Ему захотелось расправить крылья возвращения и повести за собой и других птиц. Он обратился к селезню, извинился перед ним, а потом сказал:

– О добрый мой брат, о сердечный друг! Я хочу вернуться в свою келью. Если и ты прибудешь в мое гнездо и озаришь его светом своего присутствия, я окажу тебе гостеприимство по мере сил моих, буду всячески стараться услужить тебе. Я встречу тебя лаской, окажу тебе почет. Быть может, мне удастся отплатить тебе хоть немного за твои милости или воздать должное за твои великие почести. К тому же ответное посещение – обычай Господина господ,[\[376\]](#) как он сказал – да будет мир над ним: «Если меня пригласят даже к мулу, я все равно приму приглашение». Дом твоего покорного раба – твой дом. Ведь если кто-нибудь возвращается к себе домой, в этом нет порока или невежества.

Селезень сердцем и душой одобрил намерение друга. И вот он со своей уткой прилетел к гнезду ворона. И что же он увидел? Нелепое жилище и скверное пристанище. Место скудное, словно терпение птиц, гнездо безобразное, словно логово диких зверей.

Пищей там были только обглоданные кости, кормом служили только куски падали. Цветник походил на банную печь, лужайка – на покинутый лагерь. Ворон и его домочадцы только того и дожидались, чтобы мухи поднялись с трупа, чтобы и им досталось чего-либо. Селезень, видя, каков недостаток названного брата, был крайне удивлен, его стало тошнить от падали и нечистот, он раскаялся, что явился сюда в гости, но виду не подал, так как считал это признаком дурного воспитания. Он только повторял про себя стихи:

О ты, изгнавший меня из рая!
Ведь ты сделал меня пленником ада.

Как ворон ни заискивал перед селезнем, сколько он ни приносил ему лакомых кусков, селезень только больше страдал, приводил разные отговорки и отворачивался. А про себя он думал, что ведь правду сказали:

Утка, повидавшая ручей и цветник,
Разве станет пить воду из водоема у бани?

Ворон по своей проницательности догадался обо всем, понял, что селезень брезгует его едой и водой. Он раскаялся в том, что зря приставал к нему с угощениями, попусту оказывал ему милости, и стал ограничиваться одним хлебом. Селезень устал и изголодался, ему стало невмоготу в тех местах, и на другой день он попросил у хозяина разрешения вернуться домой. Ворон согласился, и они обнялись на прощание. Когда селезень собрался в путь, ворон подлетел, ухватил за крыло утку и сказал:

– Ты – моя супруга и мать моих птенцов. Куда ты летишь с селезнем? Зачем ты водишься с ним? Правда, мы провели какое-то время в его гнезде, но ведь были его гостями недолго!

Бедный селезень повернулся, пораженный и озадаченный, вступил в спор с вороном, сказал:

– Что за несправедливость ты творишь? Что за срам ты себе позволяешь? Разве мы не белы, словно помыслы добронравных мужей и книга записи их деяний? А ваш цвет разве не черен, словно нутро вероотступников и лица воров? Мы белы, словно десница Мусы, а ваши лица подобны облику чародеев Фараона. Наше одеяние – это самые прекрасные одежды, ведь сам Пророк – да будет мир над ним – сказал: «Лучшие одеяния – белые».[\[377\]](#) Ваши же платья от головы до пят подобны цветом Черному диву. Ведь «чернота – от неверия». Мы светлее ясного дня, вы же мрачнее черной ночи. Мы соперничаем с соколами царствующего султана, а вы сочетаетесь браком с презренными совами. Вы – смола, а мы – молоко, вы – пепел, а мы – шафран. Да как же моя супруга может стать твоей женой и как она может покориться тебе?

На это ворон отвечал:

– Как бы не так! Все это пустяки, цвет и сходство не имеют никакого значения. Всеславный и всевышний творец создал людей разнообразными по цвету. Он тюрка женил на эфиопке, румийцу дал в жены негритянку. Точно так же у разного рода животных, таких, например, как кони, овцы, у всяких птиц, например у голубей и прочих, могут быть черные самцы и белые самки и наоборот. К тому же эта самка раньше была черной, как я, была облачена в черную накидку. Но пока мы оставались у тебя в гостях, я остерегался ваших губительных кушаний и потому остался при своем цвете, черным, словно шатер султана. А эта самка по ограниченности ума и недостаточности разума, что вообще присуще женщинам, не смогла воздержаться от пищи и ела то, что попадалось. Перья ее выпали, она облезла, а новые перья у нее выросли такие же, как у вас.

Бедный селезень от таких доводов ворона растерялся и огорчился, разгневался и рассердился. Он не знал, что ему возразить, и, наконец, сказал:

– Этот случай не может быть решен со слов истца и ответчика, лишь по их показаниям невозможно вынести решение. Во всякой тяжбе должны быть справедливые судьи и беспристрастные свидетели. И только тогда тяжба будет решена справедливо и распря обернется примирением. «Если бы не было правителя, то люди пожирали бы друг друга».

– Согласен, – отвечал ворон, – вполне подходящая мысль. Завтра, когда белая утка утра взлетит на небо, а ворон ночи пустится в бегство перед соколом солнца, мы призовем судью для решения нашей тяжбы и вручим повод в руки его справедливости. Однако звери и птицы не могут иметь отношения к этому делу, так как они принадлежат к тому же роду, что и мы. Как бы они не склонились в чью-нибудь сторону, как бы не стали потворствовать кому-либо из нас. Человек же не состоит с нами в родстве, он не станет принимать ничью сторону и решит по справедливости. Надо его и выбрать судьей и возложить на него это трудное дело.

Селезень согласился с этими доводами, не ведая о несправедливости рода людского. А поблизости, в одной деревне, обитали четверо мужчин. Один из них был мясник, второй – крестьянин, третий был отцом

детей, а четвертый – лысый. Ворон пришел к ним пораньше и завел разговор, запугивая и угрожая.

– Вот уже много лет, – говорил он, – я живу по соседству с вами, и вы мне многим обязаны. Сегодня у меня важное дело: я хочу, чтобы утка стала моей парой. По этой тяжбе мы выберем вас в судьи, бросим перед вами мяч решения спора. Помните, что судьба изменчива! Вы должны принять мою сторону и решить дело в мою пользу.

Мяснику ворон сказал:

– Если ты выступишь против меня, станешь мне перечить, то твоему мясу не поздоровится! Я буду летать вокруг подвешенных туш и растаскивать их по кусочкам.

Потом он повернулся к земледельцу и молвил:

– Если ты пойдешь против меня, если в этой тяжбе не будешь на моей стороне, я разбереду раны твоих заезженных мулов.

Потом он обратился к отцу детей со словами:

– Если ты не поможешь мне взять верх в споре, не приблизишь мою победу, то я стану клевать твоих детей, израню их головы клювом.

А лысому он пригрозил так:

– Если ты не сделаешь меня мужем утки, если не отдашь ее мне в жены, то я вцеплюсь когтями тебе в лысину, не дам тебе спокойно даже воды испить.

Все четверо крестьян испугались ворона и его коварства и порешили так:

– Ворон для нас – грозный и страшный противник. Очевидно, что мы бессильны против него. Надо его задобрить и прийти к согласию с ним. Какая нам разница, утка ли станет женой ворона, или самка ворона – женой селезня? Похвально и желательно стремиться к соблюдению собственной пользы и печься о своем будущем.

С этими словами они единодушно согласились на просьбу ворона, и он вернулся домой радостный и довольный.

На другой день, когда мир избавился от насилия ворона ночи и стал светлым, словно оперение утки, ворон и селезень вместе с самками пришли к судьям и изложили свою тяжбу. Судьи от страха перед вороном, как они и обещали накануне вечером, вынесли такое решение:

– Это самка ворона, и, вне всякого сомнения, она – его супруга. Уже долгое время она живет совместно с ним. А селезень на нее никаких прав не имеет.

Когда крестьяне таким образом решили спор тяжущихся сторон, когда они вынесли такое решение, селезень удивился их пристрастию и лицемерию, не мог слова вымолвить из-за их несправедливого и неправого суда. Зарыдал он громко и покинул свою давнюю супругу. Утка также горько плакала, самка ворона тоже проливали слезы. Ворон-истец вдруг тоже стал рыдать вместе с ними. Стеная и скорбя, трое попрощались с бедным и безутешным селезнем и поднялись в небо. Пролетев немного, они вернулись назад, ворон обнял селезня, стал говорить ласковые и приветные слова, утешать его и выражать сочувствие, а потом сказал:

– О брат мой! Эта самка – твоя супруга, а мне она – сестра. И все это я учинил лишь из-за того, что ты брезговал нашей пищей. А смысл моего поступка был тот, что в этой деревне падалью и отбросами питаются не одни вороны. Да будет тебе известно, что здесь и люди кормятся тем же самым, ублажают свою плоть той же пищей. Если бы не так, что же тогда заставило их отдать белую утку за черного ворона? Стоило мне немного пригрозить им, и они поступили так вопреки религии и вере. Разве это не означает,

что они питаются падалью?

Селезень очень обрадовался, засмеялся и сказал:

– Теперь мне ясен сокровенный смысл твоего поступка, и тот удивительный случай запечатлелся в моей памяти. А теперь скажи мне, из-за чего же ты плакал? Отчего родник твоих глаз проливал слезы, ведь у тебя не было горя? Я и моя самка плакали из-за того, что нам приходится расстаться, твоя жена плакала из-за того, что ее супруг взял вторую жену, более красивую. Мне бы хотелось знать причину твоих рыданий, подоплеку твоих слез.

Ворон ответил ему:

– Я плакал из-за мысли о том, какова участь подданных, как вершатся их дела в стране, где такие несправедливые судьи и такие безбожные обитатели. Ведь на помощь униженным приходят судьи, слабые приносят свои жалобы кадиям. Ищущий справедливости жаждет от судей истины, и только благодаря им осуществляется право правой стороны. Если судьи проявляют пристрастие и не относятся к тяжущимся одинаково, то как же могут быть решены мирские дела? Как будут соблюдены основы мира?

Когда попугай завершил рассказ, то он сказал:

– О Мах-Шакар! Вот из-за этого-то рассказа я и смеялся.

Мах-Шакар была поражена, но тоже засмеялась. А уста утра, когда оно услышало эту притчу, также раскрылись в улыбке, подражая ей, а затем засверкали и зубы солнца.

ПОВЕСТЬ о том, как раджа Тирхута устроил пиршество, о его сыне и дочери и о старом музыканте

На сорок третью ночь, когда властелин звезд сбежал из картинной галереи четвертого неба в укромное местечко на западе, а музыкантша Зухра стала напевать в третьем ладу мелодию хусравани, Мах-Шакар, которая долго сносила разлуку с возлюбленным и безмерно страдала от тоски по другу, пришла, расстроенная, к попугаю и остановилась перед клеткой, огорченная. Она твердо решила повидаться с попугаем и получить от него разрешение на свидание, не теряя времени на выслушивание всяких сказок и притч, чтобы не уклониться от основной цели и не сбиться с дороги. Попугай благодаря своей природной сообразительности и прозорливости прочитал ее потаенные мысли и надежды, немедленно воздал ей искренние славословия и похвалу, оказал подобающие почести и знаки внимания, а потом сказал:

– Это хорошо, что госпожа наконец-то затосковала и огорчилась, что она расстроилась и опечалилась. Не дай боже, чтобы горе пустило корни в сердце. Ибо оно первым делом выставит наружу сон! Но теперь я твердо знаю, я убедился воочию, что все твои кручины и горести происходят от того, что ты разлучена с мужем, что ты расстроена и смущена тем, что дома нет твоего господина.

Мах-Шакар, хотя у нее и в мыслях не было ничего подобного, из стыдливости нехотя согласилась с выводом попугая и сказала:

– Так оно и есть, как ты говоришь. Ты идешь по правильному пути.

– Но из-за этого не стоит горевать и печалиться, – продолжал попугай. – Ступай в дом любимого, погаси пламя тоски по мужу прозрачной водой свидания с возлюбленным. Ведь может случиться, что ты очень скоро обретешь желанное и достигнешь цели. Да и муж вернется в ближайшие дни, так что ты будешь в обществе и мужа, и любовника. И тогда я скажу про всех вас те самые слова, которые говорил старый музыкант своей дочери на пиру у раджи Тирхута, когда она плясала в пиршественном зале. Он говорил: «О, дочь моя! Многое позади, осталось мало. Не ленись плясать, не пренебрегай танцами».

– А как это было? – спросила Мах-Шакар, и попугай начал так.

Рассказ 75

Рассказывают, что в давние времена и минувшие века в городе Тирхут, который служит местопребыванием великих правителей и прославленных землевладельцев, жил раджа. Он был уже стар годами, но юн желаниями, любил пиры и музыку и каждый день проводил под мелодии флейты, каждую ночь засыпал лишь под звуки мусикара. Сладкоголосые певцы всегда были к его услугам, искусные музыканты волшебными пальцами чаровали сердца людей. Луноликие танцовщицы, словно куколки Чигила, [378] дарили отдохновение. Танцовщицы с косами, как цепи, точно кудесники-соловьи, заковывали в путы сердца. Раджа постоянно пировал и веселился в их обществе. А подданные и приближенные его изнывали от столь долгого царствования.

У раджи были сын и дочь, юные, красивые, стройные, проворные. И вот однажды ночью сын подумал: «Отец прожил в мире уже столь долго, но все еще могуч и силен. Быть может, ему осталось жить всего несколько лет и царствование его завершится. Однако побег моей жизни вянет с каждым днем, пальма моего бытия с каждым часом хиреет. «Поскольку коловращение мира не вечно, Блажен тот, кто обрел свою долю в жизни».

Когда мне будет сорок или пятьдесят лет, то к чему мне тогда власть? Какую пользу я получу от такого царствования? Ведь мудрецы сказали: «Весна жизни – только до сорока лет, пора наслаждений и утех – тоже столько же лет. А все, что превысит этот срок, превзойдет сей предел, это всего-навсего цветник без ручья, лужайка без ароматов». Говорят же:

Радость жизни – до сорока лет,
Когда минет сорок, то опадают перья.
После пятидесяти нет здоровья,
Зрение становится хуже, ум слабеет.
После шестидесяти приходится сидеть,
После семидесяти нет силы в членах.
Если достигнешь восьмидесяти и девяноста,
То натерпишься от мира много страданий.
А уж если до ста перенесешь стоянку,
То смерть будет милей жизни.

Поэтому разумно освободить отца от этой обители скорби и сделать его мучеником веры. У него ведь осталось от жизни одно лишь название, он еле влачит свои дни. Мне же следует хотя бы некоторое время испытать счастье, как и отцу, поскакать на коне счастья по ристалищу удачи».

Сын раджи затаил такие пагубные мысли и стал дожидаться удобного случая для их осуществления. А дочь раджи к тому времени также выросла и достигла совершенства, но раджа никого не считал равным себе и не находил жемчужины, достойной своего венца, и держал дочь при себе, считая ее маленькой девочкой. И вот в один прекрасный день дочери раджи пришла такая мысль, она надумала такую думу: «Отец мой, хотя и стар, немощен и худ, тем не менее, его натура все еще сильна, его природа все еще совершенна. Кто знает, когда свернут его жизнь, словно циновку, когда позовет его труба вечности. Ведь великие мужи сказали: «Для жизни и смерти не имеют значения юность или старость, слабость или мощь». Много новых стрел ломается, а со старым луком ничего не случается. Много флейт со стройным станом безмолвствуют, тогда как согбенный чанг издает сладостные звуки. И покуда трон отца стоит на месте, покуда вздымается знамя его бытия, мне придется почивать без супруга и страдать без друга в тяготах и муках».

Подумав так, она решила найти себе спутника и покинуть с ним город, а потом без разрешения отца

сочетаться с ним браком. Одним словом, сын лелеял преступные мысли, а дочь задумала пустую затею. И в ту же ночь, когда знойное солнце, словно барабан, скрылось на западе, когда Зухра-музыкантша стала играть мелодию в небесном дворце, сын и дочь на пиру у отца на все лады стали воздавать хвалу его доблестям и достоинствам. Пиршество было в разгаре, дружба и любовь так и расцветали. Искусные музыканты ударили по струнам барбатов и чангов, сладкоголосые певцы затаили громко песни. Одни столь прекрасно играли на руде,[\[379\]](#) что из родников глаз полились ручьи слез. Другие извлекали такие звуки из тара, что вязали веревкой шеи сердец, невольницы струнами мизмара[\[380\]](#) вышивали по сердцам, рабыни на мусикаре сжигали души, луноликие виночерпии беспрерывно подносили напиток магов и любовное вино, добронравные певцы газелей развязывали узлы горя на груди тех, кто лишился сердца. Одним словом:

Создания с ликом как у гурий, но людской природы,
Украсили пир, словно рай.
Зазвучали томные мелодии,
Вино из кувшинов полилось рекой.
От пленительных звуков чанга
Ангелы спустились с неба, словно птицы.
Низко склонился певучий чанг,
Опустил голову, но остался на ногах.
Нежные песни аргануна и рубаб
Были как снотворное для опьяневших.
Изливались вокруг столь протяжные мелодии,
Что Зухра и Луна кричали от восторга.

Была на пиршестве плясунья, прекрасная танцовщица, которую по-индийски называли патр. Красоту ее невозможно описать, совершенство ее нельзя изобразить. Она выделяла такие колена, плясала так плавно, выбивала дробь столь четко, что казалась куропаткой, красовавшейся у ручья пиршества раджи, или же фазаном, изящно выступавшим на пиру у правителя. Глядя на красоту ее движений, люди теряли рассудок. От изгибов ее тела души присутствующих низвергались в пропасть. Стоило ей поднять руку, как обитатели земли падали ниц, стоило притопнуть ногой, как она попирала сердца всех жителей мира. Ее стремительные, словно молния, телодвижения в мгновение ока приковывали взоры смотрящих. Взглядом своим она могла оживить мертвеца, усопшего сто лет назад. Луноликая танцовщица плясала всю ночь, и никто не мог оторвать от нее глаз. Наконец, когда осталась четвертая часть от ночи и забрезжил ложный рассвет, нарциссы очей танцовщицы стали смыкаться от утреннего ветерка, ноги ее стали подкашиваться, она начала ступать невпопад, ей уже не удавалось танцевать так плавно и изящно. Старый музыкант, ее учитель и наставник, глава и предводитель всех музыкантов испугался за свое благополучие, так как именно под конец пира они получали дары и приношения, вознаграждение и оплату. Он решил, что девушка притворяется больной, ленится и спотыкается, словно те, кто опохмеляется утром. А раджа между тем не мог оторвать от нее взгляда. И тогда учитель громко, на своем особом языке, пленительными напевом и мелодией стал вдохновлять танцовщицу, внушая ей такие мысли: «О дочь моя! Ты видела много тягот, испытала много трудностей. И вот ночь на исходе, а птица сна вылетела из гнезда хмельных очей. В этот час, в эту пору ласки и милосердия, в это время даров и поощрения выступи еще лучше и пленительней, ни в коем случае не выказывай усталости и слабости. От ночи осталось немного, скоро погаснут свечи, О дочь моя! Много прошло, осталось мало. И вот ради этого малого не ленись и яви свой стан, словно кипарис на лужайке и самшит в саду».

Танцовщица, услыша от учителя такие песни, послушно повиновалась ему, проснулась от сна молодости и дала глазам строгий наказ не дремать. Она стала хитроумно переставлять ноги и пробудила заснувший соблазн. И снова исторгла у всех присутствующих крики волнения и восторга.

Сыну и дочери раджи также ведом был тайный язык музыкантов, они понимали слова этого наречия. Они услышали, как старый музыкант пробудил юную танцовщицу, и отказались от своих преступных помыслов, подумав так: «Назидания, сказанные старцем девушке, пробудили также и нас, заставили очнуться. Ночь жизни нашего отца также приближается к концу, утро ухода уже брезжит, луна и звезды его счастья уже заходят. Прошло уже много, осталось мало. Легко догадаться, сколько он будет еще жить и сколько пребудет в этом мире. В индийских пословицах ведь говорится: «Легко узнать, сколько пропляшет жена, которая вступает вслед за мужем на костер». Мы не станем поспешностью в этом деле навлекать на себя возмездие, чтобы в день Страшного суда не стыдиться перед отцом за грех и преступление».

Итак, сын и дочь раджи вернулись к чистым помыслам и отказались от задуманных преступлений. Поскольку слова старца музыканта послужили для них путеводной звездой, поскольку они отказались от дурных намерений благодаря его речам, то до того как музыканты были осчастливлены дарами, осенены расположением и лаской родителя, дочь и сын раджи дали старому музыканту и его подручным большое вознаграждение, осыпали их сокровищами в благодарность за назидание, которое они запомнили, за наставление, из-за которого они отказались от своего умысла. Раджа удивился, когда дети опередили его, был поражен их смелостью и сказал:

– Пусть это будет к добру! До того как разбушевало море наших даров, до того как стала изливаться туча наших милостей, вы приложили десницу щедрости к кошельку дарения и заставили бурлить реку великодушия. Такое поведение царских отпрысков весьма неожиданно, такой поступок детей знати удивителен, ибо это все равно, что прежде хатиба подниматься на минбар или же пускать в полет простого сокола прежде сокола шахского. «Блистательнее луны и блистательнее солнца».

Сын и дочь, поскольку они омыли свои помыслы от коварных намерений, очистили ум от скверны измены, раскрыли перед отцом то, что таилось у них в груди, выложили перед ним на поднос сласти шкатулки разума. Поскольку они высказали свои сокровенные думы искренно, раджа одобрил их поведение, воздал хвалу за то, что они воздержались от преступления и созрели умом, и тут же исполнил их чаяния. Дочь он выдал за одного из своих приближенных, проявил к ней внимание и благосклонность. А сына при себе усадил на царский трон и вручил ему всю власть над странами и владениями. Сам же раджа уединился в обители вместе с монахами, отдав предпочтение царству довольства малым и величию уединения перед мирскими радостями, отрекся от земной суеты, восчувствовав душой значение этих стихов: «Тот, кто не обрел величия уединения, ничего не обрел. Тот, кому не открылся лик довольства малым, ничего не видал».

Спустя некоторое время раджа прославился как отшельник и подвижник. Так подтвердилась мысль великих мужей: «Часто случается, что люди в увеселениях находят серьезное, что в час забав обретают прозрение». Ибо счастье, которое выпадает человеку, могущество, которое открывается людям, есть следствие божественного благоволения и сияние бесконечной милости. Эти дары ни в коей мере не зависят от старания, они не имеют никакой связи с усердием, как об этом сказали ученые мужи:

Если счастье захочет подарить розу,
То сначала ее взрастит, потом ее захочет муж.
Сначала судьба изготовит венец,
А когда настанет пора, возложит на голову шаху.

Попугай завершил рассказ и добавил:

– Моя цель такова: хотя ты и терпела долго разлуку с другом, хотя сносила длительное отсутствие мужа, тем не менее, много времени ушло, а осталось мало. Ступай же скорее и поспешно возвращайся, ибо ведь муж в скором времени прибудет и увидит красоту встречи с родными и лик близких.

Попугай все еще разглагольствовал, водя ее за нос, когда порывы утреннего ветра, словно танцовщицы, пустились в пляс, а птицы утра затянули разные мелодии, словно музыканты на мизмаре.

ПОВЕСТЬ о слоне, ужаленном скорпионом, о старом опытном шакале, о появлении льва, гепарда, шакала и обезьяны

На сорок четвертую ночь, когда золотой слон солнца, спасаясь от жала небесного Скорпиона и когтей небесного Льва, вошел в море запада, а мир потемнел, словно пятна на шкуре гепарда, Мах-Шакар, являя собой чудо прелести и предел неги, изящно, с тысячью игривых ужимок, встала, пришла к попугаю и сказала:

– Прошло довольно много времени, как мне в душу запало это желание, как эта страсть одолела меня. Что же ты прикажешь, что велишь? Идти мне к любимому? Быть ли гостьей в его жилище?

– Госпоже на этот раз надо пойти в дом любимого на благо и счастье, – отвечал попугай. – Торопись! Но я хотел бы предупредить, чтобы ты никому не доверяла этой тайны, ни с кем не делилась бы своим секретом, хотя опытные мужи и сказали: «Ни одна любовная связь не пребудет за завесой свыше сорока дней». За возлюбленными и влюбленными неотступно следуют глаза сплетника и лицо клеветника. Своими горячими вздохами и холодным дыханием они чертят мудреные письма и хитроумные изображения на страницах разглашения и листах разоблачения. И, конечно, если о вашей любви пойдет молва, если тайна ваша, словно ветер, полетит по свету, то друзья непременно станут упрекать вас, а враги поносить. Доброжелатели положат перед вами дары назиданий, недруги откроют врата хулы. Тебе следует каждому человеку отвечать в зависимости от его природы, воздавать каждому по степени дружбы и вражды. Другу надо сочувствовать и покровительствовать, но недругу не следует потворствовать. Мудрецы сказали: «Мудр и прозорлив тот, кто скромн и смирен перед сильным врагом, кто вооружен хитростью и умением против среднего врага, со слабым противником поступает ласково и милостиво, а с равным вступает в бой, чтобы унести тело и душу из пустыни гибели в уголок благоденствия, чтобы спасти дух и члены из губительной пучины унижения, ухватившись за спасительную вервь счастья». Примером этому служит притча о шакале и слоне, ужаленном скорпионом, о том, как шакал одолел четырех врагов, как он вышел победителем в борьбе с недругами.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай начал рассказывать.

Рассказ 76

В увлекательных историях Индии повествуют, что в краю Аден на берегу моря жил пегий слон, огромный, как гора Каф. Хобот его касался созвездия Близнецов, бивни доставали до Плеяд, его зубы высотой сравнивались с созвездием Тельца. От его ужасающего рева содрогались в ужасе львы.

Это был слон, похожий на гору Радва,[\[381\]](#) когда ее покрывает шелк облаков, который вращает хоботом, словно размахивает чоуганом.

Ни один слон не мог угнаться за ним, ни один зверь в тех краях не мог состязаться с ним. Носорог страшился его мощной выи, птица Рух от страха перед его бивнями обращалась в бегство.

Однажды этот слон охмелел и пришел в сильное возбуждение. Когда он перестал владеть собой, подполз скорпион и вонзил ему в хобот свое изогнутое жало, словно погонщик крюк. Чаша жизни слона переполнилась, смертный час его настал, и он немного посуетился и отдал богу душу. Столь огромное тело, такая чудовищная туша не сумела спастись от невзрачного и слабого скорпиона. Недаром ученые мужи изрекли: «Когда настанет последний час, когда завершится счастье жизни, слабый комар расправляется с Немродом,[\[382\]](#) малый воробей губит слона, как об этом сказал всевышний Аллах: «Разве ты не видишь, как поступил твой господь с обладателем слонов? Он послал против них птиц стаями».[\[383\]](#)

Вскоре к трупу слона пришел старый шакал. Видит он, что перед ним широко раскрыты врата благ, что для него приготовлен пиршественный стол. Шакал обрадовался и развеселился. В благодарность за столь обильные дары и приятную находку шакал воздал хвалу творцу, подаяния которого велики и благодеяния которого постоянны, а себя поздравил стихами:

Мир оказал милость, счастье повернулось лицом. Желанное приблизилось, надежды сбылись. Звезда взошла в созвездии счастья, удача прошествовала в царстве величия.

Шакал стал бегать вокруг трупа слона, кусать его и рвать клыками. Однако старость и немощь так одолевали его тело, что как он ни старался и ни усердствовал, ему не удавалось разорвать кожи слона, толстой, как у носорога, даже кусочка от него отгрызть. Он кружил вокруг трупа, словно собака мясника, то и дело впиваясь слону в голову и шею. Он и съесть ни куска не мог, и бросить не решался, так что подтвердилась истинность пословицы: «Когда желанного становится много, то помощников становится меньше». И вдруг появился грозный и страшный лев, который кружил поблизости и хлестал хвостом по земле. Шакал испугался за свою жизнь и подумал: «Явилась правда, исчезла ложь!»[\[384\]](#) Только льву под силу расправиться с трупом слона, конечно, это его доля. «Муж заслуживает того, что может». Я нашел ристалище пустым и зря бился, попусту тратил силы. А теперь для меня нет лучшего убежища и укрытия, чем покорно служить льву. Быть может, и мне достанется кусочек или огрызок с его пиршественного стола. Ведь у стола великодушных мужей всегда найдутся нахлебники, от их трапезы всегда остаются объедки.

Когда благородные мужи устраивают пиршество,
То дарят кость и собаке.
Если в доме богача устраивают пир,
То и далекий нищий также обретет кусок хлеба.

Подумав так, шакал вышел вперед и пустился на все хитрости. Он подобострастно и льстиво оказал льву почести, сказал, угодничая и пресмыкаясь:

– Я, твой нижайший раб, – хранитель этой добычи, я лишь страж от имени царя зверей. Я не позволяю приблизиться ни одному зверю и сижу здесь в ожидании властелина, надеясь заслужить благосклонность у владыки зверей за свою верную службу и получить кусок хлеба с твоего пиршественного стола, ибо это

огромное животное – царская пища. Кто же, кроме повелителя, посмеет взглянуть на него? Какое кому дело до этой жирной добычи? Только царю подобает такой лакомый кусок.

Лев подивился прекрасным и вежливым словам шакала, пустил в полет сокола благородства и сказал:

– Как может служить пищей мне этот труп? Ведь это падаль, а мы, львы, благородны. И разве могу я пожалеть то, что посеяли другие? Мы поедаем только то, что поражаем сами. Ведь ученые мужи сказали: «Ешь дозволенное, подобно охотничьим соколам. Не поедай, словно коршуны, падаль». Я ведь по сану не ниже сокола, который довольствуется лишь горстью перьев. Покуда сокол собственными когтями не поразит дичь, он не станет к ней прикасаться. Поедать чужие дары – это дело вдов и участь сирот. И Пророк – да будет над ним мир – сказал в таком духе: «Мой удел сотворен под сенью копьа».[\[385\]](#) Также он – да будет мир над ним – сказал: «Ешь из того, что заработано твоей рукой и в поте лица твоего». Иными словами, пока не поработаешь на славу, пока не покроется твой лоб потом, от того, что ешь, не будет никакого удовольствия, никакого вкуса, как сказал об этом поэт:

Таскать большие камни с высокой горы
Мне легче, чем сносить благодарность людям.[\[386\]](#)

Так не тужи и поведай всем о моем великодушии. Я дарю тебе этот труп, оставляю тебе эту скотину.

Лев проявил благородство и ушел восвояси. Шакал, избавившись благодаря смирению и покорности от опасного соперника, очень обрадовался. Он уверовал, что слон достался ему, стал ликовать и веселиться. И тут вдруг появился гепард, подобный тигру, свирепый, как леопард, которому захотелось полакомиться добычей. И шакал подумал: «Я отвратил от добычи льва скромностью и смирением, унижением и покорностью, но со львом так и надо поступать, ибо он – грозный и страшный противник. С ним можно обходиться только таким образом, только так можно спастись от его лап. А гепард – противник средний: он не так силен, как лев, но и не так слаб, как лиса. С ним надо разделаться при помощи уловок и хитрости, отвратить его посредством ума. Ведь мудрецы сказали: «Дело, которое можно решить хитростью и коварством, устроить при помощи обмана и лжи, не завершится силой и криком, не облегчится благодаря храбрости и отваге, как сказано:

Умом можно сокрушить целое войско,
Мечом же можно убить одного или десять мужей.

* * *

Ум выше отваги доблестных мужей.
Ум – на первом месте, а отвага – на втором».

Потом шакал радостно и приветливо встретил гепарда и сказал:

– О ты, не жалеющий сам себя! Откуда ты явился сюда, какая падающая звезда забросила тебя в это гибельное место? Ведь этот слон – пиршественный стол царя зверей, припас для его львят. Он приказал мне охранять его, а сам пошел к роднику искупаться. Вот-вот он вернется, словно водный поток, словно пламя. Мне жаль тебя! Берегись, покинь скорее эти места, даже на миг не оставайся здесь, ибо лев сегодня при всех зверях сказал: «Гепард что-то сильно осмелел, стал дерзким, его отвага превысила всякую меру, он слишком возгордился. Всюду, где бы я ни поразил добычу, он кружит около меня, словно коршун, покушается на мою добычу, словно ворон». А мне он приказал: «Когда придет гепард и станет точить зубы на мою добычу, ты займи его всякими разговорами, а сам тем временем дай мне знать, да побыстрее, чтобы я тотчас оказался здесь и избавил мир от него, чтобы на всей земле не осталось и следа от него. Я так

погоню его на поле брани, что мир после того не будет знать покоя.

– Коли он так приказал, – продолжал шакал, – то оставаться здесь для тебя – полное невежество и беспечность.

Гепард, едва услышал речи шакала, страшно перетрусил, поджал хвост и пустился наутек, ни разу даже не оглянувшись. Он почитал такое бегство наилучшей выгодой для себя и редкостной добычей. Шакал вновь остался один, и никто не мешал ему и не притязал быть его сотрапезником. Он поздравил себя с обильными дарами и увидел, что ему достались сокровища без труда, розы без шипов, вино без похмелья, сад без доуки чужаков. Он собрался разодрать на кусочки и съесть, разжевать и переварить мясо слона. Он пустил в ход все свое умение и ловкость, как вдруг показалась хитрая обезьяна, словно гиена. Она остановилась поодаль и вежливо приветствовала шакала, а тот подумал: «Да, давным-давно великие мужи сказали: «Крестьянин не станет приветствовать без корысти». Хотя эта обезьяна и слаба, так что я могу прогнать ее силой и яростью, однако разумные и ученые мужи сказали: «Если можно погубить медом и сахаром, чего ради прибегать к колоквину или яду»? Если человек губит себя ради сахара, То зачем вливать ему в рот яд? Следовательно, обезьяну надо прогнать таким образом, чтобы ей не было вреда, чтобы она сама помогла мне в этом».

И шакал обошелся с обезьяной ласково и милостиво, приветливо и радушно позвал ее и сказал:

– Этот труп оставил на хранение лев, я же – всего-навсего сторож. Мне тоже достанется малая толика. Вот скоро придет лев, и ты будешь нашим гостем. А пока его еще нет, оторви себе небольшой кусок, отдери кожу и поешь в удовольствие.

Шакал полагал, что бедная обезьяна, которая заслуживала подаяния и милости, сумеет разорвать толстую кожу слона, полакомится мясом, тогда и ему кое-что перепадет.

Обезьяна страшилась возвращения льва и не смела коснуться туши, но шакал ее одобрил:

– Не бойся, не опасайся ничего и успокойся. Принимайся за мясо, а я буду смотреть, не идет ли лев. Ты же поторапливайся, ешь поскорее, ибо время не терпит, некогда разговаривать.

Обрадованная и осмелевшая обезьяна подошла поближе, стала рвать тело слона и есть мясо. Не успела она чуточку утолить голод, не успела набить живот, как шакал закричал ой:

– Вот и возшла звезда возвращения льва! Если можешь, поскорее спасайся бегством, не задерживайся адесь долее.

Бедная обезьяна, лишившись покоя, бросила труп слона, задрала хвост и пустилась в бегство с воплями «Спасайся!».

Избавившись хитростью и от обезьяны, шакал возликовал и обрадовался, похвалил себя за ловкость, которую он применил против обезьяны, возгласил себе славословия. Он уже собрался было полакомиться, перекусить немного, как вдруг показался голодный молодой шакал. Он подбежал к слону и захотел присоединиться к трапезе. И старый шакал подумал: «От льва, который был сильным и мощным противником, я спасся благодаря покорности и смирению. Гепарда, который был средним врагом, я прогнал хитростью и коварством. Обезьяну, которая была слаба и немощна, я спровадил обманом и добрым словом. А вот этот шакал равен мне: он не стиль силен, чтобы одолеть меня, он и не так слаб, чтобы я мог легко справиться с ним. Надо встретить его угрозами и ударами, придется сразиться и вступить с ним в бой. Буду уповать на великодушие всевышнего творца! Дай бог, чтобы победа оказалась на моей стороне, чтобы я стал победителем. А если счастье будет на его стороне, если судьба дарует ему верх, придется мне отступить, согласно законам мужества и отваги, и тогда я буду обречен на унижение и презрение. А ведь великие мужи сказали: «Лучше оказаться в пасти льва или же сгореть в пламени, чем

унизиться перед равным себе или смириться с равносильным противником»

Укол копья и унижение перед слабым —
Это две вещи, горькие на вкус разума».

Затем старый шакал сцепился с молодым и между ними произошла жестокая схватка. Они дрались две дневные стражи и бились насмерть. Наконец старый шакал победил и одолел, а молодой, раненный и побитый, обратился в бегство. Победа с самого начала была на стороне старого шакала, усилия молодого ни к чему не привели. А ведь правду сказали: «Младший, сразившийся со старшим, упадет так, что впредь не встанет».

Таким образом, старый шакал одолел всех четырех противников, вышел победителем и был чрезвычайно рад. Он подошел к доставшейся ему доле, к своему достатку, стал пожирать мясо с величайшим наслаждением, нанизывая жемчужины таких стихов:

Мир в моей власти, небо – раб мне, царь – друг.
Надежды новые, судьба – друг мне, счастье мое юно.
Справа – победа, слева – восхождение,
Небо у моего стремени, весь мир у меня на поводу.

Окончив свой рассказ, попугай сказал:

– Цель моего повествования та, что если кто-нибудь станет сплетничать о вашей любви или укорять вас, то тебе следует отвечать так же, как тот шакал, сурово или ласково, согласно сану каждого.

Попугай все еще продолжал разглагольствовать, как день стал ясным и украсил мир. Со всех сторон раздалось пение соловьев.

ПОВЕСТЬ о четырех юношах из Балха, о том, как море подарило им восемь лучезарных жемчужин

На сорок пятую ночь, когда катящуюся жемчужину солнца положили в ларец запада, когда осыпающую жемчугами ладью новолуния пустили по синим волнам неба, к попугаю пришла Мах-Шакар. Ее безмерной красоте завидовали гурии, большеглазые красавицы пытались сглазить ее. Она была разубрана и причесана, светлолика и душиста. Наставления и назидания, которые ей каждую ночь внушал попугай, оказали на ее душу такое влияние, что она не столь уж хотела идти. Она даже не стала советоваться по этому поводу, а просто, как это вошло у них в привычку, стала беседовать с попугаем и обмениваться с ним мыслями. А попугаю только этого и надо было, он только об этом и мечтал. Сначала он воздал ей почести и славословия, а затем зазвенел цепью словопрений:

– Этой ночью я читаю на челе госпожи и лице хозяйки, словно ясный день, что она избегает пойти в дом любимого, что она избрала целомудрие и добродетель. Это очень похвально и заслуживает одобрения. Но пусть моя властительница милостиво и сострадательно выслушает речи покорного раба, прислушается к словам верного слуги: пусть она хоть раз пойдет к любимому, окажется в его объятиях. А потом уж госпожа, ежели ей того захочется, пусть раскается и склонится к набожности и богобоязненности, пусть закроет для себя врата наслаждения и вожделения, остерегается общения с возлюбленным и близости с любимым. Мудрецы сказали по этому поводу. «Любовь и похоть – словно сахар и молоко, они противоречат друг другу. Если одна из них, словно пламя, входит в дверь, то другая уходит, словно вода сквозь решето».

Не стремится к похоти тот, кто любит,
Похоть никогда не ладит с любовью.
Если под личиной любви скрыта корысть.
Значит, любви нужна корысть, а не друг.

Того, кто ищет удовлетворения страсти и лелеет похоть, постигнет участь купеческого сына из Балха.

– А как случилось это? – спросила Мах-Шакар, и попугай стал рассказывать так.

Рассказ 77

В книге «Машахир ал-хикаят»[\[387\]](#) повествуют, что в прежние времена и минувшие века в городе Балхе жили четверо молодых людей, которые издавна дружили между собой. Один из них был сын эмира Балха, и на челе его блистали приметы ума-разума. Второй был сын везира, который отличался красотой почерка и изяществом слога. Третий был купеческий сын, который и дни и ночи ревностно собирал золото и сберегал сокровища. Четвертый был сын правителя города, он мог бы начертать каламом Утарида письменна мудрости на поверхности Луны.

Четверо друзей ежедневно собирались вместе, поверяли друг другу свои сокровенные мысли, делились горем и радостью, скорбью и утехами, были неразлучны в дружбе и товариществе, в веселье и в беде.

И вот друзья однажды ночью сидели вчетвером и вели беседу о том о сем. То они, уподобившись праведным падишам, обсуждали военные походы, судили и рядили о действиях и запретах; то, словно прозорливые везиры, чертили каламом ума и пером разума на листах рассудка и в тетрадах мысли; то, как рачительные купцы, говорили о пользе путешествий и выгодах торговли. Иногда, словно добронравные наставники, они хвалили мудрость и правосудность справедливых правителей. И, наконец, они пришли к такому выводу:

– До коих пор можно жить за счет родителей, до каких времен можно кормиться из их рук? Разве можно полагаться на мирское счастье, разве долговечны блага этого мира? Надо заранее изыскать средства и приложить усилия для приобретения богатств и накопления достатка. Ведь сказали же благородные мужи: «Положи в карман два гроша, заработанных своим трудом, и это назовут доблестью, не сочтут за грех. Заработать ячменное зерно дозволенным путем лучше, чем насилием и обманом добывать сокровища».

Люди мы здоровые и молодые, вполне можем трудиться, избрать себе полезное ремесло. Однако наибольшая польза заключена в путешествиях, при помощи которых человек приобретает разнообразный опыт и бесконечную выгоду. Если муж познает в путешествиях опыт, то и разум его укрепится, и знания он обретет. Хотя пешка, продвигаясь вперед, и подвергается опасности. Зато посмотри, как она выглядит, став ферзем. И нет путешествия лучшего, чем по морю, поистине, это самый быстрый скакун и вьючное животное!

И они все четверо, хоть и были бедны, сговорились и тайком покинули Балх. Спустя много времени, после долгих и трудных переходов они пришли к берегу моря. Денег, чтобы пустить их в торговый оборот, у них не было, не было и тканей, чтобы ими торговать, и они остались на берегу моря не солоно хлебавши и с глазами влажными, как волна морская. Они закрыли путь к пище своим устам, близки были к тому, чтобы покончить с собой, и пропитанием им служили только ветер и воздух, горе и печаль.

Прошло несколько дней, и океан проведал об их горестях, не позволил им страдать, не оставил своих гостей в печали и тоске. По воле всемогущего творца океан обернулся человеком и пришел к ним, стал расспрашивать их, так как хотел разузнать обо всем, что произошло с ними. Они раскрыли перед ним свои сокровенные мысли и думы сердца и сказали:

– Мы прошли долгий путь и претерпели множество страданий. И все ради того, чтобы разбогатеть и жить безмятежной жизнью.

Океан сжалился над ними, по своему великодушию и благородству забурлил волнами благоволения и величия, пожаловал им восемь драгоценных жемчужин, каждая из которых равнялась десятилетним

подателям города Балха, и остановился пред ними смиренно, прося о прощении.

Юноши повернули назад, вознося океану благодарности и славословия. Все восемь жемчужин они вручили на хранение купеческому сыну и двинулись в путь. Наконец они прибыли в какой-то город и решили продать там одну из жемчужин, чтобы на вырученные деньги обеспечить себе дневное пропитание. Но у купеческого сына природа оказалась подлая, он поддался дьявольскому соблазну и внушению шайтана и спрятал жемчужины, а вину за пропажу возложил на друзей и потащил их, обвиняя в краже, ко дворцу правителя города. Они обвиняли его, а он обвинял их, они поносили его, а он ругал их на все лады. В конечном итоге, как градоправитель ни стращал и ни пугал, как ни допрашивал и ни пытал, жемчужины не были найдены, преступник не объявился. Эмир ничего не мог добиться и поручил дело везиру, дав ему всего несколько дней на расследование.

Везир отвел всех четырех юношей к себе домой, запер их, велел кормить, а сам отправился к эмиру, поцеловал прах перед ним и сказал:

– Да будет эмир жить вечно! Если на то будет твоя воля, то я, подобно везиру Шаддада, [\[388\]](#) который силой разума извлек сокровища из-под земли, выужу из этих чужестранцев жемчуга.

– А как это было? – спросил эмир, и везир отвечал.

Рассказ 78

В преданиях повествуют, что один из пророков – да будет мир над ним – пригласил к себе Шаддада, правителя царства Ад.[\[389\]](#) А тот был могущественный тиран. Шаддад спросил:

– Что будет со мной, если я приму истинную веру?

– Ты спасешься от адского пламени, – отвечал пророк, – и попадешь в рай.

Шаддад стал расспрашивать его о рае, и пророк рассказал ему о райских садах, дворцах и гуриях. Шаддад на это промолвил:

– Если рай таков, то я могу на этом свете устроить себе сад Ирем, а дворец свой вознесу до самого неба.

И он приказал собрать все сокровища мира. По его приказу отлили кирпичи из золота и серебра, воздвигли золотые стены, навесили серебряные двери, полы покрыли мускусом и амброй, ложи и скамьи – камфарой и шафраном, потолки облицевали изумрудными плитами, а пороги устлали ветвями и листьями коралла. Деревья вокруг сделали из золота и серебра, а цветы и светильники на них – из жемчужин и драгоценных камней. Все было так, как всеславный и всевышний творец написал в Коране: «Разве не видишь, как воздвиг твой господь в Аде дворцы Ирема, с высокими колоннами, подобных которым никто не создаст на земле».[\[390\]](#)

Одним словом, воздвигли дворец, возвели величественное здание. Оставалось лишь несколько незавершенных зубцов на башне, так как нигде не могли найти даже золотник золота, ставшего редкостью, точно волшебный эликсир. От дирхема осталось одно лишь название, а от динара – одно лишь изображение. Золото и золотые украшения исчезли из обихода, словно Анка, украшения из золота стали так же редки, словно дружба и верность, золотые кольца было так же трудно сыскать, как ротик гурии,[\[391\]](#) золотой пояс стал почти невидим, точно тонкая талия отроков. Шаддад был сильно огорчен и озадачен этим сообщением, он стал совещаться с мудрым везиром, и тот ответил:

– Мы сделали все, что было возможно, чтобы раздобыть золото. Мы разослали все стрелы разума, чтобы достать серебро. Но ни крупницы больше не удалось найти, ни пылинки отыскать. Ныне цвет золота можно увидеть только на мышьяке и инбире, о нем напоминают только сера и шафран. Слово «дирхем» можно прочесть только в книгах, цвет его можно узреть только на теле среброгрудых красавиц. Но осталась одна хитрость, один путь, при помощи которых еще можно обрести золото и серебро. А для этого надо приказать нескольким приметным и бесподобным красавицам, нескольким прекрасным и велеречивым девам показать свою несравненную красоту влюбчивым юношам, похитить кокетством и жеманством, взглядами и жестами их умы, но с наказом ни в коем случае не уступать их желаниям и не дарить их любовью, пока не получат от влюбленного золотого.

Нужно золото, золото, которое обладает царским блеском.
Откуда знать красавице, чего стоят твои речи?

Когда юноши влюбятся в луноликих красавиц, когда они обезумеют от красоты тех, чьи косы мускусны, то они непременно отчеканят серебряные дирхемы – хотя бы из собственной кожи! – и отольют золотые динары – хотя бы из своих пожелтевших щек! И если даже золото будет зарыто в глубине земли под твердыми скалами, они от безумной силы страсти извлекут его. Если же у кого-нибудь обнаружится хотя бы один дирхем, то непременно найдутся и другие.

Шаддаду понравились слова везира, и он велел немедленно привести к нему нежных дев и доставить

к ним первых попавшихся юношей. Но без золота никто не мог добиться желанного, без серебра не осуществлялось желание, так что некоторые из них потеряли разум, другие потеряли покой, иные были поражены изумлением, некоторых охватило помрачение ума. И был среди них юноша, которого родители любили беспредельно. Они ни в чем не решались ограничить его или огорчить, все их помыслы были посвящены тому, чтобы исполнять его прихоти. Он также безумно влюбился в одну из тех красавиц, из-за отдаления от нее пребывал на краю гибели. Отец и мать стали очень волноваться, горевать и печалиться. Был у юноши дед со стороны отца, древний, как Симург, со сросшимися ресницами и густыми бровями. Отец юноши пошел к нему, рассказал обо всем, попросил помощи для внука. Дед ответил:

– Я стал стар, стою на краю могилы. Иными словами, я уже труп, только еще не похороненный. Ведь сказали: «Тот, кто близок к какому-либо явлению, уже наделяется его приметам». А зачем покойнику золото и серебро, динары и дирхемы? К чему ему мирские блага? Но когда-то я слышал от отца и деда своих, что в давние времена, во время джахилии,^[392] в рот усопшему клали динар, а потом уж зарывали его, предавали погребению. Вполне возможно, что на старых кладбищах остались динары или какие-нибудь монеты.

Тот человек оставил отца и рассказал о том, что услышал, влюбленному сыну. И тот, не откладывая, с лопатой и киркой отправился на старое кладбище, разрыл там несколько могил, нашел динары старинной чеканки, тотчас побежал к своему кумиру и положил перед ней золотые монеты. А красавица сейчас же сообщила о том начальнику сыска. Тот явился и заковал новоявленного Маджнуна^[393] в кандалы. Его повели к Шаддаду и поставили перед тронем. Шаддад, правитель Ада, спросил юношу, откуда у него золото, и тот рассказал обо всем подробно. Шаддад велел разрыть все старые могилы и погребения, из них извлекла несметное количество золота и завершили кладку тех зубцов, которые оставались недостроенными. Более того, осталось еще много золота, которое обратили на другие полезные цели.

Закончив рассказ, везир сказал эмиру:

– Я хочу, как тот везир Шаддада, выудить жемчуга у этих чужестранцев.

Эмир соизволил согласиться с везиром, похвалил его сообразительность. И везир приказал привести нескольких красавиц, которым завидовала Зухра на небе и кипарис в саду. Они украсили себя драгоценностями, или, вернее будет сказать, драгоценности украсились ими, и отправились туда, где содержали тех четверых чужестранцев. Они начертали на скрижалях их сердец и страницах их душ письма влюбленности, а в обмен на благосклонность и согласие удовлетворить их желание потребовали богатых даров. Но поскольку у юношей не было ничего, даже финиковой косточки, не то что динаров или дирхемов, они опустили в бессилии руки, с каждым днем становились безумнее, влюбленнее, одержимее.

Если бедняк влюбится в царицу.

Дураком он будет, коли станет искать свидания.

Купеческий сын, который был влюблен более других, вел себя иначе. В пылу страсти он вытащил из-за пояса жемчужину и вручил своей возлюбленной. А она тут же отослала жемчуг везиру, который приказал привести купеческого сына и других юношей. С угрозами у него отобрали остальные семь жемчужин и вернули другим, а самого отправили с позором, в жалком и униженном состоянии в темницу для воров. Эмир похвалил мудрость везира и обласкал его за находчивость. Потом попугай закончил так:

– Берегись же, о Мах-Шакар! Причиной того, что приключилось с купеческим сыном, были похоть и страсть. В противном случае, кто сумел бы обнаружить жемчуга?

Как только попугай довел свой рассказ до этого места, когда повесть дошла до сего, забрезжил утренний свет.

ПОВЕСТЬ о царе Мерва, [\[394\]](#) о диве, овце и обезьяне, а также о нитке жемчуга

На сорок шестую ночь, когда бирюзовый шатер неба украсили самоцветами и жемчужинами звезд, когда золотой венец солнца положили в сокровищницу запада, Мах-Шакар нарядилась и украсилась, чтобы отправиться к любимому, чтобы свидеться с возлюбленным. Она убрала драгоценностями грудь и плечи, пораньше пришла к попугаю и попросила разрешения идти. Он же, видя, что она уже собралась, выказал преданность и покорность, а потом сказал:

– Госпожа этой ночью должна пойти непременно, надо обязательно совершить это. Но нужно немного потерпеть, часок помедлить, ибо враги ожидают и стражи не дремлют. Лик небес все еще рдеет багрянцем, словно у юных дев, а на щеках мира проступает белизна дня, словно у красавиц. Никто не должен знать об этом, не следует, чтобы твоя тайна стала явной, словно восхождение солнца или луны. Если на то будет твоя воля, то я ради того, чтобы ты избежала бедствия, расскажу сказку о Царе Мерва, обезьяне, водоеме и веревке.

Мах-Шакар разрешила рассказать и приготовилась слушать, а попугай начал.

Рассказ 79

Рассказывают, что в минувшие времена и прошедшие дни в городе Мерве жил царь, юный и мудрый. Он любил развлечения и удовольствия, не мог ни единого мига пробыть без веселья и забав, ни часа не проводил без музыки и пения, ни на один день не забывал об игре в чоуган и об охоте. Он частенько коротал досуг на псарне, много времени проводил в забавах с обезьянами. Он держал целую стаю обезьян, и у каждого зверя был золотой ошейник и серебряный браслет на ноге, и они всюду сопровождали его. Эти обезьяны, увидев что-нибудь привлекательное, тотчас похищали, хватали прямо из рук людей. А царь не ведал о сокровенном смысле слов властителя человечества: «Я – не человек игр, а игры – не мое занятие».^[395] – и считал ошибочными слова: «Мы не сотворили вас ради забавы»^[396]

На кухне у падишаха содержалась овца. Она по врожденной привычке непрерывно совалась скверной мордой в котел с кушаньями и постоянно получала взбучку от повара. И вот, наконец, однажды обезьяна по кличке Рузбех, которая также жила там, отличалась большим умом и проницательностью, много повидала и испытала на своем веку, увидела, как овца окунула морду в котел и как повар наказал ее. Обезьяна обратилась к сородичам и сказала:

– Нам надо оставить эту страну и поселиться в других краях. Не то из-за этой неразумной и дерзкой овцы, которая сует в котел морду и терпит удары от повара, нас может постичь великая беда, и тогда прольется кровь невинных.

Но друзья-невежды ответили ей:

– Ну и глупа же ты, ну и тупа! Если какая-то овца на кухне у падишаха ведет себя дерзко и нагло, то нам-то какой вред от этого и какая нас может ожидать беда? Ведь существует пословица: «Хлопок – не чета шерсти». Воистину, ты постарела, тронулась умом.

Все сказали: он постарел,
Мужу пришла пора собираться в могилу.

Они высмеяли мудрую старую обезьяну и поиздевались над ней. Рузбех же, видя, что его добрые советы не были приняты благосклонно, поневоле покинул те места, расстался с ними и поселился в горах поблизости. «Если человек не прислушивается к советам, то высокое небо надерет его за уши».

Не прошло и нескольких дней, как овца по укоренившейся привычке сунула морду в котел. Расвирепевший повар в ярости бросил в нее головней. А овца, как нарочно, отрастила густую длинную шерсть, «словно тот, кто сам себе ищет погибель, кто отрезает себе собственной рукой нос».^[397] Шерсть занялась огнем, пламя стало разгораться. Горящая овца металась от дома к дому и, наконец, словно по пословице «Утопающий хватается за соломинку»,^[398] побежала в сарай с соломой. По воле небес по соседству находилась царская конюшня, которую охватил пожар, так что многие кони погибли. Большинство обезьян также сгорело, а овца превратилась в жаркое. Царь очень огорчился из-за коней и стал расспрашивать о причине пожара, о том, как лечить коней. Лекари ответили ему:

– Обожженных коней можно вылечить только бальзамом из крови обезьян. Есть надежда, что они поправятся и ожоги заживут.

Хотя царь и содержал обезьян ради забавы и развлекался с ними в часы досуга, однако коней он любил больше всех других животных. Везиры и надимы стали его подталкивать к тому, чтобы убить несчастных обезьян и из их крови сделать бальзам. И падишах приказал зарезать всех обезьян и приготовить снадобье по указанию врачей. Поскольку обезьяны не послушались слов своего старца и предводителя, то они увидели то, что увидели, и услышали то, что услышали. Ведь мудрецы знают, что

Тот, кто не повинуется указаниям мудрецов,
Тем самым только вредит себе.
Тот, кто не слушается слов старца,
Погибнет, словно пламя от воды.

Рузбех, услышав об участи своих родных и близких, не смог вынести этого. Стал он биться и метаться в тоске, потом с плачем и рыданиями спустился с той горы и пошел бродить по свету, от горя по ближним покинул те места. Он постоянно скорбел о своей потере, ни на миг не забывал о погибших родичах. Наконец, после долгих странствий по всему миру он добрался до какого-то густого леса, где было озеро. Рузбех увидел следы животных, приходивших туда на водопой. Но следов, которые вели бы обратно, не было. По присущей обезьянам сообразительности он призадумался, подождал немного, сделал шаг вперед и сказал себе: «Несомненно, за этим что-то кроется, здесь есть какая-то тайна, ведь всему есть причина. Столько животных приходило сюда, и никто не вернулся назад! Сказали же: «Ведь есть же причина моей печали, ведь есть тот, из-за кого я страдаю».

После этого Рузбех решил продвигаться вперед потихоньку, соблюдая осторожность и осмотрительность, оглядываясь по сторонам. Наконец он подошел к водоему, в котором вода была чище влаги небес, светлее лиц красавиц, была прозрачней живой воды. Хотя Рузбега томила сильная жажда, однако он, презрев телесные нужды, не стал пить, успокаивая себя обещаниями. Словно циркуль, он кружил вокруг озера, словно утка, описывал круги вокруг водоема. «Он кружил вокруг водоема, не обретая доли». Когда Рузбеху стало невмоготу от жажды, когда он уже был близок к смерти, то сломал на берегу длинную и полую тростинку, влез на дерево, опустил тростинку в озеро и стал через нее тянуть воду. Если же на водопой приходил какой-нибудь зверь, то Рузбех с дерева предостерегал его, рассказывал о гибельности водоема.

Прошло несколько дней, и див, подобный крокодилу, который затаился в воде и пожирал всех животных подряд, сказал себе: «Вот проклятая обезьяна! Свалилась на мою голову, точно грозный враг! И сама в воду не идет, и других животных не пускает. Если она пробудет здесь еще несколько дней, то, воистину, я умру от голода, погибну без пищи. Ее не прогонишь отсюда лаской и посулами. Разве только дарами и лестью удастся отвратить это зло. К тому же она – умное и сообразительное животное, так что подружиться с ней и стать ее приятелем только полезно. Ведь сказали: «Даже дружба со злой собакой приносит пользу».[\[399\]](#) Можно представить себе, какая будет польза от дружбы с такой сообразительной и хитрой обезьяной, какие она сулит выгоды». С такими думами див вынырнул из озера, держа в руке ожерелье из жемчугов, которые стоили сокровищ семи морей и были словно вытащены из пасти дракона. Этим он чрезвычайно обрадовал обезьяну. Див вручил Рузбеху драгоценное ожерелье, попросил стать ему братом и дружить с ним. Рузбех, видя доброжелательность и искренность дива, назвал его братом, открыл врата приязни и дружбы и утвердил между ним и собой основы верности и преданности.

С тех пор Рузбех перестал предостерегать зверей и птиц, прекратил наставлять их. Напротив, он созывал животных в те места, дела дива вновь улучшились и стали процветать, так что подтвердилась истинность пословицы: «Беда одних людей – польза для других», оказался верным стих: «Весь караван разграбили, а горстка людей на том нажилась».

Ведь ученые сказали: «Покуда существует мир, смерть одного – успех для другого». Плач одного вызывает смех другого. Беда одного – причина преуспевания другого, траур одного для другого выгода.

Мир поступает так с каждой душой.
Страдания одного влекут покой для другого.
Когда утка издает крик страха.
Для сокола он – словно пение соловья.

Лисы дрожат за свою жизнь,
Царь же веселится, а собаки ищут добычу.

Рузбех иногда приходил к берегу водоема, див выплывал на поверхность воды, и оба заводили беседу о том о сем, о длине и ширине, о высях и низинах. В один прекрасный день див спросил Рузбега о его прошлой жизни, и тот рассказал ему все от начала до конца. Диву стало жаль Рузбега и его погибших родичей, и он сказал:

– Быть может, ты покажешь несколько жемчужин тем злым людям и приведешь их сюда? Тогда мы отомстим за гибель твоих родных, да и мне достанется лакомый кусок. Великие мужи сказали: «Человек располагает возможностями, дабы воздать другим по заслугам, тем самым освободить себя от этого бремени. Если же он не в силах сделать этого и враг превосходит его, он должен прибегнуть к помощи друзей и соратников, благодаря их содействию погнать коня радости на ристалище желания и освободить свой дух от этой скорби».

Рузбеху очень понравились слова дива, он похвалил его за сочувствие и сострадание и через несколько дней взялся за дело. Рузбех покинул тот лес, добрался до Мерва, поспешил к царю, воздал ему подобающие почести, поцеловал прах перед ним в знак рабской покорности и положил перед ним жемчужное ожерелье. Царь признал Рузбега, расспросил об ожерелье, о том, как живет обезьяна. Тот снова воздал подобающие почести и сказал:

– В тот день, когда обезьяны по предопределению небес и вращению луны были уничтожены, когда окончился срок их жизни, я остался в живых. Благодаря тому, что я целовал прах у твоих ног, я спасся и отправился бродить по степям и садам. И вот, странствуя в поисках еды и питья, я набрел на один водоем. И что же мне открылось? Водоем оказался полон самоцветов и жемчугов. Я стал следить за временем и вижу: кто бы в определенный час ни нырнул в тот водоем, непременно вынесет с собой жемчуга и сокровища. И поскольку я многим обязан падишаху и надеюсь заслужить высокое положение при дворе, то и прибыл, чтобы рассказать о том водоеме.

Царь едва взглянул на жемчуга, поразились их красе, в нем возобладала алчность, и, по слову столь явного невежды и откровенного врага, он вместе со всеми близкими отправился к водоему. Обезьяна предложила:

– Пусть царь постоит на берегу водоема, полюбуется. Когда настанет час, я громко закричу, чтобы предупредить тех, кто будет нырять. И все, кроме царя, должны прыгнуть в воду, и каждый найдет сокровище, подобное этому.

Царь согласился с ним, и Рузбех немного помедлил, а потом закричал во всю мочь и вверг всех людей в ту мрачную воду и черный ил, устроив диву великолепное угощение. Поскольку никто из них не выплыл наружу, то царь стал волноваться и тревожиться. Рузбех же, победоносный и торжествующий, тут же прыгнул на дерево и крикнул оттуда:

– Эй, царь! Я это проделал, чтобы отомстить тебе за твои злодеяния, чтобы и ты, подобно мне, познал горечь разлуки с родными. В этом водоеме обитает див, который не насытится, даже если проглотит весь мир. Ты безжалостно убил моих друзей, не проявил сожаления. Но я остался жив и теперь расправился с твоими родными и приближенными, однако сохранил тебе жизнь. Сказал всевышний Аллах: «Нападайте на него, подобно тому, как он напал на вас».[\[400\]](#) Великие мужи сказали:

Если ты вонзишь шип в глаз другому,
То жди, что и он выколет тебе глаз.
Я часто видел, как воробья, ловящего саранчу,
Внезапно хватал орел.

Фазан, который клюет муравья,
Сам будет сокрушен соколом.

Царь, видя, что случилось с его свитой и слугами, захотел хитростью завлечь Рузбеха в западню, обольстить его, дабы надеть ему обруч гибели, и сказал:

– Все, что произошло, было божественным предопределением и судьбой. «Сломалось перо на том, что предначертано».[\[401\]](#) Теперь нам с тобой нечего ссориться и враждовать. Если ты пойдешь у моего стремени, если будешь верно служить мне, это будет прекрасно, ибо ты заменишь мне моих близких, а я стану тебе утешением в потере твоих родных.

Рузбех догадался о коварных замыслах царя, улыбнулся и сказал:

– О царь! Мне ведомо много таких коварных уловок, я прочитал много подобных сказок. Единственная причина, почему царь высказывает мне такое расположение и приязнь, заключается в том, что он желает пролить мою кровь, дабы отомстить за родных, утолить жажду мести. Ведь ни один разумный человек не станет проявлять благосклонности к твари, от которой он видел зло, не станет сердцем привязываться к ней.

– Послушай, Рузбех, оставь эти пустые мысли, отбрось эти неосновательные думы, – возразил царь. – Я так усердствую только потому, что ты умен и сообразителен, мудр и проникателен. А ведь человеку не избежать советов мудрецов. Каждый разумный муж должен общаться с мудрецами и учеными людьми.

– Эй, царь! – отвечал Рузбех. – Не говори лишнего, не досаждай мне. Я не из тех, кого можно поймать в сети твоей хитрости, обмануть твоими уловками. До дружбы нам далеко, вражда наша глубока. Нам предстоит встреча только в Судный день, а в этом мире нам не сойтись. Ведь то, что случилось между мной и тобой, в точности похоже на то, что произошло между змеей и садовником, которые не могут ужиться вместе. Змея помнит о своем хвосте, а садовник – о своем сыне. Если даже заставить их дружить, если принудить быть вместе, то, едва они вспомнят о прошлом, едва придет им на память бывшее, несомненно мир меж ними расстроится и они вернуться к тому, что было прежде. И наши с тобой отношения точно такие же, между нами невозможны дружба и союз, мы не можем жить вместе. И если я поверю в твои лживые и лицемерные слова и речи, если собственной ногой ступлю в яму бедствий и пучину гибели, если доверюсь твоему притворству, то глупостью и дуростью уподоблюсь тому земледельцу, который из-за лживых и цветистых слов жены положился на нее, попал в тенета гордыни и был обманут ее хитрыми речами.

– А как это случилось? – спросил царь, и Рузбех начал рассказывать.

Рассказ 80

Мужи, обладавшие талантом, рассказывали, что однажды луноликая и чернокудрая жена земледельца несла мужу муку. По пути она встретила в поле своего любовника. Они отошли в сторону от дороги, под сень деревьев, чтобы утолить любовь, удовлетворить желание сердца. Женщина поставила поднос с мукой рядом и предалась греху. Тем временем молодой мудрец сидел на дереве и видел все, что происходило между ними. Ради забавы он потихоньку слез с дерева, намочил муку, слепил из теста верблюда, снова прикрыл поднос и ушел.

Когда женщина освободилась от объятий любовника, а времени прошло немало, она поспешно поставила поднос на голову, отправилась к мужу и подала ему свою ношу. А мудрец прокрался за ней, чтобы послушать, как она будет оправдываться перед мужем, как она сумеет выпутаться из беды. Едва муж поднял крышку с подноса, он увидел верблюда из теста, удивился и изумился. Жена догадалась, в чем дело, ничуть не растерялась, не показала, что смущена, тотчас придумала отговорку:

– Я вчера видела удивительный сон. Как будто яростный верблюд с пеной на губах нападает на тебя, хочет тебя пожрать. А я стою вдалеке, испуганная, и кричу. И тут я проснулась. Я спросила о сне у толкователей, и они ответили мне: «Это очень дурной сон. Твоему мужу угрожает смертельная опасность». Я стала всячески просить и молить их указать путь к устранению опасности. Они ответили: «Спасение в том, чтобы слепить из теста верблюда, подобного живому. Твой муж должен съесть его, выражая гнев и ярость. Только таким путем можно устранить злую силу сна, и тогда твой муж обретет новую жизнь». И я по велению толкователей снов и гадалщиков слепила верблюда и принесла тебе. Поспешите же, съешьте его скорей, и кончим с этим.

Бедный муж поверил хитрым рассказам распутной жены, попросил у нее прощения и стал благодарить за любовь. Он не оставил ни крошки от верблюда, а мудрец смотрел на все это издали с удивлением и громко читал эти стихи:

Женщины сочиняют на ходу
Множество всяких небылиц.
Они знают столько хитрых уловок,
Что способны самого дива обмануть.
Мгновенно выдумывают они отговорки.
На это они великие мастерицы.

Рузбех завершил рассказ так:

– Если я поверю в твои слова и приму их за правду, если я сочту твои предложения за истину и доверюсь тебе, то уподоблюсь этому болвану из рассказа.

Царь понял, что обезьяна умна, что ее не проведешь хитростью и обманом, натянул повод возвращения и, горестный и печальный, со слезами на глазах и разбитым сердцем, возвратился домой. Он дал клятву, что впредь никогда не обидит живую душу, не ранит сердца никому.

Мах-Шакар начала слушать рассказ, чтобы убить время и отправиться в дом возлюбленного, когда станет темно и люди погрузятся в сон. Но сказка оказалась длинной, как ночь разлуки, а Мах-Шакар увлеклась ею, так что дромадер утра вышел из-за горба востока и на спине подобного щиту неба появился золотой паланкин солнца.

ПОВЕСТЬ о хорезмийском купце и цирюльнике, о том, как он увидел свое счастье во сне в облике монаха, о том, как он встретил монаха днем, о том, как монах стал золотым

На сорок седьмую ночь, когда золотой монах неба скрылся в келье запада, когда кровожадный Миррих, словно пускающий кровь цирюльник, появился на небе, Мах-Шакар, которая не знала равных прелестью, не ведала соперниц изяществом, опьяняя чарами лика и поражая роскошным станом, пришла к попугаю и попросила разрешения пойти в дом любимого.

Хитрый попугай воздал подобающие почести, выразил покорность, а затем без промедления пустил вскачь коня красноречия и вручил поводья слов в руки изложения, говоря так:

– Твой возлюбленный заждался сверх меры, твой супруг также уже долго пробыл в отъезде. Поэтому моей госпоже непременно надо пойти к любовнику, она просто обязана навестить возлюбленного. Тебе надо отправиться в добрый час, изящно и игриво, с моей стороны нет никаких запретов и возражений, никаких препятствий и предупреждений. Я только опасаюсь, как бы кто не узнал об этом, как бы эта тайна не раскрылась, как бы госпоже не пришлось стыдиться и выслушивать упреки, как это случилось с цирюльником, который разбил головы монахам и из-за этого очень стыдился и раскаивался. Тогда уж никакие отговорки не помогут и никакие ответы не возымеют действия.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай начал рассказывать.

Рассказ 81

Хранители сказаний и рассказчики преданий сообщают, что в стране Хорезм жил купец по имени Абдулмалик. У него были несметные сокровища, и он благодаря своим богатствам высоко возносил над равными себе знамя гордыни. Купец постоянно общался с учеными людьми, частенько являлся на собрания мужей науки.

Наконец купцу удалось войти в круг выдающихся ученых мужей, оказаться в их числе. Он услышал от них толкование аята: «Тот, кто совершит добро, получит завтра в десять раз больше».^[402] Значение аята он запечатлел слухом сердца, отдал на хранение в сокровищницу груди и в надежде на вознаграждение роздал на пути божьем все свои богатства, совершив тем самым иную сделку. Своими богатствами, в надежде получить в десять раз больше, он устроил дела бедняков, так что в скором времени купец Абдулмалик сам стал бедняком, нищим и оборванным. В его кошельке не осталось ни дирхема, никто не мог бы отыскать ни гроша в сокровищнице его динаров. Зерно в его доме стали почитать, словно хлеб в Египте, еда там стала цениться, словно дирхем в руке скупцов. А великие мужи сказали: «Если кто-либо устроит себе дом в этом мире и если не будет у него там достатка, то этот дом будет походить на небо без звезд и на кладбище чужестранцев, его жилище будет словно водоем без рыб, словно ковер с шипами, ибо золото – примета рая и украшение этого мира. Так горе тому, у кого нет доли из высшего рая, нет частицы из садов мира». Ученые мужи также изрекли мудрые речи о превосходстве богатства и выразили это стихами:

Сколь я ни размышлял, но без серебра
Я не добился осуществления желаний.
Добро и зло, проистекающие от золота и серебра,
Не зависят от рока и судьбы.

* * *

Лишь ради динаров все доблести мужа,
Об этом подумай, мудрец!
Динаров не стало – все в жизни пропало,
Тебя ожидает конец.

Бывший купец Абдулмалик переживал и размышлял, не мог и во сне позабыть о золоте и богатстве.

Наконец, однажды ночью птица его взгляда из гнезда глаз направилась в город, пташка его духа стала летать на западе и востоке, словно воображение. Во сне ему явилось счастье в облике благообразного монаха, приносящего добрые вести. Монах подошел к нему, сказал смиренно:

– Я пришел к тебе, ибо я – твоя судьба. За то, что ты претерпел много тягот и вкусил унижение, что открыл врата даров для бедняков, что роздал беднякам и нищим, все, что было у тебя, – за все это твой достаток стал вдесятеро больше того, чем ты владел раньше. Роза твоего счастья расцвела, уста твоей удачи раскрылись в улыбке, согласно тому, что сказал всевышний Аллах: «Воистину, трудности сопутствует облегчение, воистину, облегчению сопутствует трудность».^[403] «Покуда существует мир, таковы его основы: радость следует за горем, покой – за скорбью».

Завтра, когда поверхность мира станет ясной, словно лик счастливых или помыслы праведников, когда хозяин кельи востока, взяв в руки свет, явит свою красоту, я приду к тебе в дом без всякого стеснения в этом же облике, в этом же обличье. Но одно условие: ты должен ударить меня по голове тяжелой

палкой, чтобы удостовериться в могуществе бога и увидеть воочию тайну господню. Мое тело с головы до пят станет золотым, из слитка судьбы изольется чистое золото. А далее каждый кусок, который ты отторгнешь от моих членов и израсходуешь, вновь отрастет, подобно траве, подобно волосам и ногтям живых людей, произрастающих на теле.

Купец Абдулмалик проснулся в страхе, произнес молитву, счел сон ночным бредом и подумал: «Если у человека нет сана Юсуфа или пророческого достоинства друга божьего Ибрахима – да будет мир над ними обоими, – то какое значение может иметь подобное сновидение? Недаром ученые мужи ведь изрекли: «Сон пятерых людей не следует принимать в счет, он не ценится мудрецами, его надо просто именовать сновидением. Во-первых, сон больного, во-вторых, сон влюбленного, в-третьих, сон пораженного несчастным случаем, в-четвертых, сон попавшего в беду, в-пятых, сон бедняков». И если я теперь стану ждать результатов сна, если я положусь сердцем на его последствия, то только стану без пользы утруждать себя и понапрасну растравлять душу. И великие мужи сказали:

Во сне казалось, что будет мир
Завоеван, но он не идет в руки.
Если жаждущий выпьет во сне даже целую реку,
То, проснувшись, не найдет в желудке и капли».

Подумал так Абдулмалик и перестал. Когда же появились первые приметы утра и показались передовые отряды царя светил, купец, совершив положенные молитвы, стал наводить чистоту тела да стричь ногти. В том квартале был цирюльник, который стриг Абдулмалика, делал это тайком от других. Вдруг вошел монах из ночного сновидения, который обещал явиться на другой день, и остановился, готовый поглощать палки, словно костер. Купец поверил в сон, который видел ночью, обрадовался, его сердце возликовало. Он тут же поднялся, словно планета, схватил толстую палку и опустил на голову монаху, который по воле бога превратился в золотую куклу и упал. Цирюльник видел все это и остался в большом изумлении. Купец же дал цирюльнику немного денег и отпустил, наказав никому не рассказывать о том, что произошло, не предавать его досужей молве.

Затем купец подобрал золотого человека и спрятал в надежном месте. Когда ему нужны были деньги, он отламывал от него кусочек и расходовал на свои нужды. Но сколько бы он ни ломал, золото вновь отрастало, каждый кусок, который он отбивал, восстанавливался. Так, благодаря золотому человеку купец стал покрывать все большие и малые расходы, росток довольства его вновь стал расти, ветви счастья плодоносить.

Цирюльник меж тем стал лелеять в голове преступные мысли, глупость взяла его за ворот. По невежеству он вообразил, что, кто бы ни ударил монаха палкой по голове, превратит его в золото. Он рассказал об этой тайне жене, стал держать с ней совет по этому поводу. Жена полностью согласилась с ним, во всем его поддержала. Цирюльник скопил несколько дирхемов, признал к ним еще, устроил богатое угощение, позвал нескольких монахов из соседнего храма и усадил их на почетном месте. Когда же угощение было съедено, он схватил толстую палку, которую в народе называют «дубинкой для гостей», и стал бить их по головам, чтобы раскроить их, словно змеиную голову. Бедные монахи подняли крик, стали вопить и молить. Собрался народ и видит, что головы монахов разбиты, а по лицам текут ручьи крови. Люди удивились и поразились, стали расспрашивать, что случилось. Христиане на это ответили:

– Мы не знаем за собой никакого греха, если не считать того, что съели несколько кусков из его угощения, не знаем другого преступления, кроме того, что пришли к нему в гости. Нам неизвестно, почему он сначала оказал нам такое уважение и почет, а потом так жестоко избил. Одно лишь ясно, что нам не в чем винить его. Во всем виноваты мы сами и полностью признаем это – ведь, претендуя на то, что уединились к кельях и ушли от мирских утех, мы не смогли отказаться от яств и иных мирских благ, пришли

в дом скупого мерзавца, чтобы наесться досыта. Значит, мы заслужили это наказание, такова воля злой судьбы.

Люди подивились таким делам, пожалели их и стали расспрашивать цирюльника, зачем он так поступил. Но он не мог дать вразумительного ответа, а только молчал, повесив голову. Одни сочли его безумцем, другие назвали дураком. Наконец его за волосы поволокли к начальнику стражи, избивая по пути, и возложили на того поиски ключа к разгадке этой тайны.

Начальник стражи велел провести дознание, и цирюльнику ничего не оставалось, как поведать правду, и он чистосердечно рассказал о том, что случилось. Люди рты разинули от удивления, а начальник стражи вызвал Абдулмалика. Тот ответил так:

– Да ведь этот наш цирюльник давно помутился разумом, состав его мозга размягчился, надо бы его прочистить и промыть. Разве можно принимать всерьез его поступки и слова? Кто может поверить в такую ерунду? Он просто-напросто спятил, лишился рассудка. Надо бы полечить беднягу.

Начальник стражи нашел слова купца разумными, велел как следует наказать цирюльника, а потом изгнать с позором из тех краев. Монахам же принесли извинения.

Опозоренный и обесчещенный, цирюльник покинул город, и тут ему встретился верный друг. Цирюльник рассказал ему о своих злоключениях, пораженный оборотом событий. И друг сказал ему в назидание:

– Воистину, твоя история напоминает историю кулачного бойца из Систана. С тобой случилось в точности то же, что и с ним.

– А что с ним было? – спросил цирюльник, и друг стал повествовать.

Рассказ 82

Я слышал от рассказчиков событий, что в краю Систан был юноша с неуживчивым характером. Он был очень заносчив и драчлив, постоянно ссорился с людьми. Стоило ему увидеть у другого какую-нибудь вещь, как он тут же отбирал ее.

Похожий на адского дива, нравом подобный ифриту,
Горластый, словно уличная ворона.
Злокозненный, точно Иблис,
Злобный забияка, воинственный драчун.

В один прекрасный день он в сильном опьянении, не помня себя, шел по улице, брел, словно утренний ветерок, то падая, то поднимаясь. И вот случилось так, что ему повстречался набожный аскет. Пьяному захотелось поиздеваться над суфием, он замахнулся и ударил с бранью его кулаком по голове. Дервиш проглотил оскорбление и удар, словно халву или сахар, так как привык сносить побои и закалился душой. Он обрадовался и даже пустился в пляс. В суме у него оказался дирхем, подвижник вытащил его и отдал обидчику в плату за удар кулака, а потом вознес за него молитву и ушел восвояси.

Когда задира прошел немного, дьявол стал нашептывать ему, и он подумал: «За один удар кулака, который я нанес бедняку, я заслужил серебряный дирхем, а сверх того и благодарственную молитву. Если же мне встретится богатый и могущественный муж, если я ударю его кулаком дважды, то, очевидно, я заработаю два золотых динара, а также похвалу». Он лелеял эти никчемные мечты, а сам от опьянения был словно глухой и слепой. И вдруг перед ним предстал могучий и сильный воин. Драчун подошел ближе и хотел ударить его кулаком, как и дервиша, надеясь получить динар. Но воин подскочил к нему, схватил за руки, связал их крепко-накрепко, отколотил его как следует, задал ему хорошую трепку, так что хмель у буяна как рукой сняло, он раскаялся в своем поступке и пустился наутек еле живой. – Так знай же, – закончил друг, – хотя драчуна наказал именно воин, поколотив его, однако, по сути дела, его проучил дервиш, так как, если бы он не подарил ему серебряного дирхема, то злосчастный пьяница не был бы избит. Твоя история напоминает злоключения кулачного бойца. Если благодаря чистой вере и раздаче подаваний монах для купца превратился в золото и тем самым обеспечил его жизненный достаток, то ведь это вовсе не значит, что все монахи должны стать золотыми и одарить богатством всех людей. Ведь говорят же:

Не каждому, у кого есть голова, дают чалму,
Не каждому, у кого есть сердце, доверяют тайны.
Не каждому, у кого есть язык, дается дар речи,
О друг! Каждому воздают по достоинству.

Цирюльник выслушал слова друга, и его душа как бы очнулась, он пошел к себе домой, опозоренный и обесчещенный, пристыженный и прибитый.

Попугай завершил свою речь так:

– О Мах-Шакар! Цель моего рассказа та, чтобы твои дела не обернулись так, как у цирюльника, если люди проведуют о твоей тайне.

Попугай все еще говорил, когда облаченный в синее аскет неба извлек белое рубище утра, а золотой диск солнца высунул голову, словно тарелка дервиша из печи востока.

ПОВЕСТЬ о четырех жителях Балха, о том, как они получили от монаха четыре бусины и как обрели четыре рудника

На сорок восьмую ночь, когда на золотом престоле неба не стало невесты солнца, когда скрижаль небес украсилась чудом планет, Мах-Шакар, это изваяние красоты и великолепия, которая не имела равных в обители прелести и совершенства, украсилась драгоценностями, подправила щипцами кудри и локоны и пришла к попугаю, приготовившись пойти на свидание к любимому, чтобы узреть красу утешителя сердца. Она остановилась перед птицей, прося совета и разрешения, с твердым намерением осуществить желанную цель, с непременным желанием посетить приют друга.

Попугай, видя, что страсть возобладали над ней, что она жаждет свидеться с возлюбленным, поцеловал прах в знак покорности, ударил в землю челом рабского служения, а потом сказал:

– Сейчас пора покоя и безмятежности, время истомы и неги. Тебе, без сомнения, следует идти и без промедления явить свою красоту тому, кто ждет тебя. В благодарность за благодеяния, оказываемые мне с давних времен, я всегда советую, постоянно способствую тому, чтобы госпожа отправилась к любимому, чтобы она как можно скорее пошла в келью возлюбленного. Однако госпожа медлит, она не поступает в этом деле так, как я советую и желаю. Очевидно, что невеста счастья твоего верного раба все еще скрыта под покровом небытия, а тот шах, который ждет с нетерпением, все еще лишен возможности лицезреть мою повелительницу. А ведь того, кто не приемлет слов советчика, кто не прислушивается к словам доброжелателей, ожидает та же участь, что юношу из Балха, который не принял назидания друга, бросил золотую россыпь и погнался за драгоценными камнями. А когда он не нашел самоцветов и вернулся назад, то и россыпей уже не обнаружил.

– А как это случилось? – спросила Мах-Шакар, и попугай начал рассказывать.

Рассказ 83

Рассказывают, что в прошлые века и давние времена в городе Балх жили четверо юношей. Это была родина их предков. Они делили друг с другом горе и радости, пиры и тяготы, стирали ржавчину с зеркала сердца шлифовкой дружбы. И вот по воле неба и превратностей судьбы в их родном городе открылся путь бедам и недостаткам, а врата благополучия и достатка закрылись. Вода с неба стала такой же редкостью, как подаяние скряги, хлеб сделался столь же недоступен людям, как живая вода, младенцы растений в тот год не получали молока от кормилицы облаков и няни туч, не слышно было хохота грома – ведь бедняки и голодные сгорали в пламени пожаров. Город Балх из-за голода стал подобен Египту, пораженному язвами, из-за отсутствия дождей и засухи жители извелили нужду и лишения.

Изобилие надолго покинуло поварню. От недостачи стеснились сердца людей. Даже тот, у кого было сто кладов золота, сидел с пустым животом, с тяжестью на душе. Если нужно набить живот, зернышко ячменя дороже сокровищницы, полной жемчугов.

Когда в просторном мире стало туго со съестными припасами, когда голод стал валить людей, четверо юношей единодушно покинули родные места, распрощались с краями, где они родились и выросли, и отправились в поисках своей доли. Чтобы раздобыть хлеб насущный, они стали странствовать и бродить по свету. Они переходили от развалин к благоустроенным местам, от пустынь к царским дорогам, миновали водопои и стоянки, проходили мимо пастбищ и посевов. Они шли, твердо порешив, что странствуют ради обретения мирских благ, что сносят тяготы и страдания ради хлеба насущного, что, покуда не овладеют благами мира, покуда, словно змея, не попрут ногой клад, не перестанут странствовать и путешествовать. Иными словами, они решили или разбогатеть, или же погибнуть, и каждый из них в душе повторял эти стихи: «Я не успокоюсь, покуда не достигну богатства или же пока сам себя не приведу к гибели».

Однажды юноши в отдаленной пустыне повстречали монаха, который сторонился людей, словно Анка, и потому поселился в местах столь же отдаленных, как гора Каф. Они поговорили немного с христианином и поведали ему свои тайны, попросили его помочь им обрести богатство и раздобыть золото. Они заклинали его помолиться, чтобы их дела пошли на лад, чтобы их желания сбылись. Монаху стало жаль бедняг, он опечалился из-за того, что они столь усердствовали ради отбросов этого мира, столько страдали ради мертвечины. Потом он дал им четыре бусины из четок, положил каждому на голову и сказал:

– Вот так и странствуйте и берегите то, что я дал вам. Куда бы эти бусины ни упали, там, да будет вам известно, окажется клад. Раскопайте землю и извлеките его. Эти клады обеспечат ваш жизненный достаток, удовлетворят повседневные нужды. Ведь справедливы слова, сказанные взыскующими истину:

Мрачные ночи когда-нибудь завершатся утром.
За глубоким сном когда-нибудь последует пробуждение.

Юноши обрадовались этой вести, возблагодарили за такой дар, положили бусины на темень гордыни и покинули те места. Они прошли совсем немного, всего несколько фарсангов, как у одного из них с головы упала бусина. Он покопался там и обнаружил в земле залежи меди. Этот юноша был человек скромный, не жадный, бедность всегда сопровождала его, и он удовлетворился малым, согласно изречению: «Велик тот, кто довольствуется тем, что имеет»,^[404] а друзьям он сказал:

– Ступайте дальше, а мне довольно и этого малого. Эти залежи меди мне достались без всякого труда, этот достаток стал моей долей без обиды соседу. Ведь может случиться, что впереди ждут большие трудности, даже в поле нередко или шип вонзается в ногу, или змея жалит в руку. Известно, что здоровье

чередуются с недугом, что на дне бед таится радость. Ведь сказали: «Как много серн, которые пришли утром на ниву, но не успели поесть ячменя, как получили в сердце стрелу».

Он остался у медного рудника и стал разрабатывать его. А трое друзей двинулись дальше. Прошли они еще немного, когда упала бусина второго друга. Они стали копать и раскопали серебряный рудник. Второй юноша сильно обрадовался, остался на том месте со светлыми надеждами и большими желаниями и стал заниматься добычей серебра. Он был мудрый и прозорливый муж и молвил своим товарищам так:

– Мне этого серебра хватит с избытком. Ведь может статься, что мы больше ничего не найдем. Пожалуй, можно этого лишиться и ничего более не получить. А ведь мудрецы сложили пословицу: «Пичужка в руках лучше, чем журавль в небе». Мудр тот, кто знает время делу и не стремится к излишку, кто довольствуется тем, что есть, тем, что попадет в руки. Бразды дел находятся в ваших руках. Если вы останетесь здесь, то мы разделим серебро поровну по-братски. Если же двинетесь дальше, то перед вами – путь надежд, и в этом нет греха.

Двое юношей не послушались его и поспешно пустились в путь. Прошли они немного дальше, всего несколько фарсангов, как вдруг упала бусина третьего товарища. Они осмотрели место и стали долбить киркой землю. Вся земля там оказалась золотом, а глина – красным фосфором. Третий юноша обрадовался, стал ликовать, счел это великой удачей и стал собирать золото. И тогда он сказал четвертому товарищу:

– Оставайся и ты здесь, бери из этих россыпей столько золота, сколько хочешь. Не обменивай счастливые дни на злосчастные, ибо нет на свете ничего дороже и краше золота, как сказал об этом поэт:

Золото приводит мужа к величию,
Приносит ему хвалу и честь и изгоняет скорбь.

Я больше ни в чем не нуждаюсь, мне даровано совершенное богатство. И если ты бросишь эту наличность и погонишься за призрачным обещанным, то будешь глупцом и дураком.

Но четвертый юноша был обуреваем алчностью, его не прельстило золото, и он ответил:

– Вы недалновидны и нечестолюбивы, вы – заблудшие невежды. В первый раз мы набрали на медный рудник, затем нашли рудник серебра. В третий раз нам предстала золотоносная жила. Непременно, если пройти еще немного, найдутся россыпи драгоценных камней, рубинов и яхонтов. Прекрасно известно, что один драгоценный камень стоит дороже целого харвара [\[405\]](#) золота, что один алмаз дороже мешка серебра. И великие мужи прекрасно сказали по этому поводу:

Зернышко спелого граната во рту
Лучше тысячи глотков холодной воды.
Букет пленительных цветов
Лучше скирды сена.

Когда четвертый товарищ по невежеству не внял советам друга, не увидел в зеркале его наставлений лика собственного блага, тот умолк, занялся добычей золота. А юноша, который мечтал о самоцветах, сел на коня поспешности и двинулся дальше в надежде найти драгоценные россыпи. И вот после долгих странствий он пришел к каким-то развалинам, унылым, словно очи слепца, пустынным, как скорбное сердце бедняка. Четвертая бусина упала, и юноша обрадовался, так как был уверен, что напал на клад, раскопал землю и увидел, что там полно железа.

В погоне за сокровищами он обрел лишь тяготы. Он стал раскаиваться и печалиться, стал горевать и кручиниться из-за того, что отказался от предложений друга. И он подумал: «Тот, кто не приемлет наставлений братьев и не прислушивается к их советам, достоин именно такой участи, такого

вознаграждения».

Он оставил железные залежи и вернулся назад, но друзей и их рудников уж след простыл, не было видно и того монаха. А когда он вернулся к тем развалинам, там исчезло всякое воспоминание о железе, словно его и не было. И он пошел к людским поселениям, плача и рыдая, с сожженным сердцем и опаленной душой, произнося слова мудрецов: «Тот, кто хочет все, лишится всего». И стал он другом печали и скорби.

Вот, наконец, он прибыл в какой-то город и поведал свою повесть мудрецу, что жил там. Мудрец стал укорять его, пожалел, а потом сказал:

– Воистину, повесть о тебе и трех твоих друзьях напоминает рассказ о трех аскетах и их четвертом друге, ибо, когда трое не послушались его слов, то их постигло то, что постигло. Ты тоже не послушался советов друзей и обрел то, что обрел.

Юноша из Балха спросил:

– А как это случилось? Мудрец сказал.

Рассказ 84

Рассказывают, что в городе неподалеку от Мадаина жили четыре аскета. Трое из них были людьми образованными и имели познания в белой магии, однако были обделены умом. Четвертый не обладал никакими познаниями, однако был очень мудр, не знал равных себе в уме и проницательности. Все четверо крепко дружили и искренне любили друг друга. Дни они проводили вместе, а ночью не могли уснуть, не побеседовав друг с другом.

И вот случилось так, что в тех краях не выпало дождя, так что уста молнии перестали сверкать улыбкой, глаза туч перестали проливать слезы. Из облаков и туч, словно из десницы скупцов и зениц великих мужей, не падало ни капли. И они поневоле пустились в путь, взяв посохи путешествия и котомки странствия. Днем они шли, а по ночам спали. То они шагали бок о бок с утренним ветром, рука об руку с ветром западным, то они пересекали, словно ураган, пустыни, то проходили степи, словно солнце и луна. По земле они двигались так стремительно, что опережали даже ветер.

Как-то путь привел их к роднику, из которого вытекал ручеек. На берегу ручья валялись кости, такие крупные, словно палицы из слоновой кости, разбросанные по земле. Один аскет стал произносить заклинания и дуть на кости. По воле творца кости соединились, срослись, покрылись мясом. Тут в дело вступил второй аскет и стал читать молитвы. И вдруг по совершенной мощи всеславного и всевышнего создателя члены покрылись кожей, так что стали обрисовываться формы. Третий аскет захотел вдуть в них душу, дабы теплым дыханием даровать жизнь погасшей свече. Четвертый же, мудрый и проницательный, много изведавший и повидавший на свете, стал отговаривать его и останавливать.

– Нет никакого смысла, – говорил он, – воскрешать и растить дракона, ведь от этого может произойти много неприятностей и большой вред, а то и гибель. Ведь дракон – смертельный враг и давний недруг человеку. А мудрецы сказали: «Проявлять ласку и милосердие к врагам – все равно, что содержать дома змею и кормить ее медом или сеять в саду ядовитые травы и поливать их молоком, ибо ядовитые травы и змеи вредны для людей».

Тот, кто делает добро недостойному,
В конечном итоге от него же и пострадает.
Если тыпустишь в доммышь.
То онапогрызет все зерно в твоём доме.

Но друзья не прислушались к его наставлениям, не приняли его назиданий и стали настаивать на своем заблуждении, сочли его слова бессмысленными, решили непременно вдохнуть в тело дракона душу, чтобы он стал ползать, как змея. Мудрый друг снова сказал им:

– Я не пожалел для вас наставлений и назиданий, на которые я был способен. Я старался проявить к вам сочувствие и дружеские чувства. Если же вы не послушаетесь моего совета и уклонитесь от него, то пожалеете. И не следует, чтобы с вами случилось то же, что и с мышью, которая забралась в корзину и оказалась в пасти змеи.

– А как это случилось? – спросили друзья, и он стал рассказывать.

Рассказ 85

Повествуют, что в давние времена жил на свете подвижник, очень набожный. Он никогда никого не обижал, даже муху, подобно служителям Каабы, не убивал живой души, никогда, словно ангелы, не наносил обид ничьему сердцу. Но вот в его келье поселилась змея и повела себя дерзким образом. И поскольку никто не тревожил ее и не пытался убить, она становилась все более смелой и наглой.

В один прекрасный день змея очертила круг посреди кельи, словно циркуль, и преспокойно погрузилась в сон. Хозяин встал и накрыл змею корзиной, чтобы не набрасываться на нее с палкой или с камнем, чтобы ее не убивать каким-либо другим орудием, а просто дожидаться, пока она сама по прошествии времени околеет от голода и жажды, так как не найдет выхода наружу. Змея оказалась в корзине, испуганная и обеспокоенная, лишенная возможности к бегству или отступлению. Она бросалась вверх и вниз, направо и налево и билась, словно рыба на суше. Тут из своей норы за куском хлеба выбежала мышь, стала осматриваться осторожно по сторонам, озираться кругом. И вдруг она увидела корзину, подумала, что там, верно, есть чем полакомиться, не зная, что там скрывается гибель для нее. Она – словно капкан охотника с приманкой, но ведь ловушка как раз в самой приманке.

Мышь стала грызть корзину, проделала дыру и влезла туда, словно воробей, на свою беду. Не успела она пролезть внутрь, как оказалась в пасти змеи. Голодная змея проглотила мышь и выползла из дыры, которую та прогрызла; да будет известно обитателям мира:

Никто не знает основы сокровенного.

Много замков, к которым можно сыскать ключи.

Эту притчу я рассказал потому, что вы напоминаете мне мышь, которая собственными ногами ступила в тенета гибели, собственной рукой выкопала себе яму. Мне кажется, что при ваш смертный час, коли судьба велит вам поступать так. Иначе чем оправдать милосердие к дракону, который вечно враг с человеком? А ведь зрелые мужи сказали: «Неуместное снисхождение подобно благодатному дождю, изливаемому на змею, подобно дуновению ветерка на кучу навоза. Тогда капли дождя обратятся в яд, а порыв ветра наполнит зловонием весь мир».

Если укусы служат лекарством для печени,

То от меди она только увеличивается.

Четвертый аскет наговорил им много наставлений, просверлил много жемчугов назиданий, но они не пожелали слушать его, не придали значения его доводам. Ему ничего не оставалось, как расстаться с ними, а они продолжали колдовать и ворожить, пустили в ход все свои познания, чтобы воскресить дракона. И вот тот дракон зашевелился, и вся земля вокруг встрепенулась. И по воле творца, который говорит «Будь» – и оно возникает», в тело чудовища вошла душа. Из его пасти стали бить языки пламени, из ноздрей повалили клубы дыма, он издал грозный крик и мигом проглотил трех аскетов, а четвертый спасся невредимым и добрался к берегу спасения.

Мудрец так закончил свой рассказ:

– О житель Балха! С тобой приключилось то же самое, что с теми тремя аскетами, о которых я тебе поведал.

Юноша из Балха, выслушав его речи, признался в своем невежестве и двинулся в путь к родному городу, напуганный и потерявший убыток.

Закончив рассказ, попугай сказал:

– О Мах-Шакар! Да будет тебе известно, что участь того, кому советы мудрецов не служат руководством и наставлением, кто не считает назидание мудрых мужей своим советчиком и предводителем, будет такой же, как у того юноши из Балха.

Попугай завершил рассказ, но Мах-Шакар уже сильно устала и хотела спать. И в тот же миг Скорпион небес спрятался в нору запада, а дракон солнца высунул голову из пещеры востока.

ПОВЕСТЬ о радже Бикрамаджате и сыне везира, о том, как он спустился в подземный мир и привез дочь Пифагора

На сорок девятую ночь, когда золотой венец солнца положили в сокровищницу запада, а чудесную серебряную птицу луны подвесили на темном шатре неба, Мах-Шакар, которая царила в стране красоты, копиями ресниц и стрелами кокетливых взглядов похищала сердца страстно влюбленных, нарядившись и украсившись, страстно желая свидеться с любимым и посетить возлюбленного, пришла к попугаю за дозволением, как и в прежние ночи.

– Сегодня во время полуденного сна я спала, как одурманенная, и привиделся мне удивительный и странный сон. Если ты приложишь усилия, чтобы растолковать его, если в объяснении его проявишь учтивость, то это подтвердит твою искренность и человечность, – сказала она.

Попугай, видя, что пора ему начать говорить, что дом хитрости опустел, оказал госпоже почести и уважение и изрек:

– Ты увидела хороший сон, да будет к добру! «Эти сновидения – для нас добро, для наших врагов – зло». Расскажи о том, что ты видела во сне, чтобы я растолковал и разъяснил. Великие мужи сказали: «Во сне достойно доверия только толкование. Сбудется то, что предскажет толкователь, будь то добро или зло. Чем раньше сон поведаешь мудрецам, тем лучше». Говорят ведь: «Не следует рассказывать сон глупцу, ибо он перепутает добро со злом».

Мах-Шакар начала пересказывать сон:

– Я видела, что в дверь вошел пригожий юноша. В одной руке у него было хорасанское яблоко, в другой – плод манго. Оба плода он держал у рта. И тут я проснулась, а от яблока и манго и следа не осталось.

Попугай-мудрец на это ответил:

– В этом сне для госпожи – благая весть! Истинное толкование сна таково: пригожий юноша – это образ твоего счастья. А два плода означают две хорошие вести: госпожа в ближайшее время соединится с возлюбленным и муж вскоре вернется. И это будет так же, как у раджи Бикрамаджата, который после долгих страданий и мук и новую возлюбленную обрел, и к своей прежней жене вернулся. Красавица сказала: «После сна случается именно то, что сказано в толковании».

Тогда Мах-Шакар спросила:

– А как это случилось? И попугай отвечал.

Рассказ 86

Авторы индийских сказаний рассказывают, что однажды раджа Бикрамаджат вознамерился поохотиться. Все приближенные и слуги сопровождали его, у стремени шли знатные вельможи и челядинцы попроще. Мудрейшие везиры были рядом с ним, ученейшие надимы вели беседы. Лучники пускали в журавлей столь острые стрелы, что могут рассечь волос, и сбили много птиц. Ловкие охотники накидывали петли арканов на шеи оленей, так что повалили целое стадо. На всей шири земной не осталось онагров и газелей, а синие просторы небес очистились от куропаток и перепелов. Гепарды нападали, словно львы, охотничьи собаки прыгали, словно барсы, ястребы взлетали, точно ручные соколы, кречеты яро разрывали груди ворон.

Выпустили когти, чтобы пролить кровь дичи,
Наточили клювы, чтобы пролить кровь дичи.
Царский сокол налетел —
Ни перепелов не осталось в небе, ни вяхирей.
Быстрокрылый ловец преграждал путь утке,
Ударом когтей прекращал танец куропатки.

И вот в такой момент к старшему везиру притащили зайца, держа за уши. Везир был муж мудрый и проникательный, он обратился к присутствующим и попросил, чтобы каждый из них сказал слово во славу или хулу зайца, чтобы каждый в меру своих знаний потрудился на ниве похвалы или поношения. И тогда всяк выпустил из клетки ловчую птицу речи и положил стрелу красноречия на тетиву слога. Один стал рассекать волос, восхваляя тонкий стан зайца, другой пустил вскачь коня хулы, понося его длинные уши. Тот восхищался быстротой его бега, другой возмущался тем, что заяц спит. Один сверлил жемчуга слов, превознося нежность его меха, другой бранил его голос. Наконец везир спросил:

– Найдется ли существо, у которого была бы столь же мягкая шкурка?

При этом присутствовал брахман, приближенный везира. Он поклонился и сказал:

– У обитающих на поверхности земной не бывает такого нежного тела. Разве что у Наз-бадан, дочери царя Пифагора, которая живет в подземном царстве. Вот у нее нежное и прекрасное тело.

– А разве под землей живут люди? – спросил везир, и брахман ответил:

– Да. Всеславный и всевышний господь сотворил людей разными по природе. Некоторые из них обитают на поверхности земли, это земляне. Другие живут за горой Каф, их называют Яджудж. Еще одна часть обитает в море, их называют водяными людьми. А есть и такие, что живут под землей, и девушка по имени Наз-бадан как раз происходит из них, она – дочь их правителя.

Когда брахман рассказал о различиях между людьми и описал красоту и совершенство девушки, то сын везира, увлекающийся юноша, влюбился в дочь подземного царя. Ведь великие мужи сказали: «Часто пламя любви разгорается в сердце мужа понаслышке, от вести о достоинствах возлюбленной воспламеняется страсть». «Не видя ее лица, всяк, кто слышал о ней, жертвовал жизнью и спешил к ней».

Сын везира стал прилагать усилия, чтобы достичь своего кумира. Он выучил колдовское искусство, беседовал с дивами и пери, при помощи их какими-то неведомыми путями проник в подземное царство и уселся у врат красавицы.

Однажды жена раджи Бикрамаджата нарядилась, умастила себя благовониями, разукрасилась на все лады, придав золоту и драгоценностям блеск совершенством своей красы, так что уста мира сложили о ней такие стихи:

Принято украшать красавиц драгоценностями,
А ты, среброгрудая, так прекрасна, что сама украшаешь
драгоценности.

Как говорится, красавица, держа в руках зеркало, воочию созерцала господнее чудо, любовалась милостью творца. Она узрела, что безмерно красива и стройна, свежа и прелестна, и в ней проснулась гордыня, она поддавалась самообольщению и подумала: «Обладает ли кто-либо в мире таким изяществом и такой прелестью? Есть ли такое могущество и величие, как у моего мужа? И будет ли когда-либо впредь?»

Когда жена раджи подумала так, когда в уме кумира пронеслись такие думы, то попугай, который помещался в висячей клетке, по своей сообразительности и уму прочитал ее мысли и расхохотался. Жена раджи удивилась и разгневалась от его смеха, она подумала:

«Наверное, он увидел во мне какой-либо изъян. Есть что-то подозрительное в том, что попугай рассмеялся. Как же можно смеяться, если не видишь смешного?»

После этого жена раджи стала отказываться от пищи, притворяясь больной. Об этом доложили Бикрамаджату, он спросил жену о причине болезни, и она рассказала ему все от начала до конца. Раджа велел принести к себе попугая и стал расспрашивать, почему он рассмеялся. Попугай некоторое время отпирался, но не выдержал долго и признался:

– Я рассмеялся из-за гордыни и самообольщения царицы. Она подумала, что в мире нет красавицы равной ей, что нет в мире царя, равного радже. А между тем есть в подземном царстве город Мадинат ас-Сафл и царствует там царь Пифагор. У него есть дочь по имени Наз-бадан. Она сильна, прекрасна телом, красноречива. У царя тысячи слуг, равных радже Бикрамаджату, тысячи служанок, равных жене раджи, прислуживают его дочери. Что говорить о ее красоте, прелести и совершенствах? Их невозможно описать, нельзя выразить. Вот потому-то я рассмеялся, подивившись словам госпожи. Я, твой верный раб, сознаюсь в своем прегрешении, как бы царь ни покарал меня, я это заслужил и приму наказание смиренно, как подобает покорному рабу.

Бикрамаджат, выслушав описание красоты дочери и достоинств ее отца, поразился, поведья самообладания выпали у него из рук. Он так же, как и сын везира, влюбился в Наз-бадан, им овладела безумная страсть согласно изречению: «Иногда ухо влюбляется раньше глаза». Он тотчас вручил одному из доверенных лиц бразды правления державой, войском, поведья важных дел государства и городов, а сам пустился в путь в одеянии йогов и странников, препоясался на поиски подземного царства, вскочив на коня поспешности. Он двинулся вперед, словно небосвод, поспешая, словно планеты. С раненым сердцем, плененной душой, страдающим телом – вот каково было его состояние.

После долгих тягот и страданий, мук и терзаний он пришел к берегу моря и пробыл там несколько дней. Он не ел и не пил, закрыл устам путь для речей. Так он пребывал в мучениях, истязая свою плоть и дух. Наконец море прослышало о его горестном состоянии, сжалилось над горестями его сердца и предстало перед Бикрамаджатом в облике человека. Казалось, что с лица пришельца каплет влага надежды, что уста его источают жемчужины.

Он приблизился к радже и спросил о причине его страданий, Бикрамаджат ответил:

– Предстоит мне трудное дело, и лишь твой чертог – самое верное прибежище. Я не знаю никого, могущественнее тебя. Ведь быть морем все равно, что падишахом, и это подтверждается словами мудрецов: «Соседствуй с царем или морем».[\[406\]](#) Я тоже падишах. И поскольку я не вижу никого в мире лучше, величественнее, доблестнее тебя, то пришел со своей просьбой именно к тебе. Ведь великие мужи сказали: «Свою просьбу всегда надо испрашивать добром». Да и Пророк – да будет мир над ним – сказал: «Ищите добро с добрым лицом».[\[407\]](#) Надеюсь, что я удостоюсь чести быть твоим слугой, что благодаря

твоему счастью я буду также счастливым. – Мне не надо от тебя даров в виде жемчугов, коней, слонов и других земных богатств. Я прошу только быть мне проводником и водителем и доставить меня в город Мадинат ас-Сафл, который находится во глубине земли. Море на это ответило:

– Я – падишах влажных сфер. Я доставлю тебя до края моих владений. Через сушу же мне ходу нет, и о ней я ничего не знаю. А моя рать и мои слуги, то есть морские всадники, морские чудища с их оружием, черепахи со щитами, лягушки-наблюдатели, бессловесные рыбы, не могут и единого мига пробыть на земле, ни на час выйти из воды. Откуда же мне знать о степях и пустынях? Как я могу помочь в твоём деле?

Бикрамаджат на это отвечал:

– Ты доведи меня до своих границ, ибо у бога за завесой сокровенного не счесть милостей. А там, быть может, найдется другой проводник, столь же великодушный, как и ты, с такими же высокими помыслами.

И тогда море взяло Бикрамаджата за руку и погрузило в самые глубины свои. Нырнул Бикрамаджат и вынырнул в какой-то степи. Он увидел сад, который как бы соперничал с раем, ибо цветы его превосходили райские, горели и блистали, словно звезды на небе, а соловьи и горлинки заливались песнями.

Сверкали тюльпаны, словно светильники,
Только от дыма у них пятнышко на душе.
Мак, стоя на одной ноге,
Покоился на изумрудной ветви как чаша с вином.

Бикрамаджат отдохнул недолго в саду, наслаждаясь прогулкой. Он срывал плоды, вдыхал аромат цветов, как вдруг перед ним предстали два пригожих и благообразных юноши. В том саду было два родника. Они нырнули в один из тех родников и превратились в обезьян, так как по воле всевышнего бога обладали таким даром. Потом они взобрались на высокое ветвистое дерево, стали сбрасывать оттуда плоды, затем сошли с дерева, искупались во втором роднике и снова стали людьми. Бикрамаджат был поражен их поступками и чудесами этого мира. Он подошел к юношам и приветствовал их. Они встретили его любезно и радушно, пожелали мира и добра, а потом сказали:

– Ты прибыл в эти края на наше счастье! Мы два брата, и нам досталось в наследство четыре вещи. Вот уже долгое время между нами идет спор, как их разделить. Ради всевышнего Аллаха будь в нашем деле беспристрастным судьей и заверши по справедливости нашу тяжбу.

Бикрамаджат спросил их, что это за вещи, и они ответили:

– Наш отец знал белую магию. Благодаря этому он мог совершить все, что ему заблагорассудится. И вот от него осталось четыре предмета: во-первых, нищее рубище, из которого можно достать столько дирхемов и динаров, сколько нужно. Во-вторых, сума, откуда можно извлечь столько кушаний и яств, сколько пожелаешь. В-третьих, деревянный меч. Если вечером вынуть его из ножен, то в тот же миг на голом месте появится благоустроенный город с садами, виноградниками, базарами, лавками, конями, верблюдами, красивыми женщинами и девицами. А перед самым утром все эти блага исчезают. В-четвертых, деревянные башмаки. Тот, кто наденет их, в мгновение ока перенесется туда, куда ему захочется.

Услышав их речи, Бикрамаджат сообразил, что это и есть ключ к вратам его надежд. Он возжелал овладеть чудесными вещами и стал поджидать удобного случая, а сам сказал братьям:

– Решить ваш спор – сложное дело. Но раз уж вы посвятили меня в вашу тайну, доверили мне ваш секрет, то вам следует принять все мои советы и не отклоняться от них.

Они согласились, и раджа приказал им принести четыре вещи. Потом он положил на чоуган два мяча, забросил их далеко и сказал:

– Тот, кто раньше принесет эти мячи, получит право выбора в разделе наследства.

Те сломя голову побежали за мячами, а Бикрамаджат, видя, что ристалище пусто, не стал терять времени, тотчас взнуздал деревянного коня, именуемого башмаками, прихватил другие три вещи, направился прямо в Мадинат ас-Сафл и мигом оказался там. А двое глупых братьев из-за своих споров и раздоров лишились четырех волшебных предметов и стали читать скрижали отчаяния.

Когда Бикрамаджат прибыл ко дворцу царя, то увидел дворец, прекрасней Хаварнака,[\[408\]](#) зрелище, великолепней Садира.[\[409\]](#) Увидел он также сына своего везира, который сидел на коленях перед дворцом. Сын везира поклонился Бикрамаджату, а тот, пораженный, спросил, как он оказался в этих краях. Сын везира изложил свою историю в таких выражениях:

– Я, твой покорный раб, прибыл в эти края из-за дочери здешнего царя, претерпев много опасностей. Однако царевна наслышалась о твоей славе и подвигах, о твоих громких делах и доблести, она дни и ночи мечтает о том, чтобы увидеть раджу, жаждет поцеловать прах у твоих ног. Она твердо решила сердцем, что ее супругом будет только Бикрамаджат, что своим властелином признает только моего господина. Она так много наслышалась о верности раджи, что сотней сердец избрала уделом любовь к нему. Только к тебе и ни к кому другому стремится ее сердце, только к тебе она привязана душой. Когда я узнал о ее любви к тебе, когда услышал ее историю, то отринул от себя тщетные надежды и счел Наз-бадан своей сестрой и госпожой, я твердо запомнил и запечатлел в памяти содержание этих стихов:

Если она достойна моего раджи,
То для меня она – владычица и сестра.

Сын везира произносил такие речи, чтобы войти в доверие к радже, но в душе от любви к царевне он сверлил жемчужины слез алмазами ресниц. А Бикрамаджат убедился, что город еще краше, чем ему описал попугай.

Меж тем Наз-бадан сообщили о том, что прибыл Бикрамаджат. К нему без промедления явились слуги и служанки и с великим почетом и уважением провели внутрь дворца. С него сняли одежду путника, доспехи и оружие, облачили в роскошные шелка, царские одежды. Бикрамаджат принимал за Наз-бадан каждую обольстительную красотку, которую встречал там – а в каждом уголке дворца находил он сотни девушек, которые были прекраснее его жены, так что убедился в правдивости слов попугая. Наконец он явился пред Наз-бадан и увидел красавицу, равной которой не было под небосводом, увидел кумир, подобного которому не было в кумирне небес.

Она сожгла мир, словно лучезарное солнце,
Стан ее тонок, груди полны свежести.
Что сказать о том, каково ее мускусное благоухание?
Нет, это не мускус, это запах пролитой крови!

Наз-бадан с поклоном и радостью вышла навстречу радже, усадила его на трон с великим почетом, а сама, словно служанка, стала перед ним. Бикрамаджат не притрагивался к ней до сочетания законным браком, соблюдал законы религии, избегая недостойного поведения. Весть о прибытии раджи дошла до отца девушки. Он обрадовался, возликовал и приказал украсить залы и вознести шатры до самых небес. Соблюдали все обычаи пиршеств и законы празднеств, правила царского приема и свадебного обряда. Раджу осыпали похвалами и драгоценностями. Вызвали мудрецов, мобедев,[\[410\]](#) брахманов и знатоков заключения брачного соглашения, чтобы они сочетали их супружеским союзом по закону религии и

правилам веры, так что подол целомудрия Наз-бадан привязали к вороту счастья Бикрамаджата, шаха и новобрачную посадили на трон супружества и кресло женитьбы. В ту же ночь муж и жена соединились, словно душа и тело, и удовлетворили желание сердец, как ты догадываешься, они играли в нарды наслаждения на перине покоя и непрерывно скакали на коне единения по ристалищу радости.

Прошло некоторое время в таком благоденствии. Бикрамаджат меж тем ни на миг не расставался со своими четырьмя волшебными вещами, не оставлял их нигде. И вот однажды названные сестры Наз-бадан стали упрекать ее и укорять:

– Воистину, твой муж – не раджа Бикрамаджат. Если бы это было так, зачем бы ему постоянно таскать с собой то, что является богатством для бедных и имуществом для несчастных? Почему он ни на миг не расстается с этим хламом? Ведь это не подобает царям и властителям. Зачем тому, кто достоин облачиться в семицветный кафтан небосвода, понадобилось рубище нищего? Что проку стану, привычному к усыпанной камнями перевязи, от сумы попрошайки? К чему деревянный меч бедняка руке, которой подобает держать меч солнца? Зачем ноге, которая готова попать врагов, деревянные башмаки йогов?

Наз-бадан пожаловалась Бикрамаджату на упреки своих названных сестер. А раджа только рассмеялся и поведал об особенностях трех вещей, умолчав о деревянных башмаках. Царевна рассказала обо всем своим названным сестрам. А те решили обманным путем завладеть волшебными вещами, стали выжидать удобного случая и, наконец, похитили их. Бикрамаджат, узнав об этом, не сказал никому ни слова, пропaja осталась скрытой. А названные сестры говорили друг другу:

– Покуда Бикрамаджат не покинет нашу страну, мы не сможем воспользоваться его волшебными вещами.

И они подкупили лекаря, чтобы тот объявил Наз-бадан серьезно больной, а для излечения ее назначил мужу принести на голове из дальнего озера семьсот кувшинов воды и облить этой водой Наз-бадан. Они были уверены, что раджа не справится и сбежит.

И вот Бикрамаджат стал таскать воду, как ему указал лекарь. Однажды ночью, когда золотой кувшин солнца опустился в родник запада, когда серебряное ведро луны показалось из колодца востока, Бикрамаджат подумал, что все его злоключения из-за козней названных сестер Наз-бадан, замысливших изгнать его из страны. И тогда он обулся в волшебные башмаки и отправился к роднику, где резвились обезьяны. Он принес оттуда два кувшина воды и вылил один кувшин на Наз-бадан – она тотчас лишилась человеческого облика, превратилась в обезьяну. Служанки и названные сестры пришли в сильное волнение и стали скрывать превращение царевны от людей, опасаясь, что об этом прослышит царь Пифагор и тогда мир станет для них горьким. Наконец наперсницы догадались, в чем тут дело, принесли и бросили к ногам раджи его волшебные вещи и попросили у него прощения.

Когда Бикрамаджат добился цели, он вылил на обезьяну второй кувшин, и Наз-бадан вновь обрела человеческое обличье, убедилась в измене и недоброжелательстве наперсниц и устыдила их.

Бикрамаджат решил вернуться в свою страну. Он попросил разрешения у царя Пифагора, и тот согласился отпустить его. Тогда раджа взял в объятия Наз-бадан, обулся в деревянные башмаки и направился в путь.

А сын везира во время своих странствий научился перевоплощаться, он оборотился мухой, сел на спину Бикрамаджата и вместе с ними прибыл к обезьяньему роднику. Раджа решил отдохнуть там. Прошло некоторое время, и пришли юноши-братья. Они, как и раньше, нырнули в воду, обернулись обезьянами, полезли на дерево и стали рвать там плоды. Потом нырнули в другой водоем и снова стали людьми. Они собирались вернуться восвояси, когда к ним подошел Бикрамаджат и приветствовал их. Потом он положил перед ними четыре волшебные вещи и молвил:

– Эти редкостные вещи – ваши. Я похитил их у вас и стал насильником и вором. Но я поступил так из-за крайней нужды. Не обессудьте, простите мне сей грех.

Юноши, увидев со стороны Бикрамаджата благородство и чистоту помыслов, удивились и поразились, обрадовались и сказали:

– Ты оказал нам большую милость, так как, едва ты забрал у нас эти вещи, мы перестали враждовать. Мы дарим тебе их, мы не бедны и ни в чем не нуждаемся. Ведь мы тем временем изучили многие науки, овладели сокровищами знаний, каждое из которых намного ценнее этих вещей. Среди того, что мы познали, есть и искусство переселения душ, то есть переход из своего облика в облик мертвого животного.

Бикрамаджат научился у них этой премудрости, сын везира также перенял ее. Бикрамаджат уселся под деревом отдохнуть, тут сын везира из мухи вернулся в свое человеческое обличье и поклонился Бикрамаджату. Раджа удивился, а тот объяснил ему:

– Некий джинн стал моим названным братом. Он отвез меня в подземное царство, а затем вновь вернул сюда. И вот я, слава Аллаху, служил радже в подземном царстве, а теперь буду служить ему здесь.

Затем Бикрамаджат и сын везира пешком отправились на охоту, стали стрелять и бить дичь. И тут коварный сын везира сказал:

– Под счастливой звездой раджи я выучился у своего названного брата искусству превращаться в муху.

– Это дело нетрудное, – отвечал Бикрамаджат. – Да только какая польза человеку превратиться в муху? Чему можно научиться, будучи мухой? Я же могу перевести душу из одного тела в другое.

Сын везира поклонился до земли и стал умолять:

– Если раджа явит милость и великодушие сыну своего раба и научит его этому искусству, это будет величайшей благосклонностью!

Бикрамаджат сначала велел сыну везира обернуться мухой, и тот повиновался. Муха немного покружилась, а потом снова стала человеком. Раджа похвалил сына везира и, поскольку он не ведал о его коварных замыслах, оставил свое тело и переселился душой в газель, которую они только что подстрелили, и газель тотчас поскакала. А поскольку сын везира был сведущ в этих науках, то он тотчас освободил тело от своей мерзкой души, вошел в тело раджи и стал преследовать животное. Бедная газель в отчаянии бежала от него и скрылась в степи. А сын везира, превратившийся в раджу, бросил преследовать газель, взял Наз-бадан и вернулся с ней в свой дворец. Собрались везиры, надимы, придворные, слуги, подданные со всех концов страны, и все они лобызали прах у ног того мерзавца. В городе воцарились веселье и радость, ликование и торжество.

Но когда лжераджа вознамерился своей нечистой рукой осквернить полу целомудрия Наз-бадан, овладеть ею на правах супруга, то умная, проницательная и прозорливая жена заподозрила что-то неладное: в его неуклюжем обращении, в его повадках и ухватках она не узнавала благородства и доблести Бикрамаджата, обладавшего совершенством разума, наделенного познаниями в тайнах неба и деяниях небосвода. Она прервала общение с ним, подобрала полу единения и вскричала:

– Ты чужой, нет в тебе подлинной сущности Бикрамаджата! Если ты вздумаешь добиться своего насильно, то я в тот же миг лишу себя жизни. Обожди, оставь меня, покуда у меня не ослабеет отвращение к тебе, покуда я не привыкну к тебе.

Коварный сын везира, опасаясь, что Наз-бадан покончит с собой, что его тайна раскроется, удовлетворился тем, что виделся с Наз-бадан и разговаривал с ней. Он приходил к ней каждый день, заискивал перед ней, льстил ей, смотрел на нее издали и возвращался к себе. А первая жена раджи тоже заподозрила неладное, притворилась больной и тем самым избавилась от него. И вот негодяй

наслаждался всеми благами, кроме общения с обеими женами, и получал от мира свою долю удовольствий.

Но однажды та газель набрела в пустыне надохлого попугая и подумала: «Пока я буду бегать со стадом газелей, мне не видать Наз-бадан. Быть может, став попугаем, я смогу свидеться с нею». Газель тут же переселилась духом в попугая, который взлетел и сел на стену дворца Наз-бадан. А она от разлуки с любимым пребывала в скорби, горевала, худела и бледнела, влача свои дни в печали. Она увидела попугая, обрадовалась, схватила его и поместила в клетку, стала посвящать ему все свое время. Ночи разлуки и дни страстной тоски она проводила в беседах с ним. Попугай видел все, страдал душой, стонал и подстерегал удобный случай и подобающее время.

И вот однажды попугай нашел Наз-бадан одну и изложил ей всю свою историю от начала до конца.

(Здесь обрывается книга)

ГЛОССАРИЙ

Аббасиды – династия халифов, которая ведет происхождение от дяди Мухаммада Аббаса (ум. 32 г. х.). Аббасиды воцарились в 749 г. и были свергнуты монгольскими завоевателями во главе с Хулагу в 1258 г. Столицей халифата при Аббасидах был город Багдад. Знамя Аббасидов было черного цвета.

Абу Ханифа – основатель толка ханафитов (см.) ан-Нуман ибн Табит ибн Зува Абу Ханифа, родился в Куфе, в VIII в.

Ад – упоминаемый в Коране народ, который якобы был уничтожен за то, что не признал посланца Аллаха.

Аджам – арабское собирательное название завоеванных стран, населенных неарабами. В персидской литературе этим словом обычно называют Иран.

Адим – надушенная кожа из козьих шкур, которая вырабатывалась в Йемене. Считалось, что высокое качество адима зависит от воздействия звезды Южного полушария Сохейль (Канопус), которая особенно хорошо видна в Йемене.

Азар – в Коране отец пророка Ибрахима (библейский Авраам). По преданию, Азар поклонялся прекрасным идолам, которых сам же изготовлял.

Азра – возлюбленная Вамика (см.), героиня старинной персидской легенды, существовавшей еще в древнем Иране. Сюжет сказания, очевидно, был заимствован из греческих источников. Однако оригинал сказания на пехлеви и ранние обработки на персидском языке не сохранились. Любовь Вамика и Азры, красота их вошли в литературную традицию.

Анка – (араб.) волшебная птица, обитающая, по преданию, на краю света. Анка недоступна взору смертных, поэтому в литературе она часто символизирует нечто редкостное, недостижимое.

Арафат – название горы, расположенной в 12 милях от Мекки. Около Арафата останавливаются на девятый день паломничества прибывшие совершить хадж (см.). Здесь же они совершают полуденный и вечерний намазы.

Арганун – (арабизованная форма греч. «органон»), струнный музыкальный инструмент.

Ануширван – см. Хосров Ануширван.

Аржанг (Артанг) – священная книга последователей Мани, по преданию, широко известная некогда в Иране и Средней Азии. Эта книга была украшена прекрасными миниатюрами, поэтому в персидской поэзии «Аржанг» стал символом совершенной красоты, изящества. Позднее книга с иллюстрациями превратилась в народном воображении в «картинную галерею».

Асаф – имя легендарного везира царя Сулеймана (см.).

Асия – по коранической традиции, супруга Фараона, правителя Египта, которая считается одной из четырех «совершенных жен мира». Она покровительствовала Мусе (см.), когда он воспитывался в доме Фараона. Асия отвергала Фараона и его тиранию.

Бабил – город Вавилон, в коранической традиции выступающий как средоточие чародеев и кудесников.

Балх – название города и области, входивших в средние века в состав Ирана (ныне на территории Афганистана).

Барбат – струнный щипковый инструмент, европейский барбитон.

Барбед – придворный музыкант сасанидского шаха Хосрова Парвиза. В литературе стал олицетворением исполнителя-виртуоза.

Бахрам – персидское название планеты Марс, а также имя зороастрийского бога победы, который персонифицируется в образе планеты Марс.

Бахрам Гур – популярный герой иранских сказаний и легенд, отважный витязь и женолюб, прообразом которого был сасанидский царь Варахран V (420–438), который, однако, имел с ним мало общего. Исследователи полагают, что в легендарном Бахрам Гуре воплотились некоторые черты небесного Бахрама (см.).

Билкис – в арабской, персидской и других литературах – царица Савская, возлюбленная царя Соломона.

Бурджис – арабское название планеты Юпитер (см. также Муштари).

Бузурджмехр – имя везира Хосрова Ануширвана (см.); в персидской литературе – символ мудрого советника властелина.

Бу-Кубайс – название горы восточнее Мекки, возвышающейся над Мекканским храмом.

Вамик и Азра – легендарные влюбленные, любовь которых окончилась трагически. Азра часто упоминается в литературе как образец красоты. Сюжет предания восходит к пехлевийской литературе, однако пехлевийская запись утрачена. В литературе на новоперсидском языке история Вамика и Азры была обработана поэтом Унсуреи (ум. в 1040 г.), а затем (в 1049 г.) поэтом Фасихи из Джурджана. На этот сюжет написаны также поэмы турецкими поэтами Бихишти (XV в.) и Ламеи (XVI в.).

Газий – в средние века борец-доброволец за мусульманскую веру. Отряды газиев принимали участие в набегах Махмуда Газневида (см.) в Индию. В переносном значении – воинственный, непримиримый.

Галия – ароматная косметическая мазь, распространенная у женщин Ближнего и Среднего Востока. В литературе символизирует аромат, благоухание.

Гебр – название, которым иранские мусульмане обозначали своих соотечественников-зороастрийцев, т. е. последователей доисламской религии Ирана (в устах мусульманина это слово имеет бранное значение).

Гуль – злой дух, оборотень, обитающий в горах и пустынях; гули заманивают в свои обиталища путешественников и пожирают их.

Гурия – от араб, хур – «черноокая». В Коране так названы прекрасные райские девы, которые будут ублажать обитателей рая.

Давуд – библейский царь и пророк Давид. Песнопения Давуда (псалмы Давида) в персидской литературе олицетворяют чудесную музыку.

Дадджал – в мусульманской традиции, лжепророк, который явится людям перед концом света, чтобы совратить их с истинного пути.

Дара – Дарий III Кодоман (336–330 гг. до н. э.), древнеперсидский царь, побежденный Александром Македонским. В персидской литературе Дара – символ благородства и могущества.

Дастур – в древности (у персов) – священнослужитель, позднее царский советник, примерно то же, что везир.

Дей – название десятого месяца древнеиранского (зороастрийского) календаря, а также десятый месяц современного иранского солнечного года (22 декабря – 20 января). В поэзии месяц дей

символизирует зиму, зимнюю стужу.

Джамшид – легендарный царь древних иранских сказаний (его имя приводится уже в Авесте в форме Йима), в правление которого на земле царил золотой век: люди не знали болезней, не умирали, жили счастливо. Джамшид владел волшебной чашей, в которой мог наблюдать все, что творится на земле, и даже предвидеть грядущее. Возгордившись, он пожелал, чтобы ему воздали божеские почести. Приближенные и подданные отвернулись от Джамшида, покинули страну и призвали на царство арабского царевича Заххака, который изгнал Джамшида из Ирана, захватил его в плен и распилил надвое. В литературе Джамшид символизирует как могущественного властелина, так и правителя, из-за гордыни лишившегося власти.

Джамшидова чаша – чаша мифического царя древнего Ирана Джамшида (см.), в которой отражалось все происходившее на свете.

Джахилийя – букв. «невежество» (араб.), обозначение в мусульманских литературах доисламского периода в истории Аравийского полуострова.

Джинн – в арабской демонологии, а затем и в литературе и фольклоре сопредельных мусульманских стран – дух, как добрый, так и злой. Добрые джинны покровительствуют людям, злые, подобно дивам персидских сказок, причиняют людям зло.

Джибраил – кораническая форма имени архангела Гавриила. В Коране Джибраил выступает в качестве вестника и посланца бога к пророкам.

Динар – старинная золотая монета, имевшая хождение в халифате, а позднее – в государствах, возникших на его бывшей территории. В литературе символизирует нечто драгоценное, а также желтый цвет.

Дирамшан – название округа в Восточном Иране. От Хамадана до Дирамшана означает «очень далеко».

Дирхем – старинная серебряная монета, имевшая хождение в халифате, а позднее и во многих мусульманских странах. Иногда означает просто деньги.

Забулистан – название области в Юго-Восточном Иране.

Зекат – одно из основополагающих правил исламского жизненного кодекса, благотворительный налог, составляющий определенную долю с имущества или дохода.

Зубад – ароматическая смесь.

Зубейда – любимая жена халифа Харуна ар-Рашида, приходившаяся ему двоюродной сестрой.

Зуннар – (от греч. зоннарион – «пояс») – полоса из грубой яркой шерсти, которой в средние века в мусульманских странах обязаны были повязываться иноверцы. По Корану, его следовало вешать на шею.

Зухал – арабское название планеты Сатурн (см. также Кейван), которая, по поверью, приносит несчастье.

Зухра – арабское название планеты Венера.

Ибн Сина (980 – 1037) – ученый-энциклопедист, философ, медик мусульманского средневековья. В средневековой литературе мусульманских стран Ибн Сина олицетворяет совершенного философа и ученого.

Ибрахим – (библейский Авраам) один из пророков, признаваемых исламом. По мусульманскому преданию, тиран Немрод (см.) велел бросить Ибрахима в пылающий костер (или печь), но по воле Аллаха огонь тотчас превратился в цветущий сад. В качестве посланника Аллаха Ибрахим принес своему народу

новую веру и разбил идолов, которым поклонялся его отец. Известен в исламе также под именем Халилудлах («друг Аллаха»).

Имран – согласно Корану, это имя носят два лица: 1) отец пророков Мусы (Моисея) (см.) и Харуна (Аарона); 2) отец Марьям (см.).

Исрафил – по Корану, архангел, который известит о наступлении Судного дня, затрубив в сур, особую трубу.

Исхак – библейский Исаак, сын Ибрахима (Авраама), которого отец, по преданию, собирался принести в жертву богу. Однако бог послал архангела Джибраила (Гавриила), который повелел вместо сына принести в жертву агнца. В исламе в этом случае фигурирует не Исаак, а Исмаил, другой сын Ибрахима.

Ирем – по кораническому преданию, прекрасные сады и дворцы, возведенные Шаддадом, правителем Южной Аравии, вознамерившимся создать рай на земле. Ирем был разрушен Аллахом, но название его стало символом роскошных, пышных садов.

Иса – Иисус Христос, признаваемый в исламе одним из пророков. По преданию, дыхание Исы было животворным и могло исцелять больных и воскрешать мертвых.

Искандар – Александр Македонский, канонизированный древней иранской знатью и жрецами как исконно иранский владыка. По иранской традиции, царская власть могла передаваться только по наследству. Поэтому, чтобы как-то оправдать завоевание Александром Ирана, религиозная традиция превратила его в потомка иранских царей. В персидской литературе Искандар изображается правдоискателем, могущественным и справедливым властелином, заботившимся о благе своих подданных.

Исмаил – сын Ибрахима (см.). В коранической традиции считается одним из предшествовавших Мухаммаду пророков. По преданию, он прибыл вместе с отцом из Палестины в Аравию, распространил веру ханифи (см.) и построил Мекканский храм.

Ифрит – в арабской демонологии злой дух, отличающийся безобразной внешностью.

«Йа Син» – название 36-й суры (см.) Корана, которая считается богословами одной из самых важных.

Кааба – доисламский храм в Мекке, служивший местом поклонения для многих арабских племен. После возникновения ислама Мекканский храм превратился в мусульманскую святыню (так что «владыка Каабы» означает «Аллах»), а паломничество к нему было провозглашено одной из основных заповедей ислама.

Кабил – кораническая форма библейского имени Каин. В литературах мусульманских стран Кабил олицетворяет предательство, измену и вообще злое начало.

Кадий – мусульманский судья, выносивший решения по гражданским делам на основе исламского права.

Калам – тростниковое перо, которым писали на мусульманском Востоке.

Каиру – город в Бенгалии.

Карун – библейский Корей, надменный и жестокий богач. По коранической легенде, пророк Муса по воле Аллаха приказал земле проглотить Каруна вместе с его золотыми дворцами, сокровищницами и приспешниками.

Каф – мифическая горная цепь, окружающая, по кораническому преданию, земную твердь. Горы эти якобы сложены из изумрудов, самая высокая вершина их – вулкан Каф. С ним, по поверью, связаны все

горы на земле, от прикосновения Аллаха к вершине Каф происходят землетрясения. По преданию, за горой Каф обитают страшные народы Яджудж и Маджудж, которые каждую ночь лижут гору своими языками, подобными напильникам, но днем гора вырастает вновь, и эти народы не могут прорваться на землю. Делу помог также Александр Македонский, окруживший горы Каф стеной, столь крепкой и гладкой, что ее нельзя ни разрушить, ни перелезть через нее. С горой Каф связано множество других легенд, и, по некоторым из них, там находятся сказочные страны, населенные чудесными существами, дивами и пери (см.).

Кейван – персидское название планеты Сатурн (см. также Зухал). По средневековым поверьям, Кейван приносит несчастье. Считалось, что Кейван движется по седьмому небесному своду, отсюда он часто выступает символом недостижимой высоты.

Кей-Хосров – легендарный шах древнего Ирана, в персидской литературе – образец воинской доблести, справедливости и могущества.

Кеманча – струнный смычковый музыкальный инструмент с деревянным круглым корпусом.

Комуз – струнный музыкальный инструмент.

Кукнус – феникс, сказочная птица, которая, сгорев, возрождается из пепла.

Кутвал – в средневековой Индии начальник городской стражи.

Кыбла – направление на Мекканский храм, сторона, куда верующим мусульманам надлежит поворачиваться лицом при совершении намаза.

Лак – старинная мера счета, сто тысяч.

Лейли – героиня популярного на Востоке арабского предания о любви Кайса и Лейли, разлученных родителями. Влюбленный Кайс теряет от любви разум, и его начинают звать Маджнуном, т. е. «безумным». По некоторым версиям легенды, Лейли была некрасивой, но Маджнуну казалась прекраснее всех. Выданная замуж за нелюбимого, она продолжала хранить верность Маджнуну.

Лотос – по Корану, дерево, которое растет на седьмом небе.

Лукман – мудрец, упоминаемый в Коране; ему приписываются различные мудрые изречения.

Мадаин – арабское название города Ктесифон, столицы Сасанидского Ирана. Сасаниды правили Ираном с 226 г. н. э. до завоевания его арабами.

Марьям – арабская форма имени Мария, связываемого прежде всего с Девой Марией. В исламе признаются все библейские пророки, в том числе и Иисус Христос. Марьям также почитается в исламе. В литературе служит символом для обозначения чистоты и святости.

Махмуд Газневид (997 – 1030) – могущественный правитель из династии Газневидов (названной так по городу Газни в Северном Афганистане). Он совершал походы в Индию, дойдя до самого Дели. В персидской литературе символизирует могущественного властелина.

Мани (III в.) – основатель дуалистической манихейской религии, которая при Сасанидах получила некоторое распространение в Иране. В дальнейшем религия была забыта, а имя Мани осталось в Иране поэтическим образом непревзойденного живописца. Возможно, это связано с тем, что манихеи богато украшали свои книги иллюстрациями.

Манихейцы, манихеи – последователи Мани (см.).

Матла – первый бейт (двустушие) касыды, в котором рифмуются обе стихотворные строки. В переносном значении – начало всякого дела.

Машшате – женщина, наряжающая и украшающая невесту перед свадьбой.

Маджнун – юноша по имени Кайс из арабского племени Бану Амир, который еще ребенком влюбился в девочку Лейли. Любовь эта превратилась во всепоглощающую страсть, граничащую с безумием, и юношу прозвали Маджнун (араб, «одержимый»). Арабская легенда о несчастной любви Маджнуна и Лейли впоследствии послужила сюжетом для многих романтических поэм в персидской и других литературах, а сами имена Маджнуна и Лейли стали символами влюбленных.

Медресе – высшее учебное заведение на мусульманском Востоке. В настоящее время этим именем, как правило, обозначают религиозные высшие учебные заведения.

Мерв – один из древнейших городов Средней Азии, руины его расположены на правом берегу р. Мургаб, в 30 км от современного г. Мары (ТуркмССР).

Мизмар – разновидность тростниковой флейты.

Мина – городок близ Мекки.

Минбар – род кафедры, с которой в мечети произносится проповедь.

Миррих – арабское название планеты Марс; по средневековым представлениям, Миррих приносит несчастье.

Мискал – мера веса; в средневековом Иране была равна около 4,6 г, употреблялась для измерения веса золота и драгоценных камней.

Михраб – сводчатая ниша в мечети, которая указывает направление на кыблу, т. е. на Мекканский храм, лицом к которому должны стоять мусульмане во время совершения намаза. В персидской поэзии с михрабом сравниваются изогнутые брови красавицы.

Мобед – жрец зороастрийской религии, которая была принята в Иране до распространения ислама. В персидской поэзии имеет также значение мудреца, хранителя древних сказаний.

Мункар и Накир – ангелы, которые, по поверью, допрашивают покойников после смерти и мучают их, если те повинны в греховных поступках.

Надим – приближенный, собеседник правителя. Надимы делили со своим патроном трапезу, участвовали в его развлечениях, занимали его беседой.

Накир – см. Мункар.

Накиса – арфист сасанидского шаха Хосрова Парвиза, чье виртуозное исполнение считалось пределом совершенства.

Нахид – персидское название планеты Венера (см. также Зухра).

Нейсан – пятый месяц сирийского календаря, соответствующий апрелю; в Иране и Средней Азии – это пора обильных весенних дождей, поэтому с месяцем нейсан связаны представления о бурных ливнях.

Немрод – имя правителя Халдеи, враждовавшего с пророком Ибрахимом. В литературе символизирует могущественного и несправедливого жесткого тирана.

Нисар – букв. «осыпание», приветственный обряд, по которому людей (чаще всего молодых на свадьбе или правителей при вступлении на престол) осыпают монетами, драгоценными камнями, лепестками цветов.

Нух – библейский Ной.

Пери – духи, как добрые, так и злые, в иранской мифологии чаще всего предстают в образе

прекрасных женских существ, отсюда в литературе пери – символ женской красоты.

Рабиа (714–801) – поэтесса и подвижница из Басры, сочинявшая мистические стихи во славу Аллаха.

Раг – искаженное санскритское рага, подобие лада в индийской теории музыки (точнее, начальная мелодическая идея, развертывающаяся горизонтально, выявляя при этом заложенное в ней эстетическое начало).

Радва – горная цепь на юго-востоке Аравии.

Рам (от санскритского Рама) – царь, главный герой санскритского эпоса «Рамаяна», совершивший множество чудесных подвигов.

Ратель – мера жидких и сыпучих тел, равная примерно 450 г.

Рей – большой город в средневековом Иране, впоследствии был покинут. На развалинах его вырос современный Тегеран. В настоящее время Рей – название одного из городских районов Тегерана.

Ризван – по Корану, страж у райских врат.

Ринд – беспечный гуляка, бродяга, завсегда у винных погребков.

Рубаб – струнный смычковый музыкальный инструмент древнего индоиранского происхождения, на котором играли лукообразным смычком.

Рум – распространенное в мусульманских источниках название Византии; отсюда румийцы – жители Византии, которые зачастую олицетворяли собой европейцев, «белолицых» по сравнению со смуглыми жителями Востока.

Руд – струнный музыкальный инструмент.

Рудаки (ум. 941) – один из основоположников персидско-таджикской литературы, творивший при Саманидах (династия, правившая Средней Азией и Восточным Ираном). Из огромного поэтического наследия Рудаки сохранилась лишь небольшая часть, около тысячи бейтов.

Рустам – герой-богатырь иранского национального эпоса.

Рух – сказочная птица огромных размеров, часто фигурирующая в арабских сказках.

Садир – дворец в Хирском царстве, неподалеку от Хаварнака (см.), воздвигнутый царем Нуманом (592–614).

Саклат – сорт шелковой ткани.

Сарандиб – арабское название острова Цейлон. По мусульманским преданиям, на Сарандиб попали из рая Адам и Ева.

Сарханг – в средние века член личной гвардии царя; военный чин с полицейскими функциями.

Сейид – букв. «господин» (араб.). В Иране так называют потомков пророка Мухаммеда.

Сетар – струнный музыкальный инструмент, имеющий три струны.

Симург – волшебная вещая птица, которая обитает на горе Каф (см.), примерно соответствует птице Анка (см.) в арабской мифологии. По «Шах-наме» Фирдоуси, Симург вскормил и воспитал Заля – одного из выдающихся систанских богатырей, отца Рустама.

Сита – супруга Рама (см.), главного героя «Рамаяны» – санскритского эпоса.

Сумнат – город в Северо-Западной Индии, знаменитый своим храмом. Был взят и разрушен Махмудом Газневидом.

Суфий – последователь суфизма, мистического учения в исламе, проповедующего непосредственное общение с богом (без посредников в лице служителей культа). Нередко в персидской литературе этим словом обозначают также набожного человека.

Таммуз – название первого летнего месяца сирийского календаря (21 июня – 21 июля), распространенного в средние века и в Иране. В литературе словом «таммуз» часто обозначают просто лето.

Танур – круглая печь, применяемая для выпечки хлеба, обычно расположена вне дома, во дворе.

Тар – пятиструнный музыкальный инструмент, на котором играют при помощи медиатора. Деревянный корпус обтянут тонким сафьяном.

Тарикат – букв. «путь», у суфиев (см.) – одна из ступеней мистического познания бога.

Тир – персидское название планеты Меркурий (см. также Утарид).

Умра – посещение святыни мусульман Мекки в месяц Зульхиджа, когда совершается официальное паломничество.

Утарид – арабское название планеты Меркурий (см. также Тир), которую арабские астрологи считали «небесным письмоводителем». В литературе символизирует человека, владеющего хорошим слогом, овладевшего мастерством составления писем и посланий.

Фагфур – букв. «сын бога», титул китайского императора по-персидски.

Фаридун – легендарный царь древнего Ирана, который отнял царство у тирана Заххака; в поэзии – символ могучего и справедливого государя.

Фарс – область на юго-западе Ирана, колыбель древнего персидского государства. От этого названия и происходит слово «персы» (древние греки называли Фарс «Парса»).

Фарсанг – мера пути в Иране, величина которой колеблется в зависимости от характера местности; обычно считается, что фарсанг – расстояние, которое можно проехать за один час по данной дороге; в среднем равен приблизительно 6 км.

Хабил – кораническая форма библейского имени Авель. В мусульманской традиции служит символом невинно погибшего человека, а также искренности и чистоты помыслов.

Хаварнак – дворец, построенный в Хирском царстве для юного Бахрам Гура (см.).

Хаддж – паломничество в Мекку, к мусульманским святыням, одна из религиозных обязанностей мусульман. От паломничества освобождались по бедности, в случае болезни и по другим «уважительным причинам».

Хаджиб – первоначально слуга, приставленный к занавесу, отделяющему царский трон от приемного зала, затем придворный, ведающий приемом просителей. На эту должность назначались особо доверенные люди.

Ханаан – первоначальное название области, расположенной между р. Иордан и Средиземным морем; в дальнейшем так стали называть всю Палестину. В литературе Ханаан символизирует цветущую благоустроенную страну.

Ханака – обитель суфиев (см.), нечто вроде монастыря.

Ханафитский толк – одна из юридических школ в исламе, основателем которой был Абу Ханифа (см.).

Ханафиты – последователи ханафитского толка (см.). Мусульмане Индии относятся к ханафитскому мазхабу.

Ханифи – так называется в Коране религия Ибрахима, основателя Каабы (см.).

Харвар – букв. «вьюк осла», мера веса, колеблющаяся в зависимости от местности. Иногда достигает до трехсот кг.

Харири – Аль-Касим ибн Али Харири (1054–1122), известный арабский писатель, автор «Макамат» – сборника плутовских новелл.

Харут – имя одного из двух ангелов, упоминаемых в Коране (Харут и Марут). Согласно преданию, ангелы жаловались богу на испорченность людей, которых не могли исправить даже неоднократно посылаемые пророки. По приказу бога ангелы избрали Харута и Марута, дабы творить суд над людьми. Те спустились на землю и долгое время добросовестно выполняли свои обязанности. Однажды к ним явилась женщина необычайной красоты по имени Зухра (см.), прося у них защиты от мужа. Харут и Марут влюбились в Зухру и хотели соблазнить ее, та, воспользовавшись ослепившей их страстью, скрылась. Бог наказал обоих ангелов, низвергнув их в Вавилонский колодезь, где они должны пребывать до дня Страшного суда. Из глубины этого колодезя они обучают желающих магии. Зухра же за свою чистоту и целомудрие вознесена на небо в виде планеты Венеры, покровительницы музыки и красоты.

Хассан ибн Сабит (ум. 674) – арабский доисламский поэт, присоединившийся к пророку Мухаммаду и ставший его последователем.

Хатай – одно из распространенных в средние века в Иране названий Китая, чаще применяемое к Северному Китаю.

Хатем Таи (ум. 605) – историческая личность, арабский эмир и поэт, чья доблесть и щедрость вошла в легенду. О поступках и подвигах Хатема существует обширная литература, сборник легенд и рассказов о нем обработал Хусейн Ваиз Кашифи, автор знаменитого «Анвар-и Сухайли».

Хатиб – проповедник в мечети, читающий «Хутбу» – моление о царствующем доме. Во время молитвы хатиб облачался в одежды цвета, принятого царствующей династией. Официальным цветом, принятым халифами из династии Аббасидов (750 – 1258), считавшимися до XII в. носителями верховной власти, был черный.

Хатун – госпожа; почтительное обращение к замужней женщине.

Хизр – легендарный мусульманский пророк, который, однако, не упоминается в Коране. По религиозным преданиям, Хизр отыскал источник живой воды, находящийся в царстве мрака, испил ее, благодаря чему обрел бессмертие. Хизр покровительствует путникам и заблудшим, спасает погибающих от жажды в пустыне. Он облачен в зеленые одеяния.

Хорасан – Восточный Иран. В средние века в Хорасан входила часть Средней Азии и Афганистана.

Хосров Ануширван (531–578) – сасанидский шах, в правление которого была проведена централизация власти. В литературе Хосров Ануширван выступает как образец справедливого и правосудного государя, к его имени прилагается эпитет «справедливый», он служит символом идеального правителя.

Хотан – древний город в Восточном Туркестане; иногда – весь Восточный Туркестан. Хотан славился красивыми женщинами и мускусом.

Хумай – вещая птица иранских легенд (ср. искаженное «гамаюн»). По преданию, тот, на кого упадет тень хумая, станет царем.

Хусравани – название одного из ладов иранской музыки.

Хутталь, Хутталян – название области на Памире. В средние века славились хутталянские кони.

Чанг – струнный ударный музыкальный инструмент.

Чигиль – старинный город в Туркестане, женщины которого славились красотой.

Чин – в персидской литературе название Китайского Туркестана, а также и всего Китая. В персидской поэзии традиционно восхваляются красавицы Чина, а также мастерство его живописцев.

Чоуган – изогнутая клюшка для игры в поло (также чоуган). С чоуганом в персидской поэзии сравнивают завитые кудри красавиц.

Шаддад – легендарный царь-деспот Южной Аравии, велевший возвести дворцы и разбить сады Ирем (см.), которые, по его мнению, должны были затмить райские сады и чертоги. Однако бог, разгневанный гордыней Шаддада, разрушил его дворцы и убил царя, прежде чем тот успел вступить в свои прекрасные сады. Образ Шаддада – символ высокомерия и бунтарства по отношению к богу.

Шам – арабское название Сирии.

Шариат – (от араб. шариа – «ясный путь») совокупность всех религиозно-правовых и обрядовых норм ислама.

Шахзаде – сын шаха, царевич.

Шейх – букв. «старец», «старый человек». Отсюда происходят и другие значения: старейшина, вождь племени; святой старец, духовный наставник, мусульманский ученый.

Ширин – героиня многочисленных романтических поэм в персидской и тюркоязычных литературах. О любви Ширин и Хосрова написали поэмы Низами, Навои, Амир Хосров Дехлеви и многие другие выдающиеся поэты. В литературе Ширин – символ прекрасной и вечной возлюбленной.

Шихне – полицейский чин в средневековых городах Ирана.

Юнус – библейский Иона, по преданию, проглоченный китом (в мусульманских преданиях – огромной рыбой).

Эйван (или айван) – крытая терраса с колоннами, на которые опирается кровля. Обычно эйван открыт с трех сторон и примыкает ко дворцу. Нередко этим словом обозначают и просто дворец.

Юсуф – библейский Иосиф Прекрасный, легенда о котором в несколько измененном виде вошла в Коран и стала чрезвычайно популярной на мусульманском Востоке. Юсуф считается пророком, а в поэзии выступает в первую очередь как идеал красоты. С Юсуфом связан ряд поэтических образов, ставших традиционными: рубашка Юсуфа, благодаря которой прозрел его ослепший отец Якуб, Зулейха, влюбившаяся в Юсуфа, египетские сплетницы, которые порезали себе пальцы, потрясенные красотой Юсуфа, колодец, в который бросили Юсуфа злые братья, и т. д.

Примечания

1

Инвентарный номер 6680; издана Шамс ад-Дином Ал-е Ахмадом в Тегеране в 1973 г.

2

Термин «обрамленная повесть» был предложен и впервые введен П. А. Гринцером. См. П. А. Гринцер. Древнеиндийская проза (Обрамленная повесть). М., 1963, с. 3–6.

3

Согласно заключительному эпизоду обрамляющего рассказа древнеиндийской версии, вариант которой был использован нашим автором при переводе (ср. Шукрапати (Семьдесят рассказов попугая). М., 1960, с. 110), а также концовке турецкого перевода «Тути-наме» Нахшаби, выполненного в Турции в XVII в. с привлечением «Джавахир ал-асмар»

4

Нам не удалось обнаружить каких-либо сведений об авторе в хрониках, составленных в Индии в XIV–XV вв., включая и «Тарих-и Фирузшахи» («Фирузшахова летопись»). Эта летопись была составлена в 758/1357 г. и содержит специальный раздел, посвященный представителям государственного аппарата, а также деятелям культуры эпохи султана Ала ад-Дина Халджи (1296–1316). См. The Tarikh-i Feroz-Shahi of Ziaa al-Din Barni. Ed. by S. Ahmad Khan (Bibliotheca Indica). Calcutta, 1862 (text), с 342–367.

5

Крупнейший персоязычный поэт Индии Амир Хосров Дихлави (1253–1325) в предисловии к своему третьему собранию стихотворений, «Гуррат ал-камал» («Лучшая часть совершенного»), специально отмечает, что мусульманские дабиры и мунши (секретари) Делийского султаната не только свободно владели местными языками, но и уверенно ориентировались в литературе на этих языках (проза и поэзия), включая стилистику. См. рук. ИВ АН СССР В 169, л. 526.

6

Султан Ала ад-Дин умер 5 января 1316 г., так что позже этой даты труд не мог быть завершен. Скорее всего, он был закончен в 1315 г.

7

Вызывает интерес сообщение автора о том, что при переводе он использовал сборник «Калила и Димна», который не был переведен на персидский язык. Его замечание служит еще одним подтверждением утвердившемуся в науке мнению, что в древнеиндийской литературе бытовало несколько версий этого сборника. Подробнее о переводах этих сочинений на персидский язык и их судьбе см. М. А. Т о д у а. Некоторые вопросы орбелиановской версии «Калилы и Димны». – М. А. Тодуа. Грузинско-персидские этюды. Тб., 1971, с. 212–240; А. А. Стариков. Предисловие. – Мухаммад аз-Закхри Са-марканди. Синдбад-наме, пер. М. Н. Османова. М., 1960.

8

О них см. Г. Ю. Алиев. Персоязычная литература Индии. М., 1968, с. 49–68.

9

Сложные вопросы индийской музыкальной теории изложены в прекрасной книге: Б. Чайтанья Дева. Индийская музыка. М., 1980, к которой мы и отсылаем любознательного читателя

10

Коран, XXIV, 41

11

Выражение из аята: «Мы сотворим человека наилучшим сложением». – Коран, XCV, 4

12

Коран, XL, 64

13

Коран, XXIV, 44

14

Коран, LV, 22

15

Коран, II 19. Эта фраза многократно повторяется в Коране

16

См. Коран, LIII, 14. Имеется в виду Джibraил

17

Коран, II, 30

18

Хадис, см. ал-Джами ас-сагир, II, с. 180

19

Хадис, см. Кашф ал-хакаик, с. 143

20

Саади. Гулистан. Предисловие

21

Коран, XXXV, 1

22

Имеется в виду Мухаммад

23

Хадис, см. «Ихйа улум ад-дин», II, с. 363. См. также Суфи-наме. Примечания, с. 323

24

Хадис, см.: Ибн ал-Асир. Нихайат, под корнем джама

25

Имеется в виду кораническая легенда о восхождении Мухаммада на небо, см. Коран, XVII

26

Хадис, см. ал-Джами ас-сагир, II, с. 39; Венсинк, III, с. 151

27

Коран, LXII, 5

28

Т. е. еще не был сотворен (согласно Корану, Адам был создан из глины. Хадис. см. «Инс ат-табин», с. 341)

29

Коран. III, 26

30

Чоуган – изогнутая клюшка для игры в поло (также чоуган). С чоуганом в персидской поэзии сравнивают завитые кудри красавиц.

31

Хадис, см.: Венсинк, VII, с. 364

32

Хумай – вещая птица иранских легенд (ср. искаженное «гамаюн»). По преданию, тот, на кого упадет тень хумая, станет царем.

33

Медресе – высшее учебное заведение на мусульманском Востоке. В настоящее время этим именем, как правило, обозначают религиозные высшие учебные заведения.

34

Здесь явная неосведомленность автора, поскольку в языческих храмах не могло быть крестов

35

Хизр – легендарный мусульманский пророк, который, однако, не упоминается в Коране. По религиозным преданиям, Хизр отыскал источник живой воды, находящейся в царстве мрака, испил ее, благодаря чему обрел бессмертие. Хизр покровительствует путникам и заблудшим, спасает погибающих от жажды в пустыне. Он облачен в зеленые одеяния.

36

24 Ср. Коран, XXXIII, 43: «Он – тот, который молится за вас, а также его ангелы».

37

Хадис, см. Кашф ал-хакаик, с. 9 и 243

38

Дейлемиты – иранское племя, обитавшее на каспийском побережье Ирана. Из него вышло несколько династий, правивших в Северном Иране, а впоследствии – и на территории всего Ирана. Этим словом зачастую обозначают также воина-наемника, поскольку представители этого племени часто нанимались в войска феодальных владетелей.

39

Хотан – древний город в Восточном Тукестане. Иногда весь Восточный Туркестан. Хотан славился красивыми женщинами и мускусом.

40

Надим – приближенный, советник правителя. Надимы делили со своим патроном трапезу, участвовали в его развлечениях, занимали его беседой.

41

Хадис – рассказ о деянии или высказывании пророка Мухаммада. Подлинность хадиса «гарантируется» приведенным в нем перечнем «передатчиков», восходящим от кого-либо из современников Мухаммада до составителя одного из канонических сводов хадисов. Совокупность хадисов составляет мусульманское «священное предание» – сунну, которая, наряду с Кораном, определяет все стороны жизни мусульман. На самом деле хадисы выдумывались в разное время противоборствующими

религиозными и политическими группировками, между ними нередко противоречия, иногда исключающие друг друга суждения и т. п.

42

Рудаки (ум. 941) – один из основоположников персидско-таджикской литературы, творивший при Саманидах (династия, правившая Средней Азией и Восточным Ираном). Из огромного поэтического наследия Рудаки сохранилась лишь небольшая часть, около тысячи бейтов.

43

Искандар – Александр Македонский, канонизированный древней иранской знатью и жрецами как исконно иранский владыка. По иранской традиции, царская власть могла передаваться только по наследству. Поэтому, чтобы как-то оправдать завоевание Александром Ирана, религиозная традиция превратила его в потомка иранских царей. В персидской литературе Искандар изображается правдоискателем, могущественным и справедливым властелином, заботившимся о благе своих подданных.

44

Хадис, см. ал-Джами ас-сагир, I, 46

45

Хадис, см.: Кашифи. Рисалат ал-алийя, с. 198.

46

Коран, СХП, 3

47

Составлены М. -Н. Османовым.

48

Иса – Иисус Христос, признаваемый в исламе одним из пророков. По преданию, дыхание Исы было животворным и могло исцелять больных и воскрешать мертвых.

49

Муса – библейский Моисей, который считается в исламе одним из пророков, предшествовавших Мухаммаду. Мусульманская традиция, следуя за Библией, приписывает чудодейственные свойства руке Мусы. В литературе ряда мусульманских стран выражения «рука Мусы» и «белая рука» стали аллегорическими образами для обозначения чудодейственной и сверхъестественной силы.

50

Шейх – букв. «старец», «старый человек». Отсюда происходят и другие значения: старейшина, вождь племени, святой старец, духовный наставник, мусульманский ученый.

51

Коран, III, 38

52

Коран, СХП, 2

53

Коран, СХП, 3

54

Коран, XXI, 84

55

Ибрахим – (библейский Авраам) один из пророков, признаваемых исламом. По мусульманскому преданию, тиран Немрод велел бросить Ибрахима в пылающий костер (или печь), но по воле Аллаха огонь тотчас превратился в цветущий сад. В качестве посланника Ибрахим принес своему народу новую веру и разбил идолов, которым поклонялся его отец. Известен также под именем Халилуллах («друг Аллаха»)

56

Исхак – библейский Исаак, сын Ибрахима (Авраама), которого отец, по преданию, собирался принести в жертву богу. Однако бог послал архангела Джирраила (авриила), который повелел вместо сына принести в жертву агнца. В исламе в этом случае фигурирует не Исаак, а Исмаил, другой сын Ибрахима.

57

Коран, XXXVII, 112

58

Суфий – последователь суфизма, мистического учения в исламе, проповедующего непосредственное общение с богом (без посредников в лице служителей культа), Нередко в персидской литературе этим словом обозначают также набожного человека.

59

Михраб – сводчатая ниша в мечети, которая указывает направление на кыблу, т. е. на Макканский храм, лицом к которому должны стоять мусульмане во время совершения намаза. В персидской поэзии с михрабом сравниваются изогнутые брови красавицы.

60

Минбар – род кафедры, с которой в мечети произносится проповедь.

61

Коран, XIX, 7

62

Мах-Шакар в переводе значит «Луна, сладостная, как сахар»

63

Коран, XL, 64

64

Чанг – струнный ударный музыкальный инструмент.

65

Суфи-наме, с. 194

66

Кашф ал-махджуб, с. 482. Это выражение в арабской и персидской литературе часто употребляется как метафорическое обозначение женщины

67

Коран, XXX, 30

68

Амсал ва хикам, с. 267

69

70

Харири. Макамат, с. 16, 17

71

Симург – волшебная вещая птица, которая обитает на горе Каф, примерно соответствует птице Анка в арабской мифологии. По Шах-Наме» Фирдоуси, Симург вскормил и воспитал Заля – одного из выдающихся систанских богатырей, Отца Рустама.

72

Хорасан – Восточный Иран. В средние века Хорасан входила в часть Средней Азии и Афганистана.

73

«Семь прикрас» и «девять красот» имели в средние века традиционное значение (т. е. подразумевались вполне определенные «прикрасы» и «красоты»), однако здесь это всего лишь метафора, обозначающая, что при свете звезд храм заблистал.

74

Кей-Хосров – легендарный шах древнего Ирана, в персидской литературе – образец воинской доблести, справедливости и могущества.

75

Бурджис– арабскоеназвание планеты Юпитер

76

Зухра – арабское название планеты Венера. По преданию, Зухра была прекрасной земной женщиной, в которую влюбились ангелы Харут и Марут, гордившиеся своей непорочностью. Бог послал их на землю для испытания, Зухра же выведала у ангелов тайное имя божье, которое, по поверью, обладает магической силой, и с помощью этого имени вознеслась на небо, где была причислена к сонму бессмертных и стала небесным музыкантом, сопровождая игрою на музыкальных инструментах хор небесных светил. А Харут и Марут в наказание были низвергнуты в Вавилонский колодец, где пребудут до Судного дня. В литературе Зухра символизирует и прекрасную женщину, и виртуозного музыканта. Мелодии Зухры – пленительные песнопения.

77

Джанбаз букв, «жертвующий жизнью».

78

Кашф ал-хакаик, с. 7

79

Калам – тростниковое перо, которым писали на мусульманском Востоке.

80

Динар – старинная золотая монета, имевшая хождение в халифате, а позднее – в государствах, возникших на его бывшей территории. В литературе символизирует нечто ценное, а также желтый цвет.

81

Кыбла – направление на Мекканский храм, сторона, куда верующим мусульманам надлежит поворачиваться лицом при совершении намаза.

82

Кааба – доисламский храм в Мекке, служивший местом поклонения для многих арабских племен. После возникновения ислама Мекканский храм превратился в мусульманскую святыню (так что «владыка Кааба» означает «Аллах»), а паломничество к нему было провозглашено одной из основных заповедей ислама.

83

Фаридун – легендарный царь древнего Ирана, который отнял царство у тирана Заххака; в поэзии – символ могучего и справедливого государя.

84

Рустам – герой-богатырь ирандского национального эпоса.

85

Калила и Димна, с. 352

86

Дирхем – старинная серебряная монета, имевшая хождение в халифате, а позднее и во многих мусульманских странах. Иногда означает просто деньги.

87

Коран, VI, 141

88

«Человека постигает то...» – ср. ал-Джами ас-сагир, I, с. 179.

89

Исмаил – сын Ибрахима. В коранической традиции считается одним из предшествовавших Муххамаду пророков. По преданию, он прибыл вместе с отцом из Палестины в Аравию, распространил веру ханифи и построил Мекканский храм.

90

Имеется в виду кораническое предание о том, что человек сотворен из глины

91

Аят – стих или строка главы (суры) Корана, изложенного ритмизованной прозой. Первоначально само это слово обозначало «доказательство веры», а также «чудо». В начале деятельности Мухаммада, когда его противники в Мекке требовали от «пророка» совершения чудес, которые подтвердили бы его миссию, он отвечал им речами, образовавшими впоследствии Коран, которые выдавал за откровения, ниспосылаемые свыше, т. е. чудеса. Это и были аяты.

92

Коран, III, 92

93

Азар – в Коране отец пророка Ибрахима (библейский Авраам). По преданию, Азар поклонялся прекрасным идолам, которых сам же изготовлял.

94

«Мы загадали тебе...» – ал-Джами ас-сагир, I, с. 20

95

Хадис, см. Суфи-наме, с. 251

96

У Венсинка этого хадиса нет

97

Здесь ошибка автора, поскольку, по догмам ислама, иудеи не считаются идолопоклонниками и признаются людьми Писания

98

Авторская ошибка, так как христиане, как и иудеи, не считаются, по догмам ислама, идолопоклонниками

99

Калила и Димна, с. 340

100

Коран, IX, 5

101

«Верность к верным – верность». – Ахлак-и Мухташами, с. 36

102

Шахзаде – сын шаха, царевич.

103

Рей – большой город в средневековом Иране, впоследствии был покинут. На развалинах его вырос современный Тегеран. В настоящее время Рей – название одного из городских районов Тегерана.

104

Раба – (714–801) – поэтэсса и подвижница из Барсы, сочинявшая мистические стихи во славу Аллаха.

105

Дей – название десятого месяца древнеиранского (зороастрийского) календаря, а также десятый месяц современного иранского солнечного года (22 декабря – 20 января). В поэзии месяц Дей символизирует зиму, зимнюю стужу.

106

«Калила и Димна», с. 201

107

Сулейман – библейский царь Соломон, в персидской литературе и фольклоре – олицетворение мудрости. По коранической легенде, Сулейман, как и Александр Македонский, считается мусульманином и даже «посланником Аллаха». С именем Сулеймана связано в Иране множество легенд: он понимал язык птиц, при помощи магического перстня повелевал стихиями и духами; по некоторым легендам, он изобрел арабский и сирийский алфавит и был автором многих трактатов по магии; у него были несметные богатства, ковер-самолет, тысяча дворцов со стеклянными крышами, 700 жен, однако он предусмотрительно учился плести корзины, чтобы в случае нужды заработать себе на хлеб. В образе Сулеймана переплетались легенды многих народов, в частности, на формирование его повлияли и иранские представления о Джемшиде.

108

Коран, LVIII, 29

109

Рисалат ах-алийя, с. 118; Амсал ва хикам, с. 240

110

Кутвал – в средневековой Индии начальник городской стражи.

111

Коран, XXIII, 115

112

Джинн – в арабской демонологии, а затем и в литературе и фольклоре сопредельных мусульманских стран – дух, как добрый, так и злой. Добрые джинны покровительствуют людям, злые, подобно дивам персидских сказок, причиняют людям зло.

113

Коран, L, 56

114

Коран, XCV, 4

115

Коран, V, 60

116

Существует поверье, что змеиный укус следует лечить пеплом сожженной змеи

117

Тарикат – букв. «путь», у суфиев – одна из ступеней мистического познания бога.

118

Коран, XXV, 23

119

Имеется в виду Мухаммад

120

Коран, LV, 1

121

Согласно мусульманским поверьям, дыхание Исы (Иисуса Христа) воскрешало мертвых

122

По коранической традиции, «белая рука» и посох – символы волшебной силы пророка Муссы, ниспосланные ему Аллахом. С их помощью он посрамил колдунов Фараона, олицетворение языческой магии

123

Амсал ва хикам, с. 255

124

Амсал ва хикам, с.1150

125

Ахадис-и Маснави, с.258

126

Мискал – мера веса; в средневековом Иране была равна около 4,6 гр., употреблялась для измерения

веса золота и драгоценных камней.

127

Имеется в виду воскрешение покойников в день Страшного суда

128

Коран, II, 117

129

Коран, LXXVI, 21

130

Шариат – (от арабского шариа – «ясный путь») совокупность всех религиозно-правовых и обрядовых норм ислама.

131

Шихне – полицейский чин в средневековых городах Ирана

132

Кадий – мусульманский судья, выносивший решения по гражданским делам на основе исламского права

133

Давуд – библейский царь и пророк Давид. Песнопения Давуда (псалмы Давида) в персидской литературе олицетворяют чудесную музыку.

134

Кабил – кораническая форма библейского имени Каин. В литературах мусульманских стран Кабил олицетворяет предательство, измену и вообще злое начало.

135

Хабил – кораническая форма библейского имени Авель. В мусульманской традиции служит символом невинно погибшего человека, а также искренности чистоты и помыслов.

136

Юсуф – библейский Иосиф Прекрасный, легенда о котором в несколько измененном виде вошла в

Коран и стала чрезвычайно популярной на мусульманском Востоке. Юсуф считается пророком, а в поэзии выступает в первую очередь как идеал красоты. С Юсуфом связан ряд поэтических образов, ставших традиционными: рубашка Юсуфа, благодаря которой прозрел его ослепший отец Якуб, Зулейха, влюбившаяся в Юсуфа, египетские сплетницы, которые порезали себе пальцы, потрясенные красотой Юсуфа, колодец, в который бросили Юсуфа злые братья, и т. д.

137

Юнус – библейский Иона, по преданию проглоченный китом (в мусульманских преданиях – огромной рыбой).

138

Гурия – от араб. хур – «черноокая». В Коране так названы прекрасные райские девы, которые будут ублажать обитателей рая.

139

Хосров Ануширван – (535–578) – Сасанидский шах, в правление которого была проведена централизация власти. В литературе Хосров Ануширван выступает как образец справедливого и правосудного государя, к его имени прилагается эпитет «справедливый», он служит символом идеального правителя.

140

Хатем Таи – (ум. 605) – историческая личность, арабский эмир и поэт, чья доблесть и щедрость вошли в легенду. О поступках и подвигах Хатема существует обширная литература, сборник легенд и рассказов о нем обработал Хусейн Ваиз Кашифи, автор знаменитого «Анвар-и Сухайли»

141

Калила и Димна, с. 161

142

Нейсан – пятый месяц сирийского календаря, соответствующий апрелю; в Иране и Средней Азии – это пора обильных весенних дождей, поэтому с месяцем нейсан связаны представления о бурных ливнях.

143

Фарсанг – мера пути в Иране, величина которой колеблется в зависимости от характера местности; обычно считается, что фарсанг – расстояние, которое можно проехать за один час по данной дороге, в среднем равен приблизительно 6 км.

144

145

Тамхидат, с. 291

146

Харут – имя одного из двух ангелов, упоминаемых в Коране (Харут и Марут). Согласно преданию, ангелы жаловались богу на испорченность людей, которых не могли исправить даже неоднократно посылаемые пророки. По приказу бога ангелы избрали Харута и Марута, дабы творить суд над людьми. Те спустились на землю и долгое время добросовестно выполняли свои обязанности. Однажды к ним явилась женщина необычайной красоты по имени Зухра (см.), прося у них защиты от мужа. Харут и Марут влюбились в Зухру и хотели соблазнить ее, та, воспользовавшись ослепившей их страстью, скрылась. Бог наказал обоих ангелов, низвергнув их в Вавилонский колодезь, где они должны пребывать до дня Страшного суда. Из глубины этого колодезя они обучают желающих магии. Зухра же за свою чистоту и целомудрие вознесена на небо в виде планеты Венеры, покровительницы музыки и красоты.

147

Муканна – (букв. «закрытый покрывалом») прозвище Хашима ибн Хакима, жителя Мерва, который возглавил в 776 г. восстание местного населения против арабского господства. Муканна уверял своих последователей, что в нем воплотилось божество и поэтому от него исходит ослепительно яркий свет, который не под силу выдержать глазам, – оттого он и прикрывал лицо зеленым покрывалом. Согласно легенде, Муканна, чтобы уверить последователей в своей чудотворной силе, изготовил искусственную луну, которая по ночам поднималась из колодца в городе Несефе (ныне – Карши).

148

Пери – духи, как добрые, так и злые, в иранской мифологии предстают в образе прекрасных женских существ, отсюда в литературе пери – символ женской красоты.

149

Калила и Димна, с. 17

150

Коран, IV, 143

151

Шам – арабское название Сирии

152

Джибраил – кораническая форма имени архангела Гавриила. В Коране Джибраил выступает в качестве вестника и посланца бога к пророкам.

153

Исрафил – по Корану, архангел, который известит о наступлении Судного дня, затрубив в сур, особую трубу.

154

Дадджал – в мусульманской традиции, лжепророк, который явится людям перед концом света, чтобы совратить их с истинного пути.

155

В рукописи строка, следующая за стихом: «Но если тело уже лишено жизни», стерта

156

Коран, VII, 54

157

Калила и Димна, с. 93

158

Стихи принадлежат Абу-л-Ала Маарри (см. Макарим ал-ахлак, с. 187)

159

Калила и Димна, с. 154

160

Очередная ошибка автора, который явно неосведомлен о бракоразводной процедуре христиан

161

Коран, III, 159

162

Тир – персидское название планеты Меркурий

163

Смысл метафоры основан на точном наблюдении: при лунном свете цвета кажутся изменившимися. Дальнейшие метафоры связаны со средневековыми представлениями. Так, Тир (планета Меркурий) считался небесным письмоводителем. Здесь автор хочет показать, что даже небесные светила усердствовали ради праздничных приготовлений.

164

Нахид – персидское название планеты Венера.

165

Миррих – арабское название планеты Марс; по средневековым понятиям Миррих приносит несчастье

166

Муштари – персидское название планеты Юпитер. По средневековым представлениям, Муштари приносит людям счастье.

167

Зухал – арабское название планеты Сатурн.

168

Мани – (III в.) – основатель дуалистической манихейской религии, которая при Сасанидах получила некоторое распространение в Иране. В дальнейшем религия была забыта, а имя Мани осталось в Иране поэтическим образом непревзойденного живописца. Возможно, это связано с тем, что манихеи богато украшали свои книги иллюстрациями.

169

Аржанг (Артанг) – священная книга последователей Мани, по преданию, широко известная в Иране и Средней Азии. Эта книга была украшена прекрасными миниатюрами, поэтому в персидской поэзии «Аржанг» стал символом совершенной красоты, изящества. Позднее книга с иллюстрациями превратилась в народном воображении в картинную галерею.

170

Эйван (или айван) – крытая терраса с колоннами, на которые опирается кровля. Обычно эйван открыт с трех сторон и примыкает ко дворцу. Нередко этим словом обозначают и просто дворец.

171

Кейван – персидское название планеты Сатурн. По средневековым поверьям, Кейван приносит несчастье. Считалось, что Кейван движется по седьмому небесному своду, отсюда он часто выступает символом недостижимой высоты.

172

Амсал ва хикам, с. 95

173

Ибн Сина (980-1037) – ученый-энциклопедист, философ, медик мусульманского средневековья. В средневековой литературе мусульманских стран Ибн Сина олицетворяет совершенного философа и ученого.

174

Коран, IV, 66

175

Имеется в виду кит, на котором, по поверью, держится земля

176

Сейид – букв. «господин» (араб). В Иране так называют потомков пророка Мухаммеда.

177

Нисара – букв. «осыпание», приветственный обряд, по которому людей (чаще всего молодых на свадьбе или правителей при вступлении на престол) осыпают монетами, драгоценностями, лепестками цветов.

178

Имеются в виду обитатели морей и рек, составляющие воинство Океана, возможно, какие-то конкретные животные (например, крокодилы и бегемоты), однако точного соответствия установить не удалось

179

Имеются в виду раковины-жемчужницы

180

Здесь каламбур, основанный на том, что в арабском и персидском языках слово йатимат означает одновременно и жемчужину и сироту

181

Хатай – одно из распространенных в средние века в Иране названий Китая, чаще применяемое к Северному Китаю.

182

Зубад – ароматическая смесь

183

Галлия – ароматная косметическая смесь, распространенная у женщин Ближнего и Среднего Востока. В литературе символизирует аромат, благоухание.

184

Адим – надушенная кожа из козьих шкур, которая вырабатывалась в Йемене. Считалось, что высокое качество адима зависит от воздействия звезды Южного полушария Сохейль (Канопус), которая особенно хорошо видна в Йемене.

185

Саклат – сорт шелковой ткани.

186

Хадис, см. ал-Джами' ас-сагир, I, с. 246

187

В арабской графике, которая принята для персидского языка, слово зар («золото») обозначается двумя буквами «з» и «р», которые при письме не соединяются между собой чертой (как было бы в европейских алфавитах)

188

Ифрит – в арабской демонологии злой дух, отличающийся безобразной внешностью

189

Набат – сахарный леденец

190

Ал-Джами ас-сагир, I, с. 143

191

Коран, VI, 164

192

Керманский тмин считается лучшим в Иране, так что это выражение соответствует русской поговорке «В Тулу со своим самоваром не ездят»

193

Калила и Димна, с. 137

194

Лам'ат ас-сирадж, с. 312

195

Калила и Димна, с. 337

196

Хадис, см. ал-Джами' ас-сагир, II, с. 95

197

Коран, XLII, 40

198

Хадис, см. Мисбах ал-хидайат, с. 416

199

Амсал ва хикам, с. 1227, соответствует русской пословице «Яблоко от яблони недалеко падает»

200

Коран, VII, 179

201

Барбат – струнный щипковый инструмент, европейский барбитон

202

Арганун – (арабизованная форма греч. «органон»), струнный музыкальный инструмент

203

Барбед – придворный музыкант Сасанидского шаха Хосрова Парвиза. В литературе стал олицетворением исполнителя-виртуоза

204

Накиса – арфист Сасанидского шаха Хосрова Парвиза, чье виртуозное исполнение считалось пределом совершенства

205

Аджам – арабское собирательное название завоеванных стран, населенных неарабами. В персидской литературе этим словом обычно называют Иран.

206

Рубаб – струнный смычковый музыкальный инструмент древнего индоиранского происхождения, на котором играли лукообразным смычком.

207

Кеманча – струнный смычковый музыкальный инструмент с деревянным круглым корпусом

208

Комуз – струнный музыкальный инструмент

209

Хусравани – название одного из ладов иранской музыки.

210

Согласно мусульманским представлениям, все планеты и небесные светила закреплены на твердых небесных сферах, окружающих Землю: Луна – в первой сфере, Утарид (Меркурий) – во второй, Зухра, или Нахид (Венера), – в третьей, Солнце – в четвертой, Бахрам (Марс) – в пятой, Бурджис, или Муштари (Юпитер), – в шестой, Кейван, или Зухал (Сатурн), – в седьмой. В восьмой и девятой сферах находятся рай, небожители и Небесный трон

211

Утарид – арабское название планеты Меркурий, которую арабские астрологи считали «небесным письмоводителем». В литературе символизирует человека, владеющего хорошим слогом, овладевшего мастерством составления писем и посланий.

212

Коран, LIX, 59

213

Бахрам – персидское название планеты Марс, а также имя зороастрийского бога-победы, который персонифицируется в образе планеты Марса.

214

Ночь определений» – 27-я ночь мусульманского месяца рамадан, в которую Мухаммаду был ниспослан Коран; считается священной

215

Каф – мифическая горная цепь, окружающая, по кораническому преданию, земную твердь. Горы эти якобы сложены из изумрудов, самая высокая вершина их – вулкан Каф. С ним, по поверью, связаны все горы на земле, от прикосновения Аллаха к вершине Каф происходят землетрясения. По преданию, за горой Каф обитают страшные народы Яджудж и Маджудж, которые каждую ночь лижут гору своими языками, подобными напильникам, но днем гора вырастает вновь, и эти народы не могут прорваться на землю. Делу помог также Александр Македонский, окруживший горы Каф стеной, столь крепкой и гладкой, что ее нельзя ни разрушить, ни перелезть через нее. С горой Каф связано множество других легенд, и, по некоторым из них, там находятся сказочные страны, населенные чудесными существами, дивами и пери.

216

В мусульманских странах основы музыкальной теории распространялись обычно изустно, передавались от мастера к ученикам. Однако существовали и теоретические разработки и попытки создания нотной записи, но последние не получили общего признания. Обнаруженные записи музыки пока не дешифрованы, так что восстановить подлинное звучание древних ладов трудно

217

Фарс – область на юго-западе Ирана, колыбель древнего персидского государства. От этого названия и происходит слово «персы» (древние греки называли Фарс «Парса»)

218

Имеются в виду четыре первоэлемента античной и средневековой философии: земля, вода, воздух, огонь

219

По-персидски парде означает также «завеса»; здесь обыгрывается двойное значение слова

220

Автор не совсем точно излагает систему ладов (парде) классической персидской музыки. Первоначально она состояла из двенадцати следующих ладов: нова, раст, хусейни, раху, ирак, хиджаз, зангуле, бу-сулайк, ушшак, сипахан, бузург, зирафкан. В дальнейшем к ним добавились новые «смешанные» лады, образовавшие новую систему из двадцати четырех ладов. В нее и входит названный здесь нахаванди, возникший из синтеза ушшак и зангуле. Такими же вторичными ладами являются названные в книге хусравани, абришум

221

Кункус – феникс, сказочная птица, которая, сгорев, возрождается из пепла

222

Рам – (от санскритского Рама) – царь, главный герой санскритского эпоса «Рамаяна», совершивший множество чудесных подвигов.

223

Сита – супруга Рама, главного героя «Рамаяны» – санскритского эпоса.

224

Согласно представлениям, сложившимся в персидской литературе, бутон розы раскрывается под воздействием утреннего ветерка. Этот образ стал традиционным для персидской поэзии

225

Раг – искаженное санскритское рага, подобие лада в индийской теории музыки (точнее, начальная мелодическая идея, развертывающаяся горизонтально, выявляя при этом заложенное в ней эстетическое начало)

226

Автор искажает название индийских музыкальных терминов, приспособивая их к персидскому произношению. Так, например, термин индийской музыки рага он передает в форме раг. Издателю персидского текста не удалось даже дешифровать произношение многих названий индийских ладов

227

Чин – в персидской литературе название Китайского Туркестана, а также и всего Китая. В персидской поэзии традиционно восхваляются красавицы Чина, а также мастерство его живописцев.

228

Коран, И, 30

229

Коран, LXXVIII, 9.

230

Под «кознями краба»– имеется в виду способность его пятиться назад или ловко передвигаться боком – это, как и другие перечисленные свойства обитателей вод, автор наивно считает «противоестественными», но вместе с тем – непреодолимыми

231

Хаджиб – первоначально слуга, приставленный к занавесу, отделяющему царский трон от приемного зала, затем придворный, ведающий приемом просителей. На эту должность назначались особо доверенные люди.

232

Коран, XXVII, 19

233

Коран, XXVII, 20

234

Там же

235

Ратль – мера жидких и сыпучих тел, равная примерно 450 г.

236

Коран, LX, 1

237

Коран, ХСVI, 6 – 7

238

Ал-Джами' ас-сагир, I, с. 78

239

Под «красавицей» подразумевается солнце, которому еще не пришло время восхода

240

Коран, ХХV, 23

241

Асия – по коранической традиции супруга Фараона, правителя Египта, которая считается одной из четырех «совершенных жен мира». Она покровительствовала Муме, когда он воспитывался в доме Фараона. Асия отвергала Фараона и его тиранию.

242

Мифтах ан-наджат, с. 308

243

Рисалат ал-алиййа, с. 297

244

Коран, II, 268

245

Коран, II, 268

246

«Диван» Али с. 4

247

Кашф ал-хакаик, с. 183

248

Ризван – по Корану, страж у райских ворот

249

Бахрам Гур – популярный герой иранских сказаний и легенд, отважный витязь и женолюб, прообразом которого был Сасанидский царь Варахран V (420–438), который, однако, имел с ним мало общего. Исследователи полагают, что в легендарном Бахрам Гуре воплотились некоторые черты небесного Бахрама.

250

Джамшид – легендарный царь древних иранских сказаний (его имя приводится уже в Авесте в форме Йима), в правление которого на земле царил золотой век: люди не знали болезней, не умирали, жили счастливо. Джамшид владел волшебной чашей, в которой мог наблюдать все, что творится на земле, и даже предвидеть грядущее. Возгордившись, он пожелал, чтобы ему воздали божеские почести. Приближенные и подданные отвернулись от Джамшида, покинули страну и призвали на царство арабского царевича Заххака, который изгнал Джамшида из Ирана, захватил его в плен и распилил надвое. В литературе Джамшид символизирует как могущественного властелина, так и правителя, из-за гордыни лишившегося власти.

251

Сарханг – в средние века член личной гвардии царя; военный чин с полицейскими функциями

252

Коран, II, 195

253

Ханафиты – последователи ханафитского толка. Мусульмане Индии относятся к ханафитскому мазхабу.

254

Хадис – см– ал-Джами ас-сагир, I, с. 250

255

Коран, LXI, 2-3

256

Зекат – одно из основополагающих правил исламского жизненного кодекса, благотворительный налог, составляющий определенную долю с имущества или дохода.

257

Макарим ал-ахлак, с. 145

258

Согласно представлениям, сложившимся в персидской литературе, бутон розы раскрывается под воздействием утреннего ветерка. Этот образ стал традиционным для персидской поэзии.

259

Коран, II, 216

260

Калили и Димна, с.174

261

Имеется в виду Махаммад

262

В этом рассказе явно ощущается влияние индийских идей о переселении душ. В огромном репертуаре арабских и персидских сказок лишь немногие сохраняют этот мотив – ведь ислам категорически отвергает идею о переселении душ.

263

Калила и Димна, с.78

264

Забулистан – название области в Юго-Восточном Иране

265

Коран, XXXI, 19

266

Никфал – букв. означает «Доброе предзнаменование»

267

Коран, II, 30

268

Коран, XVII, 70

269

Имран – согласно Корану, это имя носят два лица: 1) отец пророков муссы (Моисея) и Харуна (Аарона); 2) отец Марьям

270

Коран, VIII, 28

271

Карун – библейский Корей, надменный и жестокий богач. По коранической легенде, пророк Мусса по воле Аллаха приказал земле проглотить Куруна вместе с его золотыми дворцами, сокровищницами и приспешниками.

272

По коранической традиции, «белая рука» и посох – символы волшебной силы пророка Муссы, ниспосланные ему Аллахом. С их помощью он посрамил колдунов Фараона, олицетворение языческой магии

273

Имеется в виду Муса

274

По представлениям, сложившимся в персидской литературе, жемчужина образуется из капли воды, попавшей в раковину

275

Коран, LV, 60

276

Анка – (араб.) – волшебная птица, обитающая, по преданию, на краю света. Анка недоступна взору

смертных, поэтому в литературе она часто символизирует нечто редкостное, недостижимое.

277

Мадаин – арабское название города Ктесифон, столицы Сасанидского шаха. Сасаниды правили Ираном с 226 г.н. э. до завоевания его арабами.

278

Зунар – (от греч. зоннарион – «пояс») – полоса из грубой яркой шерсти, которой в средние века в мусульманских странах обязаны были повязываться иноверцы. По Корану, его следовало вешать на шею

279

Сарандиб – арабское название острова Цейлон. По мусульманским преданиям, на Сарандиб попали из рая Адам и Ева

280

Коран, XX, 130.

281

«Когда Аллах захочет...» – Амсал ва хикам, с.89

282

Имеются в виду семь «эфесских отроков». Согласно преданию, во время правления римского императора Диоклетиана семь отроков с собакой скрылись в пещере от гонения на христиан и пребывали там длительное время.

283

Коран, XVI, 58

284

Арафат – название горы, расположенной в 12 милях от Мекки. Около Арафата останавливаются на девятый день паломничества прибывшие совершить хадж. Здесь же они совершают полуденный и вечерний намазы.

285

Хаддж – паломничество в Мекку, к мусульманским святыням, одна из религиозных обязанностей мусульман. От паломничества освобождались по бедности, в случае болезни и по другим «уважительным причинам»

286

Зубейда – любимая жена халифа Харуна ар-Рашида, приходившаяся ему двоюродной сестрой.

287

Мункар и Накир – ангелы, которые, по поверью, допрашивают покойников после смерти и мучают их, если те повинны в греховных поступках.

288

Ал-Джами' ас-сагир, II, с. 220.

289

Коран, IV, 28

290

Коран, XI, 114.

291

Сумнат – город в Северо-Западной Индии, знаменитый своим храмом. Был взят и разрушен Махмудом Газневидом.

292

Тар – пятиструнный музыкальный инструмент, на котором играют при помощи медиатора. Деревянный корпус обтянут тонким сафьяном.

293

Мусикар – род фоейты, а также название певчей птицы.

294

Коран, IX, 82

295

Ахлак-и Мухташами, с.232

296

Традиционное для персидской литературы сравнение маленького ротика красавицы с бутоном розы развивается (тоже традиционно) в образ бутона, раскрывающего в улыбке уста; розовую воду готовят из распускающихся роз. Намек на непорочное зачатие Девы Марии

297

Коран, XII, 20

298

Коран, XII, 20

299

Азра – возлюбленная Вамика, героиня старинной персидской легенды, существовавшей еще в древнем Иране. Сюжет сказания, очевидно, был заимствован из греческих источников. Однако оригинал сказания на пехлеви и ранние обработки на персидском языке не сохранились. Любовь Вамика и Азры, красота их вошли в литературную традицию

300

Билкис – в арабской, персидской и других литературах – царица Савская, возлюбленная царя Соломона.

301

Ирем – по кораническому преданию, прекрасные сады и дворцы, возведенные Шаддадом, правителем Южной Аравии, вознамерившимся создать рай на земле. Ирем был разрушен Аллахом, но название его стало символом роскошных, пышных садов.

302

Под Солнцем здесь подразумевается невеста, под Луной – жених.

303

Коран, XII, 19

304

Коран, XXXI.

305

Иблис – по кораническому преданию, Иблис был единственный из ангелов, который не пожелал поклониться созданному Аллахом Адаму, за что и был проклят.

306

Коран, XLIX, 12

307

Коран, V, 45

308

Гуль – злой дух, оборотень, обитающий в горах и пустынях, гули заманивают в свои обиталища путешественников и пожирают их.

309

Коран, XXIV, 26

310

Здесь «старец из Ханаана Якуб, «сын» – Юсуф

311

Ханаан – первоначальное название области, расположенной между р. Иордан и Средиземным морем; в дальнейшем так стали называть всю Палестину. В литературе Ханаан символизировал цветущую благоустроенную страну.

312

Тарджума-и тарих-и Йамини, с.52.

313

Коран, V, 99.

314

Гебр – название, которым иранские мусульмане обозначали своих соотечественников-зороастрийцев, т. е. последователей доисламской религии Ирана (в устах мусульманина это слово имеет бранное значение).

315

В рукописи и в издании текста лакуна на два листа (т. е. четыре страницы), выпали конец двадцать шестой ночи, вся двадцать седьмая ночь и начало двадцать восьмой ночи

316

Коран, XIV, 24

317

Коран, LXXIV, 38

318

Коран, XII, 76.

319

Приведены стихи Абу Таммама (806–845) – известного арабского поэта.

320

Рух – сказочная птица огромных размеров, часто фигурирующая в арабских сказках.

321

Образы этого отрывка используют кораническую (восходящую к библейской) легенду о рождении муссы и спасении его дочерью Фараона

322

Манихейцы, манихеи – последователи Мани.

323

Коран, XXXI, 19.

324

Нух – библейский Ной.

325

Пророк Хизр приходил на помощь путникам, когда они сбивались с пути или гибли от жажды, т. е. в минуту смертельной опасности. Смысл образа таков: приход героини доставил столько же радости, сколько доставляет Хизр своим появлением перед гибнущим путником

326

Коран, XLI, 46.

327

Согласно восточным поверьям, возле клада всегда сидит змея, охраняющая его.

328

«Йа-Син» – название 36-й суры Корана, которая считается богословами одной из самых важных.

329

Коран, XXI, 87

330

Коран, LXXIX, 40–41.

331

Коран, IV, 93

332

Коран, XII, 92

333

Лейли – героиня популярного на Востоке арабского предания о любви Кайса и Лейли, разлученных родителями. Влюбленный Кайс теряет от любви разум, и его начинают звать Маджнуном, т. е. «безумным». По некоторым версиям легенды, Лейли была некрасивой, но Маджнуну казалась прекраснее всех. Выданная замуж за нелюбимого, она продолжала хранить верность Маджнуну.

334

Вамик и Азра – легендарные влюбленные, любовь которых окончилась трагически. Азра часто упоминается в литературе как образец красоты. Сюжет предания восходит к пехлевийской литературе, однако пехлевийская запись утрачена. В литературе на новоперсидском языке история Вамика и Азры была обработана поэтом Унсури (ум. в 1040 г.), а затем (в 1049 г.) поэтом Фасихи из Джурджана. На этот сюжет написаны также поэмы турецкими поэтами Бихишти (XV в.) и Ламеи (XVI в.).

335

Коран, XXXIV, 12

336

Коран, XVIII, 46

337

Коран, VIII, 28

338

Коран, XVI, 91

339

««Будь» – и оно возникает...» – Коран, XXXVI, 82

340

Согласно Корану, когда Мусса (библейский Моисей) стал претендовать на пророческую миссию и потребовал от Фараона обратиться в новую веру, тот созвал колдунов со всего Египта и велел им показать перед Мусой всякие чудеса и посрамить его. Но именно Мусса вышел победителем в состязании, посрамяв язычников с помощью Аллаха.

341

Бабил – город Вавилон, в коранической традиции выступающий как средоточие чародеев и кудесников.

342

Двустисье из «Введения» к «Гулистану» Саади (XIII).

343

Лотос – по Корану дерево, которое растет на седьмом небе.

344

Хатиб – проповедник в мечети, читающий «Хутбу» – моление о царствующем доме. Во время молитвы хатиб облачался в одежды цвета, принятого царствующей династией. Официальным цветом, принятым халифами из династии Аббасидов (750-1258) считавшимся до XII в. носителями верховной власти, был черный.

345

Зуннар – отличительный знак христианина или иудея в мусульманских странах, однако в Индии его, носили, очевидно, и представители других религий.

346

Лак – старинная мера счета, сто тысяч

347

По мусульманским поверьям, источник живой воды расположен в царстве вечного мрака. Здесь гиперболическое описание уст красавицы подразумевает, что они были столь животворны, что могли посрамить чудодейственную живую воду.

348

Лукман – мудрец, упоминаемый в Коране; ему приписываются различные мудрые изречения

349

Марьям – арабская форма имени Мария, связываемого, прежде всего с Девой Марией. В исламе признаются все библейские пророки, в том числе и Иисус Христос. Марьям также почитается в исламе. В литературе служит символом для обозначения чистоты и святости

350

Рисалат ал-Кушайрийя, с.528.

351

«Торопитесь к добрым деяниям» – выражение из азана, формулы, которой мусульман созывают на молитву.

352

Подразумевается Солнце

353

Дара – Дарий III Кодоман (336–330 гг. до н. э.), древнеперсидский царь, побежденный Александром Македонским. В персидской литературе Дара – символ благородства и могущества

354

Хутталь, Хутталян – название области на Памире. В средние века славились хутталянские кони.

355

По мусульманским поверьям, звери и птицы кроме криков владеют еще и неким «тайным языком», доступным также некоторым избранным людям.

356

Как уже объяснялось, согласно мусульманским поверьям, клад всегда охраняется змеей, следовательно, кладоискатель подвергается опасности быть укушенным змеей.

357

Бу-Кубайс – название горы восточнее Мекки, возвышающейся над Мекканским храмом.

358

Хаттибы – носили черные одежды; у Аббасидов – знамя было черного цвета.

359

Ал-Джами' ас-сагир, И, с.146.

360

Рум – распространенное в мусульманских источниках название Византии; отсюда румийцы – жители Византии, которые зачастую олицетворяли собой европейцев, «белолицых» по сравнению со смуглыми жителями Востока.

361

Асаф – имя легендарного везира царя Сулеймана

362

Бузурджмехр – имя везира Хосрова Анушривана, в персидской литературе – символ мудрого советника властелина.

363

Сохраб – в «Шах-наме» Фирдоуси – сын главного героя, Рустама, погибающий неузнанный от руки отца. Уже нанеся смертельный удар, Рустам догадывается, что перед ним сын, пытается добыть для него животворное снадобье – но тщетно.

364

Коран, XLII, 27.

365

Имеется в виду опьянение

366

Имеется в виду вино.

367

Сравнение стройного, прямого стана с копьем влечет за собой образ распространенной рыцарской игры, когда всадник на скаку должен был сорвать копьем кольцо с шеста.

368

Коран, XXXVII, 112

369

Калила и Димна, с.7

370

Калила и Димна, с.17

371

Коран, II, 216

372

Коран, XVII, 23

373

Там же

374

Балх – название города и области, входивших в средние века в состав Ирана (ныне на территории Афганистана)

375

Хадис, см.: Венсинк IV, 10.

376

Традиционное обозначение пророка Мухаммада в исламе

377

Хадис, см. ал-Джами' ас-сагир, II, с.313.

378

Чигиль – старинный город в Туркестане, женщины которого славились красотой.

379

Руд – струнный музыкальный инструмент

380

Мизмар – разновидность тростниковой флейты.

381

Радва – горная цепь на юго-востоке Аравии

382

Немрод – имя правителя Халдеи, враждовавшего с пророком Ибрахимом. В литературе символизирует могущественного и несправедливого жестокого тирана.

383

Коран, CVI, 3.

384

Коран, XVII,81

385

Хадис, см.: Венсинк, II, с.304

386

Тарджума-йи адаб ал-ваджиз, с.541.

387

«Машир ал-хикаят» – сборник под таким названием в персидской литературе не сохранился.

388

Шаддад – легендарный царь-деспот Южной Аравии, велевший возвести дворцы и разбить сады Ирем, которые, по его мнению, должны были затмить райские сады и чертоги. Однако бог, разгневанный гордыней Шаддада, разрушил его дворцы и убил царя, прежде чем тот успел вступить в свои прекрасные сады. Образ Шаддада – символ высокомерия и бунтарства по отношению к богу.

389

Ад – упоминаемый в Коране народ, который якобы был уничтожен за то, что не признал посланца Аллаха.

390

Коран, LXXXIX, 6–7.

391

Сочетание двух распространенных образов: ротик красавицы, по средневековым представлениям, должен быть таким маленьким, что его и не заметишь сразу; гурии же – прекрасные райские девы, убажжающие обитателей рая, доступны лишь праведникам, которые в этот рай попадут.

392

Джахилийя – букв. «невежество» (араб.), обозначение в мусульманских литературах доисламского периода в истории Аравийского полуострова

393

Маджнун – юноша по имени Кайс из арабского племени Бану Амир, который еще ребенком влюбился в девочку Лейли. Любовь эта превратилась во всепоглощающую страсть, граничащую с безумием, и юношу прозвали Маджнун (араб, «одержимый»). Арабская легенда о несчастной любви Маджнуна и Лейли впоследствии послужила сюжетом для многих романтических поэм в персидской и других литературах, а сами имена Маджнуна и Лейли стали символами влюбленных.

394

Мерв – один из древнейших городов Средней Азии, руины его расположены на правом берегу р. Мургаб, в 30 км. от современного г. Мары (Туркмен ССР).

395

Хадис, см. ал-Джами' ас-сагир, II, с.207

396

Ср. Коран, XXI, 16; HLIV/

397

Харири. Макамат, с.11

398

Амсал ва хикам, с.264

399

Калила и Димна, с.294.

400

Коран, II, 194

401

Калила и Димна, с.100; Амсал ва хикам, с.584; Ахадис-и маснави, с.38; у Венсинка этого хадиса нет.

402

Коран, VI, 160.

403

Коран, XCIV, 5,6.

404

Это изречение приписывается халифу Али (см. Ахлак-и Мухташами, с.192; Амсал ва хикам, с.1100)

405

Харвар – букв. «вьюк осла», мера веса, колеблющаяся в зависимости от местности. Иногда достигает трехсот кг.

406

Майдани. Маджма' ал-амсал, I, 170.

407

Ал-Джами' ас-сагир, I, с.72

408

Хаварнак – дворец, построенный в Хирском царстве для юного Бахрам Гура.

409

Садир – дворец в Хирском царстве, неподалеку от Хаварнака (см.), воздвигнутый царем Нуманом (592–614).

410

Мобед – жрец зороастрийской религии, которая была принята в Иране до распространения ислама. В персидской поэзии имеет также значение мудреца, хранителя древних сказаний.